

ДЕТНИКОВА
ПРОТНВ

ПРОТИВ ДЕНИКИНА

*Сборник
воспоминаний*

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1068

*Составитель и научный редактор —
кандидат исторических наук А. П. АЛЕКСАНДРЕНКО*

Советские люди выражают чувства глубокого уважения и благодарности борцам за победу революции, за победу социализма. Для нашего народа всегда будет священна память большевиков-ленинцев, героев социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн.

50 лет Великой Октябрьской социалистической революции.
Тезисы ЦК КПСС.

1

Опираясь на труды Маркса и Энгельса и опыт революционно-освободительного движения, В. И. Ленин еще до Октября начал разрабатывать важнейшие проблемы гражданской войны. Возникали и рассматривались они, эти проблемы, в связи с развитием теории социалистической революции и практики революционного движения. Причем Ленин, партия всегда подчеркивали, что гражданская война является проявлением одной из форм революции.

В статье «Начало революции в России», написанной 25 января 1905 года, Владимир Ильич отмечал, что царское правительство, боясь народа, расстреляло мирную демонстрацию, начав тем самым гражданскую войну против него. В работе «План петербургского сражения», опубликованной 31 января того же года, он писал: «Правительство нарочно довело до восстания пролетариат, вызвав баррикады избиением безоружных, чтобы подавить это восстание в море крови»¹. И далее: «Революция есть война. Это — единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история»².

В «Предисловии к брошюре «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина» В. И. Ленин снова обращается к этому вопросу. Царское правительство, подчеркивает он, потеряв возможность мирно управлять страной, перешло к организации гражданской войны против народа. «Оно начинает гражданскую войну. Тем

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 212.

² Там же.

лучше. Мы тоже стоим за гражданскую войну»¹. А в работе «Новый подъем» Владимир Ильич рассматривает вопрос об особенностях гражданской войны, которая «отличается от обыкновенной войны неизмеримо большей сложностью, неопределенностью и неопределимостью состава борющихся — в силу переходов из одного лагеря в другой (то октябристы уйдут на сторону правительства, то часть войска уйдет на сторону народа), в силу невозможности провести грань между «комбатантами» и «некомбатантами», т. е. между числящимися в рядах воюющих и нечислящимися»².

Большое значение имеет ленинская статья «Партизанская война», в которой говорится, в частности, что любая форма партизанской войны играла и всегда будет играть лишь вспомогательную роль по отношению к другим формам вооруженной борьбы. В этой же статье высказывается мысль, что социал-демократы могут и должны возглавить гражданскую войну как непосредственно, так и с помощью различных революционных организаций.

Несколько позже, в период первой мировой войны, в ряде своих трудов («Война и российская социал-демократия», «Положение и задачи социалистического интернационала» и другие) В. И. Ленин пишет о возможности и необходимости борьбы за превращение войны империалистической в войну гражданскую, то есть революцию. Так, в его статье «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)» говорится, что гражданская война для трудящихся — единственно правильный выход из мировой войны и что в условиях России она может быть только борьбой за социализм, что революционная гражданская война, организуемая и вводимая трудящимися массами против эксплуататоров, является демократической, прогрессивной. И первой задачей ее должна быть экспроприация банков, фабрик, железных дорог, крупных сельскохозяйственных имений и т. д., а равно и «уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление ее войска»³.

В той же статье высказано весьма важное положение о том, что пролетариат в гражданской войне против буржуазии будет «соединять и сливать народы не силой руб-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 334.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 72—73.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 73.

ли, не силой дубья, не насилуем, а добровольным соглашением, солидарностью...»¹.

В знаменитой работе «Военная программа пролетарской революции» В. И. Ленин выступил против тех социалистов, которые вместо борьбы за превращение империалистической войны в войну гражданскую проповедовали пацифистскую идею разоружения. Социалисты не могут быть против всякой войны, подчеркивал он. Они «никогда не были и никогда не могут быть противниками революционных войн»², ибо такие войны «во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы. Все великие революции подтверждают это»³.

Далее в этом произведении говорится о гражданских войнах, возникающих из революции и сопровождающих ее. «Отрицать гражданские войны или забывать о них — значило бы впасть в крайний оппортунизм и отречься от социалистической революции»⁴.

Владимир Ильич выдвинул положение о возможности победы социалистической революции и социализма первоначально в одной или в нескольких странах, тогда как остальные страны «в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»⁵. Это, писал он, «должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой. Это была бы война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии»⁶.

Войны станут невозможными лишь после того, как буржуазия будет свергнута во всем мире, учил В. И. Ленин. Поэтому «просто глупо отрицать «защиту отечества» со стороны угнетенных народов в их войне против империалистских великих держав или со стороны победившего пролетариата в его войне против какого-нибудь Галифе буржуазного государства»⁷.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 73—74.

² Там же, стр. 131.

³ Там же, стр. 133.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 134.

С февраля по октябрь 1917 года эти проблемы получают дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина. В Февральской буржуазно-демократической революции Ленин видел начало превращения войны империалистической в «войну трудящихся и угнетенных против своих угнетателей, против царей и королей, против помещиков и капиталистов, войну за полное освобождение человечества от войн, от нищеты масс, от угнетения человека человеком»¹.

В работе «Русская революция и гражданская война» Владимир Ильич дал классическое определение гражданской войны. Он писал, что «гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса»².

Здесь же Владимир Ильич отмечал, что с февраля по сентябрь в стране ярко проявлялись зачатки двух видов гражданской войны: революционной (со стороны народа против буржуазии и помещиков) и контрреволюционной (со стороны буржуазии и помещиков против народных масс). «За пережитые полгода нашей революции мы пережили 20—21 апреля и 3—4 июля очень сильные стихийные взрывы, вплотную подходившие к началу гражданской войны со стороны пролетариата. А корниловское восстание представляло из себя поддержанный помещиками и капиталистами, с партией к.-д. во главе, военный заговор, приведший уже к фактическому началу гражданской войны со стороны буржуазии»³.

Изучая опыт развития революции, В. И. Ленин сделал весьма важные выводы о том, что зачатки гражданской войны, имевшие место незадолго до Октября, показали, что такая война со стороны пролетариата «обнаружила силу, сознательность, почвенность, рост и упорство движения. Начало гражданской войны со стороны буржуазии никакой силы, никакой сознательности масс, никакой почвенности, никаких шансов на победу не обнаружило»⁴.

С гениальной прозорливостью указал В. И. Ленин на

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 67.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 215.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 221.

рестановку классовых сил в предстоящей революции и неизбежность гражданской войны против народа со стороны внутренней контрреволюции, поддержанной международным империализмом. Идя к Октябрю, рабочий класс во главе с большевистской партией ясно представлял взаимосвязь вопросов революции и гражданской войны, что имело огромное значение для победы социалистической революции, для организации отпора свергнутым классам.

2

Октябрьскую социалистическую революцию обычно называют относительно мирной. При этом имеют в виду то, что в подавляющем большинстве городов и районов страны Советы пришли к власти мирным путем и сравнительно мирными путями проводили первые государственно-политические, экономические и другие преобразования.

Однако при всем том социалистическая революция началась гражданской войной — Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде, которое было поддержано повсеместными выступлениями (в Москве, Киеве, Виннице, Воронеже, Казани и других городах с помощью оружия, в иных местах, в их было подавляющее большинство, — мирным путем) трудящихся, поднявшихся под руководством большевиков на борьбу за ликвидацию местных органов свергнутого Временного правительства, установление Советской власти и проведение в жизнь социалистических преобразований.

Столь традиционный успех революции объясняется как ее исторической закономерностью, зрелостью и подготовленностью, так и результатом быстрой и решительной победы Октябрьского вооруженного восстания в двух столицах — центрах всей политической, военной и экономической жизни России. Весьма важное значение в этой победе имело и то, говорил В. И. Ленин на VII съезде партии, что в стране была готовая форма народной власти в лице большевизированных Советов, имелся большой политический опыт борьбы трудящихся масс за Советы, работы в них и связанных с ними других революционных организациях. Не будь этого, указывал В. И. Ленин, Советы «ни в каком случае... не могли бы взять власть в октябре»¹. Немаловажную роль сыграли также дезорга-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 6.

низация революционным движением буржуазии, помещиков и верхов буржуазно-помещичьей военщины, завоевание большевиками на сторону революции армии и флота (в частности, на Северном и Западном фронтах, в Финляндии и на Балтике) и, наконец, дискредитация в глазах народных масс политики и практики правых эсеров и меньшевиков, разделявших власть с буржуазией в свергнутом Временном правительстве.

К середине февраля 1918 года закончился период оформления советской государственности в Республику Советов. Этот период В. И. Ленин назвал триумфальным шествием Советской власти. Под триумфальным шествием следует понимать не только быстрое и повсеместное установление новой власти, но и осуществление первых революционных преобразований в стране, выход Советской России на международную арену. Наиболее полное определение триумфального шествия дано в ленинской статье «Главная задача наших дней», опубликованной в марте 1918 года. Ко времени триумфального шествия Советской власти В. И. Ленин относит и начало гражданской войны, предпринятой свергнутыми классами, а также связанного с ней вмешательства в наши дела (в первые дни в полуприкрытых формах) иностранных империалистов и их правительств.

Ильич неоднократно указывал, что рабочий класс и трудовое крестьянство, взяв власть и образовав Советское государство, сделали все, чтобы как можно скорее выйти из мировой войны, избежать развития гражданской войны и интервенции. И все же нам навязали и то и другое с первых же дней Октября. Правда, до лета 1918 года гражданская война не определяла еще общего положения страны: на первом плане стояла созидательная работа. Однако наличие очагов военных действий со стороны внутренней контрреволюции, а с начала 1918 года и открытые выступления интервентов тормозили преобразовательную деятельность трудящихся.

Нашествие войск Германии, а затем и стран Антанты нарушило мирную передышку, и с лета 1918 года Советская республика вступила, как говорил В. И. Ленин, в длительную полосу обостренной гражданской войны и военной интервенции.

В роли поджигателей, организаторов и руководителей антисоветской гражданской войны выступила самая ак-

тивная и наиболее уцелевшая после революции буржуазная партия кадетов, а ее ЦК стал политическим штабом всероссийских сил контрреволюции. Не случайно кадеты составляли решающее большинство в правительствах Колчака и Деникина, Миллера и Юденича. В лагере националистических сил контрреволюции, как, например, в Украинской Центральной раде, у гетмана Скоропадского и в Директории, в Закавказском комиссариате и сейме, в Грузинской меньшевистской республике и других контрреволюционных государственных образованиях также прямо или косвенно главную роль играли национал-кадеты, находившиеся в тех или иных связях со всероссийской партией кадетов.

Справа к кадетам примыкали буржуазно-октябристские и монархические организации и группы. Слева так или иначе их поддерживали правые эсеры и эсеры центра, меньшевики и некоторые другие мелкобуржуазные националистические партии и группы.

В начале гражданской войны мелкобуржуазные партии, особенно меньшевики и эсеры, не раз служили мостом для прихода к власти кадетов и других реакционных буржуазно-помещичьих кругов. После же установления военно-буржуазной диктатуры типа колчаковщины или дененищины они обычно прикрывали такие режимы ширмой буржуазной демократии.

До февральской военной интервенции Германии и ее союзников за спиной всех внутренних сил контрреволюции стояли империалисты США, Англии, Франции и отчасти Японии. В то же самое время кадеты (в лице Миллюкова и его сообщников) и некоторые буржуазные националисты Латвии, Эстонии, Украины, Крыма и Закавказья вели тайные переговоры с австро-германскими и даже турецкими империалистами об оказании помощи в гражданской войне против Советской власти. Однако это тогда не имело еще особого влияния на ход событий в России.

Иное положение сложилось, когда Германия и ее союзники, воспользовавшись тем, что Троцкий сорвал брест-литовские переговоры, захватили Прибалтику, большую часть Белоруссии и по договору с Центральной радой весной развернули интервенцию и гражданскую войну на Украине, в апреле — мае 1918 года — на Дону и в Крыму, а в июне — в Закавказье. С тех пор значительные силы внутренней контрреволюции оккупированных районов,

прежде всего националисты, начинают ориентироваться на Германию и ее союзников.

Некоторое разъединение внутренних сил контрреволюции, по существу, не мешало ее главарям вступать как бы в негласные соглашения для совместной борьбы против Советской власти. Основу военных сил вражеского лагеря составляли верхи буржуазно-помещичьей военщины, а социальную их базу — зажиточные слои казачества, кулачество, некоторая часть мелкой буржуазии городов и местечек, реакционные круги интеллигенции. Эта база служила также источником формирования военно-полицейского и государственного аппарата.

3

С осени 1918 года деникинщина представляла не только ударную силу контрреволюции на Юге страны, но и одну из наиболее мощных опор всероссийской реакции. Борьба с нею на решающем этапе всей гражданской войны (во второй половине 1919 года) развертывалась и проходила, по определению В. И. Ленина, в «самый критический момент социалистической революции»¹.

А. И. Деникин — генерал-лейтенант царской армии, во время первой мировой войны вначале командовал дивизией, после Февральской революции занимал пост помощника начальника штаба верховного главнокомандующего, потом возглавлял Западный и Юго-Западный фронты. Оказывал активную поддержку корниловскому мятежу. Вместе с Лукомским, Романовским, Марковым, Эрделли и другими генералами, заявившими о своей солидарности с Корниловым, Деникин был арестован Временным правительством и посажен в быховскую тюрьму. Однако 19 ноября 1917 года по приказанию исполнявшего обязанности главнокомандующего генерала Духопина всех этих матерых врагов Советской власти освободили, и, пробравшись на Дон, они встали у руководства южной контрреволюцией.

После гибели Корнилова (март 1918 года) и смерти генерала Алексева (сентябрь 1918 года) главари внутренней контрреволюции и империалисты Антанты решили, что Деникин является наиболее подходящей кандида-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 44.

турой на пост командующего так называемой Добровольческой армией. Генерала Краснова, рассматривавшего область Войска Донского как самостоятельное государство, Антанта обязала подчинить Донскую армию Деникину.

Краснов, ориентировавшийся на немцев, ушел в отставку, а Деникин с января 1919 года встал во главе всех антисоветских сил Юга России. Этот факт следует рассматривать не как простую смену лиц, а как новый поворот в развитии внутренней реакции: над сословно-казачьей контрреволюцией Дона, Кубани и Терека с ее сепаратистскими устремлениями встала буржуазно-помещичья диктатура с реставраторской программой «единой и неделимой России».

Правительство Деникина, носившее название Особого совещания, опиралось на всестороннюю помощь и поддержку крупнейших империалистических государств мира, прежде всего США, Англии, Франции. Его ударной силой являлась Добровольческая армия с очень большой прослойкой офицерского состава, бежавшего в свое время из центра на Юг страны.

Режим, установленный империалистами Антанты и российской буржуазно-помещичьей контрреволюцией на территории, захваченной деникинцами, был режимом насилия над миллионными массами трудящихся, режимом восстановления реакционных порядков царской России и дальнейшего закабаления государства иностранными империалистами. Великим завоеванием Октября угрожала смертельная опасность. Поэтому в июле 1919 года, когда гражданская война достигла наивысшего напряжения, Коммунистическая партия бросила клич: «Все на борьбу с Деникиным!»

Весьма важное значение для понимания событий, связанных с борьбой против деникинщины, имеет правильная периодизация гражданской войны на Юге России и Украине. Сводится она к следующим основным этапам.

Первый этап охватывает конец октября 1917 года — середину апреля 1918 года. На Дону выступают каледицы, на Кубани — реакционные казачьи верхи во главе с войсковой радой. В конце ноября эти выступления поддержали Добровольческая армия Корнилова, украинские буржуазно-националистические круги, националисты Закавказья, а также контрреволюция Дагестана и другие враждебные силы. К исходу февраля 1918 года красно-

гвардейцы, восставшие рабочие, казахи и крестьянские отряды при содействии революционных частей старой армии, матросских отрядов и фронтовых казачьих полков Дона разбили каледицев и нанесли сильное поражение войскам Корнилова. В результате создается Донская Советская республика. Остатки каледицев бегут в глухие задонские станицы. Потрепанная Добровольческая армия с боями пробивается на Кубань. Ее цель — объединиться с войсками Кубанской рады, занять Екатеринодар и превратить Северный Кавказ в опорную базу белого движения, в своеобразный плацдарм для развертывания похода на Москву. Советские войска и повстанческие рабоче-крестьянские отряды Украины наносят решительный удар военным силам Центральной рады, которые бегут под защиту германских интервентов. В январе 1918 года терпят поражение и румынские войска, изгнанные из Бессарабии, а также офицерско-белогвардейские отряды Румынского фронта и молдавские националисты. В течение марта — апреля идет борьба с белогвардейско-казачьими и буржуазно-националистическими отрядами на Северном Кавказе и в Закавказье. В трехдневных апрельских боях под Екатеринодаром революционные войска одерживают победу над Добровольческой армией и частями Кубанской рады. Деникин отступает в глухие станицы за Дон для пополнения сил. Белоказачьи войска Кубанской рады укрываются в горах, совершая набеги на советские районы Кубано-Черноморской республики. На Украине же в марте — апреле 1918 года продолжается ожесточенная война с австро-германскими интервентами и недобитыми войсками Центральной рады. К исходу апреля оккупанты достигают северных районов Донской Советской республики и Крыма, в значительной степени осложнив положение наших войск на южном театре военных действий. Этому способствовали и начавшиеся белоказачьи мятежи.

Второй этап — с апреля по июнь 1918 года. К деникинцам, ориентировавшимся на Антанту, примыкают все контрреволюционные силы Кубани и Терека. Собрание их сопровождается новыми мятежами реакционных верхов донского казачества против Донской Советской республики, а кубанского и терского — против Кубано-Черноморской, а затем Северо-Кавказской Советских Республик.

В середине апреля 1918 года в низовых станицах Дона вспыхнул массовый мятеж, поддержанный каледица-

ми. В ночь на 23 апреля белоказачьи взяли Новочеркасск. В конце апреля немцы ликвидировали Центральную раду и ввели открытую военно-буржуазную диктатуру — гетманское правительство (во главе с бывшим царским генерал-адъютантом Скоропадским), выполнявшее все их требования и поддерживавшее контрреволюционные силы украинских буржуазных националистов.

В некоторых кругах русской буржуазии и ее военщины это вызвало симпатии, возраставшие по мере расширения очагов немецкой интервенции.

2 мая германские войска заняли Таганрог, а 8 мая при содействии белоказачьих и белогвардейского отряда Дроздовского заняли Ростов-на-Дону. Через Батайск интервенты пытались прорваться на Кубань, но были остановлены войсками Северо-Кавказской Советской республики. Во главе белоказачьих сил Дона встал агент немецких империалистов казачий генерал Краснов. Опираясь на помощь интервентов, красновцы к исходу июня создали сравнительно большую армию, с помощью которой захватили значительную часть Дона. Снова собралась с силами Добровольческая армия.

Перед началом второго похода на Кубань Деникин имел до сотни тысяч пистолетов и сабель. Краснов пытался подчинить Добровольческую армию немецким империалистам и совместно с ней развернуть наступление на Воронеж и Царицын. Но Деникин и его генералы воспротивились этому. Они стремились создать прочную базу белого движения на Северном Кавказе, а затем предпринять поход на Москву. Этот отказ объяснялся также и тем, что деникинцы продолжали ориентироваться на Антанту и выжидали ее победы над Германией. Однако это не помогло им через Краснова получать серьезную военную помощь от немецких интервентов, а в начале второго похода предпринять на Кубани совместные операции с красновцами, которые начали разворачивать наступление на Воронеж и Царицын. Немецкие империалисты рассчитывали, что переход Царицына в руки красновцев не только откроет им путь в Среднюю Азию, облегчит проникновение в Афганистан, Иран и Индию, но и позволит объединить всероссийские силы контрреволюции для похода на Москву. В противовес политике германских интервентов Анганта поддерживала Деникина, кубанское и терское казачество.

Третий этап (июль — ноябрь 1918 года) начался наступлением Добровольческой армии на станицы Торговую и Средне-Егорлыкскую. Затем деникинцы повернули в сторону Песчаноконской, Белой Глины и Тихорецкой. Белоказаки Краснова, взяв Великокняжескую и Торговую, устремились на Воронеж и Царицын.

ЦК РКП(б) срочно укрепляет Южный фронт резервами, опытными командными и политическими кадрами и к осени 1918 года подготавливает его для крупных наступательных операций. Несмотря на серьезные недостатки в деятельности Реввоенсовета фронта, работу которого В. И. Ленин подверг резкой критике на VIII съезде партии, красноармейцы, командиры и политработники проявляли здесь массовый героизм и не позволили врагу добиться решительной победы. Под ударами Красной Армии осенью появились первые признаки разложения белоказачьих сил Дона. В начале 1919 года оно захватило и казачью верхушку. В то же время все больше возрастает роль Добровольческой армии и объединившихся вокруг нее белых сил Кубани и Терека. Еще 17 августа, взяв Екатеринодар, деникинцы создали там опорную базу и стали теснить Северо-Кавказскую (11-ю) армию Южного фронта сначала к Ставрополю, Минводам, Грозному, а зимой дальше — к Каспию и в горы Кавказа.

Четвертый этап (ноябрь 1918 года — март 1919 года). Краснов по указанию интервентов и Деникина, которому он был подчинен после поражения Германии в мировой войне, наступает на воронежском направлении против 8-й и 9-й армий Южного фронта. В конце ноября — начале декабря 1918 года в Новороссийске, Одессе, Херсоне, Николаеве и Севастополе высаживаются десанты Антанты.

Если летом и осенью 1918 года главным фронтом Республики являлся Восточный, то теперь, после Постановления ЦК РКП(б) от 26 ноября 1918 года, главным становится Южный фронт. Центр же тяжести борьбы с белыми силами Юга России постепенно перемещается из района Царицына и Воронежа в Донбасс. В начале 1919 года советские войска Южного фронта переходят в решительное наступление. Уже к концу марта Краснов терпит полный крах. Из более чем восьмидесятитысячной армии, действовавшей на фронте, около пятнадцати тысяч солдат и офицеров бежало на Дон. Остальные погибли в боях,

пошли в плен или разбрелись по своим станицам. В тяжелом положении оказалась и Добровольческая армия. И невже она, хотя и отходила под нажимом советских войск, продолжала ожесточенную борьбу. Под прикрытием сил Южного фронта с января начал победоносное наступление и вновь созданный Украинский фронт, которому противостояли австро-германские интервенты, а затем и войска Украинской директории (петлюровцы). К весне 1919 года большая часть Украины была освобождена, а в марте — апреле стал свободным и Крым.

Пятый этап (март — июнь 1919 года). Деникинцы частью сил пытаются прорваться к Волге, чтобы соединиться с колчаковцами для совместного похода на Москву. Однако эти попытки успеха не имели. Не удалось Деникину приостановить наступление советских частей и на донецком направлении. Войска Южного фронта при содействии 2-й армии Украинского фронта повсеместно продолжали теснить деникинцев. Только к середине мая Добровольческая армия смогла перейти в контр наступление, а к исходу июня захватила Харьков и Царицын. Эти ее успехи объяснялись рядом причин. Во-первых, тем, что в марте — апреле было сведено до минимума пополнение Южного фронта боевыми резервами — они отправлялись на борьбу с Колчаком. Во-вторых, непрерывное наступление (с января по апрель) утомило войска, которые к тому же ощущали острый недостаток боеприпасов. И наконец, самое главное: в тылу войск Южного фронта активизировалось антисоветское движение. Вешенское восстание на Дону, в тылу 9-й армии, оторвало с фронта большую часть ее сил; на подавление мятежей Григорьева (май 1919 года), затем Махно тоже были брошены значительные войска; резервы Южного фронта и до тридцати тысяч бойцов и командиров Украинской Красной армии пришлось направить на борьбу с различными националистическими бандами. Рост бандитизма отражал колебания среднего казачества на Дону и среднего крестьянства на Украине, усугубленного некоторыми ошибками местных властей. Именно в этих условиях Деникин сумел выйти на стратегически важный рубеж: Царицын, Балашов, Харьков, Полтава. Отсюда он мог теперь развивать наступление в глубь России.

Шестой этап (июль 1919 года — январь 1920 года). Южный фронт снова стал главным. Первую скрипку в аи-

тисоветской борьбе опять играют денкиинцы. Второй по значимости силой врага являются колячковцы.

К августу Деникин захватил почти всю Украину, а на исходе октября 1919 года взял Орел и вышел к Туле. Одновременно белогвардейцы предприняли нажим в сторону Астрахани против 11-й армии. Часть западных районов Украины заняли петлюровцы и их союзники — войска буржуазно-помещичьей Польши.

Появление Деникина на дальних подступах к Москве было наибольшим успехом не только контрреволюционных сил Юга России, но и всех врагов Советской власти. Коммунистическая партия и Советское правительство во главе с В. И. Лениным приняли чрезвычайные меры, чтобы укрепить наши войска.

Прежний Южный фронт был разделен на два противоденикинских фронта: новый Южный во главе с А. И. Егоровым и Юго-Восточный во главе с В. И. Шориним. В состав первого входили 8, 13, 14-я, Первая Конная, а затем и 12-я армии; второй объединял 9, 10 и 11-ю армии. Многие были сделаны по развертыванию партизанского движения в тылу белых. Начавшееся контрпаступление в течение сорока дней развивалось с переменным успехом. Лишь в начале ноября новый Южный фронт, а в декабре и Юго-Восточный добились необходимого перелома. К исходу 1919 года, по праву названного годом решающих побед Красной Армии, были освобождены Орловская, Курская, Воронежская губернии и почти вся Украина. В декабре 1920 года развернулись крупные операции в центре Донской области. Уже к 6 января части и соединения Юго-Восточного фронта взяли столицу войска Донского — Новочеркасск, а с 8 по 10 января войска нового Южного фронта освободили Ростов-на-Дону.

Стратегический план ЦК РКП(б), разработанный в июле 1919 года, в основном был выполнен. В связи с резким изменением обстановки продумывается новый план. 16 января 1920 года Юго-Восточный фронт переименовывается в Кавказский и укрепляется за счет войск Южного фронта. Теперь этому фронту, ставшему главным, поручается добить остатки денкиинцев, отошедших на Кубань, и оказать помощь трудящимся Закавказья в их борьбе против националистов и интервентов. Южный фронт 10 января был реорганизован в Юго-Западный. Ему ставится задача окончательно ликвидировать денкиинцев на

Украине, освободить Крым и организовать отпор начавшим проявлять активность петлюровцам и войскам буржуазно-помещичьей Польши. Как известно, те и другие вследствие противоречий с денкиинцами во время так называемого похода на Москву занимали выжидательную политику. Воспользовавшись этим, Советское правительство вступило с ними в переговоры о перемирии, высвободило часть войск (Латышскую дивизию, стрелковую бригаду Павлова и червонно-казачью бригаду Примакова) с Западного фронта и передало их в состав нового Южного фронта для борьбы с Деникиным. Теперь же, когда денкиинщина им не угрожала, а силы нового Южного фронта несколько ослабли, пилсудчики и петлюровцы усилили нажим на Советские войска.

Седьмой этап (январь — апрель 1920 года) является завершающим в разгроме Деникина. Почти одновременно с ликвидацией денкиинщины было покончено с колячковщиной и белогвардейским движением на Севере, т. е. со всеми главными силами внутренней контрреволюции. Из многих районов наши войска изгнали интервентов. Это была большая победа Красной Армии.

4

За годы Советской власти издано немало литературы, в том числе и мемуарной, о гражданской войне на Юге России и на Украине. Предлагаемый сборник воспоминаний в какой-то мере обогащает ее новыми данными. Большинство материалов, включенных в него, публикуется впервые и, безусловно, представляет интерес для широкого круга читателей.

Книга скомпонована в хронологическом порядке. Первыми идут воспоминания В. Т. Сухорукова о боевых операциях 11-й армии на Северном Кавказе. Она нанесла большой урон белому движению, серьезно ослабила денкиинские офицерские полки и сковала значительные силы противника в ту пору, когда в районе Воронежа и Царицына формировался наш Южный фронт.

Значительную роль в борьбе с интервентами и белогвардейцами на Дону сыграла Стальная кавалерийская дивизия под командованием Д. П. Жлобы, которая входила вначале в 11-ю (Северо-Кавказскую) армию, а затем во время ее отступления осенью 1918 года прорвалась к Ца-

рицыну и вошла в состав 10-й армии. В нашей военно-исторической литературе этому соединению и его командиру явно не повезло: в разное время их оценивали по-разному. Воспоминания В. А. Сергеева, на наш взгляд, ближе других подходят к истине. Автор рассказывает об основных операциях дивизии Жлобы, о мужестве ее красноармейцев и командиров в боях с врагами Советской власти.

О разгроме Терской белоказачьей конной дивизии в апреле 1919 года вспоминает Я. Т. Черевиченко. Он показывает, как наша 4-я кавалерийская дивизия под командованием С. М. Буденного обеспечивала правый фланг 10-й армии.

М. С. Кузнецов ведет речь о бойцах и командирах кавалерийского корпуса Б. М. Думенко, о самом комкоре, о С. М. Буденном, О. И. Городовикове, С. К. Тимошенко.

События на Дону и работе местных Советов и ревкомов в 1918 году — начале 1919 года посвящены воспоминания Г. П. Ломакина.

Известный герой гражданской войны В. М. Примаков пишет о червонном казачестве, о его рейдах в тыл денкишцев — на Фатеж, Поньри и Льгов, знакомит читателя с деятельностью члена Реввоенсовета 14-й армии Г. К. Орджоникидзе и командарма И. П. Уборевича. Действия конницы подорвали боевой дух отборных денкинских войск и тем самым облегчили борьбу за перелом военных действий в пользу Красной Армии на новом Южном фронте.

Содержательны воспоминания П. А. Чуева о 8-й армии, которая действовала в центре Южного фронта, а после его разделения — на левом крыле нового Южного фронта. Их как бы продолжает обстоятельный рассказ С. Н. Красильникова об основных боях 12-й стрелковой дивизии на центральном направлении Южного фронта. Автор приводит интересные факты о деятельности Р. С. Землячки, И. В. Косиора и других видных политработников. О событиях, происходивших на центральном направлении, где сражалась 9-я стрелковая дивизия, пишет также И. Н. Шевченко.

В литературе о гражданской войне все еще недостаточно ярко показана роль 1-й Красной Кавказской кавалерийской дивизии, организатором которой был Г. Д. Гай. Этот пробел несколько восполняет А. В. Голубев — бывший комиссар ее артиллерийского дивизиона.

В воспоминаниях Е. И. Позднякова воссоздается яркая картина борьбы с красновцами и денкинскими войсками в районе Котлубань, на реке Хопер, под Царицыном в начале 1920 года.

Н. Г. Зиберов увлекательно рассказывает об инициативных, смелых разведчиках Первой Конной армии, а П. С. Строило — о боях в районе станицы Егорлыкской, имевших большое значение в разгроме Добровольческой армии.

В борьбе с денкинщиной принимала участие и молодая советская авиация. Один из старейших летчиков Г. П. Кудрин пишет о том, как по инициативе В. И. Ленина использовались самолеты в борьбе с вражеской конницей.

Важным вопросом истории борьбы с контрреволюцией Юга России является освещение роли партийного подполья и партизанского движения в белогвардейском тылу. Этим тема посвящены воспоминания И. Лантуха, Н. Самурского, Ф. Лыткина.

И. Б. Шевцов рассказывает о партийном руководстве констанцами Черноморья. Автор показывает, как местные констанцеские отряды, слившись с крестьянскими ополченцами, наносили удары по врагу, оказывая тем самым огромную помощь регулярной Красной Армии. И. В. Саблин, дополняя воспоминания И. Б. Шевцова, рассказывает о многогранной деятельности революционной следственной комиссии в городах Черноморья, освобожденных войсками Красной Армии.

Со страниц сборника веет горячим дыханием героической борьбы молодой Красной Армии и трудящихся страны за великое дело Октября.

*Генерал-майор С. Ф. НАЙДА,
доктор исторических наук, профессор.
Полковник А. П. АЛЕКСАНДРЕНКО,
кандидат исторических наук, доцент.*

ВО ИМЯ РЕВОЛЮЦИИ

С пачкой газет «Правда» и «Известия», с брошюрами и декретами Советского правительства и почти без личного багажа я сел 18 июля 1918 года на старенький колесный пароход, отплывающий из Царицына в Астрахань. В моем кармане, рядом с револьвером и партбилетом, лежало командировочное удостоверение, подписанное военным комиссаром Северо-Кавказского военного округа Н. Анисимовым. В удостоверении говорилось, что я направляюсь в качестве лектора в Моздокский и Пятигорский отделы Терской области, а также в Ставрополье.

Политическая обстановка на Северном Кавказе складывалась для нас в ту пору не очень благоприятно. Белогвардейская армия Деникина захватила Тихорецкий железнодорожный узел, прервав тем самым сообщение между Царицыном и Кубанью, Ставрополем и Терекон; к Царицыну приближались белоказацкие полки донского атамана Краснова. Германские войска, оккупировавшие Дон, стояли у Батайска и рвались на Кубань. Работа в таких условиях мне предстояла очень сложная, и я отлично представлял себе ее трудности. Я должен был, не скрывая правды, терпеливо объяснять товарищам причины наших неудач, вскрывать недостатки и делать все возможное для того, чтобы поддержать боевой дух красноармейцев.

Прибыв в Пятигорск, я тотчас же отправился к секретарю горкома РКП(б) Г. Г. Анджиевскому. Выше среднего роста, худощавый, с энергичным лицом и живыми глазами, Анджиевский радушно встретил меня и, ознакомившись с документами, подробно информировал о сложившейся в районе Пятигорска боевой и политической обстановке. Я, в свою очередь, рассказал о Царицыне и о V съезде Советов, который проходил незадолго до этого в Москве.

Анджиевский внимательно выслушал меня и поручил мне выступить в местном партийном клубе. Затем он нагнул меня в стель «Бристоль», где располагалось в то время Управление внутренними делами окружного Совета рабочих депутатов. Товарищ Блок, ведавший в Пятигорском округе вопросами агитации и пропаганды, дал мне конкретное задание. Вскоре я уже был на пути в Георгиевск, где предстояло провести первые беседы с красноармейцами Северо-Западного фронта, как тогда официально именовался Георгиевско-Прохладненский фронт.

Никогда не забыть Георгиевск тех лет — фронтовой исторический город. Штаб фронта размещался в специальном поезде, стоявшем на запасных путях. Обо мне доложили А. М. Беленковичу. Командующий был ранен в одном из боев и ходил на костылях. Он был сдержан и очень внимателен, слушая мой рассказ, несколько раз прерывал меня, интересуясь подробностями, которые, как и полагал, были не очень существенны, но почему-то заострили на себе его внимание. Потом Беленкович подвел меня к развешенной на стене вагона карте и посвятил в подробности сложившейся на фронте обстановки. Он сказал, что утром готовится большое наступление на Прохладную и что поэтому он занят и не может уделить мне больше времени. В соседнем вагоне его ждали командиры, с которыми он должен был встретиться перед операцией.

— А с вами мы поступим так, — резюмировал командующий нашу беседу. — Сейчас же поезжайте на бронепоезд. Расскажите товарищам о внутреннем и международном положении республики, разъясните им наши задачи. Ничего не скрывайте. Наша партия всегда говорит народу правду. Светлое будущее завоевывается в трудной борьбе, и во всякой борьбе возможны временные неудачи, даже поражения. Но коммунисты не отступают ни перед какими трудностями. Пусть бойцы знают, против кого они борются. Враг силен, коварен и беспощаден.

Беленкович крепко пожал мне руку, и мы расстались. Уходя от него, я уже совершенно ясно представлял себе круг своих задач, знал не только нужды фронта, но и людей, с которыми мне предстояло работать.

Было уже совсем темно, когда я добрался до бронепоезда. Большая стальная крепость стояла на рельсах, грозно оцетинясь пушками и пулеметами. У насыпи горели костры, вокруг которых сидели красноармейцы. Слы-

шались смех, шутки, веселые переборы гармоника. Я успел заметить, что настроение у бойцов бодрое, все возбуждено предстоящим боем.

Командир бронепоезда № 25 Николай Андреевич Падалкин встретил меня на подножке вагона. Он о чем-то беседовал с двумя бойцами, пересыпая свою речь острыми шутками. Чувствовалось, что его уважают, что он пользуется среди бойцов заслуженным авторитетом. Увидев меня, он со словами: «А вот и комиссар» — шагнул мне навстречу.

Наша беседа затянулась далеко за полночь, а утром я был разбужен ржанием лошадей и бряцанием оружия. Наступление, которого все так долго ждали, началось. Справа и слева от железной дороги потянулись на Прохладную красные отряды. Впереди заухали разрывы снарядов, чашто загворили пулеметы.

Воспользовавшись неожиданностью, наши части в то утро прорвали оборону белых и вышли к станции Солдатской, но здесь противник, оправившись от первого удара, успел сосредоточить крупные силы, и наступление было приостановлено. Подтянув свежие резервы, враг перешел в контратаку. Завязались ожесточенные бои, в которых отличились своим мужеством отряды Красной армии из Пятигорска и Кисловодска, бронепоезд под командованием Падалкина, Георгиевский батальон, а также конный отряд М. Г. Ильина, кубанского казака из станицы Суворовской.

Противник поставил перед собой задачу овладеть Георгиевском с его арсеналом и пороховыми складами, поставить под угрозу города Пятигорья. В бой были брошены крупные неприятельские силы, артиллерия, казачьи части. Бойцы бесстрашно отражали атаку за атакой. Делалось все возможное, чтобы приостановить начавшееся отступление, закрепиться на Зольских высотах, что в десяти километрах от Георгиевска. Пятигорский окружной Совет рабочих, казачьих и крестьянских депутатов и Георгиевский комитет РКП(б) направляли в окопы коммунистов, чтобы те прямо на месте руководили обороной, разъясняли бойцам их задачи.

На помощь к нам уже спешили новые отряды из городов Пятигорья, из Минеральных Вод, Святого Креста, Невинномысской. Мы знали об этой поддержке, знали о важности поставленной перед нами задачи и прилагали все

силы, чтобы выдержать, чтобы устоять любой ценой до подхода подкреплений.

Но обстановка на фронте под Георгиевском осложнялась отсутствием единства действий между А. М. Беленковым и командиром кубанского конного отряда М. Г. Ильиным. Пятигорский окружной Совет поддерживал Беленковича, а Ильин ориентировался не столько на местные органы Советской власти, сколько на главкома Сорокина. Кроме того, немаловажную роль в этой распре сыграли также и личные качества Ильина. Храброму казаку, находившемуся во время боев в самой гуще схватки, часто казалось, что Беленкович отдает неправильные приказы, что он слишком осторожен и нерешителен, вследствие чего наши части и терпят тяжелые поражения. Ильин был предан Советской власти, но очень слабо разбирался в теории военного дела.

Политработники часто беседовали с Ильиным, приходилось беседовать с ним и мне. Но он был вспыльчив, часто до безрассудства, мог оскорбить командующего и даже отказаться выполнять его приказания. Настроение командира, естественно, передавалось и его бойцам. Они тоже относились к командующему с недоверием.

Ильина раздражало в Беленковиче буквально все. Он не мог представить себе, как можно руководить боевыми операциями, не находясь среди красноармейцев, не разделяя с ними поровну трудностей нелегкой фронтовой жизни. Действительно, Беленковича нельзя было увидеть на передовой с пашкой наголо перед строем поднимающихся в атаку бойцов. В вопросах тактики он разбирался неплохо. В свое время, в июне 1918 года, Беленкович быстро и решительно подавил выступление контрреволюционных казачьих отрядов, пытавшихся свергнуть во Владикавказе власть Терского совнаркома. Разбирался он и в обстановке, сложившейся на Северо-Западном фронте. Однако белые наступали, недовольство действиями Беленковича росло, и он был в конце концов отстранен от должности. На его место назначили Ильина, а меня утвердили военно-политическим комиссаром фронта.

В Пятигорском окружном Совете мне вручили инструкцию и мандат. Ильин внимательно ознакомился с документами, некоторое время помолчал и наконец заметил, что все в порядке, лишь один пункт инструкции не внушает ему доверия. Это был пункт, в котором говорилось,

что ни один приказ командующего фронтом без подписи комиссара не является действительным.

Я разъяснил ему, почему политические комиссары пользуются такими правами, и добавил, что это решение высших органов партии и Советской власти и что он обязан им подчиниться. Было видно, что Ильину это пришлось не по душе, однако возражать он не стал, так как знал, что я командирован для политической работы в частях Красной Армии.

Теперь, на посту военного комиссара, времени у меня стало еще меньше, работы больше, а спать приходилось по четыре-пять часов в сутки.

Лето в тот год выдалось сухое, солнечное; осень тоже обещала быть хорошей. Часто среди дня, а иногда и ночью я пробирался в окопы, где подолгу беседовал с бойцами и командирами, говорил им о задачах нашей партии, о ее программе, о земельной политике и международном положении. Все мы жили тогда неиссякаемой верой в победу, но нам не хватало опыта, у нас было мало боеприпасов, вооружения и одежды. Достаточно сказать, что на одного бойца приходилось не больше десяти — двадцати патронов, чтобы представить себе общую обстановку, сложившуюся к тому времени на нашем фронте.

Пришлось искать выход, и он был найден. Не помню, кто предложил наладить собственное производство патронов. За эту мысль живо ухватились. Пороху у нас было в избытке — мы даже снабжали им патронные мастерские Армавира, Пятигорска и Ставрополя. Хуже обстояло дело с помещением и специалистами, которые взяли бы на свой страх и риск за осуществление нашей идеи.

Однажды ко мне в вагон зашел Андрей Юрин, коммунист из Питера, и попросил выдать продовольствие для рабочих патронных мастерских, прибывших из Армавира на станцию Георгиевск. Я обрадовался. Это было как раз то, что мы искали.

— Веди их ко мне! — сказал я Андрею и познакомил его со своим замыслом.

Юрин привел рабочих, и я поручил ему организовать производство патронов прямо в Георгиевске — сначала на колесах, в железнодорожных вагонах, а затем, при первой возможности, перебазироваться в арсенал, где в это время ремонтировали орудия, пулеметы и винтовки.

Андрей Юрин был отличным организатором. Сам по специальности токарь, старый партиз, отбывший в Сибирь царскую каторгу и вернувшийся в Петроград в 1917 году, он быстро нашел подход к людям, сумел зажечь их своей энергией. Производство было налажено в самые кратчайшие сроки — до тысячи патронов в день! Но качество их оказалось не совсем хорошим. Однако это была вина не Юрина — вина целиком и полностью ложилась на несовершенство технологического процесса. При всех своих недостатках юринские патроны оказали нам очень хорошую услугу. Пользовались мы ими до тех пор, пока не было полностью налажено снабжение.

Что же касается Юрина, то он впоследствии стал моим заместителем, участвовал во многих боях и находился со мной на фронте до весны 1919 года. Весной нас обоих свалил тиф.

Но вернусь к описываемым событиям. Как я уже говорил, хуже всего в ту пору обстояло дело с обувью и обмундированием. Бойцы пообносились, наступали холода, и склады были пусты.

Мы создали в Георгиевске сапожные и пошивочные мастерские, но производительность их была невелика — обуви и одежды не хватало по-прежнему. Стали собирать одежду среди населения курортных городов. В окопах появились бойцы в белых крахмальных рубашках, в черных пиджаках и пижонских брюках. Это вызывало смех и множество шуток, но так или иначе временно проблема была разрешена.

А впереди стояло еще множество других проблем, и самой важной из них было укрепление высокого морального духа армии. Большая ответственность ложилась на плечи коммунистов. На них опиралось командование, они были костяком, вокруг которого сплачивались массы.

Ежечасно, ежеминутно, под артиллерийским обстрелом, в рукопашном бою, в длинные зябкие осенние ночи, коммунисты были с красноармейцами, беседовали с ними, делили их радости и горести. Они несли им ленинскую правду, вселяли веру в победу, учили стойкости и преданности делу Коммунистической партии.

Многочисленные митинги на передовой цпошли тридцатого августа в связи с покушением на Владимира Ильича Ленина. Надо было видеть возмущенные лица красноармейцев! Выступая перед товарищами, они клей-

мили врагов революции, требовали для них сурового наказания и клялись не отступить от завоеваний революции. Говорили до позднего вечера, дымили во тьме цигарками, а утром бесстрашно отбивали атаки белой конницы.

Любые попытки врага прорвать нашу оборону неизменно заканчивались неудачей.

Красноармейцы верили в командование фронта, верили своим командирам. И это было немалой заслугой комиссаров и политработников. Но не только их одних — большую помощь им оказывали коммунисты, имевшиеся почти в каждом отряде, на каждом участке фронта. Особенно это касается Георгиевского батальона, в котором насчитывалось несколько десятков членов партии. Внимательно следили за нашей работой Пятигорский окружком партии и Георгиевский городской комитет РКП(б).

Пятигорский окружком, например, наладил регулярную доставку газеты «Известия ЦИК Северо-Кавказской республики и Пятигорского совдепа». Газеты эти прямо с подвод мы направляли в окопы, чтобы красноармейцы были в курсе всех политических событий.

Иногда на страницах «Известий» появлялись и мои заметки, а однажды был напечатан «Ответ» белоказачьим офицерам на их листовку, заброшенную к нам с целью разложения бойцов.

«Имя красноармейца для нас свято, потому что мы совершаем святое дело освобождения угнетенных, — говорилось в нем. — Врете вы, николаевские палачи, что Советская власть продала революцию и социализм императору Вильгельму. Наоборот, вы, кровопийцы народа, обнялись с Вильгельмом. Не ваши ли братья генералы с погонами Красова и Скорпадского пригласили Эйхгорна и Ко снова закабалить трудовой народ и уничтожить Советскую власть на Украине...

Нам одинаково дороги интересы рабочих Турции, Китая и всего остального мира. У нас есть только сплоченная пролетарская масса и вера в партию коммунистов-большевиков, истинных борцов за социализм, освободителей рабов всего мира.

От вас исходит ложь и подлая клевета. В ваших воззваниях — гнусный обман и провокация. Напрасны ваши труды: агитацией вам не сломить нашу армию, а ваши воззвания принесут вам, контрреволюционерам, смерть.

Трудовой казак, к нам!»

Особенно много внимания в тот период нам приходилось уделять укреплению дисциплины на фронте, где еще бывали случаи отказа от выполнения боевых приказов.

В конце августа Ильин и комиссар Н. Михеев уехали из Георгиевска на Кисловодский боевой участок для отряжения палетов белой конницы Шкуро. Новый командующий фронтом Маслович отдал приказ о перегруппировке батальонов 2-го Свято-Крестовского полка. Прошло некоторое время, а приказ так и остался невыполненным. Командир полка П. Ларюк доложил, что роты отказываются выполнять приказание.

Мы немедленно связались с командующим, однако Маслович заявил мне, что его дело отдавать приказы, а дело политического комиссара заставить войска выполнять их. И молча повернулся и приказал следовавшему за мной Ларюку собрать представителей от рот вместе с командным составом у железнодорожной будки, расположенной в полутора километрах от линии наших окопов. Сам я сел на паровоз и через полчаса был на месте.

Ко мне на подножку вскочил Ларюк. Он был возбужден и очень бледен. За его спиной у будки я увидел около пятидесяти человек с винтовками. Бойцы были настроены мною недружелюбно.

В таких случаях все решают какие-нибудь доли секунды. Самое главное — не упустить из своих рук инициативу. Не исключено, что среди этих пятидесяти заблуждающихся бойцов есть провокатор. Против него-то и следует направить острие своего выступления.

Я обратился к красноармейцам с горячим призывом немедленно выполнить боевой приказ:

— Красная Армия сильна железной дисциплиной. Приказы не выполняет тот, кто не понимает этой простой истины. Тем самым он оказывает невольную услугу контрреволюции. Сегодня невыполнение приказа грозит ослаблением боевого участка, завтра оно может привести к более тяжелым последствиям. Без железной дисциплины в рядах Красной Армии мы не сможем удержать в руках Советскую власть, на трон вернется царь, помещики и капиталисты снова сядут на нашу шею, отнимут у нас завоеванную кровью и потом землю, фабрики и заводы.

В заключение я сказал:

— Кто не хочет выполнять приказ, должен сдать оружие.

Некоторое время у будки стояла глубокая тишина, потом послышались громкие выкрики. Никто не хотел сдавать оружие, все были готовы отдать жизнь за Советскую Родину.

Вперед вышел высокий бородатый мужчина в потрепанной шинели, по виду рабочий, и сказал, что он от имени всех заверяет меня в том, что боевой приказ, отданный командованием, будет немедленно выполнен. Ларюк, приободренный его словами, немедленно построил бойцов и отправился с ними на позиции.

Георгиевско-Прохладненский фронт укреплялся новыми боевыми частями, которые направляли к нам Пятигорский окружной комитет РКП(б) и командование военным округом. Еще ранее к нам был переброшен 2-й Свято-Крестовский пехотный полк, об инциденте в котором я только что рассказал. Полк этот был укомплектован в основном крестьянами-ставропольцами из сел Свято-Крестовского уезда. Впоследствии нам разрешили развернуть его в два полка, а затем и в пехотную дивизию. В сводках и боевом расписании она у нас формально так и значилась, но фактически дивизия не была сформирована до конца.

В сентябре 1918 года на нашем фронте имелись уже следующие части: 2-й Свято-Крестовский полк, Георгиевский батальон, Пятигорский, Кисловодский, Ессентукский и Железноводский отряды, Александровский батальон, Георгиевская, Владикавказская, Государственная артиллерийская батарея, артдивизион и пулеметные команды. Временами к ним приходили на подмогу батальоны Красного и Дербентского пехотных полков с пулеметами и орудиями. Немало хлопот приносили белым и наш бронепоезд, тот самый бронепоезд под командованием Николая Андреевича Падалькина, на который я впервые прибыл теплым июльским вечером для проведения беседы, порученной мне Беленковичем. Бронепоезд этот был вооружен семью орудиями и пятнадцатью пулеметами, что являлось довольно внушительной по тому времени силой.

Общая численность наших войск на Георгиевско-Прохладненском фронте составляла примерно три с половиной тысячи пистолетов, восемьсот сабель, двадцать орудий и сорок пулеметов.

Добрым словом хочется упомянуть и отряд станицы Государственной под командованием казака В. И. Ку-

чуры, явившегося в конце августа восемнадцатого года в штаб фронта и обратившегося к командующему Ильину с просьбой выдать его отряду оружие и боеприпасы. Ильин сам не рискнул решить этот вопрос и направил Кучуру ко мне. Дело в том, что многие казаки Терской области восстали против Советской власти и ушли к белым. Естественно, доверяя им не было — в то же время было бы опрометчиво оттолкнуть массы, потянувшиеся к новой жизни.

Беседовали мы за чашкой чая, при тусклом свете керосиновой лампы. Кучура рассказал мне, как в станице Государственной готовилось выступление против белоказачков, какие люди вошли в отряд и созданный в станице Совет казачьих и крестьянских депутатов. Кучура произвел на меня очень хорошее впечатление, а когда я познакомился с бойцами его отряда, последние сомнения рассеялись.

Мы решили выдать отряду Кучуры некоторое количество винтовок, несколько пулеметов и орудий с боеприпасами. Обеспечить его полностью мы не могли, потому что сами, как я уже писал, сидели на голодном пайке. Но и эти несколько десятков винтовок дали Кучуре возможность значительно пополнить численность отряда, поднять его боевой дух и уже в первых боях проявить себя умелым командиром, способным выполнить любую поставленную перед ним задачу.

Вскоре в состав отряда станицы Государственной вошла рота пластунов станицы Солдатской под командованием казака М. Ф. Лукина. Из Солдатской же прибыла еще одна группа казаков во главе с коммунистами В. О. Игнатенко и Т. В. Зенковским.

Пополненный таким образом отряд В. И. Кучуры был сосредоточен на левом фланге Георгиевско-Прохладненского фронта и своими активными действиями создавал противнику постоянную угрозу в направлении Прохладной.

К тому времени белые уже овладели Золкиевскими высотами, растянув линию фронта от станицы Урухской через хутор Старо-Марьянский, высоту 1148 и Марьянскую станицу до реки Малки. Позиции противника были удобны, местность отлично простреливалась на много километров вокруг высот, которые он занимал. Так как несколько попыток белых прорвать линию нашей обороны

закончились полной неудачей, они притаились, ожидая удобного случая. Траншеи их были подготовлены к продолжительной позиционной войне: деревянные настилы, блиндажи, долговременные огневые точки. В окопах по очереди сменялись казачьи отряды и полки из соседних станиц. Командовали этими полками генерал Э. Мистулов, осетин по национальности, казак по сословию; полковник Серебряков, кабардинский князь; полковники Терского казачьего войска Вдовенко, Федюшкин, Агоев, Боргунов...

Численность противника доходила до четырех тысяч сабель и штыков при сорока артиллерийских орудиях и значительном количестве пулеметов. Враг был отлично обмундирован, патронов не жалел, осыпая наши позиции градом пуль. Окопы наши, расположенные в двух километрах ниже окопов противника, хорошо просматривались и поэтому все время приходилось быть начеку. Начеку приходилось быть и потому, что воевали мы без резервов, стыки между отрядами слабо охранялись и постоянно создавали угрозу прорыва фронта.

А сейчас, охарактеризовав общую обстановку в районе Георгиевска, мне хочется рассказать об одном инциденте, закончившемся моим знакомством с одним из замечательных большевиков — председателем ЦИК Северо-Кавказской республики А. А. Рубиным.

За три дня до этого знакомства по постановлению Реввоенсовета Северного Кавказа был расстрелян за невыполнение боевого приказа командующий Таманской армией И. И. Матвеев. Это была слишком суровая и малооправданная мера в отношении одного из самых популярных командиров Красной Армии. А через два дня аналогичная угроза нависла надо мной и командиром бронепоезда № 25 Падалкиным.

Случилось это следующим образом. 13 октября 1918 года штабом Георгиевско-Прохладненского фронта было получено приказание главкома Сорокина разделить бронепоезд № 25 на две части, причем одну часть снять с фронта и направить в Пятигорск в распоряжение Сорокина. Прекрасно понимая, что разделение бронепоезда фактически равнозначно его полной потере, команда отказалась выполнить приказ.

Командующим фронтом в ту пору был Маслович, сменивший на этом посту погибшего в схватке с конницей Шкуро М. Г. Ильина. Маслович, как и в инциденте с пере-

группировкой батальонов 2-го Свято-Крестовского полка, уклонился от каких-либо личных распоряжений.

Неожиданно 14 октября, то есть буквально на другой день после того, как поступил приказ, на станцию Георгиевск прибыл на паровозе представитель Пятигорского военного округа, командированный к нам лично Сорокиным. В устной форме он передал нам приказ Сорокина о нашем аресте. Арестованы были я и Падалкин. Характерно, что ответственность за невыполнение боевого приказа была возложена именно на политического комиссара и командира бронепоезда, а не на командующего фронтом.

Мы сели на тот же паровоз и вечером прибыли в Пятигорск. Нас затребовал к себе председатель Реввоенсовета армии Я. В. Полуян. Едва только мы вошли, как он обрушился на нас с обвинениями в партизанщине и анархии, недвусмысленно угрожая расстрелом.

— Вспомните Матвеева, — мрачно сказал Полуян. — Вас постигнет та же участь.

В это время дверь в кабинет Полуяна стремительно отворилась и мы увидели пылающего от негодования Сорокина.

— Развал дисциплины! Анархия! — кричал он. — Немедленно отдать в военный трибунал! Расстрелять!

Слово «расстрелять» он повторил раза три. Видимо, участь наша была уже решена. Мы пытались оправдаться, но ни Полуян, ни Сорокин не желали нас слушать. Наконец я попросил разрешения пойти на прием к председателю ЦИК Северо-Кавказской республики А. А. Рубину.

В это время Сорокин вышел, и Полуян, подумав, согласился.

Падалкин остался в Реввоенсовете, а я немедленно отправился в отель «Бристоль», где помещался ЦИК.

Не прошло и пяти минут после моего прихода, как дверь отворилась и секретарь спокойным голосом предложил мне войти в кабинет. Я с некоторым волнением переступил порог и увидел шагнувшего мне навстречу плотного, невысокого роста мужчину с бритой головой и теплыми улыбочивыми глазами. Рубин дружески пожал мне руку, задержал ее в своей и предложил сесть в кресло перед столом.

Первым заговорил он сам.

— Я очень рад, — сказал Рубин, — что вы наконец-то зашли ко мне. Товарищи Мамсуров и Атабеков рассказы-

вали очень много лестного о вашей работе на Георгиевско-Прохладненском фронте.

Я попытался было изложить сущность своей просьбы, но Рубин снова не дал мне сказать ни слова. Задумчиво постукивая по столу остро очиненным карандашиком, он стал говорить о том, что на войска нашего фронта будет возложена очень сложная и ответственная задача. Разработан конкретный план широкого наступления на белогвардейцев, которое должно завершиться полным разгромом бичераховской казачьей контрреволюции, взятием Прохладной и Моздока и оказанием помощи грозненскому пролетариату, попавшему в окружение белоказачьих войск.

Рубин пристально посмотрел на меня, как бы оценивая, выдержку ли.

— Наступает зима, — продолжал он, — запасы нефти на исходе. Без грозненской нефти нам не пережить холодов. Вы, как военно-политический комиссар фронта, должны сделать абсолютно все, чтобы в двухнедельный срок накопить как можно больше боеприпасов, поднять политико-моральное состояние войсковых частей...

Рубин задумался и добавил:

— Что касается живой силы, то мы перебросим на ваш участок хорошо подготовленные резервы.

Разговор этот был для меня неожиданностью. В Реввоенсовете только что угрожали немедленным расстрелом, председатель ЦИК ставит передо мной важные боевые задачи.

Я ждал момента, чтобы сообщить о той трагической причине, которая привела меня в этот кабинет. Рубин, видимо, тоже почувствовал, что меня что-то волнует, и дал мне возможность высказаться. Я рассказал обо всем по порядку. Подробно остановился на разговоре в Реввоенсовете армии, на угрозах и оскорблениях, которыми осыпали нас с Падалкиным Сорокин и Полуян.

По мере того как я рассказывал, лицо Рубина становилось все более хмурым. Наконец он встал и взволнованно прошелся по кабинету.

— Вы правильно сделали, что пришли ко мне, — сказал он, снова садясь к столу.

В этот момент в кабинет вошли секретарь крайкома партии В. Крайний и военный комиссар Пятигорского округа С. Мамсуров. Товарищ Крайний был высокого ро-

ста, худощав, рыжеволос, на носу — вблескивающее острыми остроконечными пёсен. С ним я виделся впервые. Что же касается Мамсурова, то я десятки раз встречал его в Пятигорске, так как, будучи комиссаром фронта, был связан с ним по службе.

Мы поздоровались, и, едва только вошедшие сели, Рубин сказал, кивая в мою сторону:

— Представьте себе, Сорокин собирается расстрелять комиссара Сухорукова и командира бронепоезда Падалкина. Как вам это нравится?

И тут же ввел их в существо конфликта. Лица товарищей посуровели. Видимо, инцидент этот не был для них неожиданностью. Резко встав, Мамсуров бросил:

— Если Сорокин расстреляет Сухорукова, мы расстреляем Сорокина.

Фраза эта до сих пор звучит в моих ушах. Тогда же она не сразу дошла до моего сознания. Лишь несколько позже я понял, что между руководством ЦИК и крайкома партии с одной стороны и главкомом Сорокиным — с другой существуют глубокие расхождения по существу важнейших вопросов, что незаконные действия Сорокина вызывают в руководстве партии серьезные опасения. Кто мог подумать, что через неделю и Рубин, и Крайний сами падут жертвой сорокинского произвола!

Выслушав эту довольно-таки резкую реплику Мамсурова, Рубин кивнул ему и поднял телефонную трубку.

— Соедините меня с Полуяном, — попросил он.

Не знаю, что говорил ему Полуян. Рубин не горючился, не угрожал. Он совершенно спокойным тоном предложил Полуяну немедленно вернуть меня и Падалкина в Георгиевск для продолжения работы на прежних должностях.

Заключив разговор, председатель ЦИК положил трубку.

— Все в порядке, — сказал он. — А для того чтобы вам здесь не задерживаться в ожидании попутного паровоза, берите мою машину. Вам необходимо сегодня же быть в Георгиевске.

Я поблагодарил товарищей Рубина, Крайнего и Мамсурова за оказанное мне доверие и за поддержку, распростался с ними и немедленно отправился в Реввоенсовет выручать Падалкина. Настроение у меня было бодрое, я знал, что прав, и шел теперь к Полуяну с высоко поднятой головой.

Однако в Реввоенсовете меня ждала еще одна неприятная неожиданность. Команда бронепоезда № 25, узнав об аресте своего командира и военного комиссара фронта, снялась с боевых позиций и, подняв пары, двинулась на Пятигорск. Остановившись в пяти километрах от города, на Лермонтовском разъезде, заместитель командира бронепоезда Зеленский связался по телефону со штабом Сорокина и предъявил ему ультиматум: если через полчаса комиссар и командир не будут освобождены, бронепоезд открывает огонь по штабу.

Полуян встретил меня новыми упреками.

— Вот новое доказательство вашей виновности, — запальчиво сказал он. — И высшая мера наказания в отношении вас была бы хорошим уроком для других.

Действительно, команда бронепоезда поступила опрометчиво. Самовольное оставление боевого поста, ультимативное требование нашего освобождения, угроза открытия артиллерийского огня — все это даже по тому времени выглядело как явление совершенно ненормальное. Так я и расценил этот факт недисциплинированности и осудил его в присутствии Полуяна. Затем я заявил ему, что причин для особых волнений нет, взял трубку телефона и связался с бронепоездом. Мне ответил Зеленский. Я приказал ему немедленно вернуться на фронт.

— А как же вы? — спросил Зеленский.

— Мы свободны, — сказал я. — Через десять минут выезжаем в Георгиевск на автомашине.

Зеленский успокоился.

— Ваш приказ будет выполнен, — заверил он.

Действительно, как мне стало известно, бронепоезд тут же покинул Лермонтовский разъезд. Однако мы опередили его на автомашине и прибыли в Георгиевск раньше на полчаса.

Инцидент, казалось, был исчерпан, правда восстановлена, но разговор в кабинете Рубина ни днем, ни ночью не выходил у меня из головы.

Приглядываясь к действиям главкома, оценивая события последних месяцев, я все более и более задумывался над тем, к чему приведет авантюристический курс, избранный Сорокиным. Партийное руководство его осуждало, но он все меньше и меньше считался с его мнением.

Видимо, необходимы были какие-то решительные и очень радикальные меры — Сорокин еще пользовался

авторитетом в армии, и авантюризм его мог закончиться трагически для всей Северо-Кавказской республики. Расстрел Матвеева был наглядным подтверждением этих опасений.

Между тем трагическая развязка назревала с молниеносной быстротой. 22 октября 1918 года в штабе Георгиевско-Прохладненского фронта была получена телеграмма за подписью Сорокина, в которой он извещал о расстреле им членов ЦИК Северо-Кавказской республики А. Рубина, В. Крайнего, С. Дунаевского и Б. Рожанского якобы за то, что они являлись тайными агентами генерала Деникина. Сорокин предлагал беспрекословно подчиняться ему и выполнять только его распоряжения.

Новость была неожиданна. Вместе с тем она требовала немедленного принятия решения: либо с Сорокиным, либо против него. Другого пути не было.

Для меня вопрос был решен сразу. Необходимо было выяснить позицию личного состава штаба, а так как почти все в момент принятия телеграммы находилось в вагоне, я тут же зачитал ее. Мой помощник Андрей Юрич и политработник Т. В. Зенковский, стоявший рядом с ним, побледнели; командующий фронтом Маслович никак не реагировал на телеграмму. Он продолжал сидеть, слегка откинувшись на спинку стула, с безразличным, каменным лицом.

— Расстрел ответственных работников ЦИКа, — сказал я, — является прямым вызовом Советской власти. Сорокин делает черное контрреволюционное дело, и нам с ним не по пути.

Затем я повернулся к Масловичу и, зная его симпатии к Сорокину, предложил сделать выбор: либо Сорокин, либо Советская власть и Коммунистическая партия. Такого поворота дела Маслович явно не ожидал. Он напряженно выпрямился на стуле. Каменное лицо его покрылось красными пятнами. В вагоне воцарилась мертвая тишина.

Наконец Маслович поднялся и, стараясь держаться возможно спокойнее, заявил, что сдает мне, как комиссару, командование, а сам уезжает из Георгиевска.

Сейчас, оценивая события тех лет, я часто вспоминаю папу беседу в штабном вагоне, вспоминаю лица моих товарищей, их твердое решение остаться верными своему революционному долгу. Мы шли на сознательный риск, но для нас не было другого выбора. Как коммунисты, мы

должны были до конца оставаться на своем посту, если нужно — погибнуть, но и смертью своей утверждать на земле правое дело нашей партии.

Георгиевский горком партии целиком и полностью поддержал наше решение. На следующий же день по всему городу были расклеены листовки, извещавшие население об аванюре Сорокина и о моем назначении командующим фронтом. Ушел со своего поста близкий Сорокину председатель чрезвычайной комиссии Маркарянц. Мы немедленно информировали о нашем решении пятигорские партийные и советские органы. Георгиевск стал убежищем для всех партийных и советских работников, подвергшихся репрессиям со стороны распоясавшегося Сорокина.

Время было тревожное. Андрей Юрин держал постоянную связь с Георгиевским горкомом партии, и в частности с Ф. Я. Воликом. Всю ночь звонили телефоны, люди спрашивали о новостях. Но новостей пока не было, и успокоить людей нам было нечем.

Лишь рано утром 23 октября, то есть на следующий день после получения телеграммы Сорокина, Юрин сообщил мне, что из Пятигорска приехал специальный представитель от окружного военкома С. Г. Мамсурова. Мне предлагалось прибыть в тот же день к пяти часам вечера в Пятигорск, в отель «Бристоль», где состоится совещание узкого круга ответственных лиц без указания повестки дня.

Надев свою неизменную кожаную куртку, с маузером через плечо, я на паровозе точно в указанное время прибыл в Пятигорск. Меня проводили в специально отведенную для совещания комнату, где я увидел С. Г. Мамсурова, М. Блока, Мильду Булле и других хорошо знакомых мне терских работников. Когда я поздоровался со всеми, Мамсуров подвел меня к коренастому темноволосому мужчине с внимательными добрыми глазами, которые, казалось, видели все насквозь, и мягкой улыбкой в уголках чуть вадернутых губ.

— Сергей Миронович Киров, — сказал Мамсуров.

Товарищ Киров энергично пожал мне руку.

— А о вас, товарищ Сухоруков, я уже слышал, — сказал Сергей Миронович.

Потом он поинтересовался моим здоровьем. Очевидно, его ввела в заблуждение бледность моего лица, но это было просто результатом хронического недосыпания. Все мы тогда спали очень мало.

Между тем Мамсуров пригласил прибывших на совещание к столу. Мы молча расселись. Мамсуров, подождав минуту, кратко информировал нас о преступлении Сорокина. Все уже знали об этом, но не могли сдержать возгласов возмущения.

— Сорокина необходимо устранить. Я предлагаю план, — сказал Мамсуров.

Суть его плана заключалась в следующем: взорвать поезд Сорокина специально подготовленной саперной командой, когда он, следуя на фронт, будет проезжать станцию Нагутскую. В ходе обмена мнениями, насколько я помню, возражений по плану не было и его приняли единогласно. Мамсуров получил санкцию — реализовать план в самые кратчайшие сроки.

После совещания мы еще некоторое время оставались в «Бристоль», в неофициальном порядке обмениваясь мнениями о том, к каким последствиям может привести авантюра Сорокина. Лишь глубокой ночью я возвратился в Георгиевск, выслушал в штабе информацию о положении на фронте и направился к себе в вагон, чтобы хоть немного вздремнуть в оставшиеся до рассвета часы.

Однако я долго не мог уснуть, ворочаясь с боку на бок. Я прекрасно понимал, какой смертельной опасности подвергали себя оставшиеся в Пятигорске товарищи. Ведь Сорокин все еще был на посту главкома войск Северного Кавказа и мог в любую минуту расправиться со своими противниками так же, как он сделал это с Рубиным, Крайним, Дунаевским и Рожанским.

Настало утро, но тревожных новостей из Пятигорска не поступало. Значит, Сорокин ни о чем не догадывался.

Прошло еще несколько дней. Я все время ждал сообщения об осуществлении плана ликвидации Сорокина. Но Мамсуров молчал. Как потом выяснилось, дело Сорокина приняло другое направление. По предложению оставшихся в живых членов ЦИК Северо-Кавказской республики и крайкома РКП(б) был созван Чрезвычайный съезд представителей Советов и фронтовиков, который и должен был решить судьбу последнего по преступному пути главкома. Предложение это было поддержано командиром 1-й колонны в Армавире И. Ф. Федько, 9-й колонны Я. Ф. Балахоновым, командиром кавалерийской бригады И. А. Кочубеем, командиром кавалерийской дивизии

Г. А. Кочергиным, командованием Таманской армии, Ставропольского корпуса и других воинских частей.

27 октября делегаты съезда собрались в станице Невинномысской. Для их охраны с фронта прибыла кавалерийская часть под командованием Г. А. Кочергина. В тот же день, не дожидаясь формального открытия съезда, фракция коммунистов разослала постановление, в котором Сорокин отстранялся от должности главкома и объявлялся вне закона.

Решение это было вручено Сорокину на станции Курсавская. Главком направлялся на съезд в сопровождении инженерного батальона и своего личного конвоя. Узнав о том, что судьба его решена, Сорокин пытался скрыться. С сотней верных людей он бежал в Ставрополь, но был задержан там командованием Таманской армии. 3 ноября 1918 года его расстреляли.

Так бесславно закончилась жизнь этого бывшего казачьего офицера, возмнившего себя маленьким Бонапартом. У истории свои законы, свой путь. И никакая авантюра Сорокина не могла остановить мужественной борьбы нашего народа против наседавшего на него врага.

Красная армия Северного Кавказа во главе со своими командирами и политработниками продолжала отражать атаки Деникина и терской контрреволюции. Коммунисты Георгиевско-Прохладненского фронта тщательно подготавливали войска к наступлению на Прохладную. Новый командующий Красной армией Северного Кавказа И. Ф. Федько оказывал войскам всемерную помощь в предстоящем выполнении поставленной перед ними ответственной боевой задачи.

Наконец было принято решение: наступление на Прохладную приурочить к первым числам ноября. В связи с этим на наш правый фланг была переброшена стрелковая дивизия в составе четырех пехотных полков и одного кавалерийского под командованием Г. И. Мироненко. Политическим комиссаром у него был Н. С. Никифоров.

На совещании командиров был выработан план наступления. Георгиевско-Прохладненский фронт переименовывался в Георгиевский боевой участок, начальником которого назначили В. И. Кучуру, а я остался военно-политическим комиссаром.

По плану, выработанному на совещании, стрелковая дивизия под командованием Мироненко, пополненная ша-

риатским и нальчикским конными полками, должна была нанести удар по противнику справа во фланг, наступая на станицы Зольскую и Мариинскую, затем вдоль реки Малки на Солдатскую и далее на Прохладную. Перед самым наступлением эту дивизию переименовали в Первую ударную советскую Шариятскую колонну.

Перед отрядом Государственной станицы стояла другая, не менее важная задача. Он должен был на рассвете 5 ноября атаковать противника слева и ударить во фланг из станицы Урухской на Новопавловскую. В то же время сильно поредевшая 2-я Свято-Крестовская дивизия, Георгиевский батальон и сводный Пятигорский отряд должны были броситься на штурм вражеских позиций с фронта.

В приподнятой обстановке готовящегося наступления очень важно было объяснить красноармейцам поставленные перед ними боевые задачи, связать их с общими задачами, стоящими перед фронтом. Ко всем нашим войскам, к бойцам и командирам обращался через командование Южного фронта Владимир Ильич Ленин. Он призывал оказать немедленную военную помощь осажденному белоказачьими полчищами городу Грозному, его доблестному защитнику — обливаемому кровью грозненскому пролетариату.

Трудностей было много. Все еще не хватало одежды, обуви, боеприпасов. В окопах было сыро, надвигались зимние холода. Решить все трудности можно было, только разгромив врага, восстановив Советскую власть на территории всей Терской области, возобновив прерванное белыми сообщение через Кизляр с Астраханью.

И вот наступило утро 5 ноября. С криком «ура» командующий В. И. Кучура, все командиры, политработники и коммунисты, встав по сигналу во весь рост, вышли из окопов и личным примером увлекли за собой в атаку красноармейцев. Белые открыли беспощадный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь, но, несмотря на это, им так и не удалось остановить наступление. Бойцы ворвались в неприятельские окопы на Зольских высотах, провалили укрепления и вышли в тыл артиллерии.

Тем временем, как и было предусмотрено планом, Шариятская колонна под командованием Г. И. Мироненко стремительно отеснила белоказачьи полки от станицы Зольской к станице Мариинской. Враг, не ожидавший уда-

ра, дрогнул и стал в панике отходить к Солдатской и далее на Прохладную.

Успех был полный. Отходя, неприятель бросал хорошо оборудованные окопы, орудия, пулеметы и боеприпасы, в которых мы так нуждались.

Командование белых, придя в себя после первой растерянности, пыталось нормализовать положение на Прохладненском участке фронта и срочно стягивало сюда подкрепления из-под Кизляра, Грозного и Моздока, но все было напрасно.

Фланговые удары Г. И. Мироненко и частей Георгиевского боевого участка разваливали линию вражеской обороны. Из района села Степное на станции Курская и Елиссея обрушились полки 1-й Свято-Крестовской дивизии под командованием С. С. Чугуева. Благодаря этому удару в короткое время была создана реальная угроза со стороны наших войск Прохладной и Моздоку.

Удар следовал за ударом. Наконец 9 ноября, преодолевая отчаянное сопротивление противника, наши части освободили Прохладную. Командующий белоказацкими войсками генерал-майор Мистулов покончил с собой, его труп был обнаружен в помещении поспешно покинутого офицерами штаба.

Казачьи части с вооружением и боеприпасами всюду переходили на сторону Красной Армии. Это было очень примечательно. Примечательно было и то, как дружелюбно встречало нас население освобожденных нами казачьих станиц. Я говорю «примечательно», потому что в период гражданской войны колебания казачества и крестьянства были общеизвестным фактом. Колебания эти определялись разнообразными причинами, среди которых немаловажную роль сыграла политика продрозверстки, а также различное рода перегибы и случаи бестактности местных органов власти по отношению к трудящимся сел и казачьих станиц. В большей мере на настроение казачества и крестьянства влияли также успехи или временные неудачи Красной Армии. Когда мы били белых, как правило, трудовое крестьянство и казачество поддерживали Советскую власть, помогали продовольствием, лошадьми и транспортом.

Политработники Георгиевского боевого участка и Шариятской колонны во главе с ее политическим комиссаром Н. С. Никифоровым восстаивали в освобожденных

станицах органы Советской власти, проводили большую работу по вовлечению добровольцев в ряды Красной Армии.

Развивая первый успех, наши части стремительно двигались к Моздоку. 17 ноября на станции Котляревская произошла встреча подразделения Шариятской колонны с высланным из Владикавказа бронепоездом. Об этой встрече Г. К. Орджоникидзе, бывший в то время чрезвычайным комиссаром Юга России, телеграфировал в Москву, Владимиру Ильичу Ленину.

20 ноября мы вышли к Моздоку, последнему бастиону терской контрреволюции. В течение трех дней шла тщательная подготовка штурма. Наконец 23 ноября под натиском войск Шариятской колонны, Георгиевского и Свято-Крестовского боевых участков Моздок пал.

Через Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта нас поздравил с победой, одержанной на Тереке, В. И. Ленин.

Остатки белой армии отошли в Дагестан. Благодаря этому нами была установлена связь с 12-й армией. Теперь мы могли получить непосредственно из Астрахани обмундирование и боеприпасы.

Таким образом, задача, поставленная перед нашим боевым участком, была выполнена. Бойцы проявили образцы выдержки и героизма. Враг был разбит и отброшен за пределы Терской области.

Мы получили приветственную телеграмму от Г. К. Орджоникидзе, в которой он выражал искреннюю благодарность красноармейцам и командирам, участвовавшим в операциях по освобождению Прохладной и Моздока.

Приветствия поступали к нам также из Пятигорска. Вместе с тем нас нацеливали на продолжение борьбы, на укрепление боевого духа армии. Терек наш, но Кубань и Ставропольщина все еще в руках Деникина, Врангеля, Шкуро.

Главком Вооруженных Сил республики И. И. Вацетис и командование Каспийско-Кавказского фронта в Астрахани уже поставили перед Красной армией Северного Кавказа задачу по разгрому Деникина и освобождению Кубани и Ставрополья. В связи с этим мы получили приказ свести все части Георгиевского боевого участка в два полка, после чего немедленно начать их переброску на станцию Курсавская. Мы тут же приступили к выполнению приказа. В Моздок были поданы эшелоны.

Первым погрузился прославившийся в боях отряд Государственной станицы. Поезд тронулся. Однако, как нам вскоре стало известно, эшелон остановился в Георгиевске. Председатель Реввоенсовета Полуян, не поставив в известность командование боевого участка, разрешил отряду месячный отдых в родной станице.

Можно себе представить, с каким чувством возвращались казаки в Государственную! Но их ждали не белые хаты, не хлопцы с гармониями, не девчонки-красавицы, оставленные ими перед уходом в Красную Армию. Белые жестоко отомстили их родной станице. Многие хаты были сожжены, дворы разграблены, расстреляны родные и близкие красных казаков.

Когда я, встревоженный, еще ничего не зная о данном Полуяном разрешении, поехал в станицу, глазам моим предстало зрелище всеобщего горя. Казаков невозможно было вытащить из Государственной. Они разыскивали разбежавшихся по соседним станицам родных, чинили сожженные и разбитые хаты.

Только здесь я узнал о предоставленном казакам месячном отдыхе и выступил перед ними на митинге, состоявшемся за околицей станицы. Говорил о зверствах белых, о классовой ненависти, о необходимости довести нашу борьбу до победного конца. Женщины плакали, казаки с сухими, недобро блестящими глазами требовали суровой расправы.

Митинг закончился поздно вечером. Потом мы еще долго сидели в пропитанной махорочным дымом низкой горнице, говорили о трудной крестьянской жизни, о земле, о том, что будет в здешних местах лет этак через двадцать. Но о чем бы мы ни говорили, разговор все время возвращался к одному — скорее бы в бой. К месту зывали сожженные хаты и кровь замученных жен и матерей.

Возвращаясь в Моздок, я побывал еще в некоторых станицах, выступал перед казаками, рассказывал о трагедии, постигшей Государственную, призывал вступать в ряды Красной Армии.

В Моздоке меня ждала телефонограмма, предписывавшая мне немедленно выехать на станцию Курсавская. Вещей при мне почти не было, сборы были недолги.

По пути в Курсавскую я задержался в Пятигорске, чтобы повидаться там с руководящими товарищами из

политотдела армии и побеседовать с ними о моей будущей работе на Невинномысском боевом участке.

Здесь я снова встретился с Я. В. Полуяном, но теперь его отношение ко мне резко изменилось. Он дружески поздоровался со мной, провел в свой кабинет и стал увлеченно рассказывать об общей обстановке на участке, об организации в Астрахани Каспийско-Кавказского фронта в составе 11-й и 12-й армий, о переходе их в общее наступление против Деникина. Вместе с тем Полуян сетовал на плохое снабжение боеприпасами, обмундированием и медикаментами.

— Мало политработников, — сказал Полуян. — Не хватает политический литературы. Но мы возлагаем большие надежды на помощь из Астрахани.

Мы все тогда ждали из Астрахани подкреплений. Я согласился с Полуяном и добавил, что ждать теперь уже, видимо, осталось не долго. Вот разобьем Деникина, и все наладится.

— Деникина разобьем непременно, — подтвердил Полуян.

Мы тепло расстались. Никто из нас ни взглядом, ни жестом не намекнул на ту первую встречу в октябре, когда только вмешательство председателя ЦИК А. А. Рубина спасло мне жизнь.

К моему прибытию в Курсавскую Георгиевский стрелковый полк под командованием А. П. Сложеникина в составе одной тысячи шестисот семидесяти пяти пштыков и сорока двух сабель занимал боевые позиции в районе Суркули, Султановка, стойко обороняя свой участок от ежедневных атак отборных офицерских частей белых.

В. И. Кучура со штабом и группой политработников, в числе которых были Т. В. Зенковский, П. Коновалов, А. Юрин и вызванный из Грозного Г. Ф. Григоренко, энергично налаживали управление Невинномысским боевым участком. Руководителем интендантской службы был назначен Г. Ф. Одинец.

В состав боевого участка, кроме Георгиевского полка, входили: 2-й Таганрогский полк под командованием товарища Смирнова (ранее им командовал Леонид Шкура, мой земляк по Донбассу), 1-й Красный полк под командованием товарища Бутко и ряд других частей. Все они занимали позиции в окопах неполного профиля вправо и влево от железнодорожного полотна, примерно километрах

в трех-четыре от станции Курсавской. Впереди была станция Невинномысская, захваченная первого ноября белыми.

Приступив к работе, я часто, иногда по нескольку раз в день, посещал окопы. В составе Таганрогского и Красного полков оказалось много шахтеров из Донбасса, рабочих из Таганрога и Ростова — моих земляков.

Мы подолгу разговаривали, вспоминали родные места, общих знакомых по революционной работе. Красноармейцы были глубоко убеждены в победе над белой армией Деникина. Они хорошо знали, за что воюют. К пяти все еще недавно гнули спину на капиталистов. Теперь шахты и заводы стали собственностью народа, а Деникин слова хочет вернуть старые порядки.

— Ничего у него из этого не выйдет, — твердо говорили бойцы. — Пусть ему и помогает Антанта. Мы, рабочие, теперь хорошо знаем, что такое свобода, и никому ее не отдадим.

Как это важно для политработника — добиться открытости со стороны бойцов! А завоевывается она не просто. Не сидя в штабном вагоне кукут комиссары свой авторитет. Авторитет куется на позициях, в раскисших, залитых водой окопах, в зимнюю стужу, в смертельной схватке, когда комиссар — впереди, когда первая пуля — ему, а он презирает смерть и учит презирать ее вставших за ним в атаку красноармейцев.

Общаясь с бойцами, ежедневно находясь среди них, мы видели все их нужды, убеждались на каждом шагу, как крепка их вера в партию Ленина, насколько глубоко их классовое революционное сознание. Да и мы сами, будучи очевидцами их беспримерного героизма, получали от общения с ними прекрасную моральную зарядку.

На Невинномысском участке кроме рабочих Донбасса, Ростова, Георгиевска, Минеральных Вод и Пятигорска бок о бок сражались ставропольские крестьяне, терские казаки и горцы Северного Кавказа, а также лихие кубанские казаки бригады прославленного Кочубея. Половине красноармейцев и командиров было в ту пору не более двадцати пяти лет, да и мне самому тогда шел только двадцать первый год. Все мы были молоды, энергичны, полны горячего задора, жажды подвига.

Для нас не существовало дел опасных или невозможных. Мы жили самой атмосферой постоянной опасности,

дышали воздухом, наполненным пороховым дымом, рвались туда, где было труднее всего. Ни о каком уюте не могло быть и речи. Спали где придется и как придется — в окопе, на вокзале, на полу вагона, накрывшись кожанкой или старенькой шинелью.

Революция творила чудеса, выявляла блестящие таланты, ломала все привычное, приевшееся, широко открывала дорогу творческому поиску. Сколько прекрасных полководцев подняла она на своем могучем гребне, сколько вырастила отличных политработников!

Но вернусь к своему рассказу. На станции Курсавской находился в декабре 1918 года также штаб 9-й колонны, командиром которой после Я. Ф. Балахонова был товарищ Пронников, а начальником штаба товарищ Хосудовский. В состав боевой колонны входили три боевых участка: Невинномысский, Суворовский и Кисловодско-Боргустанский. Из Курсавской в направлении станций Воровсколеская и Баталпашинская действовала кавалерийская бригада И. А. Кочубея, штаб которой размещался в Суркулях. В двадцатых числах декабря на Невинномысский боевой участок прибыла из-под Моздока 1-я Свято-Крестовская стрелковая дивизия под командованием С. С. Чугуева численностью в шестьсот пштыков при пятнадцати пулеметах и восьми орудиях.

Был перебазирован к нам и бронепоезд № 25 под командованием Падалкина, а также бронепоезд «Коммунист». Эти две стальные крепости оказывали нашему участку незаменимую поддержку, постоянно держа под обстрелом своих орудий вражеские позиции.

В декабре в Курсавскую часто приезжали вновь назначенный командарм В. Крузе, помощник командарма и член Реввоенсовета И. Ф. Федько, а также комиссар А. Г. Бурле. В их штабном вагоне проходили совещания, на которых присутствовали В. И. Кучура, И. А. Кочубей, В. Т. Кандыбин, начальник 9-й колонны С. И. Пронников и его начальник штаба Хосудовский.

Обстановка во время таких совещаний была непринужденная и деловая. Командарм внимательно вслушивал наши претензии, делал подробные записи и обещал помочь всем, что было в его силах. Мы часто ощущали эту помощь, но понимали также, что не все зависит от командарма. Недостаток боеприпасов, например, чувствовался

повсюду, и сделать что-либо в этом направлении было очень трудно.

На одном из таких совещаний речь зашла о наших соображениях по поводу дальнейших действий против деникинских войск в направлении на Баталпашинскую, Невинномысскую и Армавир. Помкомандарма И. Ф. Федько развернул на столе карту-десятиверстку, все склонились над ней, и командарм поставил нам боевые задачи по отражению противника. При этом он подчеркнул:

— Крайне необходимо иметь подвижные резервы на случай проникновения в наши тылы неприятельской конницы.

— Против войск Невинномысского участка действуют отборные офицерские полки, — добавил Федько, — а также казачья конница Шкуро, входящая в состав 3-го армейского корпуса Денякина.

В декабре, на станции Курсавской, я встретился с Федько впервые. Впоследствии, в 1919—1920 годах, мы вместе учились в военной академии, вместе служили в армии. Первое знакомство у карты-десятиверстки переросло в крепкую дружбу.

В течение всего декабря деникинское командование тщетно пыталось взять реванш за разгром на Тереке. В его планы входило взятие Минеральных Вод, Кисловодска, Пятигорска, Георгиевска и Святого Креста. Но все его усилия неизменно разбивались о стойкое сопротивление наших войск, хотя вооружен и обмундирован враг был отлично, нехватки в боеприпасах не ощущал, сытно ел и спал в хорошо оборудованных окопах.

Несколько раз станция Воровсколеская и Воровсколеские высоты переходили из рук в руки. Враг делал все возможное, чтобы удержаться на высотах, но налетала лихая кавалерийская бригада Кочубея, с гиком проносились по лесистым склонам — и враг не выдерживал, бежал, оставляя на высотах множество раненых и убитых.

Мне не раз приходилось встречаться с И. А. Кочубеем как в боевой обстановке, так и в штабе в вечернее время после боя.

Был Кочубей ничем не примечателен с виду — среднего роста, блондин, коротко стрижен. Носил он белую мохнатую папаху, казачий бешмет из коричневого кавказского сукда с газырями, мягкие сапоги с резиновыми галошами. Дополняли этот экзотический наряд кавказская

В. Т. Сухоруков

П. М. Ипатов

Н. Ф. Гикало

С. С. Чугуев

К. М. Рыльский

Г. А. Кочергин

С. М. Киров среди начальствующего состава 11-й армии

паника и револьвер. Ходил Кочубей легко, словно на крыльях летал, весь — стремительное движение, весь — горячий порыв. Он люто ненавидел белых, всей душой был предан Советской власти. Его хорошо знали и понимали бойцы. И пользовался он среди них огромной любовью — не только как командир, но и как человек, знающий и понимающий нужды каждого.

Его часто можно было встретить на стоянке у красноармейского костра, запросто сидящего с казаками, беседующего с ними о жизни. Он не имел образования, но внутренним чутьем сразу и безошибочно разбирался в человеке.

Там, где появлялся Кочубей, враг чувствовал себя неудобно. Стремительные атаки его конницы вселяли в ряды белых панику. Сам Кочубей всегда был впереди. Пули миловали его, он проносился как вихрь, его белая папаха мелькала в самой гуще схватки.

Кочубей был внимательным и благодарным слушателем. Недостатки своего образования он старался восполнить беседами с бывалыми людьми. Особенно жадно впитывал он правду о Советской власти, о Владимире Ильиче Ленине, о Коммунистической партии. Мы засиживались с ним долгими вечерами, он расспрашивал меня о Москве, о Царицыне, интересовался людьми, с которыми мне приходилось работать.

Я всегда решительно выступал против попыток принизить его самобытную личность. К сожалению, из-за ограниченности своего общего политического развития Кочубей в свое время не смог правильно уяснить себе истинных причин катастрофы 11-й армии, оставившей Северный Кавказ и отступившей на Астрахань. Не смог он объяснить этих причин и своим бойцам.

Кочубей трагически погиб в стане врага, куда он пошел, будучи совершенно больным. Но для нас, советских людей, он был и остался героем гражданской войны, светлой личностью, человеком из народной легенды.

Возвращаясь к описанию событий в районе Курсавской, мне хочется остановиться на двух эпизодах, характеризующих умелое руководство нашими боевыми операциями и мужественное поведение красноармейцев.

Первый произошел 15 или 16 декабря на позициях, которые занимал Георгиевский стрелковый полк под командованием А. П. Сложеникина. Был по-настоящему зимний

морозный день. С утра замела легкая поземка. Около одиннадцати часов мы с В. И. Кучурой прибыли в окопы, чтобы побеседовать с бойцами и командирами о предстоящей операции. Едва мы успели добраться до командного пункта, как кто-то крикнул:

— Белые!

Я приподнялся и посмотрел через бруствер. Неприятель, рассыпавшись по белому полю, наступал редкими цепями. Раздавались одиночные выстрелы, потом над нашими головами стали рваться снаряды. А. П. Сложеникин, быстро оценив обстановку, принял решение предпринять контратаку. С криком «ура» бойцы, взяв винтовки наперевес, рванулись навстречу противнику.

Цепи быстро сближались, как вдруг из-за бугра вынырнула белоказачья конница и, обойдя свою пехоту, ринулась на наши цепи. Создалось очень опасное положение.

Конница приближалась, были уже видны лица склонившихся к лукам казаков, клинки смутно сверкали в морозном воздухе. Однако бойцы не дрогнули. По приказу Сложеникина, переданному вдоль залегшей в снегу цепи, бойцы открыли по казакам сокрушительный ружейно-пулеметный огонь.

Атака белых захлебнулась. Правда, кое-кому из казаков удалось прорваться в наше расположение, но они были тут же сброшены с коней.

Буквально на спинах отступающих наши подразделения скатились в балку, где отсиживалась пехота, и в ожесточенной штыковой схватке вынудили ее отойти на свои позиции.

Другой случай произошел 19 декабря, в день рождения царя. Видимо, белые хотели отпраздновать его грандиозным фейерверком — они тщательно подготовили наступление, выдали офицерам по солидной порции спиртного, но снова попали впросак.

А дело было так. Отступая в свое время от Курсавской, белые в спешке забыли повредить телефонную линию, и наши телефонисты подслушали их переговоры. День и час наступления стал известен. Мы, естественно, подготовили монархическому офицерству достойную встречу.

Вели себя белые в тот день нахально. Шли при всем параде, в рост, с папиросками во рту и винтовками наперевес, не обращая внимания на открытую местность и наш редкий огонь. Они и не догадывались, что главный сюр-

приз впереди, что нашим бойцам дан приказ подпустить атакующие цепи на четыреста-пятьсот метров.

Волновались мы, конечно, сильно. Но нервы наших бойцов оказались в полном порядке. И лишь когда по цепям прокатилась короткая команда «Огонь!», властно заговорили пулеметы. Оба бронепоезда, приданные нашим частям, тоже вышли на огневую позицию и стали поливать неприятеля осколочными снарядами.

С пением «Интернационала» бойцы поднялись в контратаку. Офицеры обратились в позорное бегство. Наши части преследовали их до самой станции Киан.

Дорого обошлись монархистам именины незадачливого царя. А мы одержали в тот день еще одну крупную победу.

То, что бойцы стойко удерживали наши позиции в районе Курсавской, имело большое оперативное значение. 11-я армия, сковавшая на Северном Кавказе самую крупную военную группировку контрреволюции — армию Дедюкина, облегчала армиям Южного фронта разгром белоказачьих войск генерала Краснова, стремившихся овладеть Доном.

Улучшилась к тому времени и международная обстановка. Революция в Германии привела к разложению немецкой армии, подорвала ее боеспособность. Под мощными ударами Красной Армии оккупанты постепенно откатывались на запад. Донские контрреволюционеры, опиравшиеся на Вильгельма, оказались без реальной поддержки. Правда, теперь они обратили свои взоры к странам Антанты, но для того, чтобы дожидаться от союзников какой-либо помощи, требовалось время. А пока время работало на нас.

23 декабря 1918 года я получил телеграмму Реввоенсовета 11-й армии за подписью Полуяна, в которой мне предписывалось немедленно прибыть в Георгиевск для вступления в должность политического комиссара 4-й стрелковой дивизии. Как ни жаль было расставаться со своими боевыми товарищами, а приказ есть приказ. Обратившись с просьбой в политотдел армии, я получил разрешение взять с собой на новую работу некоторых политработников. Мой выбор пал на А. Юрина, Т. Зенковского, П. Коновалова и Г. Григоренко.

Нам выделили теплушку, провожать нас приехали В. Кучура и другие штабные работники. Мы крепко обнялись —

как знать, доведется ли встретиться еще раз: время тревожное. Поезд поскрипел тормозами и тронулся. Замелькали по сторонам белые степи с далекими станциями и ныряющими в балки темными дорогами.

В тот же день мы прибыли в Георгиевск, встретивший нас продуваемым зимним ветром улицами, заклеенными листовками заборами. Часто попадались патрули, нас останавливали и проверяли документы.

В Георгиевске в то время находился переехавший из Пятигорска Реввоенсовет и штаб 11-й армии. Оставив товарищей в вестибюле, я отправился к Полуянцу и начальнику политотдела армии товарищу Акулову, который в свое время замещал расстрелянного Сорокинским А. А. Рубина на посту председателя ЦИК Северо-Кавказской республики. Сам ЦИК в конце ноября был преобразован в Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет, председателем которого был избран И. И. Подвойский.

В беседе со мной товарищ Полуянц отметил, что Реввоенсовет придает большое значение 2-му Ставропольскому корпусу, ныне реорганизованному в 4-ю стрелковую дивизию.

— В дивизии необходимо поднять роль политических комиссаров, — подчеркнул Полуянц. — Вы имеете опыт работы в боевых условиях. Поэтому Реввоенсовет и назначил сюда именно вас. Штаб дивизии располагается в селе Воздвиженском. В ваше распоряжение поступает легковой автомобиль, только что вышедший из ремонта. Не улыбайтесь, в Ставрополье автомобиль вам очень понадобится, и вы еще будете меня благодарить. Фронт разбросан на участке в семьдесят-восемьдесят километров, пешком вы там не находитесь. А сейчас зайдите к начальнику штаба армии товарищу Пересвету и к начальнику оперативного отдела Левандовскому для информации о задачах реорганизации корпуса в 4-ю стрелковую дивизию, — закончил нашу беседу Полуянц.

Начальник штаба армии Б. Пересвет вручил мне пакет с шифром «Волга» для связи дивизии со штабом, а Левандовский, с которым я познакомился впервые, подошел к карте и подробно ознакомил меня с расположением наших войск и войск противника, а также с боевой задачей, поставленной командованием 11-й армии 2-му Ставропольскому корпусу.

— Не забудьте взять приказ о реорганизации корпуса

в стрелковую дивизию девятиполкового состава, — сказал он, вручая мне отпечатанный на машинке текст приказа.

Весь день я провел в приготовлениях к отъезду. А перед самой погрузкой в теплушку вдруг выяснилось, что Григоренко и Падалкин заболели тифом и находятся в армейском госпитале. Я тотчас же отправился к ним, но в палату меня не пустили. Мои друзья были в тяжелом состоянии, и я вынужден был оставить их в Георгиевске.

На станции меня ждал Зенковский. Оказывается, он получил недельный отпуск для поездки к семье в станцию Солдатскую, откуда был родом.

— Через неделю буду у тебя, Василий Тимофеевич, — твердо пообещал он.

Но мы с ним больше не встретились. Приехав в Солдатскую, Зенковский заболел тифом, а после отступления 11-й армии был схвачен белыми и расстрелян в марте 1919 года. С Зенковским мы были особенно близки. Я знал его еще по Тифлисскому землемерному училищу, участвовал с ним в подпольном революционном кружке, в котором тогда состоял и Л. Тандит, работавший впоследствии в аппарате ЦК ВКП(б). Через Зенковского мы поддерживали связь с его станичниками — терскими казаками, служившими в конвойной сотне наместника царя на Кавказе.

Вот почему гибель Зенковского я переживал особенно тяжело. Но в тот вечер на станции в Георгиевске никто из нас еще ничего не знал о том, что будет с нами через три месяца. Полный оптимизма и радужных надежд, Зенковский искренне радовался тому, что повидается со своей семьей.

Вместе со мной в теплушке ехал высокого роста черпобородый мужчина в высокой шапке и серой офицерской шинели. Мы познакомились, и я узнал, что это инспектор политотдела армии Г. А. Кереметчи и что он едет в Таманскую армию для вручения ей Красного знамени, которым крайисполком и Реввоенсовет наградили армию за боевые отличия в 1918 году.

До Святого Креста, где нам предстояла пересадка, пути добрых четыре часа, и мы за это время вволю наговорились. Кереметчи произвел на всех нас, ехавших с ним в теплушке, приятное впечатление. Скоро по краям полотна замелькали жилые постройки, пакгаузы, товарные составы, застучали стрелки, и мы остановились. Кереметчи

попрощался с нами на забытых народом привокзальных путях.

К декабрю 1918 года Святой Крест превратился в крупную базу снабжения 11-й армии. Сюда на автомашинах, верблюдах и гужевым транспортом поступали из Астрахани через Яшкуль и Арагир боеприпасы, медикаменты и политическая литература.

В Святом Кресте мы пересели на предоставленный в наше распоряжение окрашенный в ярко-красный цвет автомобиль и немедленно выехали в село Воздвиженское. Здесь я встретил пребывавшего до 5 января 1919 года в должности командира корпуса и начальника 4-й стрелковой дивизии Г. А. Топунова, комиссара корпуса В. И. Берлова, от которого мне перешли все дела, И. Лихачева, штабных работников Г. И. Овчинникова, Дубинина и В. И. Матузенко, прибывшего незадолго до меня из Георгиевска на должность начальника штаба 4-й стрелковой дивизии, а с 5 января 1919 года временно исполнявшего обязанности начальника дивизии.

Начальнику штаба корпуса И. Лихачеву я вручил шифр «Волга», приказы и распоряжения командования 11-й армии.

В тот же день я познакомился со многими бойцами и командирами — с И. Р. Апанасенко, С. В. Неговоры, А. С. Вдовиченко, К. А. Труновым, В. И. Книгой, И. Г. Зиберовым, С. С. Закстой и комиссаром кавалерийской дивизии К. Л. Пантосом.

Зная из своего старого опыта, что начинать политическую работу следует с партийных ячеек в частях и подразделениях и с тщательной проверки их боевой готовности, я вместе с Юриным составил подробный план агитационной работы, который охватывал не только наших бойцов, но и местное крестьянское население, и ознакомил с этим планом коммунистов.

В результате откровенных бесед с красноармейцами у меня создалось неплохое впечатление о политико-моральном состоянии дивизии. Видно, и до нас в воинских подразделениях хорошо поработали комиссары. Бойцы знали, за что они воюют, неплохо ориентировались в политической обстановке и были в подавляющей своей массе преданы делу революции.

Обстановка на фронте характеризовалась упорными боями под Виподельным, Большой и Малой Джалгой и

Дербетовском. Левее нас, по реке Калаус, располагалась 3-я Таманская стрелковая дивизия, в составе которой было до трех тысяч крестьян-ставропольцев, мобилизованных командованием Таманской армии без надлежащего классического отбора.

На стыке между 3-й и 4-й дивизиями находился белогвардейский казачий конный корпус генерала Врангеля, наносивший удары то по левому флангу 4-й стрелковой дивизии, то по правому флангу таманцев в направлении Донская Балка, Благодарное.

Правый фланг 4-й стрелковой дивизии упирался в реку Маныч и обеспечивался стоявшими по ту сторону Маныча в районе Приютное — Ремонтное — Заветное Элистинской стрелковой дивизией и Черноярской бригадой 10-й армии Южного фронта.

На фронте протяженностью в восемьдесят километров вместе с 4-й стрелковой дивизией действовала 1-я Ставропольская кавалерийская дивизия под командованием С. В. Неговоры, бывшего вахмистра, и политического комиссара К. Л. Пантоса, скатеринодарского рабочего. Начальником штаба у них был коммунист И. Г. Зиберов, энергичный, трудолюбивый человек, пользовавшийся заслуженным авторитетом среди красноармейцев.

В состав кавалерийской дивизии входили четыре полка. Первым командовали И. В. Селиванов и Д. Т. Деркач, вторым — И. Чумаков, третьим — Т. Шейко, четвертым — В. И. Книга и В. С. Голубовский. В оперативном отношении кавалерийская дивизия подчинялась командованию 4-й стрелковой дивизии, ставившему ей боевые задачи по совместным действиям с пехотой.

После реорганизации корпуса в 4-й стрелковой дивизии было образовано три бригады. Первой командовал К. А. Трунов, второй — И. Р. Апанасенко, третьей — товарищ Колодяев.

Кроме стрелковых бригад в дивизии была создана артиллерийская бригада в составе пятнадцати орудий. Несколько позже был создан политический отдел, ответственность за который возложили на товарища Романа.

Общая численность 4-й стрелковой дивизии вместе с 1-й Ставропольской кавалерийской дивизией без 1-го кавалерийского полка составляла свыше двадцати тысяч бойцов при пятидесяти пулеметах и пятнадцати орудиях.

Тридцатого декабря в селе Дивном было созвано совещание командиров и комиссаров дивизий, на котором я выступил с речью о значении политработы среди войск и населения и о задачах по повышению дисциплины и боеспособности войск.

Наряду с агитацией, которую мы систематически проводили в наших войсках, нами предпринимались также некоторые шаги в деле морального разложения войск противника. С этой целью мы писали листовки и воззвания и передавали их через пленных и население во вражеский тыл. Печатание таких воззваний было делом нелегким из-за отсутствия исправных пишущих машинок и недостаточного количества бумаги. Мы рассказывали солдатам, обманутым офицерами, правду о Советской власти, доводили до их сознания декреты рабоче-крестьянского правительства о мире и о земле, призывали переходить на сторону Красной Армии.

Как я уже говорил, население освобожденных районов относилось к нам доброжелательно. Благодаря этому мы не испытывали острого недостатка в продовольствии, фуражке и гужевом транспорте. Однако приходилось быть всегда начеку и много работать, чтобы закрепить авторитет Советской власти.

Мне вспоминается одно собрание в селе Воздвиженском, на котором присутствовали крестьяне села и эскадроны кавалерийского полка. На нем мне поручили выступить с докладом о наших задачах в борьбе с Деникиным.

Сначала все шло хорошо. Но как только я начал говорить о Коммунистической партии, из толпы стоявших рядом крестьян раздались возгласы:

— Нам не нужно коммуни. Мы за Ленина!

Несколько человек потянулись к телеге, на которой я стоял. Они пытались стащить меня и не дать говорить. Тогда я спрыгнул с телеги и вскарабкался на забор.

Толпа волновалась. Я стал объяснять крестьянам, что Владимир Ильич Ленин тоже коммунист, что большевистская партия в марте 1918 года на Седьмом съезде переименована в РКП(б) и что большевики — те же коммунисты.

Постепенно страсти улеглись. Мужики успокоились и стали слушать меня внимательно. Они даже подшучивали друг над другом и смущенно поглядывали в мою сторону.

— Идите в Красную Армию, — говорил я, — поддерживайте ее продовольствием и людьми. Красная Армия наша защитница. От ее успехов зависит, будем ли мы жить свободно или снова попадем в ярмо к богатым, останется ли земля за крестьянами или ее опять вернут помещикам...

После митинга, когда я слез с забора, крестьяне окружили меня.

— Вот так надо было и раньше объявить, чтобы крестьяне знали правду, — сказал один из них и добавил, что он согласен вступить в Красную Армию. — Где тут у вас записывают? — поинтересовался он.

В те дни наши войска, согласно общему плану, готовились к наступлению. Оно было назначено на 4 января, но фактически 1, 2 и 3-я стрелковые дивизии начали его раньше — 1-го числа, добившись заметных успехов под Баталпашинской и в районе Грушевки.

4-я стрелковая и 1-я Ставропольская кавалерийская дивизии тоже атаковали группу войск генерала Станкевича и заняли расположенные по реке Калаус села Винодельное, Дербетовское и некоторые другие.

Казалось, путь для широкого наступления по всему фронту был открыт, как вдруг 4-го утром командир дивизии получил телеграмму из штаба армии, в которой сообщалось, что крупные силы противника прорвали оборону 3-й Таманской стрелковой дивизии и развивают свой успех в направлении Благодарного, угрожая Георгиевску и Святому Кресту. Враг стремился отрезать ударную группировку нашей армии, нацеленную на Невинномысскую.

Мы понимали, что это значит. Прорывом фронта белые сделали невыполнимым план наступления всей 11-й армии. Необходимо было срочно принимать ответные меры, и в первую очередь оказать помощь нашему соседу — 3-й Таманской дивизии, на участке которой была прорвана оборона. На экстренном совещании у товарища Матузенко было решено бросить 1-ю кавалерийскую дивизию в тыл наступавшей на Благодарное и Георгиевск белой конницы Врангеля, отвлечь на себя ее удар, попытаться приостановить или хотя бы задержать наступление противника. Тем временем командующий 11-й армией сможет перегруппировать силы и нанести контрудар с целью ликвидации прорыва.

9 января Ставропольская кавалерийская дивизия в составе трех кавалерийских полков вышла на юг, заняла село Овоци и выдвинула боевую разведку в сторону Благодарного.

Складывалось впечатление, что положение 4-й стрелковой дивизии не внушает особых опасений. Но общая обстановка на фронте с каждым днем продолжала ухудшаться. Была прервана связь со штабом. В район расположения нашей дивизии отошел батальон из бригады И. Т. Яворского 3-й Таманской дивизии, и мы влили его в свой состав. Остатки же самой бригады отходили на Элисту.

Разведка 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии доносила, что части 3-й Таманской стрелковой дивизии и конницы Кочергина покинули Благодарное и отступили к Святому Кресту, не оказав противнику серьезного сопротивления. По пятам за ними шли две конные дивизии белых. Кубанская казачья дивизия Улагая нацелила острие своего удара на Святой Крест, другая — на Георгиевск.

В такой обстановке мы не могли рисковать бойцами и потому немедленно отозвали конницу, находившуюся в селе Овоци, в расположение своих войск.

В это время в Воздвиженское прибыли бывший командующий Северным фронтом Е. Н. Ригельман и политический комиссар 11-й армии А. Г. Бурле. Мы ознакомили их с нашим планом контрудара четырех стрелковых полков на Винодельное, Большую и Малую Джалгу и рейдом кавалерийской группы на Овоци. Они сказали, что план этот был ими в свое время одобрен, но в момент прорыва фронта 3-й Таманской дивизии их приказы запоздали.

— Сейчас вам предстоит действовать самостоятельно, — сказал Бурле. — Как вы знаете, связь с командованием армии не восстановлена, а управление Северным фронтом ликвидировано приказом командующего 11-й армией.

Ригельман добавил, что во главе 11-й армии поставлен теперь М. К. Левандовский.

Собравшись у В. И. Матузенко, мы обсудили возможные варианты наших дальнейших действий. Выбор был невелик. По первому варианту 4-я стрелковая дивизия оставалась в прежнем районе и вела оборонительные бои на заранее подготовленных рубежах. По второму вариан-

ту предлагался короткий отход за Маныч, продолжение наступательных боевых действий в направлении железной дороги Тихорецкая — Царицын с одновременным захватом прочной обороны вдоль берега реки. По третьему варианту нам предстоял изнурительный трехсоткилометровый отход на Астрахань. По четвертому — трехсоткилометровый отход с боями на Царицын, на соединение с 10-й армией Южного фронта.

Наиболее приемлемой мне представлялась возможность продолжения боевых действий без длительной оперативной паузы в направлении Великокняжеская (Пролетарская), Котельниково с целью прервать железнодорожное сообщение в районе станции Тихорецкой и не допустить переброски войск Деникина с Северного Кавказа на Царицын. Вместе с тем, обороняясь на рубеже реки Маныч, мы могли создать постоянную угрозу вторжения в Ставрополье. Развивая наступление по тракту на Царицын из района Заветного на Киселевку, мы оказали бы существенную помощь 10-й армии. И наконец, мы могли бы в случае необходимости прикрыть Астрахань со стороны Элисты и Янгуля.

Все это обеспечивал второй вариант, предусматривавший короткий отход за Маныч. Большая часть командного и политического состава обеих ставропольских дивизий была настроена по-боевому. Все сходилось на одном мнении, которое совпадало и с моим, — сражаться за Манычем, вблизи Ставрополя.

К сожалению, намерения командования 11-й армии и Каспийско-Кавказского фронта нам не были известны. Расстояние между отходящими колоннами 11-й армии и нами с каждым днем увеличивалось и делало невозможным координацию действий войск 4-й дивизии и отступавших 1, 2 и 3-й. В связи с этим перед нами встала задача сохранения боеспособности и политической устойчивости двадцати тысяч бойцов 4-й стрелковой и 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии для того, чтобы принести наибольшую пользу Красной Армии, сражавшейся на Юге России.

Именно в этот момент, в момент тяжелых испытаний, необычайно повысилась роль политического комиссара, призванного найти правильный ориентир в калейдоскопе быстро меняющихся событий, насыщенных острыми противоречиями и обострившейся классовой борьбой. Необ-

ходимо было добиться принятия такого плана дальнейших боевых действий, который отвечал бы стратегическим замыслам Главного командования, увязывался бы с действиями армий Южного фронта и согласовывался с усилиями командования Каспийско-Кавказского фронта в деле восстановления боеспособности 11-й армии и обеспечения надежной обороны Астрахани.

Я настаивал на отводе войск за Маныч, однако совершенно неожиданно столкнулся с препятствиями, речь о которых пойдет ниже. Но сначала мне хотелось бы остановиться хотя бы вкратце на той политической обстановке, которая сложилась в Ставрополе в связи с неудачами 11-й армии. Неудачи эти эхом отозвались на построении ставропольского крестьянства. Активизировалось кулацкое, начав открытую контрреволюционную пропаганду, совершая убийства советских работников и призывая бойцов-односельчан разойтись по домам. Начала проявлять признаки колебания значительная часть крестьян-середняков, которым мы в свое время были многим обязаны, получая от них все, что нам было необходимо из продовольствия и фуража. Классовая борьба приняла острые, драматические формы. Ведняки продолжали оставаться прочной опорой Советской власти. И именно на них предстояло нам теперь опираться в нашей практической работе.

Учитывая остроту момента, мы всячески старались сохранить инициативу, неустанно выступали на собраниях и митингах, разоблачая контрреволюционную деятельность кулаков и призывая трудовое крестьянство выступать против Деникина. Делали все возможное для нейтрализации середняка, укрепления его союза с беднотой и против поднимающего голову кулачества.

Видимо, эти моменты косвенно отразились на информации исполняющего обязанности начальника 4-й стрелковой дивизии Реввоенсовету 11-й армии. Выводы, к которым он пришел, представлялись мне совершенно необоснованными, и об этом я говорил ему. Но В. И. Матузенко неизменно настаивал на своем.

Я бы не стал говорить с такими подробностями, если бы весьма субъективная информация В. И. Матузенко не явилась источником неправильного понимания некоторых моментов гражданской войны на Северном Кавказе. Считаю необходимым внести ясность в этот вопрос,

связанный с героической страницей борьбы за Советскую власть в Ставрополе.

Дело было так. 12 января, не посоветовавшись со мной, В. И. Матузенко написал доклад и отправил его в Реввоенсовет 11-й армии. В докладе, в частности, говорилось:

«В дивизии назревало брожение, подготовлялось избивание коммунистов. Население настроено враждебно к нам. Учтя все это, я понял, что отступление только прибавит в ряды противника лишнюю дивизию».

Получив информацию, в которой сообщалось, с одной стороны, об успешных действиях стрелковых полков в направлении Винодельное — Дербетовское и 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии в районе села Овоци, а с другой стороны, о возможности распада дивизии в случае ее отступления на Арзгир, Реввоенсовет армии усмотрел в факте успешных боевых действий ставропольских войск единственную надежду на восстановление положения 11-й армии на всем фронте. Исходя из этого, 23 января 1919 года Реввоенсовет за подписью командарма М. К. Левандовского, Я. В. Полуяна, Д. Одарюка и Б. Мдивани отдал начальнику 4-й стрелковой дивизии приказ следующего содержания:

«Приказываю вам развить наивысшую активность на Святой Крест с целью занять его и связаться с частями 3-й дивизии, оперирующими под Степной и Соломенной.

Помните, что от решительности, настойчивости и быстроты ваших действий зависит все наше положение и возвращение обратно взятых противником городов, а по-сему Революционный военный совет приказывает вам немедленно и во что бы то ни стало выполнить указанную задачу и ни в коем случае не допускать и мысли об отходе за Маныч, или к 10-й армии, или в другом каком направлении».

Из этого приказа видно, что ставропольским войскам отводилась важная роль в деле организации контрнаступления против Деникина. Отвергая пессимизм начальника В. И. Матузенко, утверждавшего, что мы сидим чуть ли не на вулкане, Реввоенсовет дал положительную оценку действиям ставропольских войск к концу января 1919 года.

Деникин и Врангель в своих воспоминаниях также расценивали действия ставропольских войск в тот период

как попытку улучшить положение всей 11-й армии. Они указывали при этом, что для ликвидации успешного наступления ставропольцев потребовалось срочно бросить против них резерв главного командования, состоявший из двух пехотных полков и артиллерийских батарей.

К сожалению, Реввоенсовет 11-й армии не смог, как он намеревался, остановить в районе Прохладной отступающие 1, 2 и 3-ю стрелковые дивизии, не смог повернуть их на Владикавказ, как этого требовал Г. К. Орджоникидзе.

24 января, то есть на следующий день после отдачи приказа, предписывавшего начдиву 4-й стрелковой дивизии развернуть наступательные операции в направлении Святого Креста, Реввоенсовет сам выехал из Прохладной на Моздок — Кизляр.

Продолжающееся поспешное отступление частей 11-й армии и оставление Прохладной дало основание Г. К. Орджоникидзе телеграфировать В. И. Ленину о том, что 11-й армии больше не существует.

Таким образом, наступление ставропольских войск на Святой Крест теряло всякий смысл. Более того, оно было опасным и могло привести к полному разгрому. Ведь именно на этот случай Деникин и приберет в Святом Кресте 2-ю Кубанскую казачью дивизию.

Решение об отходе за Маныч было принято без колебаний. Мы запаслись фуражом и хлебом и 27 января начали отходить на Дивное, а оттуда через Маныч в Приютное, Кормовое и Кресты.

Переправа была трудной. Пехотные части, обоз и тыловые учреждения прикрывала 1-я Ставропольская кавалерийская дивизия. Части 3-й бригады 4-й стрелковой дивизии отошли в район Элисты.

По пятам за нами следовали регулярные части белых, в тылу орудовали вооруженные банды кулаков. Во время ночевки в селе Дивном кулаки убили командира артдивизиона. К сожалению, их не удалось выловить, так как на рассвете наши части начали переход через Маныч.

В Приютном противника сдерживал окопавшийся на берегу 10-й стрелковый полк под командованием Д. О. Положишникова. Его наблюдательный пункт был расположен на церковной колокольне. Отсюда вся местность до Маныча просматривалась как на ладони.

Прячась за домами от посвистывающих вокруг пуль, и пробрался к Положишникову на колокольню. Он указал мне биноклем в сторону Царицына, где уже сосредоточивались главные силы 4-й стрелковой и 1-й кавалерийской дивизий. Нанни были также в районах Кормового, Крестов и Ремонтного, расположенных вдоль тракта Ставрополь — Царицын.

Постепенно на землю опустились сумерки. С наступлением темноты бой прекратился, и я отправился в Кормовое. Выставив охранение в сторону Маныча, Положишников остался на ночлеге в Приютном. У него был приказ во что бы то ни стало удержать Приютное, чтобы дать нашим полкам возможность окопаться в указанных им районах.

Трудно было бойцам покидать родные места, с болью в сердце переходили они через Маныч — ведь очень многие из них были родом из Ставрополя.

Переход за Маныч очистил наши части от некоторых колеблющихся элементов, решивших остаться на родной земле. Количественно 4-я стрелковая дивизия несколько пострадала, но зато качественно укрепила свои ряды, оставаясь, как и прежде, крупной боевой единицей. Что же касается 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии и артиллерийской бригады, то отсев этот их почти совсем не коснулся.

Переправившись через Маныч, мы с нетерпением ждали встречи с другими соединениями Красной Армии, которые, как мы знали, должны были находиться где-то поблизости. Однако лишь на следующий день, 29 января, мы натолкнулись на разведку Элистинской стрелковой дивизии. В Кормовом нас ждали представители 10-й армии Т. П. Кузьмин и И. И. Кучин, а также начальник Элистинской дивизии товарищ Репяхов. От них мы узнали, что Элистинская дивизия численностью в две тысячи человек и Черноморская бригада в составе стрелкового и кавалерийского полков под командованием товарища Колесова общей численностью в восемьсот человек потеряли связь с 10-й армией.

У нас положение было не лучше. Мы также не знали, где находится штаб 11-й армии, в каком направлении движутся остальные воинские соединения. Связь с Царицыном была прервана, так как от Киселевки по тракту и почти до самого Царицына действовали белоказачьи от-

ряды Донской армии генерала Краснова. Легче было установить связь с Астраханью через Яшкуль, находившийся в ста пятидесяти километрах от села Ремонтного, где располагалась 4-я стрелковая дивизия.

В такой сложной обстановке, естественно, сразу же встал вопрос о создании единого командования двух армий разных фронтов. Однако представители 10-й армии не проявили склонности войти в оперативное подчинение 4-й стрелковой дивизии, в шесть раз превосходившей по численности Элистинскую дивизию и Черноярскую бригаду, вместе взятые.

Тогда было принято решение созвать 30 января в Крестах совещание и окончательно решить вопрос об объединении командования. В порядке подготовки этого совещания я и товарищи Кучин и Кузьмин рекомендовали временно создать из встретившихся войсковых соединений Особую соединенную армию Степного фронта во главе с Реввоенсоветом.

Возражений не было. Все согласилось с тем, что вновь создаваемая армия будет вести боевые действия на месте и не предпримет изнурительного отхода ни на Астрахань, ни на Царицын. Наша цель заключалась в том, чтобы наиболее эффективно использовать боевую мощь соединений в предстоящих боях против окружающего нас с трех сторон неприятеля.

Мы поручили штабу детально разработать материалы по созыву совещания в Крестах, как вдруг во второй половине дня в расположение нашей дивизии прибыл Я. Ф. Балахонов. Он был с дороги, уставший и запорощенный снегом. Видимо, ему пришлось сделать немалый крюк, прежде чем он разыскал нас. Я слышал о Балахонове, знал, что он состоял в должности начальника боевого участка 3-й стрелковой дивизии.

Представившись, Я. Ф. Балахонов предъявил нам приказ Реввоенсовета 11-й армии за подписью командарма М. К. Левандовского и Я. В. Полуяна о своем назначении на должность начальника 4-й стрелковой дивизии.

Пока мы знакомились с приказом, Балахонов в устной форме заявил, что ему приказано отступить с дивизией на Астрахань и что он вступит в должность только в том случае, если будет выполнен этот приказ.

Заявление Балахонова шло вразрез с нашими плана-

ми. Нам было совершенно непонятно, для чего командованию 11-й армии потребовалось трехсотпятидесятикилометровое отступление ставропольских войск на Астрахань в то время, как они более эффективно и с большей пользой для дела могли драться именно там, где сейчас находились.

Я, как комиссар дивизии, пытался доказать Балахонову нецелесообразность выдвинутого им условия. Но Балахонов был непреклонен. Он настаивал на отходе дивизии.

— Вы представляете себе, что значит этот переход? — говорил ему я. — Астраханские степи безлюдны и безводны. Сейчас зима, морозы. Мы растеряем половину боевого состава.

— Я приму дивизию только в том случае, если будет выполнен приказ Реввоенсовета, — упорствовал Балахонов.

— Но приказ отдан в устной форме.

Балахонов пожал плечами.

— Значит, мы не договоримся. Я попрошу вас на обороте приказа Реввоенсовета о моем назначении на должность начальника дивизии написать справку о том, что отступление дивизии на Астрахань вы в силу сложившейся обстановки считаете невозможным, — попросил он.

Я выполнил его просьбу. Балахонов положил приказ в карман и в тот же день выехал на Яшкуль, чтобы оттуда переправиться в Астрахань, где тогда находился Реввоенсовет.

Едва Балахонов выехал, в избу вошли командиры полков. Они стали расспрашивать меня о причине отъезда Балахонова. Я рассказал все, как было. Командиры одобрили мои действия. Мне была приятна их поддержка, однако сам я прекрасно понимал, что взвалил на свои плечи огромную ответственность перед Реввоенсоветом армии.

Совещание в Крестах, как и было намечено ранее, состоялось 30 января. В маленькой натопленной избе собралось до тридцати командиров и политработников. В самом начале совещания нами было сделано сообщение о военно-политической обстановке на Маньче, сложившейся в связи с прибытием сюда частей 11-й и 10-й армий, а также о необходимости объединения всех войск под единым военным и политическим руководством.

Затем выступали командиры. Они согласились с данной нами оценкой обстановки. В конце совещания мы приняли соответствующее решение. В состав Реввоенсовета вошли: я и представители 10-й армии Т. П. Кузьмин и И. И. Кучин. Командармом был избран И. И. Кучин, а начальником штаба армии И. Лихачев. Реввоенсовет отстранил В. И. Матузенко от должности, назначив 4, назначив на его место А. С. Вдовиченко.

С образованием Реввоенсовета Особой соединенной армии были устранены поводы для возникновения каких-либо разногласий между командованием дивизий и бригад 11-й и 10-й армий, устанавливалась единая система снабжения, укреплялся тыл, улучшалась дисциплина в войсках.

У меня сохранился отпечатанный на машинке мандат члена Реввоенсовета вновь образованной армии, содержание которого хорошо отражает то незабываемое время, когда наш народ под руководством Коммунистической партии мужественно сражался против внешних и внутренних врагов Советской власти.

Вот подлинный текст этого мандата:

РСФСР

УДОСТОВЕРЕНИЕ

РЕВВОЕНСОВЕТ
Особой соединенной
армии

1 февраля 1919 г.

№ 45
с. Ремонтное

Предъявитель сего тов. СУХОРУКОВ
Василий Тимофеевич — член Революцион-
ного военного совета Особой соединенной
армии.

Тов. СУХОРУКОВУ предоставляются все без исключения средства передвижения и сообщения Советской республики; там, где проявляется саботаж и контрреволюционность, на месте виновных расстреливать.

Всем советским организациям и отдельным личностям, стоящим у власти, ИМЕНЕМ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА, предлагается оказывать самое широкое содействие.

	ЧЛЕН РЕВВОЕНСОВЕТА	(КУЗЬМИН)
	КОМАНДАРМ	(КУЧИН)
печать	НАЧАЛЬНИК ШТАБА	(ЛИХАЧЕВ)
	УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ РЕВВОЕНСОВЕТА	(КЛЕЙМЕНОВ)

В своеобразной и очень сложной обстановке гражданской войны Реввоенсовет армии был наделен чрезвычай-

ными полномочиями, но я не припомню случая, чтобы кто-либо злоупотребил ими. В частях поддерживалась образцовая дисциплина, революционный порядок был налажен также и среди жителей сел, в расположении которых находилась наша армия.

Однако нельзя умолчать и о том, как некоторые ответственные работники, вместо того чтобы оказывать нам всемерную поддержку, пытались занять позицию сторонних наблюдателей и поскорее выбраться из расположения наших войск. Так поступил, например, ставропольский губвоенком Т. И. Ульянов. Многие сделал для Красной Армии в Ставрополе, он решил выехать в Астрахань для отчета и взял с собой денежные средства, предназначенные на содержание войск. Реввоенсовет настоял, чтобы он сдал деньги 4-й дивизии.

Покончив с организационными вопросами, Реввоенсовет рассмотрел и утвердил план боевых действий. Полки 4-й стрелковой дивизии должны были вести оборонительные бои на рубеже реки Маныч, прикрывая армию с юга. 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии в составе трех полков предстояло совершить двадцатикилометровый рейд в сторону железной дороги Тихорецкая — Царицын. Взорвать железнодорожные мосты, прервать движение, не допустить переброску войск Деникина с Северного Кавказа на Царицын — так гласил отданный ей приказ. Это смелое решение было продиктовано желанием как можно скорее оказать помощь 10-й армии, которая вела тяжелые бои с Красным в районе Царицына.

Тщательно проанализировав обстановку, мы еще раз убедились в том, что наши части заняли положение, весьма выгодное в стратегическом отношении. Уйдя за реку Маныч, мы постоянно угрожали вторжением в Ставрополье, а также правому флангу и тылу Донских армий белых.

4 февраля, во второй половине дня, прикрываясь ранними зимними сумерками, 1-я Ставропольская дивизия под командованием С. В. Неговоры (политический комиссар К. Л. Пантос, начальник штаба И. Г. Зиберов) выступила из района Кормовое, Кресты в просторы донских степей. Рейд предстоял нелегкий. Степи в ту пору были безлюдны, если не считать редкие коннозаводские зимовки.

Были приняты все меры предосторожности, но враг не дремал. Белая разведка обнаружила передвижение на наших позициях, и утром 7 февраля неприятель предпринял наступление от Маныча на север, занял Кормовое и атаковал Кресты. Однако Кресты ему взять не удалось — части 4-й стрелковой дивизии, оправившись после первого удара, отбили несколько атак и удержали село.

В полдень 7 февраля в Ремонтное прибыли из Астрахани член Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта Н. А. Анисимов, которого я знал еще по Царицыну, В. Крузе — инспектор пехоты 11-й армии, бывший ее командарм, и присоединившийся к ним в Яшкулье Д. П. Жлоба — командир отряда.

Когда они вошли в комнату, в ней находились все члены Реввоенсовета нашей армии. Я немедленно доложил прибывшим об обстановке, сообщил мотивы создания Особой армии и сказал об отправке в глубокий рейд 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии.

Н. А. Анисимов внимательно выслушал сообщение. Затем он встал, одернул кожанку и без всякой мотивировки отдал в устной форме приказ немедленно вернуть дивизию из рейда на Великокняжескую и вместе со всеми начать отход из занимаемого нами района на Астрахань.

Все были удивлены, но Анисимов считал разговор исчерпанным. Он снова сел и заговорил о чем-то полупрошепотом с Крузе. Тот кивал ему и изредка поглядывал на меня. Видимо, он понял мое состояние.

— Вы хотите что-то добавить, товарищ Сухоруков? — спросил инспектор, поворачиваясь в мою сторону.

— Да, — сказал я. — Мне бы хотелось прокомментировать свое сообщение.

Анисимов прищурился:

— Не согласны с приказом?

— Видите ли, приказ этот мне уже передавал Балахов.

— Знаю.

— Балахов уехал, не приняв дивизию. А ведь я тогда еще подчеркивал, что Особая армия втянута в активные боевые действия и благодаря этому отвлекает на себя значительные силы Краснова из-под Царицына и Деникина с Северного Кавказа. Мне думается, это отвечает общим оперативным интересам Советской республи-

ки. Кроме того, находясь за Манычем, наши дивизии прикрывают дальние подступы к Астрахани, а это тоже очень важно для устойчивости Каспийско-Кавказского фронта...

Анисимов молчал. Казалось, его заинтересовали мои доводы. Ободренный его молчанием, я продолжал:

— Что же касается отхода на Астрахань, то я могу только повторить аргументацию, данную в свое время Балахову. Отход этот грозит армии потерей ее боеспособности. На дороге, по которой предстоит отступление, нет крупных населенных пунктов, нет продовольственных и фуражных баз, не хватает воды.

Отвлекаясь от последовательности рассказа, хочу забежать вперед, чтобы подтвердить обоснованность моих опасений. Ровно через неделю после нашей беседы с Анисимовым на Астрахань стали отходить остатки 1, 2 и 3-й стрелковых дивизий. Они шли от Кизляра по дороге вдоль Каспийского побережья. В результате командование Каспийско-Кавказского фронта приняло в Астрахани вместо трех боеспособных дивизий тысячи больных и изнуренных красноармейцев, нуждавшихся в усиленном питании и длительном отдыхе.

Но вернусь к своему рассказу. Как я уже говорил, Анисимов слушал меня молча. Лишь когда я кончил, он снова коротко повторил, что приказ отданный им, обсуждению не подлежит и должен быть немедленно выполнен.

— За невыполнение приказа пойдете под суд ревтрибунала, — сухо резюмировал он.

Я сказал, что приказ будет выполнен, но если в результате отступления до Астрахани дойдет лишь часть дивизии, а остальная часть погибнет в пути, ответственность за это будет нести Реввоенсовет фронта.

— Отдайте приказ в письменной форме, — предложил я Анисимову, — а на оборотной стороне я изложу свои соображения о нецелесообразности и тяжелых последствиях отхода ставропольских войск в то время как, оставаясь на месте, они могли бы успешно вести боевые действия и оказать тем самым значительную помощь как Южному, так и Каспийско-Кавказскому фронтам.

Анисимов молчал. Видимо, он не ожидал такой резкой постановки вопроса и обдумывал, как со мной быть. Затянувшаяся пауза была прервана близким взрывом артиллерийского снаряда. Все вздрогнули. В селе засту-

чали ружейные выстрелы, где-то рядом заговорил пулемет. Как потом выяснилось, это были белые. Воспользовавшись густым туманом, они подошли вплотную к селу и атаковали его.

Начдив 4-й стрелковой выскочил на улицу, чтобы организовать для отпора противнику находившийся в селе 9-й полк. Анисимов, Крузе и Жлоба сели в грузовую машину и уехали, не попрощавшись со мной. Штабные работники принялись поспешно сжигать и укладывать в ящики документы.

Я выбежал с маузером в руке на площадь и стал оставливать отдельных растерявшихся красноармейцев, чтобы предотвратить возможную в таких случаях панику. За селом послышалось дружное «ура», потом перестрелка стихла.

Я вернулся в штаб Реввоенсовета и застал там уже вернувшихся Кузьмина, Кучина и Лихачева. Мы стали горячо обсуждать наш разговор с Анисимовым, как вдруг снова появились уехавшие было Анисимов, Крузе и Жлоба.

Прямо с порога Анисимов заявил:

— Товарищ Сухоруков остается в Ремонтном представителем Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта и уполномочивается действовать по своему усмотрению.

Я был удовлетворен таким поворотом дела и искренне поблагодарил Анисимова за оказанное мне доверие. Трудно сейчас сказать, что повлияло на него столь решительным образом. Скорее всего, он сам трезво проанализировал обстановку и понял, что был не прав.

Теперь, когда главный вопрос был разрешен в нашу пользу, я обратился к товарищам с просьбой отправить нам из Яшкуль оставшиеся там боеприпасы, обмундирование, медикаменты и имущество связи.

— Вы получите все, что просите,— заверил меня Анисимов.— Но лучше было бы, если бы вы съездили в Яшкуль сами.

В Яшкуль я смог вырваться лишь в конце февраля. Мы были там с представителем отдела снабжения 10-й армии товарищем Резниковым, проделав путь туда и обратно верхом на конях. В Яшкуле снова увиделся с Анисимовым, мы дружески беседовали, и он помог нам приобрести все необходимое. Вскоре боеприпасы, обмундирование, обувь и медикаменты были доставлены в Ремонтное.

Так нам удалось отстоять свой план боевых действий за Манычем. Мы были твердо убеждены в правильности выбранной нами позиции. Командование 4-й стрелковой и 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии брало на себя серьезную ответственность и прилагало все усилия для проведения в жизнь поставленных перед собой задач.

8 февраля на участке возобновились боевые действия. Враг пытался овладеть Крестами и Кормовым, а с 9-го числа предпринял атаки на Ремонтное. Бои носили ожесточенный характер. У нас не хватало боеприпасов. 1-я Ставропольская кавалерийская дивизия все еще находилась в рейде. Село Ремонтное несколько раз переходило из рук в руки. В конечном итоге противнику удалось овладеть им. Полки 4-й стрелковой дивизии отступили к Валуевке.

Вечером 10-го на заседании Реввоенсовета было решено дать утром бой и отбросить белых за Маныч. За ночь бойцы немного отдохнули и накормили коней, а с рассветом колонны стрелковой дивизии вышли из Валуевки, имея впереди охранение и разведывательные группы. В отдельных колоннах за пехотой двигались пятнадцать артиллерийских орудий. Накануне комиссары побывали среди бойцов и разъяснили им значение предстоящего боя.

В восьми километрах от Валуевки наши части развернулись в цепи и пошли в атаку. Открыла огонь артиллерия. День был слегка морозный, в степи — небольшой снег. Оттеснив разведку противника и боевое охранение, наши части подошли вплотную к Ремонтному. Сблизившись с врагом, бойцы, взяв винтовки наперевес, бросились в атаку.

Особенную энергию в этом бою проявил И. Р. Апанасенко, сумевший сформировать в течение нескольких дней кавалерийский отряд. Сам он всегда был впереди, увлекая за собой своих конников.

Противник не выдержал артиллерийского огня и стремительного натиска наших частей и отошел к северной окраине Ремонтного, рассчитывая, очевидно, закрепиться на этом рубеже. Я в это время находился на кургане вблизи северной окраины села и вместе с начдивом Элистинской дивизии товарищем Репаховым внимательно наблюдал в бинокль за ходом боевых действий. Около двух часов дня на правом фланге дивизии показалось несколько

ко кавалерийских полков. Вначале я принял их за белоказаков, но когда конница вышла из-за нашего правого фланга и устремилась на вражеские позиции, я понял, что это вернувшаяся из рейда 1-я Ставропольская кавалерийская дивизия. Прямо с марша, не дав ни себе, ни коням отдыха, кавалеристы ударили во фланг и тыл противника.

Воодушевленные неожиданной подмогой, батальоны поднялись и бросились на врага. Еще ожесточеннее заговорила артиллерия. Белые дрогнули и стали в беспорядке отступать на Кресты, оставив на поле боя большое количество убитых и раненых, а также много боеприпасов и вооружения.

Напа победа под Ремонтным основательно подорвала силы противника. Он ушел за Маныч и уже не мог начать против нас активных боевых действий до мая.

Реввоенсовет Особой соединенной армии на своем очередном совещании рассмотрел итоги проведенной операции. Было отмечено большое мастерство командного состава, а также массовый героизм, проявленный красноармейцами в боях за освобождение Ремонтного.

На том же совещании было решено заменить командира кавалерийской дивизии, назначив на эту должность И. Р. Апанасенко. Произошло это следующим образом.

Зная о больших организаторских способностях Апанасенко и учитывая его многочисленные боевые заслуги, я пригласил его в Реввоенсовет армии и сообщил, что мы решили перевести комбрига из пехоты в конницу и назначить на высокий командный пост. Человек очень скромный по характеру, Апанасенко стал упорно отказываться от этого назначения.

— Нет-нет, я не справлюсь, — говорил он смущенно. — У меня нет опыта.

Я предложил ему подумать, а утром зайти снова.

На следующий день повторилось то же самое. Тогда я поднялся из-за стола и в присутствии А. Юрина сказал:

— Имею революции и диктатуры пролетариата приказываю вам вступить в должность начальника 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии!

Апанасенко выпрямился и четко ответил:

— Слушаюсь. Приказано сдать стрелковую бригаду и принять кавалерийскую дивизию.

Мы не ошиблись. В его лице красная конница получила еще одного талантливого и храброго военачальника.

Между тем положение на фронтах стало заметно улучшаться.

Уже в январе 8, 9 и 13-я армии Южного фронта отеснили войска Краснова к Новочеркасску и Ростову. Проявляя беспримерный героизм, 10-я армия надломилась боеиспособность белоказацких полков под Царицыном и со второй половины февраля стала успешно продвигаться навстречу нашей армии вдоль железной дороги Царицын — Тихорецкая и тракта на Ставрополь.

После разгрома противника под Ремонтным оперативное и политическое положение Особой соединенной армии Степного фронта стало еще прочнее. Успешный рейд 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии на Великокняжескую поставил командование белогвардейской Донской армии перед необходимостью отвлечь часть своих сил на борьбу с крупной воинской группировкой, действующей у нее в тылу. Именно это и предусматривалось нашими оперативными планами, именно поэтому мы и остались за Манычем, а не стали отступать на Астрахань или Царицын. Теперь мы могли с полным правом считать, что задачу свою выполнили до конца.

Однако на пути к желанной победе нас поджидала новая беда: сыпной тиф. Ежедневно из строя выбывало до ста и более человек. Иабы были забиты больными. Мы чувствовали себя беспомощными перед лицом этой страшной опасности. У нас не было ни одного врача, не было медикаментов, госпиталей и необходимого санитарного оборудования. На всю армию оставалось восемь фельдшеров и двенадцать сестер милосердия — капля в море. Но и они героически сражались с болезнью — не спали ни днем ни ночью, дежурили возле больных. Я видел тогда примеры подлинного героизма — героизма не на фронте, не под пулями, а в тылу, героизма, который спас жизни тысячам и тысячам наших красноармейцев.

Чтобы хоть в некоторой степени уменьшить заболевание тифом, мы вывели в глубь донских степей, в район Новоселки, кавалерийскую дивизию Апанасенко. Но этих мер было, конечно, недостаточно.

Положение усугублялось еще тем, что в войсках кончились запасы хлеба в фуражке, хотя мяса было в достаточном количестве. В обед и ужин мы ели калмыцкий

мясной шпалом. На большее никто из нас, независимо от служебного положения, не рассчитывал. Кроме того, из-за отсутствия денег с декабря 1918 года армия не получала жалованья.

После установления связи с командованием Каспийско-Кавказского фронта Особая соединенная армия, как временное организационное соединение, 26 февраля 1919 года была расформирована. Вместо армии появилась группа войск Ставропольского боевого участка. В управление этого участка были включены все три члена Реввоенсовета Особой армии, а также начальник 4-й стрелковой дивизии Вдовиченко. Политическим комиссаром оставался я, моим заместителем — А. Юрип.

Несмотря на все трудности, моральный дух наших войск был по-прежнему высок. Красноармейцы рвались вперед, в Ставрополье, в свои родные места. Из Астрахани к нам стали прибывать коммунисты. Мы тут же назначали их на должности политработников и комиссаров полков. При политотделе были организованы курсы по повышению политических знаний коммунистов.

В эти тяжелые дни я ежедневно навещал больных сыпняком и раненых бойцов, подолгу засиживался у них, беседуя о жизни, о семьях, оставшихся на Ставропольщине, о скором наступлении.

В первых числах марта из Астрахани пришел приказ, в котором группе войск Ставропольского боевого участка ставилась задача прорвать оборону противника к югу от Маныча, выйти на станицу Атаманскую и двигаться навстречу наступающим из-под Царицына дивизиям 10-й армии.

Одновременно с получением приказа из Астрахани мы узнали, что главком И. И. Вацетис 4 марта 1919 года отдал из Москвы директиву командующему Каспийско-Кавказским фронтом М. С. Свечникову, в которой поставил группе войск 4-й стрелковой дивизии задачу перейти в наступление из района села Ремонтное на Великокняжескую и Котельниково, чтобы нанести удар в тыл Донской армии, сражавшейся под Царицыном.

Директива главкома целиком подтвердила тот план боевых действий, который был разработан нами в феврале. Она еще раз подчеркнула несобоснованность выдвинутых Анисимовым требований об отводе наших войск на Астрахань.

8 марта стрелковые полки 4-й дивизии перешли Маныч. 1-я Ставропольская кавалерийская дивизия под командованием Апанасенко нанесла удар из Новоселок с последующим наступлением на Великокняжескую. Полки Элистинской стрелковой дивизии и Черноярской бригады двинулись на станицу Атаманскую и село Киселевка по Царицынскому тракту.

Бойцы давно ждали этого часа. О нем говорили еще в начале отступления. Войска шли в бой с ясным сознанием поставленных перед ними задач. Для оживления работы в частях перед началом боевых действий было отдано распоряжение направить личный состав курсов по повышению политических знаний непосредственно в воинские подразделения.

Бои кипели на всех направлениях. Я двигался на тачанке в первых рядах частей, наступающих на Торговое и Киселевку. Именно здесь должна была произойти встреча с передовыми отрядами 10-й армии. У меня поднималась температура, я чувствовал сильный жар. Видимо, это был тиф.

Ко мне привели группу пленных, захваченных в районе станицы Атаманской. Пленные были испуганы и полностью деморализованы. Они сказали, что подразделения 10-й армии уже близко, что белые отступают по всему фронту.

Я спешил попасть в Киселевку еще до того, как мне станет совсем плохо. Жар усиливался, во рту пересохло. Тачанка поднесла меня к высокому крыльцу большого деревянного здания, возле которого стояла группа красноармейцев. Навстречу мне вышел начальник 37-й стрелковой дивизии товарищ Шевкопляс. Мы подробно информировали друг друга о положении частей 10-й и 11-й армий.

Когда я сказал, что весь район от Торговой до Маныча находится в руках 4-й стрелковой и 1-й Ставропольской кавалерийской дивизий, что наши части заняли Атаманскую и двигаются на Котельниково, Шевкопляс изумился. Он приказал тотчас же соединить меня по телефону с командованием 10-й армии. Я охотно повторил командованию все, что рассказал Шевкоплясу.

Расстались мы поздно вечером. Мне хотелось скорее попасть в Валувку, чтобы информировать свой штаб о состоявшейся встрече с представителями 10-й армии. До

Палуевки я добрался уже в совсем тяжелом состоянии. Помню, что успел сказать о своем разговоре с Шевкоплясом и еще что-то. Лихачев обнял меня и посадил на лавку. Временами меня покидало сознание. Помнится, мне измеряли температуру. Потом начался бред.

Как я потом узнал, тиф свалил и моего помощника А. Юрина. Мы вместе лежали в одной избе, вместе боролись с опасной болезнью.

Молодой организм оказался все-таки сильнее недуга. Настал день, когда мы смогли выйти на улицу и присесть на завалинку. Мы радовались солнцу, зелени, нам не терпелось поскорее вернуться в боевой строй.

Во время моей болезни у нас произошли большие изменения. Оказывается, Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта выдвигал перед главкомом И. И. Вацетисом различные проекты, касающиеся дальнейшей судьбы войск 4-й стрелковой дивизии. Он предлагал, в частности, преобразовать наши войска в 11-ю армию, а 10-ю передать Каспийско-Кавказскому фронту.

Но главком решил иначе. Каспийско-Кавказский фронт был расформирован. Из частей 11-й и 12-й армий была создана отдельная 11-я армия, а 4-я стрелковая дивизия, пополненная полками Элистинской дивизии и Черноярской бригады, была включена в состав 10-й армии Южного фронта, получив при этом новую нумерацию. Она стала именоваться 32-й стрелковой дивизией. Что же касается 1-й Ставропольской, то ее переименовали в 6-ю кавалерийскую, начдивом которой так и остался И. Р. Апанасенко.

Я и Юрин между тем медленно поправлялись. Для полного восстановления здоровья нас решили отправить в Царицын. На проводы приехали почти все командиры дивизии. Трудно было расставаться с друзьями, с которыми прошел пелеткий боевой путь, делил горечь поражения и радости победы.

Во время пребывания в Царицыне я неоднократно встречался с членом Реввоенсовета 10-й армии товарищем Ефремовым, только что вернувшимся из Москвы с VIII съезда РКП(б). Он рассказывал мне о столице и о съезде, я информировал его о борьбе 11-й армии на Северном Кавказе, о нуждах 32-й стрелковой и 6-й кавалерийской дивизий.

После того как здоровье мое окончательно поправи-

лось, я снова выехал на Южный фронт, где работал сначала в должности комиссара бригады, а затем дивизии. В августе 1919 года ЦК РКП(б) направил меня на учебу в Академию Генерального штаба РККА, которую я закончил в 1922 году.

На всю жизнь остались в моей памяти те трудные дни, когда в непрерывных боях в Ставрополье и на Маныче ковалась наша победа. Нельзя забыть боевых друзей-ставропольцев: И. Р. Апанасенко, Д. О. Положинникова, С. С. Закоу, А. М. Литвинова, В. И. Книгу, В. С. Голубовского, И. В. Семиванова, В. И. Берлова, К. Л. Пантоса и многих других славных командиров, благодаря мастерству и беззаветной храбрости которых мы выстояли и победили. Не забыть и тех красноармейцев, которые стойко дрались с вооруженным до зубов врагом, оставаясь до последней капли крови верными делу революции и рабочего класса, тех простых крестьян от сохи, которые сердцем поняли правду Коммунистической партии и пронесли ее незапятнанной в трудных походах и жестоких боях.

Я рассказал об одном из эпизодов борьбы с Деникиным, о боевом пути 4-й стрелковой и 1-й Ставропольской кавалерийской дивизий, об операциях в Ставрополье, отходе за Маныч и начале нового наступления.

Деникин был разбит в последующих боях. В 1920 году Красная Армия очистила от белогвардейцев и интервентов Северный Кавказ. Немалый вклад в эту победу внесла и 11-я армия, сражавшаяся под руководством Сергея Мироновича Кирова, М. И. Василенко и М. К. Левандовского. В ее составе дралась наша 32-я стрелковая дивизия.

Неувядаемой славой покрыла себя и 6-я кавалерийская дивизия под командованием С. К. Тимошенко и И. Р. Апанасенко. Она сражалась под Воронежем и Ростовом, Белой Глиной и Торговой, участвовала в Егорлыкской операции, воевала с армией панской Польши и бароном Врангелем в Крыму.

Прошли годы. И когда на западных границах вспыхнуло пламя военного пожара, командиры-ставропольцы снова встали на защиту священных рубежей нашей Родины. Среди героев Отечественной войны против фашистских захватчиков мы встречаем имена генерала армии И. Р. Апанасенко, отдавшего свою жизнь в битве на

Курской дуге в августе 1943 года, Героя Советского Союза генерал-полковника П. Л. Романенко, генерал-полковника Я. Т. Черевиченко, генерал-лейтенантов И. В. Селиванова и В. С. Голубовского, генерал-майоров В. И. Книги, Н. Г. Зиберова, П. М. Синскова, П. М. Давыдова, полковника С. С. Дикана, подполковников Д. О. Положишникова, С. С. Закоты, Д. Т. Дергача и многих других.

В. А. Сергеев

В БОГАТЫРСКОМ СТРОЮ

Полвека минуло с тех пор, как Владимир Ильич Ленин подписал декрет о создании регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Весть об этом застала меня в Пятигорске — городе, в котором я родился, призывался на военную службу в 1911 году, а восемь лет спустя дрался с бандой Шкуро.

А дело было вот как. Узнав с том, что в городе работает комиссия по вербовке добровольцев в ряды Красной Армии, я рассказал об этом бойцам своего отряда. В конце беседы спросил:

— Кто желает стать красноармейцем?

— Все, товарищ командир! — услышал я в ответ.

В тот же день работник аппарата Пятигорского горкома партии Г. А. Поддубный оформил соответствующий документ и горячо поздравил нас со знаменательным событием.

— Городская партийная организация выражает твердую уверенность, — сказал он, — что в предстоящих боях с врагами революции вы будете высоко держать честь воинов ленинской армии — армии нового типа.

Слова Поддубного вызвали в памяти встречу с вождем первого в мире пролетарского государства, создателем и руководителем большевистской партии — Владимиром Ильичем Лениным.

Под Старой Руссой полковой комитет, в который наряду с другими товарищами был избран и я, решил организовать красногвардейский отряд и послать его в Петроград, где шла подготовка Октябрьского вооруженного восстания. Я был единственным коммунистом в отряде, имевшим за плечами шесть лет службы, командирские навыки и военные знания в объеме младшего офи-

пера. Поэтому мне предложили возглавить красных конников.

24 октября мы прибыли в столицу и к ночи с трудом пробрались к Смольному.

— Иди к Ленину, Василий, и скажи, что мы готовы выполнить любой его приказ, — напутствовали меня боевые друзья после длительного, обстоятельного разговора.

Встречи с Владимиром Ильичем ожидали многие товарищи, и я думал, что приема дождусь не скоро. Но Ленин чрезвычайно быстро решал деловые вопросы, и вскоре я доложил ему:

— Конный отряд в триста сабель прибыл с фронта в ваше распоряжение, Владимир Ильич!

— Очень вовремя, товарищ Сергеев, — поздоровавшись, сказал он и обратился к Подвойскому: — Вашего полку прибыло, Николай Ильич. Распорядитесь, пожалуйста.

Подвойский поставил отряду боевую задачу: со стороны памятника Петру Первому (Медный всадник) совместно с матросами и рабочими в пешем строю атаковать Зимний дворец.

Не буду рассказывать о штурме Зимнего, ибо это далеко уведет от заданной темы. Вскоре после провозглашения Советской власти я снова пришел в Смольный, к Владимиру Ильичу. В беседе с ним я рассказал о желании бойцов отряда — уроженцев южных губерний — отправиться ближе к родным местам.

Сталин, находившийся в кабинете Ленина, спросил меня, откуда я родом.

— Из Пятигорска.

— Кого вы знаете из партийцев на Кавказе?

Я назвал имена Сергея Мироновича Кирова, Ащеулова, Касаткина и других коммунистов. Ильич, внимательно слушая наш разговор, попросил меня подробно рассказать об Ащеулове. Я рассказал о нем все, что знал.

— Хороший был товарищ, замечательный трибун, большого ума и несгибаемой воли человек. Жалко, умер в ссылке, в Сибири, — с грустью сказал Ленин.

После минутного молчания И. В. Сталин предложил Владимиру Ильичу послать мой отряд на Северный Кавказ.

В. А. Сергеев

Д. П. Жлоба

Пулеметные тачанки

Г. К. Орджоникидзе с группой военных работников под Грозным

— На Дон, Кубань и Терек,— заметил он,— съезжается вся верхушка контрреволюции. Там предстоят горячие дела.

Ильич, немного подумав, сказал:

— Ну что ж, Кавказ так Кавказ. Там тоже надо делать Советскую власть. Заготовьте товарищу Сергею мандат, и пусть едет.

Обратившись ко мне, Ленин добавил:

— Вы теперь знаете, как надо брать власть в свои руки. Главное — объединяйте вокруг себя людей. И чем больше, чем лучше. В добрый час!

Итак, в середине ноября 1917 года с мандатом и добрыми наставлениями Ильича я отправился со своим отрядом на Кавказ. Добираться до места назначения было очень трудно. Чуть ли не в каждом городе нас пытались обезоружить местные власти. Когда не помогал мандат, мы прибегали к оружию. На одном из разъездов нас хотели обезоружить юнкера, ехавшие из Киева на Кавказ. Завязалась перестрелка. Мы дали залп из трех пушек по их эшелону, захватили паровоз и уехали.

В Таганроге узнали, что под Ростовом идут бои. Но кто с кем дрался — выяснить не удалось. Ночью 30 ноября 1917 года на разъезде Гнилая услышали ружейно-пулеметную стрельбу. Оставив коней в эшелоне, произвели разведку. Оказалось, что на Ростов наступают из Новочеркасска войска генерала Каледина.

Мы связались с боевой дружиной ростовских железнодорожных мастерских и совместными усилиями 2 декабря выбили с ростовского вокзала юнкеров, возглавляемых генералом Потоцким. Самого генерала взяли в плен и отправили на борт миноносца «Колхида», где находился ревтрибунал.

За Ростов дрались около недели, но все же калединцы одолели нас. Полуразбитый отряд, в котором насчитывалось около семидесяти пяти сабель, я привел в Пятигорск.

К тому времени Корнилов двинул свои войска с Дона на соединение с кубанскими контрреволюционными силами. Чтобы не дать им соединиться, командование советских частей Кавказа направило крупные отряды против Корнилова. Наша горстка бойцов тоже выступила в поход.

10 марта 1918 года в районе станции Сосыбка я познакомился с командиром пехотного полка Дмитрием

Петровичем Жлобой. Его полк и мой отряд, пополнившийся добровольцами, дрались бок о бок четыре дня. Выбитый из Екатеринодара местной Красной гвардией, генерал Покровский ринулся на соединение с армией Корнилова. 14 марта 1918 года их войска соединились в районе станции Везеванской. Теперь они представляли серьезную угрозу Екатеринодару. Полк Жлобы, мой отряд и другие части перебросили на защиту этого города.

Мы занимали оборону у Сенного базара, на окраине Екатеринодара. 10 апреля отборные офицерские роты корниловцев под командованием генерала Казановича предприняли против нас десять — двенадцать отчаянных атак и просочились на окраину города. Однако нам удалось отбросить врага на исходные позиции. Потери были большие с обеих сторон.

В ночь на 13 апреля мальчонка, назвавшийся Гришей Малько, прибежал к штабу Д. П. Жлобы и сообщил, что «на той стороне» он видел много генералов и даже «самого главного, который похож на калмыка и кричит на всех».

— А ты запомнил, Гриша, в каком доме этот маленький крикливый генерал? — спросил Жлоба.

— Во-он в том, — привстав на цыпочки, показал мальчик.

— Наверняка это сам Корнилов, — сказал мне Дмитрий Петрович.

Вызвав командира батареи Д. И. Рогачевского, Жлоба приказал ему быть готовым к рассвету открыть огонь.

Утром артиллеристы дали несколько залпов по дому. После атаки мы узнали, что Корнилов убит. В командование Добровольческой армией вступил Деникин.

— Одним белогвардейским главарем стало меньше, — удовлетворенно сказал Жлоба.

Преследуя корниловцев, мы взяли в плен полковника генштаба Шувалова. Он рассказал нам, что Деникин, потерпев поражение на Кубани, увел свои войска на Дон, в район станции Кагальницкой, где намерен произвести перегруппировку частей и договориться с Кубанской радой об объединении для совместных действий...

Пожар гражданской войны разгорался все больше. Наш отряд метался от станции к станции. 17 мая 1918 года немцы заняли Ростов и начали просачиваться на Ку-

бань. Мы дрались то с белогвардейцами, то с немцами, не имея никакой связи с вышестоящим командованием. Не хватало питания, люди и кони крайне устали, и я вынужден был отвести бойцов в Пятигорск.

Находясь на отдыхе после утомительных боев, в ходе которых некоторые конники, в том числе и я, были ранены, мы узнали, что в станции Суворовской, неподалеку от Пятигорска, неожиданно появилась «волчья сотня» Шкуро.

— Вот и настало время доказать, что мы, красноармейцы, не дадим в обиду народ, защитим его законную власть от посягательств любого врага, будь то ставленники международного капитала, приверженцы белых генералов или анархистское отребье, — напомнил я бойцам.

— Даешь контру! — рвались в атаку бойцы.

По решению горкома партии наш отряд вместе с нехотным батальоном, возглавляемым моим другом и школьным товарищем горвоенкомом Н. С. Янышевским, кисловодским эскадром И. Д. Марцинкевича и ессентукской ротой П. Козлова 18 июля 1918 года выступил против Шкуро.

Схватка завязалась на пшеничном поле, принадлежавшем жителям станции Суворовской. Жалко было топтать зреющий урожай, но речь шла о жизни и смерти людей, о защите завоеваний Октября, которые мы сами утверждали семь месяцев назад.

В поединке сошлись две силы, два мира — новый и старый. Загремели выстрелы, засверкали сабли. Противники не падали друг друга, и никто не взывал к милосердию. Падали в пшеничное золото головы красных конников, валялись под конские копыта трупы шкуровцев.

В разгар схватки батальон Янышевского зашел в тыл «волчьей сотне». Заметив этот маневр, Шкуро круто повернул в сторону Кисловодска и оставил поле боя. Победа, одержанная пятигорцами, радовала станичников, трудящихся города, подняла боевой дух красноармейцев.

— Идем на Кисловодск! — восклицали бойцы, разгоряченные схваткой.

Однако в тот же день предпринимать поход было нецелесообразно: люди и кони устали, и выбить шкуровцев из Кисловодска, представлявшего собой довольно сильный укрепленный пункт, едва ли удалось бы.

Атаку на Кисловодск повели на второй день. Решимость красноармейцев и ненависть горожан к налетчикам — шкуровцы зверски расправлялись с населением, вешали, грабили и жгли, насильничали и издевались — предопределили исход дела. Бандиты не выдержали дружного натиска красноармейцев и рабочих и отступили в загородный лес.

Преследуя потрепанную «волчью сотню», наши бойцы обнаружили на одном из кустов боярышника записку, нацарапанную испех самим атаманом. Опуская непотребные слова, привожу ее в сокращенном виде:

«Васьль, стэрво, поймаю — повищу! Андрей».

16 сентября во время схватки с разросшейся бандой Шкуро у станицы Невинномысской бойцы Д. П. Жлобы не получили подкрепления от Сорокина. Драться пришлось ожесточенно. Мой отряд был на фланге, исключавшем маневр: рядом бурлила беспокойная Кубань. И когда стало очень тяжело, мы решили форсировать реку впасть. Я свял китель, в кармане которого хранился дорогой для меня мандат, и, плывя, держал его над головой. Пулеметная очередь выбила из рук одежду, и я не смог спасти документа, подписанного Владимиром Ильичем...

В ходе гражданской войны мы не раз скрепчивали со Шкуро клинки. Но особенно памятны две встречи с ним — в 1928 и 1945 годах. О них мне и хочется рассказать.

В 1928 году вместе с группой других инженеров Советское правительство командировало меня в Америку. Ожидая визы, мы на некоторое время остановились в Берлине. Однажды зашли в цирк и, прочитав афишу, не поверили своим глазам: «Выступает знаменитый русский генерал Шкуро со своими джигитами».

— Вот так «знаменитость»!

— До чего докатился «генерал»: воселит немецких бюргеров.

— Работает на дешевую популярность, — смеялись мои товарищи.

— А ведь у меня с ним старые счеты, друзья. — И я рассказал им о записке, в которой Шкуро обещал меня повесить.

Мы сели в логу и вскоре увидели предводителя «циркачей».

— О-о, Васьль! — обернувшись, удивленно вытаращил глаза Шкуро. — Як же воно? Живый?!

— Сволочь! Можно подумать — брата встретил, — брезгливо проговорил один из моих спутников...

— Как видишь, — ответил я эмигранту.

— И не повисылы? — хохотнул Шкуро, будто речь шла о ком-то другом.

— Нет у тебя и твоих хозяев такой веревки, чтобы меня повесить, — ответил я. — А вот когда будут вешать твою «генеральскую» светлость, я обязательно сниму чумбур со своего коня и принесу на эшафот.

Шкуро криво ощерился и, багровея, процедил:

— Руки коротки у вас, краснопузиков...

Словесная перепалка могла привести к нежелательному инциденту, и наша делегация покинула цирк.

А в 1945 году мы снова встретились со Шкуро после того, как его поймали на фронте. Я получил разрешение повидать матерого бандита, нашел обещанный чумбур и предстал перед старым врагом. Увидев меня, он остолбенел.

— Ну, Андрей, я исполнил свое обещание, привез чумбур. Прочная вещь, вешать будут — не оборвется.

— Ваша взяла, — хрипло ответил он, словно веревка уже затягивалась на его шее. И отвернулся. Больше разговаривать нам было не о чем.

...А в ту пору, в пору гражданского лихолетья, Шкуро лютовал. Его банду поддерживали казацкие верхи: поставляли всадников и коней, снабжали оружием и продовольствием, надеясь на богатую поживу и реставрацию свергнутого революцией режима. Собрав внушительную силу, предводитель «волчьей сотни» начал серьезно беспокоить станицы и города Пятигорья, и дикие налеты его причиняли немало бед сторонникам Советской власти.

К тому времени относительное затишье, которое было в районе Северного Кавказа, сменилось обостренной ситуацией. Весь многонациональный Терек бурлил революционным подъемом. Великая Октябрьская социалистическая революция проникала все глубже в среду горского и казачьего населения. Партийная организация крал, возглавляемая С. М. Кировым и Г. К. Орджоникидзе, делала свое великое дело. Началась классовая дифференциация населения. Кое-где происходили стычки между коренными казаками, горцами и иногородними.

Положение усугублялось и еще одним немаловажным обстоятельством. Как известно, в курортных городах и местечках сравнительно долгое время находилось более шестнадцати тысяч «больных и раненых» офицеров и генералов. Эти абсолютно здоровые люди жили в санаториях на казенных харчах и жалованиях и представляли собой не что иное, как резерв генерала Деникина. Когда местные большевики выдворили эсеров и меньшевиков из Советов и взяли власть в свои руки, золотое время для сборища белопогонников кончилось. Их перестали кормить. И тут-то поплы всякого рода заговоры, путчи, борьба с которыми требовала огромных усилий, введения в дело регулярных войск.

Я не ставлю своей целью дать анализ весьма сложной ситуации, напому лишь, что в связи с обострившейся обстановкой на Тереке был образован Пятигорский фронт, командующим которого, по решению Терского совнаркома, стал А. М. Беленкович.

Выбив из Кисловодска Шкуро, наш отряд возвратился в Пятигорск, где располагался штаб фронта. Я представился командующему и доложил ему о результатах боя.

— Со Шкуро нам еще не раз придется встретиться, — сказал А. М. Беленкович. — Волка поддерживают волки, и надо быть всегда начеку, Василий Антонович. Кстати, у нас есть и другие конные отряды, кроме вашего. Полагаю, что ради общего интереса вы должны возглавить всю нашу кавалерию.

— Командиры отрядов — народ горячий, самолюбивый. Они не привыкли быть под чьей-нибудь властью, — ответил я.

— Власть у нас одна — Советская, и нельзя свои интересы ставить выше государственных, — возразил Беленкович. — Без централизованного руководства, предполагающего наличие железной воинской дисциплины, не может быть и Красной Армии — шита и меча Страны Советов.

Беленкович был умным и чутким человеком, обаятельным собеседником и требовательным начальником, и вскоре я близко сошелся с ним и дружил до конца его жизни. Однако обстоятельства, о которых речь пойдет ниже, не позволили развернуться его способностям.

Как я и предполагал, некоторые командиры отрядов и других подразделений, вопреки приказам Беленковича,

действовали самостоятельно, и удары по Шкуро не всегда были эффективны.

В августе поднял восстание против Советской власти эсер Бичерахов, бывший полковник царской армии. Выступив с крупными силами, он занял станицу Прохладную и перерезал железную дорогу, ведущую на Владикавказ, где находилось правительство Терской республики. Штаб нашего фронта был вынужден из Пятигорска переехать в Георгиевск, в округе которого начались боевые действия.

Наш отряд тоже передислоцировался в этот район. За счет пополнения из Георгиевска, Федоровки, Воронцовки, Цыгановки и других сел у нас значительно увеличилось количество пистолетов и сабель, и мы смело вступали в схватки с различными бандами, игравшими на руку Деникина.

А банды появлялись одна за другой: за бичераховской — полковника Серебренникова, за ней — барагуновская, федюшкинская и другие. Мы едва успевали отбивать их налеты. Мне и моему заместителю В. Овчинникову стало трудно планировать боевые действия отряда и руководить боями, поэтому мы создали небольшой штаб, в который вошли братья Жигалкины. Вместе с двумя из них — Георгием и Михаилом — мне пришлось воевать. Георгий стал во главе штаба, Михаил — помощником по хозяйственной части, а младший брат, Аркадий, выполнял обязанности моего ординарца.

Георгий на штабной работе обнаружил редкий талант. Мы доверяли ему во всем, и он никогда не подводил нас. Теперь нам стало легче, дела пошли на лад. А. М. Беленкович внимательно следил за действиями нашего отряда, который отогнал мелкие банды далеко в моздокские степи.

Однажды, когда мы дрались с Баратуновым у станицы Государственной, что километрах в шестидесяти от Георгиевска, отряд Ильина, к которому благоволил главнокомандующий Северного Кавказа, ворвался в штаб Беленковича и без должных оснований арестовал командующего. Затем Ильин со своим конвоем явился в расположение нашего отряда и пытался арестовать меня, как бывшего офицера царской армии. Красноармейцы дали отпор анархистствующему командиру отряда, объявившему себя командующим фронтом.

Возвратившись в Георгиевск, Ильин арестовал Георгия Житалкина, приехавшего на доклад к Беленковичу, во время допроса ранил его, а затем приказал своему конвою изрубить его пашками.

Узнав об этой дикой расправе над преданным Советской власти человеком, я заявил, что такое беззаконие не пройдет Ильину даром. Упредив меня, Ильин сочинил «дело», и Сорокин объявил меня вне закона. Хотя обвинение было ложным, клеветническим, положение создалось очень серьезное. Что делать? Посоветовавшись с друзьями, я решил оставить на позиции пехоту во главе с В. Овчинниковым, а сам в первой половине сентября 1918 года с конниками ушел в Святой Крест, в районе которого дивизия С. Чугуева дралась с белогвардейцами. Наш отряд тоже принял участие в этой борьбе.

В Святом Кресте я встретился с товарищем Артемом (Ф. Сергеевым), только что приехавшим из Царицына. Заметив мое удрученное состояние, он спросил:

— В чем дело? Или беляки одолевают?

— Меня самого тычут белопогонником, — ответил я, — да еще объявили вне закона...

— Ну и ну! Расскажите-ка подробнее, — попросил товарищ Артем.

Я рассказал об инциденте с Ильиным и его последствиях.

— А вы и в самом деле бывший офицер царской армии?

— Был «черной костью» в белых погонах, — невесело обронил я, вспоминая прежнюю службу.

— Любопытно, — проговорил товарищ Артем.

Пришлось поведать ему о своей судьбе.

В июле 1914 года мне, офицеру запаса, вручили пакет с предписанием явиться в полк. Надев погоны корпета (экзамен на первый офицерский чин я сдал во время прохождения срочной службы в качестве вольноопределяющегося), я прибыл в часть и получил под свое начало взвод.

Обстановка была самой противоречивой. Так называемые патриоты и реакционная часть офицерства ликовали, радуя за войну. Петербургские рабочие, передовая интеллигенция и прогрессивная часть армии возмущались политикой царизма, не хотели идти на фронт ради чуждых им интересов.

Однако армия есть армия, и вскоре нас отправили в Восточную Пруссию. Нашим гвардейским конным корпусом командовал Хан-Нахичеванский, тот самый бездарный генерал, в полку которого я проходил срочную службу.

Мы наступали из Тильзита на Кенигсберг. Во время атаки на немецкую батарею 21 августа 1914 года меня ранило. Я получил орден Святого Владимира, чин поручика и... госпитальную койку, на которой провалялся три месяца.

После отпуска я получил новое назначение — в город Лиски, в запасный полк 16-й кавалерийской дивизии. Пробыл там недолго. Уже в начале 1915 года с маршевым эскадронном был направлен в 18-й Нежинский гусарский полк, которым командовал полковник Богородский. Начались разведки, бои на Юго-Западном фронте.

Под местечком Берестечки мы попали в окружение и за одни сутки бросались в атаку на немцев шестнадцать раз. Пуля снова не миновала меня. Я получил в награду Георгиевский крест четвертой степени, звание штабс-ротмистра и... снова госпитальную койку. После выздоровления попал в те же Лиски. Уже поговаривали об отправке на фронт, да, к счастью, вышел такой приказ генштаба: офицеров и нижних чинов, знакомых с техникой, направить в Киев, где формировалась тепловозно-железнодорожная бригада. Меня, как инженера, откомандировали туда, и в августе 1915 года в составе комиссии послали в Филадельфию (США) для приемки заказанных Россией тепловозов.

В Нью-Йорке мы встретили немало русских эмигрантов — приверженцев самых различных политических партий (особенно много было бундовцев). Все они говорили пространно и витиевато как о своих ближайших задачах, так и о перспективах. От их цветистых речей в голове моей остался какой-то сумбур, и я запутался в их политических спорах. Только около года спустя, когда вступил в партию большевиков, разобрался, что к чему.

Между прочим, во время заграничной командировки я познакомился с Шатовым и Дыбецом. Это были деловые люди. Первый из них стал впоследствии начальником строительства Турксиба, второй — директором Горьковского автозавода.

Наконец мы приняли тепловозы и отправили их, а сами вернулись в Киев. Бригада была сформирована, и меня назначили во 2-й отдельный батальон начальником ремонтных мастерских. Выехали на Юго-Западный фронт. На станции Кривин у меня произошел серьезный конфликт с поручиком князем Радзивиллом, который избил моих солдат за то, что они спалили на дрова несколько елок в его имени. Я вступился за солдат и ударил по физиономии этого князя. Радзивилл вызвал меня на дуэль: оскорбился, видите ли. Разумеется, я не принял этого «благородного» вызова и еще раз ударил поручика.

Начались рапорты, следствия, дознания. Конфликт кончился тем, что генерал Рудковский, будучи расположен ко мне, сказал:

— Я понимаю вашу любовь к солдату, продиктованную социальным происхождением. Ну, так вот, голубчик, под суд я вас не отдам, потому что сам вышел из солдат, а наказывать обязан. Да-с, обязан.

Он взял папку, достал из нее приказ и прочитал параграф о... присвоении мне очередного воинского звания «ротмистр». Я не поверил своим ушам.

— Так вот, голубчик, — улыбнулся генерал, — поздравляю вас. А теперь пишите рапорт: «Горя патриотическим чувством и желая сражаться с врагом за веру, царя и отечество, прошу откомандировать меня на передовую линию огня».

Таким желанием я, конечно, не горел, потому что уже к тому времени стал коммунистом, но рапорт все-таки написал и дня через два отправился на фронт, в гусарский полк. Иначе бы не миновать суда чести.

После нескольких боев в октябре 1916 года нашу часть вывели в резерв. В моем эскадроне уже было несколько коммунистов. Вместе с ними я вел разъяснительную работу среди солдат, рассказывал об истинных целях войны, о том, ради чьих интересов она ведется.

Однажды во время учений мы наткнулись в лесу на бунтующих солдат 13-й сибирской стрелковой бригады. Ее командир, генерал Черкасов, приказал мне навести порядок среди бунтовщиков. Я не подчинился его приказу, отослал эскадрон к месту расположения, а сам вме-

сто с другими коммунистами присоединился к мятежникам.

За участие в бунте против царя мне грозил военно-полевой суд. Я переоделся в солдатское обмундирование, написал себе несколько увольнительных записок и оставил полк.

В Минске меня задержала полевая жандармерия. Решением военно-полевого суда разжаловали, лишили всех наград и приговорили к расстрелу.

Жить оставалось недолго: выведут за город — и получишь последнюю царскую «награду». Но все сложилось по-иному. Когда конвой вел меня из суда в тюрьму, по улице проходили для отправки на фронт десятки маршевых рот.

— Эх вы, сволочи! — кричали солдаты конвойным. — Нас гонят умирать, а вы тут над нашим братом измыкаетесь... Бей их, ребята!

Завязалась драка. Воспользовавшись суматохой, я нырнул в многотысячную солдатскую толпу и скрылся.

— Держи смертника! — кричали конвойные, открыв стрельбу поверх солдатских голов.

Но рабочие и крестьяне, переодетые в шинели, задерживать меня не собирались. После побега я пришел на место партийной явки. В Минске был подпольный руководящий партийный центр, возглавляемый товарищем Михайловым (М. В. Фрунзе). Меня переодели в форму артиллерийского подполковника, перебинтовали, снабдили надежными документами и санитарным поездом отправили в Питер.

Некоторое время я жил нелегально. Затем участвовал в Февральской революции вместе с личным составом автобронеотряда, который стоял на Бассейной улице, в доме № 12. Там же служили мои земляки, школьные товарищи: Сидоренко, Карташев и Папсуй.

После амнистии политическим я снова отправился на фронт, в свой полк. Коммунисты сделали свое дело: солдаты не хотели воевать. Меня избрали в состав полкового комитета, и я включился в революционную пропаганду. Как «разложившуюся» часть нас решили перебросить из Прибалтики в Старую Руссу.

Рассказом о штурме Зимнего и приеме у Владимира Ильича Ленина я закончил своеобразную исповедь перед товарищем Артемом. Выслушав меня, он покачал головой и сказал:

— Непонятный человек этот Сорокин. Объявить коммуниста вне закона только за то, что он был в старой армии офицером?! Кстати говоря, Сорокин и сам бывший офицер. В чем же дело? Преднамеренное истребление кадров? Впрочем, думаю, с ним разберутся... А вы, товарищ Сергеев, вот что, идите-ка со своим отрядом в Царицын. Там очень нужна подмога.

Я поблагодарил товарища Артема за дружеское внимание и добрый совет и обещал в скором времени сообщить ему о своем решении.

...В Святой Крест приехали Д. П. Жлоба и А. М. Беленкович, ставший начальником штаба его дивизии (видимо, Ильин не осмелился поступить с ним так же, как с начальником штаба моего отряда). Я рассказал им о событиях последних дней и о своих злоключениях.

Дмитрий Жлоба рассмеялся:

— Плюнь ты на распоряжения Сорокина и уходи в Царицын. Иначе тебя подстрелят из-за угла. Правильно советует товарищ Артем.— И комдив показал мне приказ И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова о переброске дивизии в Царицын.

Оказывается, Сорокин приказал Жлобе готовить дивизию к выступлению на Ставрополь. Зная, что возражать бесполезно, командир сделал вид, будто согласен с главкомом. На самом же деле начал сосредоточивать дивизию для отправки на Царицын. Часть полков погрузил в эшелоны, другую походным порядком направил через Минеральные Воды, Александровская, Благодарное. Числа 17—18 сентября эшелоны разгрузились в Святом Кресте.

Молва о походе дивизии Д. П. Жлобы в Царицын проникла и в другие войсковые части. Многие отряды и полки, потерпев поражение под Тихорецкой, Армавиром, бродили по Кубани, Тереку и Ставрополью. Теперь они вливались в жлобинское соединение. Начдив не препятствовал этому, радовался увеличению сил.

После беседы с товарищем Артемом и встречи с Д. П. Жлобой и А. М. Беленковичем я тоже решил со своим конным отрядом следовать в Царицын. К нам присоединялись мелкие кавалерийские группы, потерявшие управление. 23 сентября 1918 года мы переформировали отряд в полк и вошли в состав дивизии Д. П. Жлобы.

В процессе переформирования провели пере выборы

командиров эскадронов. В помощь каждому командиру избрали эскадронный совет в составе трех самых авторитетных бойцов. Полковой же совет состоял из пяти человек. Выборные люди олицетворяли всю власть — следили за порядком, дисциплиной, во всем оказывали содействие командирам, вплоть до наказания провинившихся и исправления нерадивых.

Примерно такая же система советов была и в других полках дивизии Д. П. Жлобы. Партийных ячеек еще не было.

В Святом Кресте начдив созвал на совещание всех командиров своих частей, рассказал им о реорганизации соединения, его структуре и штатном расписании. Затем, основываясь на информации товарища Артема, доложил обстановку в районе Царицына, подчеркнул особо важное значение этого города для Советской России, разъяснил цель предстоявшего похода.

— Ну, вот и все, товарищи. Теперь надо решить организационные вопросы,— сказал Д. П. Жлоба и окинул взглядом присутствующих.— В связи с тем, что к нам прибыло много новых людей, выясним, доверяют ли они мне командовать дивизией. Попрошу поднять руки.

Все проголосовали за Д. П. Жлобу.

— Добре,— заметил он.— Я самолично назначил товарища Беленковича начальником штаба дивизии. Это преданный Коммунистической партии и советскому народу человек. Он безвинно пострадал от произвола Сорокина. Но с этим еще разберутся. Кто за то, чтобы Веленкович был начальником нашего штаба?

Командиры проголосовали единодушно.

— И последнее. Согласны ли вы, чтобы наша дивизия называлась Стальной?

В ответ раздались дружные аплодисменты.

— Добре, друзья. Теперь на Царицын!

Однако перед отправкой произошел очень неприятный инцидент. Сорокин прислал в Святой Крест два бронепоезда и приказал разоружить Стальную дивизию, а самого Жлобу арестовать, как «изменника делу революции». На случай открытия огня бронепоездами начдив привел в готовность артиллерийские батареи, затем выслушал представителей Сорокина и заявил им:

— Я выполняю волю высшей военной власти. Вот приказ, подписанный Ворошиловым и Сталиным. Так

что передайте главоверху, что не я, а он предаст дело революции. А теперь не делайте глупости и уезжайте. Иначе я не ручаюсь за то, что бронепоезда не разлетятся в щепки.

Представители Сорокина покинули Святой Крест, а дивизия Д. П. Жлобы двинулась по заранее разработанному маршруту.

Примерно 20—23 сентября в Благодарном были сосредоточены все наши полки. Дивизия насчитывала до тридцати тысяч бойцов и пяти-шести тысяч членов их семей. Встал остро вопрос о продовольственном снабжении. Как быть? Ведь Сорокин объявил Жлобу вне закона.

В Благодарном находились Ставропольский губисполком и губком РКП(б). Дмитрий Петрович Жлоба буквально умолял местные власти дать людям продовольствие, доказывал, что они не должны страдать из-за авантюриста Сорокина.

— Поймите же, что люди идут на святое дело, а вы не даете им хлеба, — говорил он. — Может быть, половина из них скоро умрет за Советскую власть. Так дайте же им возможность дойти до Царицына, где решаются судьбы революции!

Наконец губисполком отпустил нам продовольствие на три дня, но поставил Жлобе условие: выбить из Петровского белые банды генерала Станкевича.

Хлеб окупался кровью.

В ударную группу вошли наши кавалерийские части численностью до пяти тысяч сабель и два полка пехоты. Не дав развернуться белой банде Станкевича, мы совершили внезапный налет на Петровское, около двухсот белогвардейцев порубили и восемьсот солдат и офицеров, в том числе и начальника гарнизона полковника Яковлева, взяли в плен; нам достались большие трофеи: свыше пятидесяти тысяч пудов хлеба, вагон сахара, много скота.

О результатах этого боя Д. П. Жлоба послал в Пятигорск донесение ЦИК Северного Кавказа. Девять гонцов комдив отправил в Царицын: пусть Реввоенсовет 10-й армии знает, что Жлоба не самоуправствует, а выполняет задание местных органов Советской власти...

Победа, одержанная над генералом Станкевичем, укрепила авторитет командира Стальной дивизии в глазах

новых людей, которые знали о нем понаслышке. Теперь нас ничто не задерживало на пути к Царицыну, и мы шли походным порядком, исполненные гордого сознания государственной важности выполняемой задачи.

Дмитрий Жлоба ревниво оберегал честь дивизии: днем и ночью метался по полкам; не терпел послаблений и разболтанности, умел поднимать настроение бойцов, беседовал с ними, поощрял хорошую инициативу. Большую помощь оказывал ему коммунист И. Н. Тубольцев, обладавший незаурядной энергией, организаторскими способностями, талантом агитатора. У него было прозвище «Черный Ворон». Не знаю, почему оно пристало к нему, но люди с любовью говорили о Тубольцеве:

— Вот неугомонный! И когда он только спит, Черный Ворон? Нам бы побольше таких.

...До села Заветное наш полк шел в авангарде, делая переходы по двадцать пять — тридцать километров в сутки. В большом селе Кресты дивизия сделала дневку. Д. П. Жлоба собрал командиров и коммунистов частей на совещание.

Собравшиеся доложили о состоянии дисциплины и настроения бойцов. Они с удовлетворением отмечали, что красноармейцы с нетерпением ожидают схватки с врагом. Выяснилось также, что кое-кто проявляет самовольство, недостойно ведет себя по отношению к местному населению.

— Какие меры принимаете? — строго спросил начальник дивизии.

— Пресекаем анархию на месте, — послышался лаконичный ответ.

— Стальная дивизия — и такие позорные факты... стыдно перед народом, перед Реввоенсоветом десятой армии. Чтобы я не слышал больше о таких безобразиях. Мародеров и дезертиров расстреливать! Железной рукой наводить порядок.

После совещания в узком кругу командиров я предложил Жлобе преобразовать дивизию в корпус. У нас было шесть тысяч сабель и тридцать три тысячи штыков — семь пехотных полков. Жлоба было соблазнулся, но, взвесив обстоятельства, сказал:

— Как бы в Царицыне не подумали обо мне дурно. Еще, чего доброго, упрекут в карьеризме.

На рассвете мы снова выступили в поход. Дойдя до села Киселевка, я узнал, что Царицын вызывает кого-либо из командиров для телеграфного разговора. Жлоба со штабом дивизии был в селе Заветное, что километрах в двадцати пяти от Киселевки, и на переговорный пункт пришлось идти мне.

Состоялся следующий разговор:

Я: У аппарата командир второго конного полка Сергеев.

Царицын: Говорят члены Реввоенсовета 10-й армии Сталин и Ворошилов. Куда следуете? Где начдив?

Я: Идем в Царицын. Начдив в Заветном.

Царицын: Какова численность ваших войск?

Я: Примерно сорок тысяч. Пехота и конница. Пехота на подводах.

Царицын: Форсируйте поход. Положение тя...

На этом разговор прервался. Белоказаки порубили провода в селе Цаца. Я срочно выехал в Заветное и обо всем доложил командованию. Связь с Реввоенсоветом 10-й армии, внимание к дивизии очень обрадовали всех.

От Заветного до села Большие Чапурники, около ста пятидесяти километров, прошли за трое суток. Часов в одиннадцать ночи наш полк вошел в зону противника. Мы произвели тщательную разведку его позиций и послали в дивизию донесение:

«Достиг с разъездом вражеской тыловой охраны. На пути уничтожил сотню казаков. Противник занимает фронт от села Большие Чапурники до станции Червляна. С правого фланга большие непроходимые озера, на левом фланге — бронепоезд с артиллерией.

Состав частей противника: два офицерских полка, артиллерия и пулеметы. Имеется две линии окопов без проволочного заграждения. Примерно в трех километрах к северу — оборона войск 10-й армии.

Выставил авангард, принял меры охранения. Жду приказаний. Сергеев. 15 октября 1918 года».

Часам к четырем утра к позициям противника скрытно подошла вся дивизия и заняла исходное положение для атаки. Шесть цепей пехоты развернулись по всему шестикилометровому фронту. 1-й конный полк вышел на левый фланг, 2-й — на правый, в направлении Большие Чапурники.

Прозвучал орудийный выстрел. Это — сигнал! По все-

му фронту раздалось мощное «ура». Началась атака. Бронепоезд врага открыл по нашему полку ураганный огонь из пушек и пулеметов, но вскоре он вынужден был замолчать: его обошли с тыла.

Против нас сражалась так называемая группа вторжения в Царицын — 1-й Украинский добровольческий офицерский полк, Астраханский офицерский полк и банда князя Тундудова. Боевые порядки и ружейные приемы у белых были как на параде. Наши воины не имели такой подготовки, но отчаянно состязались с врагом в искусстве рубки и штыковых ударов. Жлоба на своем взмыленном Орлике метался по всему фронту, подбадривая бойцов, показывая личный пример в схватках с белогвардейцами.

Бой длился минут сорок — пятьдесят. Когда уже «подчищали» недобитых офицеров, на рассвете подъехали сто подвод с юнкерами. Они тут же были окружены, обезоружены и пленены. Сняв войска генерала Краснова, мы соединились с бригадой Крутякова и 38-й Морозовской дивизией. Затем жлобинцы развернулись с юга на запад и, войдя в боевые порядки 10-й армии, продолжали преследовать противника.

Результат боя: уничтожено до 1400 белогвардейцев, взято 800 человек в плен, захвачено 6 орудий, 49 пулеметов и до 200 тысяч патронов.

24 октября 1918 года в приказе войскам 10-й армии была объявлена телеграмма И. В. Сталина:

«...Передайте Морозовскому, Тихорецкому полкам, Лобачеву, командиру дивизии Жлобе, окружившим противника и разбившим его наголову, мой горячий коммунистический привет. Скажите им, что Советская Россия никогда не забудет их героических подвигов и вознаградит их по заслугам».

17 октября наш 2-й конный полк был выведен в дивизионный резерв. Часов в шесть вечера я получил телеграмму. Меня и А. М. Беленковича вызывали в штаб 10-й армии. Я доложил об этом Д. П. Жлобе. Он был обижен, что его почему-то не приглашали вместе с нами. Вероятно, сыграл роль пресловутый приказ Сорокина с объявлением Жлобы вне закона...

На заседание Реввоенсовета армии прибыли все начальники боевых участков, командиры дивизий и начальники служб. Мы представились командарму К. Е. Воро-

шилову, членам Реввоенсовета Межлауку и С. К. Мишину.

Обстановку на фронте доложил начальник штаба 10-й армии Мацлецкий. О состоянии дивизий и отдельных частей докладывали приглашенные на заседание командиры, в том числе Беленкович и я. Затем была поставлена задача на общее наступление армии с целью отбросить противника за Дон. 2-му кавполку нашей дивизии предстояло пробиться на юг в район Котельниково, расчистить железнодорожную линию, соединиться с отрезанной и окруженной группой войск Шевкопляса, Штейгера, Ковалева и Думенко и помочь ей выйти на соединение с армией. Время наступления четыре часа 19 октября 1918 года.

Возвратившись в штаб дивизии, мы доложили Д. П. Жлобе о задачах, которые нам предстояло выполнить. Начдив, казалось, без особого интереса слушал нас, однако дал указание А. М. Беленковичу усилить 2-й кавалерийский полк. Я попросил у Дмитрия Петровича напутственных указаний: часть отрывалась от соединения на сто километров, и добрый совет старшего начальника мог очень пригодиться во время самостоятельных действий.

— Вас инструктировали люди поумнее меня. Что же спрашивать у меня совета? — не сдержался Жлоба.

Начдив всегда был внимателен ко мне, чуток и заботлив, и я искренне любил его за это. А после такого ответа на душе стало горько: ведь не виноват же я, а конце концов, в игнорировании роли командира...

Подавив минутную вспышку, Дмитрий Петрович уже другим, более душевным тоном сказал:

— Не сердитесь на меня. Я ведь тоже человек... Верю, что вполне справитесь с поставленной задачей. Держите меня в курсе дела. Будет тяжело — дайте знать. — Он обнял меня и добавил: — Желаю успеха!

На душе повеселело, и я, ободренный переменной настроенности начдива, выступил с полком в поход.

Задача на соединение с котельнической группой была нелегкой. На пути до станции Абганерово мы встретили казачий пехотный полк. Он шел на усиление войск, окруживших наши части. Завязался бой. Окончился он для белоказаков печально: мы взяли около восьмисот человек в плен, захватили восемь орудий и бронепоезд «Брян-

ский». 21 октября наш 2-й кавалерийский полк соединился с группой, попавшей в окружение, помог ей отбить атаки белогвардейцев, расчистил линию железной дороги на Царицын и вернулся на станцию Тундутово.

Д. П. Жлоба был доволен, что мы выполнили боевое задание.

— Сейчас наша дивизия, — сказал он, — занимает позиции на левом фланге десятой армии. Ваш полк, Василий Антонович, тоже направим туда. Должен сказать, что положение в Царицыне очень тяжелое, и нам придется выдержать сильнейший натиск белых. Так что будьте готовы к серьезным боям.

После двухсоткилометрового похода и ожесточенных схваток с бандами генерала Попова и другими частями противника мы должны были отдохнуть, набраться сил, но обстановка не позволяла сделать этого, и мы сразу же заняли указанные позиции. Все понимали, что Царицын имеет огромное значение. На защитников города с надеждой смотрела вся страна. Сознание ответственности, чувство революционного долга воодушевляло всех на героическую борьбу с врагом.

Появление Стальной дивизии в рядах защитников Царицына существенно изменило обстановку. После двух-трех удачных боев противник был далеко отброшен от города. Авторитет Д. П. Жлобы упрочился. Мы понимали, конечно, что огромную роль в укреплении боеспособности дивизии сыграл Реввоенсовет 10-й армии. Мы пришли под Царицын голодные, плохо одетые. Командование сделало максимум возможного, чтобы обеспечить нас всем необходимым.

Однако Жлоба, видимо, считал, что Стальная дивизия, заслужившая теперь добрую славу, стала таковой только благодаря его личному руководству. Это породило в нем элементы тщеславия, некоторой надменности в отношении к другим командирам. И хотя к бойцам Жлоба относился по-прежнему чутко и заботливо, вокруг его имени стали возникать нездоровые разговоры, особенно после приезда в Царицын наркомвоенмора, который недолюбливал начдива, имел о нем ложное представление.

Кстати сказать, Троцкий предвзято относился и ко всей 10-й армии. Он считал, что она состоит из отдельных партизанских отрядов, анархистствует и не может вести войну грамотно — планомерно.

В последних числах октября 1918 года Жлобу вызвали в Царицын и приказали подготовить дивизию к инспекторскому смотру.

— Нашел время заниматься парадами, — возвратившись в Тундутово, недовольно говорил начдив о Троицком. — Какой парад, когда почти никто из командного состава дивизии не имеет представления о парадных церемониях?

Он был прав. Большинство наших командиров не служило в царской армии в мирное время, не принимало участия в парадах.

— Вы были в конной гвардии, участвовали в парадах, — сказал мне Жлоба, — вам и карты в руки. Готовьте полки к смотру.

Готовились побригадно. Во время строевых занятий люди привели себя в порядок, отработали прохождение церемониальным маршем. За три дня бойцы обрели строевую форму.

На плац приехал Пархоменко и передал просьбу Ворошилова:

— Покажите, на что способна Стальная дивизия.

В это время с Кубани со своим конным полком подошел Тимошенко и, не успев отдохнуть, тоже включился в подготовку к параду.

Свой полк я готовил особенно пристрастно. Одиннадцать эскадронов разбил по мастям коней. Полковой оркестр посадил на белых скакунов. Каждый эскадрон обеспечил цветными флюгерками на пиках. На смотре 2-й кавалерийский полк произвел хорошее впечатление. Дивизией в целом начальство тоже осталось довольно, и многие командиры, в том числе и я, получили ценные подарки.

После парадной шумихи снова начались жестокие бои, в ходе которых дивизия несла значительные потери. Дело в том, что восвала она не в полном составе, а отдельными полками: случится где-нибудь прорыв — берут одну из наших частей и бросают на противника. Пополнения же нам не давали, его негде было взять.

— Плохо воюем, — сетовал Д. П. Жлоба, — Не кулаком, а растопыренными пальцами бьем по белякам.

И в самом деле, у белых две трети состава войск приходилось на долю конницы, а у нас — на пехоту. При таком соотношении противник был, конечно же, манев-

ренное нас. К тому же мы не всегда умело использовали конницу. В нашей дивизии, к примеру, было около шести тысяч сабель. А как ими распорядились? Нередко конники находились позади пехоты, иногда спешивались и сменяли ее в окопах. А ведь кавалерия была самым подвижным родом войск в то время...

В середине ноября 2-й кавалерийский полк стоял на пехотной позиции у станции Карповка. Ко мне зашел Д. П. Жлоба и показал телеграмму:

— Вызывают в Москву. Зачем — ума не приложу. Воевать надо, а не развезжать по столицам...

Отъезд Жлобы из дивизии произвел на людей тревожное впечатление. По этому поводу сочинялись самые различные версии. Одни говорили, что отзыв комдива — происки Сорокина, другие утверждали, что Жлоба получил новое назначение. Только много позже Дмитрий Петрович рассказал мне, как все обстояло в действительности. И. И. Вацетис и С. И. Аралов без ведома Реввоенсовета Республики назначили Д. П. Жлобу с повышением. Узнав об этом, член Реввоенсовета Республики Акулов, находившийся в Царицыне, телеграфировал ВЦИК и Совнаркому РСФСР о необходимости отмены принятого решения. Жлобу по его просьбе направили в Астрахань, чтобы из отступавших, разрозненных войск 11-й армии создать партизанское соединение.

Встреча была очень теплой. Дмитрий Петрович подробно расспрашивал о Стальной дивизии, о ее людях.

— Помните, как вы создавали партийную ячейку в полку? — улыбаясь, говорил Жлоба.

— Такое не забывается...

Это было во время похода дивизии из Святого Креста под Царицын. В связи с тем, что одному мне было не под силу вести воспитательную работу среди огромной массы красноармейцев, я, как уже говорил выше, опирался на эскадронные и полковой советы. В них входили уважаемые однополчанами люди, но они были беспартийными, слабо подготовленными в политическом отношении, и я делился с ними знаниями, хотя и сам знал лишь основы марксизма, азбуку революции.

Чаще всего во время привалов ко мне приходили маленький, юркий казачок Шиковенко из станицы Незамаевской, иногородний Нетребин из станицы Тихорецкой, очень развитой и красноречивый казак Браворцев, рабо-

чий железнодорожного депо станицы Тихорецкой Богданов, Дамид Ушаков из станицы Новогригорьевской и другие. День ото дня наши беседы становились активнее, целеустремленнее. Говорили о Советской власти, о Коммунистической партии, о будущем нашего государства.

В результате этих бесед произошло совершенно неожиданное. Однажды ко мне подошел Браворцев и попросил:

— Вот что, Антоныч, запиши меня в свою золотую книжечку.

«Золотая» книжечка — это мой блокнот в красном сафьяновом переплете с золотым обрезом.

— Зачем тебя записывать в нее? — спросил я бойца, не поняв его просьбы.

— Хочу быть коммунистом.

Я рассказал своему собеседнику о порядке приема в партию.

— Нет, ты запиши, — настаивал Браворцев на своем, — а потом скажешь, кому надо: так мол и так получилось.

Пришлось записать. А через день-два с такой же просьбой ко мне пришли еще человек десять активистов. Так на свой страх и риск мы организовали партийную ячейку в полку. Секретарем избрали Браворцева.

Честно говоря, я побаивался, что мне устроят головомойку за такую «самодеятельность». Но когда мы пришли в Царицын, товарищи из политотдела 10-й армии одобрили мою инициативу, и все, кто был записан в «золотую» книжечку, стали коммунистами.

С появлением партийной ячейки советы полка и эскадронов перестали существовать.

В конце ноября 1918 года К. Е. Ворошилов укрепил штаб 10-й армии кадрами за счет наиболее опытных, грамотных в оперативно-тактическом отношении командиров. Я был назначен инспектором кавалерии 10-й армии.

— Присмотритесь к нашей коннице, — напутствовал меня командарм. — Нам необходимо реорганизовать ее, сделать более подвижной и сильной. Ваши предложения обсудим на заседании Реввоенсовета.

Работы было много. Мне пришлось побывать во всех частях армии, познакомиться с бойцами и командирами, а также изучить данные о кавалерии противника.

На 20 ноября 1918 года в 10-й армии было двадцать

четыре тысячи человек, из них только одна треть конников. Противник же имел в составе своих войск две трети кавалерии и одну треть пехоты. Этим отчасти и объяснялся его успех в предыдущих сражениях. У белогвардейцев конница выполняла оперативно-стратегические задачи, у нас же порой она представляла собой верховую пехоту, не всегда использовала свои возможности, хотя конармейцы были храбрыми, самоотверженными людьми.

Проанализировав собранные материалы, я пришел к выводу, что нам необходимо изменить структуру кавалерии. Для этого у нас имелось все необходимое. Нужно было отобрать в пехотных соединениях и частях конницу, свести ее в две самостоятельные дивизии шестиполкового состава, которые в случае необходимости можно было объединить в конный корпус — силу, способную выполнять стратегические задачи.

Я написал доклад и представил его в Реввоенсовет 10-й армии. Было принято решение приступить к формированию кавалерийских дивизий. Однако, когда приступили к делу, начальники пехотных соединений под разными предлогами не хотели отдавать конные полки. Пришлось начинать с организации не двух, а одной дивизии. Основой для этого послужили части Б. М. Думенко и три полка из Стальной дивизии. Таким образом, была организована 1-я сводная кавалерийская дивизия, командиром которой назначили Б. М. Думенко, заместителем — С. М. Вуденного, комиссаром — М. С. Кузнецова. Первой ее бригадой командовал Буденный, второй — Тимошенко.

В феврале — марте 1919 года, когда из Ставрополя группа войск пришла к рубежам реки Маныч, командование Южного фронта подчинило ее 10-й армии. По указанию вновь назначенного командарма А. И. Егорова из этой группы была выделена конница и таким образом создана вторая кавалерийская дивизия. Помимо того были две отдельные кавбригады — М. Ф. Лысенко и К. Булаткина.

Во время критического положения под Царицыном А. И. Егоров предпринял дерзкую операцию — послал в рейд по вражеским тылам части Буденного, придав им бригаду Булаткина. Задача была выполнена блестяще. Слава о буденновском рейде разнеслась по всему фронту и прифронтной полосе.

Вскоре после этого Б. М. Думенко назначили помощником начальника штаба армии по кавалерии, и мои функции, по существу, перешли к нему. Я попросил командарма послать меня в длительную командировку в войска, чтобы сформировать 6-ю кавалерийскую дивизию. А. И. Егоров удовлетворил мою просьбу.

Прибыв на место и разобравшись в обстановке, я принял решение сформировать дивизию по штату № 220 и доложил об этом командарму. Егоров согласился. К середине марта 6-я кавалерийская дивизия была сформирована. Командиром 1-го полка был назначен Селиванов, 2-го — М. И. Чумак, 3-го — В. И. Книга, 4-го — Н. И. Колесов. Начальником соединения утвердили И. Р. Апанасенко, а я временно исполнял обязанности начдива, так как он болел.

Обе дивизии, 32-я и 6-я, держали оборону на участке Приютное, Крутик. С переходом армии в наступление правофланговые части взяли направление на Ростов. Дивизия С. М. Буденного заняла Торговую (Сальск) и разведкой вышла на Мечетницкую. Наша дивизия находилась на левом фланге, в трехстах километрах от железной дороги. Обеспечение боеприпасами, оружием и другими видами армейского снабжения было нерегулярным. Клинок и винтовка — основные средства борьбы, которыми мы располагали. Правда, мы имели батарею трехдюймовых орудий и одну шестидюймовую гаубицу, но снарядов к ним не было, и они бездействовали. Вот почему мы очень долго топтались у берега Маныча, не могли сбить заслон противника, форсировать реку и пойти в наступление на Ставрополь.

В первых числах мая 1918 года по договоренности между штабами 10-й и 11-й армий на период операции по форсированию Маныча в подчинение командования нашей дивизии передали каспийско-степную группу Д. П. Жлобы, которая должна была прикрывать наш левый фланг.

Как уже говорилось выше, дивизией временно командовал я. На совещании командиров, где разрабатывался план боевых действий частей, Жлоба не приехал: он был болен. Однако участие в схватке с денкинцами принял.

Ночью 10 мая мы прорвали оборону противника, форсировали Маныч, заняли Дивное и Кистинское и взяли

направление на Петровское и Ставрополь. В этом бою дивизия рассеяла Кубанскую казачью конную и пластунскую бригады, пленила два вражеских батальона, уничтожила двести белобандитов, захватила шесть английских орудий.

На второй день в этот район боев противник подтянул конный корпус генерала Улагая. Сбив группу Жлобы и оголив наш левый фланг, белые двинулись к Черному Яру. Затем Улагай форсировал Маныч, обошел нас и занял населенные пункты Кресты и Валувка. Мы отступили на хутор Савдя. На рассвете белогвардейцы предприняли новый ожесточенный натиск. 6-я кавалерийская дивизия оказалась в очень тяжелом положении. Прорвав одно кольцо окружения, мы попадали в другое, неся большие потери. Только под станицей Грабьевской, собрав силы для контратаки и вырвавшись из огневой «восьмерки», отступили к железнодорожной станции Ремонтное. Туда же пришла и сильно обескровленная 32-я стрелковая дивизия.

Несколько слов хочется сказать о нашей тактике того времени. Она была настолько несовершенной, не уставной — в строгом смысле этого слова, что теперь поражаешься, как мы могли побеждать столь сильного и организованного врага. Приведу такой пример.

Во время прорыва из вражеского кольца я повел в атаку на белых два конных полка. Подав команду: «Справа позскадронно в атаку марш!» — я, к удивлению, услышал совершенно другой приказ командира 1-го полка. Он скомандовал: «Полк, в цепь!» Так же поступил и командир 2-го полка.

Части рассыпались и реденькой цепочкой кинулись на колонны противника. Конечно, наши бойцы были отброшены, и атака сорвалась. Характерно, что во время атаки ни один из красноармейцев не обнажил шашки. Все они сняли с плеч винтовки и на скаку вели беспорядочный огонь. Пришлось вызвать командиров полков и объяснить им, что действовали они неправильно.

Во время повторной атаки полк Селиванова первым открыл ураганный огонь из ручных пулеметов и винтовок, а те, что шли вслед за ним, развивали успех, рубили врага шашками. Этот комбинированный способ действия оправдал себя. В дальнейшем такая тактика была усовершенствована и успешно применялась.

Преследуя нас, противник одновременно сосредоточивался в степи для налета на линию железной дороги Сальск — Царицын, чтобы отрезать отход правофланговых войск нашей армии и локализовать действие шести бронепоездов в районе Великокняжеской. На помощь к нам спешила дивизия Вуденного, но и она была в тяжелом положении и не смогла оказать содействия.

Прорыв улагаевского корпуса в тыл нашей армии угрожал катастрофой. Чтобы предотвратить ее, мы мобилизовали всех безлошадников, способных владеть оружием, и, заняв оборону на берегу реки Сал, окопались вдоль железнодорожного полотна. Командарм А. И. Егоров прислал нам на помощь два батальона курсантов во главе с В. А. Погребовым.

Напрягая все усилия, дивизия держала оборону числа до 18—20 мая. Затем на наш участок приехали Егоров, Ефремов и Думенко. Командующий армией приказал усилить наш участок обороны подошедшим полком 37-й стрелковой дивизии, а всю конницу сосредоточил под командой Думенко. 20 мая противник снова перешел в атаку. Б. М. Думенко бросил кавалеристов в контратаку через реку Сал. В этой отчаянной схватке многие бойцы погибли или получили тяжелые ранения. Под жестоким пулеметным огнем попали А. И. Егоров, Б. М. Думенко, С. М. Кузнецов, Колпаков и я. Все мы были ранены, и нас отправили в госпиталь. В командование дивизией снова вступил И. Р. Апанасенко.

После госпиталя я вернулся в инспекцию кавалерии 10-й армии.

В начале июня 1919 года под Царицыном была сосредоточена почти вся конница объединенных Донской и Добровольческой армий. Это была внушительная сила — конные корпуса генералов Улагая, Шатилова, Покровского и Мамонтова и дивизии генералов Татаркина, Попова и Сутулова. В общей сложности были имели около двенадцати — пятнадцати тысяч сабель.

Наши 4-я и 6-я кавалерийские дивизии едва насчитывали четыре тысячи сабель. Кроме того, в армии при стрелковых дивизиях было еще до четырех тысяч конников, но они почти бездействовали.

Конница противника рвалась в Царицын. Охватив с запада фланг нашей армии, белогвардейцы намеревались отрезать нам пути отхода. Им удалось отеснить на се-

вер 9-ю армию. Между ее частями и войсками 10-й армии получился большой разрыв. Командующий Южным фронтом приказал сосредоточить всю конницу и закрыть этот разрыв.

Буденный, назначенный командиром только что сформированного 1-го конного корпуса, повел свои полки против Мамонтова и Шкуро и практически выбыл из состава нашей армии. Но 16 сентября 1919 года в станице Качалинской мы создали 2-й конный корпус во главе с Б. М. Думенко.

Бои с контрреволюцией Юга России продолжались.

СХВАТКА У МАНЫЧА

Разгромив белые войска под Царицыном и отбросив их за реку Маныч, наша 10-я армия в апреле 1919 года форсировала с ходу эту водную преграду и захватила на ее берегу значительный плацдарм. Командование решило пополнить и привести в порядок обескровленные части, дать уставшим бойцам передышку. С этой целью армия перешла к обороне на широком фронте, а входившая в ее состав 4-я кавалерийская дивизия Семена Михайловича Буденного должна была обеспечить правый фланг вблизи хутора Веселого. Здесь находилась важная в стратегическом отношении переправа, через которую осуществлялись весь подвоз, эвакуация и связь с укрепившейся на берегу 39-й стрелковой дивизией.

К тому времени разведка установила, что в результате поражения 11-й армии на Северном Кавказе противник высвободил несколько свежих конных корпусов и перебросил их на наш участок. Белой коннице, рвавшейся к переправе, противостояла дивизия Буденного, незадолго до этого участвовавшая в разгроме войск генералов Попова и Мамонтова.

Достигнув села Камышеваха, Семен Михайлович принял решение расположить дивизию на дневку, а для обеспечения отдыха главных сил выделил 19-й кавалерийский полк, которым командовал Петр Яковлевич Стрепухов. Я был командиром второго эскадрона в этом полку.

Мы вышли на рысях и вскоре были в районе хутора Орловка, что в пяти километрах от Камышевахи. Внимательно изучив обстановку, Стрепухов сосредоточил здесь три сабельных эскадрона, а два эскадрона направил в сторожевое охранение.

— Видите эти высоты? — показал Стрепухов рукой в сторону простиравшейся перед нами степи. — Отсюда километра два, не более. Прекрасный наблюдательный пункт. Будьте настороже. Враг может появиться в любую минуту.

Он острым взглядом окинул горизонт и приказал:

— Вышлите разьезды в сторону Первомайского, Хомутовской и хутора Родники.

Расчет его был прост — создать глубокую зону войсковой разведки и сторожевого охранения, чтобы в случае внезапного нападения неприятеля предупредить дивизию и дать ей возможность привести себя в боевую готовность.

Петр Яковлевич пользовался большим уважением в полку и был на хорошем счету у командования. Он умел находить с бойцами общий язык, знал все их нужды. Будучи человеком общительным и жизнерадостным, Стрепухов обладал в то же время исключительной выдержкой. В бою он был храбр, умел поддерживать порядок и железную дисциплину, трезво ориентировался в самой сложной обстановке.

Пристально рассматривая в бинокль слегка всхолмленную степь, надив иногда поворачивался в нашу сторону и говорил:

— Как будто ничего примечательного — степь как степь. Земля да небо. И эти курганы не внушают особого недоверия. А вот длинные и широкие балочки... Сколько случалось трагических развязок у командиров, беспечно относившихся к войсковой разведке и походному охранению. В такой вот балочке, которая всаднику может показаться совсем маленькой и безобидной, спокойно укроется крупное войсковое соединение. Прекрасное место для скрытых засад.

Стрепухов всегда тщательно изучал обстановку и от нас требовал не только лихости да храбрости в бою, но и глубоких знаний.

— На то ты и командир, что выше других на голову, — говаривал он не раз.

Незаметно солнце склонилось к горизонту, стало быстро темнеть. По степи протянулись длинные сиреневые тени. Из балок потянуло холодком. Было тихо, и тишина пастораживала еще больше, потому что мы внали: враг рядом, враг притаился... Однако до полуночи ничего существенного не произошло. Лишь около часу мы внезап-

но услышали перестрелку в районе. Хомутовки, куда отправились самые отчаянные из наших разведчиков: Вася Катхалов, Вася и Володя Базилевские, Саша Островерхов, Гаврюша Косенков, Варфоломей Денищенко и Капустин. Все знали, что они с пустыми руками не возвращаются — обязательно соберут ценные сведения о противнике да еще прихватят «языка». Кроме того, эта группа взяла за правило совершать дерзкие ночные налеты, подчас заставляя противника поднимать по тревоге целые полки и выводить их для занятия рубежа обороны.

Как потом выяснилось, на этот раз все было точно так же. Разведчики бесшумно приблизились к хутору Звонкому, сняли сторожевой пост белых и захватили в плен двух солдат из недавно прибывшей с Северного Кавказа 2-й Терской казачьей дивизии. Затем они обстреляли позиции противника, поднимая при этом страшный шум, и вынудили белых вывести в поле кавалерийский полк.

Разведчики вернулись под утро. Стрепухов долго беседовал с ними, а потом пригласил к себе командиров.

— В полосе действия нашей дивизии появился казачий кубанский корпус генерала Покровского, — сказал он. — Это в корне меняет обстановку и соотношение сил в пользу противника. Всем быть готовыми к выступлению.

Действительно, враг не заставил себя долго ждать. Часов около шести послышалась сильная ружейно-пулеметная перестрелка с линии сторожевого охранения. В ту же минуту полк был поднят по боевой тревоге.

Оставив командовать полком своего заместителя Бесергенева и приказав ему после проверки боевой готовности выводить полк к ближайшей высоте, Стрепухов направился вместе с командирами эскадронов к линии сторожевого охранения, чтобы на месте уточнить обстановку и принять соответствующее решение.

Поднявшись на высоту, мы увидели приближающуюся к охранению большую колонну противника. Как раз в эту минуту открыла огонь выдвинутая на позицию батарея. Пулеметы молчали, выжидая, пока белые подойдут на дистанцию прямого выстрела.

— Молодцы, — коротко бросил Стрепухов.

Пока мы стояли на вершине холма, к основанию его приблизилась голова колонны нашего полка. Бесергенев

поднялся к командиру. И тогда там, внизу, на рубеже сторожевого охранения, заговорили все шестнадцать пулеметов, обрушив на атакующую конницу врага плотный ливень прямого прицельного огня. Кони белых, взметнув облака пыли, сбились в кучу. Послышались отчаянные крики раненых, убитые густо устлали вздыбленную смергоносным вихрем степь.

Мы с нетерпением поглядывали на командира. Да что же это он? Почему медлит? Почему не отдает главным силам приказа преследовать и добивать отходящего в панике противника?! Нам казалось, что для этого наступил самый удобный момент. Но Стрепухов почему-то утратил интерес ко всему, что происходило на поле боя. Вооружившись биноклем, он пристально всматривался в ближайший тыл противника. Кое-кто из командиров начал потихоньку отпускать в его адрес колкие шутки; все мы в большой неловкости переминались с ноги на ногу.

Откровенно говоря, на Стрепухова это не походило. Я знал его хорошо. Видимо, что-то беспокоило командира. Но что? Внезапно он повернулся в нашу сторону, отыскал взглядом командира батареи и приказал ему немедленно открыть беглый огонь по видневшемуся впереди справа длинному густому облаку пыли.

И тут мы поняли, почему командир медлил. Когда в облаке стали рваться наши снаряды, мы увидели, как оттуда поползли в разные стороны темные колонны конницы. Нам только теперь стал ясен замысел врага. Стрепухов разгадал его раньше.

Белые, притаившись в пыльном облаке, ждали нашей контратаки, чтобы в решающую минуту боя нанести нам удар по правому флангу. Если бы не хладнокровие командира, бой мог бы кончиться для нас трагически.

Между тем белоказачья конница стремительно приближалась к нашим позициям. Стрепухов спокойно отдал приказание применить тактику комбинированных боевых действий, сочетая огневую оборону против атакующей нас превосходящими силами неприятельской кавалерии с энергичными контратаками против дрогнувшего на рубеже сторожевого охранения врага.

Два эскадрона сторожевого охранения спешили и залегли на гребне холма под прикрытием артиллерии и пулеметов. Остальные три эскадрона, воспользовавшись

скрытой долиной, сосредоточились чуть правее, чтобы атаковать наступающего противника во фланг.

На рысях перестраиваясь из походных колонн в боевой порядок, белоказаки поспешно выдвинулись на исходный рубеж для атаки нашей обороны. Наступила напряженная тишина, нарушаемая только выстрелами орудий. Бойцы лежали молча, сжав винтовки.

Враг все ближе. Уже видны развевающиеся на ветру черные бурки, слышен храп приближающихся коней, выкинутые вперед обнаженные пашки зловецки ввлекли на утреннем солнце. Еще несколько секунд промедления — и никакая сила не остановит эту надвигающуюся на нас лавину.

Стрепухов неподвижен, губы крепко сжаты, на скулах выпячены желваки.

— Огонь! — подал он команду.

И тотчас же взорвалась тишина: ахнули винтовки, заговорили частой скороговоркой пышущие огнем пулеметы. Дым, пыль, ржанье оглушенных выстрелами коней.

— Огонь! Еще огонь!

Словно две волны схлестнулись на переднем крае — рванулись навстречу друг другу, сшиблись, опрокинули черные, путающиеся в мохнатых бурках тела.

Наконец-то очередь дошла до полка.

— Пашки вон! Марш-марш!

Давно ждали этой команды истомленные ожиданием схватки бойцы. Кони вскинулись на дыбы и пошли, и пошли галопом.

Велые, конечно, не ожидали такой встречи. А когда появилась из-за холма наша конница, совсем растерялись. Но увлекаться погоней было опасно. Вскоре мы увидели выдвигающиеся из степи новые колонны казаков.

Стрепухов приказал немедленно отходить на исходный рубеж, чтобы повторить принесший нам блестящую победу маневр.

Что же касается белых, то они, видимо, приняли отход нашей конницы за признак ее слабости и тут же стали перестраиваться для новой атаки.

Теперь мы уже знали тактику Стрепухова и тут же заняли свои места. Пулеметная команда изготовилась для стрельбы, а все остальные сосредоточились за обратным скатом высоты на правом фланге полкового участка обороны.

В это время в нашем тылу показался головной отряд 20-го кавалерийского полка дивизии. Командир слышал сильный артиллерийский и пулеметный огонь и понял, что мы ведем тяжелый бой с противником.

Помощь его оказалась как нельзя более кстати. Его полк, на ходу изготовившись для атаки, ударил во фланг наступающей белой коннице.

Это был последний удар, который окончательно разрушил планы генерала Покровского, надеявшегося прорвать нашу оборону и захватить переправу через широко разлившийся Маныч у хутора Веселого.

Враг оставил на поле боя более тысячи убитых и раненых, большое количество оружия, повозок и боеприпасов. А 37-я и 39-я стрелковые дивизии получили возможность планомерно и без потерь отойти на северный берег реки.

ПЛЛ ДИВИЗИЯ ВПЕРЕД

В 1918 году я был комиссаром по национализации банков фирмы «Юнкер и К^о», имевшей в Петрограде Варшавское, Гольденгонское, Садовое, Василеостровское и Каменноостровское отделения. В двадцатых числах июля мы закончили работу по национализации банков, принадлежавших до Октября крупным капиталистам, и смене злостных саботажников. Банковская деятельность настраивалась по-новому, чтобы служить делу Советской власти, делу победившего народа, его промышленности, сельскому хозяйству — всей экономике.

Правда, еще предстояло многое сделать для укрепления банковского аппарата, идеологического перевоспитания его служащих, но эта задача была менее значительной по сравнению с необходимостью борьбы против внутренней и внешней контрреволюции, намеревавшейся реставрировать в стране буржуазно-помещичий строй.

И мне, бывшему солдату, прошедшему горнило империалистической войны, страстно хотелось на фронт, чтобы принять личное участие в борьбе с врагами первого в мире социалистического государства. С просьбой отпустить меня на фронт я обратился к управляющему 3-м отделением народного банка Василию Капитоновичу Рейхардту. Это был очень интересный человек. После войны с денкинциной я встретился с ним, когда он был руководящим работником главного управления Наркомата обороны. Позже, в 1921—1922 годах, В. К. Рейхардт работал комиссаром 2-го стрелкового корпуса в Спасских казармах в Москве.

— На фронт? — переспросил он. — Вы думаете, мне не хочется на фронт? — Василий Капитонович подумал с минутой и добавил: — Вот что, Михаил Степанович, сам я не

могу решить этот вопрос, идите в райком партии и скажите там, что я поддерживаю вашу просьбу.

В райкоме выслушали меня, и я услышал в ответ:

— Мы хотим вас назначить в комиссию по оседлому устройству цыган, кочующих в Петрограде и его окрестностях.

Это было совершенно неожиданное предложение. Мне стоило большого труда убедить секретаря райкома и члена Петроградского комитета партии товарища Клявскля-вица, что я могу теперь быть больше полезным в вооруженной борьбе с красновщиной и денкинциной, чем на работе по благоустройству и трудоустройству цыган.

— И вот все так. — Секретарь райкома вздохнул, пожал мне руку: — Ну что ж, воюйте. Желаю успеха в борьбе с врагами Советской республики.

Тяжесть сомнений свалилась с плеч. Я еду на фронт!

И вот Москва. Радостная встреча с отцом, которого я не видел много лет. По пути в Московский горком партии прошел мимо дома на Тверской улице, где тринадцатилетним мальчишкой я встретил революцию 1905 года. У здания Моссовета и памятника Пушкину большое движение людей. Слышались споры, жалобы на трудности, разруху военных лет, призывы на борьбу с южной контрреволюцией. Все окружающее свидетельствовало, что Москва и москвичи встревожены обстановкой на юге страны. Московский комитет большевиков объявил десятипроцентную мобилизацию коммунистов на фронт.

В МК, на Большой Дмитровке, мне посоветовали обратиться в Бюро военных комиссаров. Там я получил назначение на должность военного комиссара инспекции 10-й армии, штаб которой находился в Царицыне.

Доехать до места назначения было не так просто. Поворинскую железнодорожную ветку перерезали красновские банды. Пришлось в Саратове переправляться через Волгу и добираться окольным путем в окруженный белогвардейцами Краснова и Деникина Царицын.

Я доложил в штабе 10-й армии о своем прибытии и тут же получил приказание отправиться в район севернее Царицына, на Дар-Гору, где располагался сводный артиллерийский дивизион.

Ознакомившись с этой частью, я узнал, что в ней насчитывается около пятисот человек, вооруженных винтовками разных систем и карабинами. Ни орудий, ни лоша-

дей здесь не было. Бойцов, в большинстве своем состоявших из крестьян Екатеринославской, Царицынской и Астраханской губерний, обучали бывшие фейерверкеры по плакатам и схемам.

Парторганизация, именовавшаяся в то время коммунистической ячейкой, насчитывала семнадцать человек. Возглавлял ее царицынец Лукин, отличавшийся большой выдержкой, твердыми волевыми качествами. Командир дивизиона Малыгин уважал секретаря ячейки, всегда советовался с ним, а в лице коммунистов видел свою опору.

Было известно, что скоро дивизион в пешем строю выступает на фронт. Чтобы воодушевить красноармейцев, решили провести митинг. В большой, просторный барак собрались не только паша, но и бойцы из соседнего сводного запасного пехотного батальона. Доклад о текущем моменте попросили сделать меня.

Митинг в общем показал, что абсолютное большинство людей на стороне Советской власти и партии большевиков. Правда, не обошлось и без недоразумений. Как только я закончил доклад призывом «Все, как один, на врага», из первых рядов, не прося слова, выступил один из группы бойцов соседнего пехотного батальона. Он заявил:

— Я не против защиты Царицына, но считаю, что нам надо разобраться, правильно ли будет, если мы с оружием пойдем на таких же русских, как и мы, на своих...

Ему не дали дальше говорить. Послышалась возгласы негодования:

— Это провокатор!

— Веляк!

— Контра!

Я посоветовал военному соседнего батальона разобраться, что представляет собой этот человек, нет ли в части агентов из вражеского лагеря.

В эту же сентябрьскую ненастную ночь дивизион выступил в направлении станции Гумрак. Он имел задачу войти в подчинение командира 38-й стрелковой дивизии Н. В. Харченко и действовать по его указанию. К дивизиону Малыгина начальник штаба дивизии присоединил группу рабочих с завода «Баррикады» и около роты бойцов из Царицынского гарнизона. Этот усиленный отряд выбил белых со станции Гумрак, а к исходу дня занял село Городище. Ожесточившийся противник в полночь предпринял контратаку с северо-западной окраины

Городища. Завязался упорный бой, в результате которого белоказаки потеряли пленными до сорока человек и немало убитыми. Станция осталась в наших руках. Потери у нас были значительно меньше, чем у противника. Коммунисты, показывая личный пример, сражались в первых рядах. Трое из них были ранены. Пуля не миновала и меня...

В дальнейшем под напором 38-й стрелковой дивизии, конницы под командованием Б. М. Думенко и С. М. Буденного и других частей 10-й армии белоказаки и интервенты покатались в направлении Ростова и Новочеркасска. Царицын облегченно вздохнул.

В ту пору в частях и соединениях армии был установлен порядок обязательной отчетности комиссаров перед политическим отделом: мы каждую пятидневку посылали донесения о боевых действиях, о настроении и состоянии боевой готовности личного состава, о его нуждах и запросах.

Приносят ли пользу мои политдонесения, правильно ли я их пишу? Желая выяснить эти вопросы, я, с еще незакрывшейся раной, зашел в политотдел армии, к Алексею Федоровичу Хазову. Он готовил материал к очередному номеру армейской газеты «Солдат революции».

— Ты подожди, — поздоровавшись, сказал он. — Я сейчас закончу, срочно надо послать в редакцию. Посмотри пока, как на нас, политработников, белогвардейская газетонка клевету возводит. — И Хазов расхохотался.

Я пробежал глазами по заголовкам. В одном из пасквилей в карикатурном виде представлялся А. Ф. Хазов. Его рисовали как мелкого торговца из Бердичева. На самом же деле он был крестьянником-бедняком из Смоленской губернии.

— Видал, как врут? Ну, я их, подлецов, отхлещу в своей газете так, что все наши бойцы будут довольны, — пообещал Алексей Федорович. — Так ты по какой надобности ко мне, Михаил Степанович?

Я сказал.

— Какой толк, говоришь, в политдонесениях? Большой. Из ваших сводок нам известно все, что делается в частях и соединениях армии. Мы обрабатываем их и докладываем Реввоенсовету. То, что в его компетенции, делается на месте, а если требуется вмешательство Москвы, немедленно докладывают в столицу. Так что полит-

донсении очень нужны, только пиши в них поменьше общих слов, побольше конкретности.

— Понял, — ответил я.

В конце октября 1918 года меня вызвали в Реввоенсовет 10-й армии и предложили новое назначение — военным комиссаром в кавалерийское соединение Б. М. Думенко. Согласия в то время не требовалось, и мне пришлось ответить примерно так же, как в этом случае отвечают моряки: «Есть, ехать в кавалерию, хотя я никогда не служил в коннице».

Два дня ушло на подготовку к отъезду и выяснение оперативных намерений командования армии, состояния обеспечения конницы вооружением, одеждой, питанием и примерной дислокации частей.

Переспать мне предложили в так называемой гостинице Реввоенсовета. Это маленькое, чистенькое общежитие из шести-семи комнат без дверей, с общим коридором. Едва успев переступить порог, я остановился, услышав редкий по красоте и тембру баритон. Кто-то пел арию варяжского гостя. С особым чувством неизвестный певец повторил слова из арии: «Напосят смерть они без промаха врагу».

Когда голос умолк, я направился по коридору выбрать себе кровать. Навстречу мне вышел человек средних лет в защитном френче, синих шароварах, хромовых сапогах. Он был высокого роста, стройный, подтянутый.

— Здравствуйте. Кто вы будете? — спросил обладатель замечательного баритона.

Я отрекомендовался.

— Будем знакомы, товарищ Кузнецов.

Это был Александр Ильич Егоров, только что прибывший принимать командование 10-й армией.

Во время беседы мы познакомились ближе, а несколько позже я многое узнал о нем. 25 мая 1919 года в жестоком бою с белогвардейцами на реке Сал, в районе хутора Плетнева и Андреевской, А. И. Егорова и меня тяжело ранило, мы вместе лежали в госпитале. А в 1931—1934 годах, когда Александр Ильич был начальником штаба РККА, судьба, как говорят, вновь свела меня с ним. Из аппарата ВСНХ СССР я был назначен в его подчинение — заместителем начальника 5-го Управления штаба РККА. И вот только там от Н. Н. Мовчина, любителя музыки, я узнал, что А. И. Егоров в дореволюционное время

был певцом. Под сценической фамилией Бакланов его многие знали как выдающегося артиста киевской оперы.

Вскоре после первой встречи с А. И. Егоровым я зашел в Реввоенсовет армии, к товарищу Ефремову. Он дал мне несколько ценных практических советов, связанных с моей будущей работой. Затем в политическом отделе мне выдали мандат — документ, облечавший меня очень большими полномочиями.

В мандате указывалось, что предьявитель сего имеет право ехать в любом поезде, говорить по прямому проводу и селектору, предотвращать контрреволюционные намерения вражеских элементов, осуществлять политический контроль, организовывать и вести политическую работу среди местного населения и т. д.

Документ этот мне вручил работник политотдела товарищ Лашевич, брат которого в начале Октябрьской революции работал в правительственном аппарате. Лашевич доверительно сказал мне, что в конных частях обстановка сложная, что там недавно от рук «своих» погибли два политработника.

— Так что будьте всегда начеку, — порекомендовал он.

Добравшись сборным поездом до станции Ремонтная, я увидел большой обоз подвод, приехавших из дивизии Б. М. Думенко за фуражом. С этим обозом я и направился к месту своего назначения — в Мартыновку. В пути познакомился с одним из старейших конников, начальником полевого штаба кавалерийского соединения Степаном Андреевичем Зотовым. Он мне и показал, где найти Бориса Макеевича Думенко.

Начальник дивизии ознакомился с моими документами и пригласил сесть. Завязалась беседа о положении на фронтах, о наших успехах в борьбе с контрреволюцией, о перспективах этой борьбы. По мнению Б. М. Думенко, главным фронтом республики был Южный, а предстоящие бои с вражескими полчищами на Дону требовали максимума наших усилий.

Борис Макеевич был влюблен в свою конницу. Он рассказал мне, как из отдельных групп иногородних и беднейших казаков создавался кавалерийский отряд, который к декабрю 1918 года вырос в грозную для врагов конную дивизию численностью до четырех тысяч сабель. Дал краткую характеристику боевого состава, по памяти перечислил почти всех командиров,

Первым полком командовал представитель калмыцкого народа Ока Иванович Городовиков, вторым — К. С. Гончаров, третьим — Ф. М. Летунов, а четвертый временно возглавлял Олеко Дундич. Кроме того, в дивизии был отдельный эскадрон численностью до четырехсот сабель. Командовал им Н. Алаухов.

— Ну вот, комиссар, теперь будем работать вместе, — сказал Думенко. — Попрошу любить и жаловать моего заместителя Буденного, командира первой бригады Маслакова и второй — Булаткина. А теперь пойдете в столовую, пора обедать.

В просторной светлой комнате было человек десять — двенадцать. Большой стол, накрытый белой скатертью с прошивкой, отличался хорошей сервировкой и разнообразием блюд.

— Попрошу к столу, — пригласил Борис Макеевич штабных командиров, вставших при нашем появлении по стойке «мирно».

За обедом непринужденно разговаривали, шутили.

— А что, комиссар, — обратился ко мне Думенко, — хорошо ли вы держитесь в седле?

— Нет, — признался я откровенно. — В старой армии служил в тяжелой артиллерии канониром, приходилось ездить на коне только на выносах и для связи управления дивизиона с батареями.

— Ну, посмотрим, — улыбнулся Борис Макеевич. — Сейчас устроим вам «экзамен». — И тут же приказал командиру ординарческого взвода вывести на плац боевого коня Ангара.

Перед домом буквой «Г» стояли коновязи. Возле них — десятка полтора очень хороших разномастных боевых коней. Тут же выстроились и их всадники. Все любопытствовали, справится ли политический комиссар с Ангарами.

Два ординарца вывели под уздцы высокую, стройную кобылицу золотистой масти, с белым пятном на лбу, в чулках на всех четырех ногах. Она рвалась из рук, игриво приплясывала, кося горячим глазом на собравшихся. «Только бы не подкачать, не ударить в грязь лицом», — мелькнула мысль.

И вот мне передали поводья. Огонь-кобылица захрапела и сразу же взметнула «свечку», показывая свой нрав. Выбрав момент, я забросил поводья на шею, с трудом

поймал ногой левое стремя и быстро вскочил в так называемое английское седло.

Ангара снова взвилась, пытаясь сбросить меня. Но я удержался, взял круто поводья и мундштуки. Лошадь стала смиреннее. Потом чуть ослабил поводья — зверь-кобылица вихрем рванулась в карьер. Около километра проскакал я в поле. Остановил, дал повод влево и уже спокойным наметом на взмыленной красавице подъехал к группе экзаменаторов. Соскочив на землю, отдал поводья коповоду.

— На четверку вытянул, — со скупой улыбкой протянул мне руку Думенко.

Одобрительно отозвались и командиры из группы наблюдателей.

Однако Борис Макеевич не дал мне Ангара. Вместо нее подsunул Ваську, глемой масти, выносливого, бывшего во многих боях коня. В строю он плохо ходил шагом, отставал, не держал равнения.

Ординарцем ко мне прислали ставропольца Григория Малаынина. На рассвете второго дня я отправился с ним по полкам. Пряжке всего заехали в часть Городовикова, который накануне был в штабе дивизии и пригласил меня к себе.

— Сколько в полку коммунистов, Ока Иванович? — поинтересовался я.

Городовиков крутнул свой огромный ус и с достоинством ответил:

— У нас все коммунисты, товарищ комиссар. Раз мы боремся за Советскую власть, значит, мы коммунисты.

— А кто у вас секретарем ячейки РКП(б)?

— Партийная ячейка у нас пока только у батарейцев. В ней девять человек. Думаю, что будет полковая парт-организация, — заверил меня Ока Иванович.

Беседовали долго и обстоятельно. Этот усатый калмык оказался замечательной души человеком, хорошим тактиком, рачительным командиром. Подчиненные уважали его за личную храбрость и заботу о них.

Ранним утром следующего дня дивизия выступила в поход — преследовать отступающие части белогвардейцев. Боевые эскадроны растянулись на несколько километров. В голове колонны шел на своем любимце Казбеке Семен Михайлович Буденный. Впереди — Знамя дивизии. В груп-

пе с комдивом шли Степан Андреевич Зотов, начальник штаба, командиры бригад и ординарческий взвод.

Лихо, красиво шла конница, с песнями и удалыми посвистами. В первой бригаде, где было большинство казаков, больше всего любили песню «Засвистали казаченьки» и «Конь гулял на воле». Каждый полк старался отличиться перед другими, и тут уж запеваля не жалея голосов: пусть слышит сам комдив, страстный любитель и почитатель армейского песенного искусства!

К ночи дивизия смяла незначительный заслон противника, форсировала реку Сал и разместилась в районе хутора Золотарево-Мухинский. Командование распорядилось расседать коней, дать людям отдых, предварительно выставив сторожевое охранение.

Семен Михайлович Буденный, Степан Андреевич Зотов и я расквартировались неподалеку от Соборной площади. Но отдыхать почти не пришлось. В два часа ночи послышалась стрельба. Мы быстро вышли на улицу. Первый вскочил на коня Семен Михайлович. Стрельба продолжалась: в хутор ворвались белые.

На Соборной площади я увидел командира 3-го полка Легунова и вокруг него несколько сот однополчан, дравшихся с противником.

— Повод вправо, в атаку — за мной! — скомандовал Буденный, и конники ринулись на врага, отступавшего к левому берегу Сала.

Сеча длилась около часа. Не выдержав сабельного удара красных конников, белогвардейцы в панике ускакали за приток Сала — реку Сусот.

Я подъехал к Семену Михайловичу и заметил, что он почему-то волнуется. Вскоре выяснилось, что Буденный беспокоится за полк Городовикова. Однако все обошлось как нельзя лучше. Ока Иванович, двигаясь со своим полком правым берегом Сала, зашел во фланг противнику и обеспечил успех боя 3-му и 4-му полкам, наступавшим на вражеские части с фронта. Больше чем на километр от сусатской переправы стояли плененные обозы и тыловые подразделения белых.

Мы тоже потеряли в этом бою нескольких красноармейцев. Смертью героя пал и комиссар 3-го полка Скачков.

Часть дивизии остановилась на ночлег. В хуторе Сусат расположился 2-й полк. С наступлением темноты к хутору подошел с песнями эскадрон противника. Вопреки

ожиданиям, его командир прискакал в штаб полка и заявил, что он и его конники готовы перейти на сторону красных и честно воевать за власть Советов. Гончаров, возглавлявший полк, сообщил об этом в штаб дивизии. Было принято решение удовлетворить просьбу личного состава эскадрона, состоявшего преимущественно из уроженцев селений района Сусот. С. А. Зотов распределил двести бывших белогвардейцев по полкам и эскадронам.

Этот факт свидетельствовал о симпатиях трудящихся к Советской власти и ее молодой армии, о том, что насильно мобилизованные крестьяне и казаки — непрочная опора генерала Деникина и других вожakov контрреволюции.

С рассветом 26 апреля 1919 года наша дивизия, наступая на северо-западном направлении, подходила к Камышевахе. Разведка донесла, что в районе Камышевахи сосредоточился конный корпус Мамонтова, и мы решили дать бой на этом рубеже.

Борис Макеевич Думенко заболел еще во время выступления дивизии из Мартыновка, и теперь ею командовал С. М. Буденный. Семен Михайлович продиктовал Зотову приказ о подготовке частей соединения к схватке с мамонтовцами.

На правом фланге 1-я бригада уже вошла в боевое столкновение с вражеской кавалерией. А вскоре на широком фронте разгорелся упорный бой двух кавалерийских лавин. Он отличался стремительностью, маневренностью. Буденновцы бесстрашно атаковали противника и обратили его в бегство. Помимо других трофеев наши бойцы захватили два броневика — «Каледин» и «Дутов». Громкие для белогвардейцев названия не помогли остановить неукротимый натиск конармейцев.

А несколько позже на пути к хутору Веселый я увидел наших бойцов, стоявших возле отбитого у врага танка с надписью «Рикардо».

— Что, товарищи, белым не идет впрок и помощь Антанты? — спросил я красноармейцев.

Они улыбались, оживленно переговаривались, бросали озорные реплики. По всему было видно: высок боевой дух буденновцев!

Дивизия шла вперед, в направлении Батайска. В начале апреля мы заняли станицу Семикорокорскую. Почти не оказав сопротивления, белогвардейцы отступили. На улицах было почему-то пустынно. Из разговора с пожи-

лым станичником выяснилось, что вражеская пропаганда запугала местное население всякими небылицами о Красной Армии.

— Как же собрать людей? — спросили мы старого казака. — Надо рассказать им правду о Советской власти, о Красной Армии, разоблачить ложь белогвардейцев.

— Трудно собрать народ, — ответил сталлчник. — Боятся. Разве что набатом? Надо сказать звонарю, пусть ударит в колокола, тогда, может, и сойдутся.

Звонарь ударил в набат. Помогло. На площадь пришли человек пятьдесят — шестьдесят. Вскоре мы открыли митинг. Речи были короткими, ясными, убедительными.

Я сказал, что казаки и иногородние, воюющие против Красной Армии, жестоко обмануты богатыями, защитниками буржуазно-помещичьего строя, которые ищут своего спасения, личных выгод за спиной трудового крестьянства и казачества.

С большим вниманием выслушали жители станицы Семена Михайловича Буденного. В конце своего выступления он призвал казаков сложить оружие и повернуть штыки против извечных угнетателей трудового народа.

Затем мы объявили о том, что местные (донские) денежные знаки аннулируются и не будут иметь хождения.

Надо сказать, что митинг сыграл положительную роль в переломе настроения собравшихся в пользу Красной Армии, в пользу Советской власти. И это понятно: ведь почти из каждой семьи кто-нибудь был на стороне красного фронта классовой борьбы на Дону.

Во время дневки в Семикороковской по вызову командования приехали все военные комиссары бригад и полков дивизии. От 1-й бригады присутствовал Алексей Федорович Хазов, недавно прибывший из Царицына, где он был начальником политотдела 10-й армии, от второй — Морган-Упенек, молодой, крепкий и энергичный рижанин, от 19-го кавполка — Ершов, самый молодой из нас, не хорошо подготовленный товарищ. Были представители от 5-го особого эскадрона и артиллерийского дивизиона, а также от штаба дивизии.

Совещание было коротким, но деловым. Разговор шел о том, чтобы принимать все меры к обеспечению боевых приказов командования, показывать личный пример в боях и перерывах между ними, усилить политическую работу

среди бойцов, вовлекая в ряды большевистской партии самых достойных, активизировать большевистскую пропаганду среди граждан местного населения и проявлять больше заботы о семьях красноармейцев и командиров.

На другой день ранним утром дивизия снова двинулась в поход, продолжая преследовать отступавшего противника. Продвигаясь левобережьем Дона, мы занимали хутор за хутором, не встречая существенного сопротивления надломленного в моральном отношении и потрепанного физически противника.

Захватив станицы Великокняжескую и Багаевскую, наши части форсировали Маныч и с ходу заняли хутор Веселый, где полки расположились на отдых. К тому времени приказом командования 10-й армии наше соединение получило наименование 4-й особой кавалерийской дивизии.

Вскоре последовал приказ подготовиться к глубокому рейду в тыл противника. Эта задача была доведена до каждого красноармейца, и все готовились к рейду обстоятельно, серьезно, с чувством личной ответственности за успех предстоящей операции. Комиссары и коммунисты провели беседы с личным составом, командиры проверили его боевую готовность.

Дивизия выступала в поход с наступлением темноты, чтобы под покровом ночи незаметно для противника пройти сорок — пятьдесят километров, занять станицы Грабьевскую, затем Ольгинскую и начать разгром белых с тыла.

В балках, не доезжая километра два-три до Грабьевской, мы остановились на короткой привал. С. А. Зотов выслал к станице разведчиков, и спустя некоторое время те донесли, что на подступах к Грабьевской обнаружено две колонны кавалерии противника.

— По коням! — полетела команда.

Едва наши полки успели выйти из балок, как увидели неожиданную картину: перед фронтом дивизии, обнажив шашки, разворачивались для атаки белые конники. Произошел скоротечный бой. Имея более выгодные условия для атаки (они шли под гору, а мы на подъем), улагаевцы — а их оказалось не меньше дивизии — стремительно вклинились в боевые порядки нашей конницы и стали развивать наступление на фланги. Наша дивизия начала отходить.

— Придется двигаться к своим, — огорченно сказал Степа Андреевич Зотов. — Неможко зарвались...

Отступая к реке Сал, где были основные части 10-й армии, мы дважды вступали в столкновение с вражеской конницей и в обоих случаях нанесли белогвардейцам значительный урон в живой силе. Несколько раз улагаевцы пытались отбить обозы и окружить семьи бойцов, двигавшиеся за нами, но это им не удалось: буденновцы брали в кольцо подзащитных и отбивали наскоки врага.

Рейд в общей сложности закончился без ощутимых для нас потерь, однако без предполагавшегося эффекта. Мы поняли, что восстановление власти Советов на Дону — дело очень непростое. Здесь гораздо труднее воевать, чем было на пути от Царицына к рубежу Хомутовка, Богаевская.

24 мая 1919 года наша дивизия влилась в общую линию фронта частей и соединений 10-й армии и заняла рубеж обороны по правому берегу реки Сал, в районе станции Ремонтной, хутора Плетнева и села Андреевское. К исходу этого дня к нам прибыл командующий войсками армии Александр Ильич Егоров.

Командарм отлично ориентировался в обстановке. Он собрал командный состав соединения и сказал, что мы находимся накануне больших боев с противником.

— Перед вашей дивизией, Семен Михайлович, — обратился он к Буденному, — и 6-й кавалерийской дивизией Апанасенко белогвардейцы сосредоточили большие силы кавалерии, артиллерии и пехоты. Их цель — разбить наши войска, взять реванш за прежние поражения и снова двинуться на освобожденные нами города и селения. Вот почему от каждого командира и красноармейца требуются сейчас максимальное напряжение сил, мужество и самоотверженность. Командование армии надеется, что буденновцы не дрогнут в бою, оправдают высокое доверие, которым они пользуются в пареде.

Беседа командарма произвела на всех очень большое впечатление. Враг рядом, он сосредоточился для прыжка, и если не приготовиться к его отпору, много бед принесет он армии и народу. Помню, несмотря на крайнюю усталость, мне очень хотелось немедленно поехать хотя бы в ближайшиe полки, чтобы рассказать там о создавшемся положении, о задачах, которые предстоит выполнять в самое ближайшее время, проверить обеспеченность бойцов всем необходимым, поддержать их морально.

И я поехал вместе со своим ординарцем Маланьным.

По дороге, что вела к хутору Гурееву, паслись кони, а рядом, охваченные дремой, словно былинные богатыри, лежали буденновцы. Необычная тишина стояла в Сальских степях. «Затишье перед бурей, — подумал я. — По ту сторону Сала притаились полки белогвардейской конницы под командованием бывших царских генералов Покровского, Мамонтова, Шатилова, Улагая. На них, этих палачей пролетарской революции, опиралась и возлагала надежду международная контрреволюция четырнадцати капиталистических стран. И сейчас еще не теряет надежды...»

Не прошло и часа, как тишину нарушил сигнал трубы. Боевая тревога! Полки построились и уже через полчаса, еще потемну, приступили к боевым действиям. То тут, то там по изломанной линии фронта с криками «ура» наши конники дружно бросались в атаку на врага. Местами в контратаку переходила и белогвардейская кавалерия.

Этот бой в районе Андреевская, Гуреев, Плетнев, Ремонтная с превосходящими силами противника был одним из самых ожесточенных за все время моего пребывания на фронте. Наша 4-я особая и 6-я Ставропольская кавдивизии впервые фактически действовали как сводный конный корпус под командованием С. М. Буденного. В корпусе было двенадцать полков.

В рядах атакующих красные конники видели командарма А. И. Егорова и заместителя начальника штаба армии по кавалерийской части Б. М. Думенко. Их непосредственное участие в бою вдохновляло конников на подвиги. Бесстрашно сражался с противником только что прибывший на должность командира полка Усков. Тяжело раненный, он скончался по дороге в госпиталь.

В этот день тяжелые ранения получили А. И. Егоров, Б. М. Думенко и я. Подо мной убило третьего боевого коня, подаренного мне заместителем командира 4-й дивизии С. К. Тимошенко.

Сражение на рубеже реки Сал, под хутором Плетнев, стало для меня последним на Юге России. Жизнь пошла по госпиталям. Сначала я попал в довольно примитивный госпиталь, располагавшийся в одной из царицынских гостиниц. Раздробленную верхнюю треть плеча и перелом правой руки врачи не смогли залечить и в начале июня 1919 года отправили меня пароходом в Саратов, в клинику профессора Спасокукоцкого.

После двух операций мне стало легче. Хирург Спири-

донов сказал, что здесь, в клинике, лежит на излечении Борис Макеевич Думенко и что он просил устроить со мной встречу.

И вот меня перенесли на первый этаж. Думенко лежал у открытого во двор большого окна. Поздоровались. Пока Борис Макеевич рассказывал о ходе боев на левом фланге, на рубеже реки Сал, где 25 мая он был ранен, к окну его палаты ординарец подвел трех гнедых коней. Приподнявшись на подушке, Думенко потрепал скакунов по крутым шеям.

— Скорее бы в бой, — проговорил Борис Макеевич, — но врачи не пускают.

Недели две спустя мы снова встретились с ним.

— На фронт, на фронт, Кузнецов, хочу, — сказал Думенко. — Белые взяли Царицын... Слышал?

— Лучше бы не слышать об этом, — с горечью произнес я. — Видите, в гипс запеленали... В Москву хотят отправить...

— Скажу тебе по секрету, — шепотом произнес Думенко, — сбегу я из госпиталя. Душа изболелась по боевому делу.

В этот раз мы долго беседовали. Вскоре меня направили в Москву, в генеральный госпиталь, а Борис Макеевич Думенко, как я узнал позже, все-таки сумел вырваться из рук эскуланов, осуществил свое желание.

Московский госпиталь оказался заполненным ранеными до отказа. Они поступали сюда со всех фронтов. Здесь был очень хороший по тому времени медперсонал, в частности хирург, профессор Руфанов, который лечил и меня. В сентябре 1919 года привычная ночная госпитальная тишина была неожиданно потревожена. Срочно ставились дополнительные койки, по этажам сновали врачи, медицинские сестры, санитары. Утром мы узнали, что в госпиталь поступило человек двадцать тяжело раненных участников собрания актива Московской парторганизации. Они пострадали от бомбы, брошенной в зал заседания террористами. Этот подлый предательский акт врагов революции вызвал среди раненых бурю возмущения.

Август и сентябрь 1919 года были исключительно напряженными. Деникинцы, поддерживаемые Антантой, заняли Курск, Орел и начали продвижение к Туле. В эти тяжелые для республики дни в стране был объявлен ленинский призыв в большевистскую партию.

Помню, во всех палатах состоялись короткие митинги, после которых почти все раненные, которые могли передвигаться, подали заявления с просьбой принять в ряды РСДРП(б), а бойцы и командиры, прикованные к кровати, просили с места: «Запишите и меня».

Мой сосед, тяжело раненный ивановский рабочий Устинов, попросил меня включить его в списки большевиков. А в три часа ночи он умер. Умер с думой о партии, с думой о Ленине...

Расходились дороги боевых друзей. В одном случае они расходились навсегда, когда мы безвозвратно теряли замечательных бойцов за дело ленинской партии и Советской власти. В другом случае они расходились на время, а затем опять сводили вместе ветеранов гражданской войны.

В двадцатых годах в ВСНХ мы работали вместе с бывшим командиром Морозовско-Донецкой стрелковой дивизии Иваном Михайловичем Мухоперцем. Под Гумраком, на Царицынском фронте, мы с ним участвовали в боях. Ныне он персональный пенсионер. Несмотря на свои восемьдесят с лишним лет, Иван Михайлович продолжает трудиться в меру своих сил. Он написал две книги воспоминаний — «В тот памятный год» и «Годы грозовые».

Много раз встречался я и с Григорием Ивановичем Куликом — знаменитым артиллеристом Первой Конной армии, отличившимся в жестоких боях под Царицыном и Ростовом.

С одним из старых конармейцев — Петром Кирилловичем Случевским, теперь генерал-майором технических войск в отставке, дороги свели нас на Калининском фронте во время Великой Отечественной войны. Оба мы воевали в составе 31-й армии.

Живя в одном доме со старейшим конником Василием Антоновичем Сергеевым, мы часто встречаемся и вспоминаем 1918 и 1919 годы на Юге России.

Долгое время командовал кавалерийским полком в 6-й дивизии Кирилл Васильевич Наумецкий. Он прошел весь победный путь с нашей конницей. В настоящее время, находясь на заслуженном отдыхе, он продолжает вести носильную общественную работу.

Не теряем мы, старые бойцы, живой связи и с руководителями Первой Конной — С. М. Буденным и С. К. Тимошенко.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

В самом начале 1918 года, когда советские войска одержали ряд побед над контрреволюционными силами Дона, здесь началась организация революционных комитетов и Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Ревком был создан и у нас, в Мартыновской волости. Его председателем избрали Т. И. Лемешко, волостным военкомом и командиром краснопартизанского отряда — С. А. Ситникова, членами комитета стали С. Ф. Малеев, Д. И. Алексеенко и я.

14 февраля 1918 года на Первом Сальском окружном съезде Советов и революционных комитетов была провозглашена Советская власть в округе, избраны ее руководящие органы.

Однако мирный период развития новой жизни в округе длился не долго. Вскоре вооруженные белогвардейские банды во главе с донским походным атаманом генералом Поповым захватили станицы Платовскую (ныне Буденновская) и Великокняжескую (ныне Пролетарская). Началась гражданская война, потребовавшая огромного напряжения сил, больших жертв и лишений.

В распоряжении волостного ревкома имелся добровольческий отряд красных партизан численностью около тысячи бойцов пехоты и до двухсот конников. Но оружия у нас было очень мало. Мы обратились к населению слободы Мартыновка и волости с призывом сдать революционному комитету огнестрельное, холодное оружие и боеприпасы. Бедняцкие и середняцкие крути населения откликнулись на наш призыв. И все же отряд испытывал нехватку оружия.

Ревком поручил помощнику командира отряда А. И. Зыгину, Ф. Я. Костенко, М. Ф. Малееву и другим

партизанам произвести обыски в калмыцких хурулах (церквях) и у местных богачей. Конфискация оружия значительно усилила огневую мощь нашего отряда. В хуруле станицы Батлаевской мы изъяли четыре пароконных брички с винтовками и боеприпасами. Большое количество оружия отобрали в хуруле станицы Денисовской и у станичной калмыцкой верхушки, в том числе у полковника Монгатова. В одной из калмыцких церквей партизаны схватили помощника донского войскового атамана Богаевского.

Мартыновский ревком послал своих представителей в Царицын с просьбой отпустить нам оружие и боеприпасов. В апреле мы получили два орудия и артснаряды к ним, два пулемета, несколько сот винтовок и несколько тысяч патронов.

В мае 1918 года мы узнали, что по Дону к станице Романовской прошел пароход с оружием и боеприпасами. Договорившись с Зимовниковским, Куберловским и Верхне-Серебряковским революционными комитетами, решили общими силами захватить эти запасы у белогвардейцев. Сводный отряд численностью до двух тысяч семисот бойцов пехоты и кавалерии под общим командованием Т. П. Крутлякова исключительно умело провел эту операцию — взял станицу Романовскую и захватил там огромное количество трофеев.

К тому времени германские войска оккупировали ряд губерний Советской России и значительную часть Дона, в том числе города Ростов и Новочеркасск. Поддерживаемые внешними врагами, активизировались белогвардейские войска генерала Краснова. Таким образом, создалось чрезвычайно тяжелое положение.

В этих условиях в начале июня 1918 года в станице Великокняжеской был созван Чрезвычайный Сальский окружной съезд Советов и революционных комитетов с участием представителей от всех партизанских отрядов Сальского округа, насчитывавших двадцать тысяч бойцов и командиров. В работе съезда принимали участие помощник командира нашего отряда А. И. Зыгин и я. Меня избрали в состав исполкома Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов.

Хочется рассказать об одной любопытной детали, чтобы дать представление о сложности обстановки того периода. Делегация от калмыцкого духовенства завершила

руководство съезда в своей лояльности по отношению к Советской власти и Красной Армии. Более того, она привезла богатый подарок — полный чемодан золотых монет. Впоследствии же оказалось, что это был всего лишь маневр церковников. С 28 июня, когда мы были вынуждены отступать от Великокняжеской, калмыцкое буддийское духовенство активно поддерживало контрреволюцию, принимало все меры к тому, чтобы превратить Калмыцкие и Сальские степи в базу для белых войск.

Борьба с белогвардейщиной осложнялась еще и тем, что враги Советской власти, пролезшие в некоторые штабы войск Красной Армии, творили черные дела. К их числу относился и военрук Северо-Кавказского военного округа Снесарев — бывший генерал царской армии, ставленник Троцкого. Он издавал преступные приказы и распоряжения, которыми связывал действия советских войск. В его штабе свили гнездо саботажники из группы военспецов.

Именно этим объясняется падение Великокняжеской, где не оказалось никаких наших резервов. Овладев станцией, белогвардейцы начали репрессии. Они жестоко расправлялись с советскими активистами и членами их семей, не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей.

Прибыв из Мартыновки на работу в Великокняжеский исполком, я узнал, что белые расстреляли жену председателя Сальского окружного исполкома Д. М. Новикова, арестовали, зверски избили и бросили в тюрьму окружного комиссара земледелия П. З. Кудинова.

Поскольку в станице свирепствовали каратели, мне пришлось уходить на северо-восток, в направлении Царицына. Туда же, вслед за отступавшими краснопартизанскими отрядами, ушло и большинство наших активистов.

Несколько позже я встретился с Окой Ивановичем Городовиковым, который командовал эскадронами в дивизионе С. М. Буденного. Он рассказал мне, что конники, оказавшиеся в тылу врага, были атакованы белоказачьи отрядами. Однако, несмотря на предательство Снесарева, буденновцы не растерялись. Дивизион перешел в стремительную контратаку. Противник дрогнул и панически отступил. Воспользовавшись этим, наши конники вырвались из окружения.

Пятитысячный партизанский отряд Г. Г. Колпакова и конники К. Булаткина, находившиеся юго-западнее ста-

ницы Великокняжеской, оказались отрезанными от наших основных сил и были вынуждены отступить на юго-восток, через ставропольские и астраханские степи. В конце июля они прибыли в боевом порядке к нам, в район слобода Ильинка, станция Ремонтная. Здесь сосредоточились основные войска округа численностью до двенадцати тысяч бойцов и командиров. Отряд слободы Орловка под командованием И. С. Ковалева отступил к Мартыновке, но вскоре вместе с отрядом С. А. Ситникова был окружен там белогвардейцами.

Таким образом, по вине Снесарева и его приближенных железнодорожное движение на линии Царицын — Тихорецкая было прервано, а революционные войска Сальского округа оказались расчлененными на три части.

В начале июля 1918 года командующий войсками Царицынского фронта К. Е. Ворошилов выехал на бронепоезде в Сальский округ, в район Зимовники, Гашун. и на месте принял энергичные меры, вопреки ранее отданным приказам и распоряжениям Снесарева. Было установлено, что Снесарев летом 1918 года возглавлял в Царицыне белогвардейскую подпольную организацию. Впоследствии его осудили и расстреляли как предателя. Военспецы, действовавшие на руку контрреволюции, были устранены от руководства войсками.

К. Е. Ворошилов провел огромную работу по реорганизации партизанских отрядов в регулярные части Красной Армии и установлению в них железной дисциплины. Участвуя непосредственно в боях, Климент Ефремович подавал командирам и бойцам пример личной отваги и самоотверженности в исполнении революционного долга.

Там же в это время была организована 1-я Допская советская стрелковая дивизия, позднее переименованная в 37-ю стрелковую дивизию. Вначале ею командовал Г. К. Шевкоплясов, затем И. С. Ковалев и П. Е. Дыбенко. В состав дивизии вошел 1-й социалистический кавалерийский полк, сформированный из дивизиона С. М. Буденного, кавотряда Б. М. Думенко и эскадрона Г. К. Сиденко. Командиром полка был назначен Б. М. Думепко, его заместителем — С. М. Буденный, помощником командира полка — Г. К. Сиденко.

Мне пришлось воевать в этом полку и нередко бывать в первом эскадроне, которым командовал О. И. Городовиков. Ока Иванович отдавал много времени обучению под-

чиненных искусству кавалерийского боя. Нередко такие тренировки заканчивались боевой тревогой, и конники отбивали вражеские атаки.

Красноармейцы Тимофей Тимофеевич Хижняков и Михаил Кириллович Хохулин раньше не служили в кавалерии, но под началом Городовикова стали отличными бойцами и за особо выдающиеся заслуги были награждены орденами Красной Звезды. М. К. Хохулин в дальнейшем стал командиром эскадрона и с честью выполнял боевые задания в Первой Конной армии.

Многие красные кавалеристы проявили чудеса храбрости и героизма. Так, командир эскадрона Сергей Григорьевич Разумовский, с которым я участвовал в боях 1918 года, дрался с врагами по-городовиковски. В схватке у села Богоявленское его эскадрон разгромил три полка противника и лично сам комэск зарубил трех командиров белых сотен. Приказом по Реввоенсовету Республики С. Г. Разумовский был удостоен ордена Красного Знамени.

Уже более месяца трехтысячный Мартыно-Орловский отряд красных партизан находился в белогвардейской осаде. Наши разведчики Гончаров и Хохулин, побывав у осажденных, сообщили, что их положение становится все более опасным: боеприпасы подходят к концу, тяжело с продовольствием и фуражом. То же самое я услышал от бывшего председателя Мартыновского волостного революционного комитета Т. И. Лемашко, с которым встретился на станции Гашун.

— Бойцы ждут помощи, Григорий Павлович, — сказал он. — Ты член Сальского окружного ревкома и обязан помочь землякам.

— Чем?

— Попрошу командира полка прорваться сквозь вражеское кольцо и освободить Мартыновку.

С такой просьбой я обратился к Думенко, но он не решился предпринять девяностокilометровый рейд. К счастью, к нам приехал К. Е. Ворошилов и на совещании командного состава поставил вопрос о немедленном освобождении Мартыно-Орловского отряда. Некоторые товарищи, в том числе начальник дивизии Шевкоплясов, его начальник штаба Крутей и командир полка Думенко, говорили, что освободить отряд невозможно. Они ссылались на то, что противник превосходит нас по силе и активности действий.

— Мартыновку освободить можно, — заявил С. М. Буденный. — Я поведу полк, если мне разрешат.

— Готовьтесь к походу, Семен Михайлович, — поддержал его Ворошилов.

После этого Думенко сказал, что хотя он и болен, но примет участие в рейде полка — поедет на тачанке.

Кавалерийский полк под командованием С. М. Буденного прорвал неприятельское кольцо и двинулся к Мартыновке. Чтобы отвлечь внимание белогвардейцев, Шевкоплясов по распоряжению К. Е. Ворошилова выступил в направлении Куберле.

Уже на подходе к Мартыновке в командование полком вступил Думенко. Он приказал остановить наступление, мотивируя это превосходством сил противника.

— Но ведь там наши товарищи, — попытался возразить О. И. Городовиков. — Разрешите пойти в атаку моему эскадрону.

Думенко упорствовал. Тогда Городовиков на свой страх и риск ударил по флангу белых и увлек за собой всех кавалеристов. Враг, не ожидавший такого дерзкого налета, бежал. Мартыновка и ее трехтысячный гарнизон были освобождены. К. Е. Ворошилов, приехавший в этот населенный пункт, поблагодарил Оку Ивановича за инициативные действия, увенчавшиеся блестящим успехом.

Освобожденные бойцы, сопровождая обозы и жителей Мартыновки из вражеского тыла, соединились с основными войсками в Куберле.

Вскоре бригада Колпакова численностью до пяти тысяч бойцов, в том числе и кавалерия Булаткина, была срочно направлена по железной дороге под Царицын, в район станции Гумрак, для участия в разгроме белогвардейцев. Кроме того, в те дни из Сальского округа под Царицын, в район станции Жутово, были срочно переброшены по железной дороге 2-й крестьянский социалистический полк под командованием И. И. Щербинина, эскадрон мартыновцев под командованием Ф. А. Павличенко и эскадрон во главе с Белокобыльским.

Пользуясь случаем, хочу сказать, что некоторые участники царицынской эпопеи в своих устных рассказах и письменных воспоминаниях допускают ошибку, причисляя мне героические подвиги моего однофамильца Пимена Андреевича Ломкина. Я был во многих отрядах сальских партизан в качестве представителя местной власти и при-

нимал участие во многих совещаниях командного состава. Был и в боях, но никогда не командовал отрядом.

Летом 1918 года вместе со всей страной трудности в снабжении продовольствием претерпевали и войска Красной Армии. Коммунистическая партия и Советское правительство во главе с В. И. Лениным предпринимали чрезвычайные меры по борьбе с голодом. Борьба за хлеб, отмечал Владимир Ильич, сливалась с борьбой за социализм.

В Сальском округе Донской (ныне Ростовская) области, где я был комиссаром земледелия, в те дни наряду с большой организаторской и военно-оперативной работой местные органы Советской власти огромное внимание уделяли уборке и обмолоту хлеба нового урожая. Требовалось наладить снабжение продовольствием Царицынско-Гацунского фронта, а также отправку зерна и скота в Москву, Петроград и другие крупные административно-хозяйственные и политические центры страны.

Из беженцев и населения Сальского округа (всего около пятидесяти тысяч человек) мы организовали особые рабочие бригады. Они убрали хлеб, используя сельскохозяйственные машины совхозов и кулацких хозяйств. Работали в основном по ночам, потому что днем места косыбы и обмолота противник держал под обстрелом.

Скот — порою стада насчитывали десятки тысяч голов — тоже перегоняли в ночное время, по скрытым в степи балкам. Нередко перегопщикам и вооруженной охране приходилось отбивать наскоки белогвардейских банд на всем пути от станиц в Сальских степях до Царицына.

Нелегко пришлось советским активистам, работавшим в прифронтовой полосе, но задание партии и правительства они выполнили с честью: хлеб, мясо и другие продукты питания шли непрерывным потоком в воинские части и в крупные промышленные центры.

22 октября 1918 года на объединенном заседании ВЦИК Московского Совета и профессиональных союзов с докладом о международном положении выступил В. И. Ленин. На этом заседании была принята написанная Владимиром Ильичем резолюция, которую 8 ноября утвердил VI Всероссийский съезд Советов. В ней говорилось:

«...Мы никогда не были в столь опасном положении, как теперь... Не везде и не до самой глубины широких

рабочих и крестьянских масс проникло сознание того, что за спиной красновских и белогвардейских контрреволюционеров на нас готовится натиск пензмеримо более опасной силы, силы международной контрреволюционной буржуазии, англо-американской и французской в первую очередь. Это сознание мы должны неустанно нести в массы. На укрепление Южного фронта, на создание и вооружение несравненно более могучей Красной Армии, чем теперь, необходимо обратить самое усиленное внимание. Каждая рабочая организация, каждый союз крестьянской бедноты, каждое советское учреждение должны снова и снова ставить на первое место порядка дня вопрос об усилении армии, пересматривать еще и еще раз, достаточно ли мы сделали, какие новые меры мы можем и должны предпринять»¹.

В этой резолюции ярко показано, что генерал Краснов нашел себе нового хозяина — англо-американскую и французскую буржуазию, которая за его спиной начала готовить вооруженный натиск на Советскую власть, ее Красную Армию.

19 ноября 1918 года Краснов писал командующему войсками Антанты на востоке, что без помощи союзников «освободить Россию» невозможно. Генерал просил прислать ему оружие, технические средства борьбы, снаряжение, обмундирование, деньги, а также три-четыре корпуса войск (90—120 тысяч человек). Тогда, по его словам, можно «освободить Россию» в три-четыре месяца. В том же письме Краснов настойчиво приглашал к себе в Новочеркасск и на фронты опытных французских, английских и американских генералов.

Обеспечив белогвардейскую армию Краснова всем необходимым, Антанта командировала английскую военную миссию во главе с генералом Пуль (бывший главнокомандующий войсками Антанты на Архангельском фронте) к Деникину. Враги Советов составили план общего наступления на Москву, по которому Донская армия Краснова должна была захватить Царицын, а затем двигаться на Балахов и Пензу.

В те дни 10-я армия, насчитывавшая свыше семидесяти тысяч бойцов, только что завершила разгром белогвардейских войск, пытавшихся вторично окружить Ца-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 127—128.

риццп. В ходе сражения почти все боеприпасы были израсходованы, пополнение поступало в незначительном количестве. Кроме того, свирепствовал тиф, косивший людей десятками сотен, тысячами. В таком положении армия смогла лишь предпринять наступление на арчадинском и камышинском участках фронта.

В ноябре и декабре обстановка еще более ухудшилась. Войска Краснова начали наступать на Царицын. 1 января 1919 года командование 10-й армии в донесении Реввоенсовету Южного фронта (копии были направлены В. И. Ленину и в Реввоенсовет Республики) сообщало, что боевой численный состав армии всего лишь около тридцати тысяч. Фронт армии имеет протяжение около четырехсот километров. Фуражный кризис вывел из строя большую часть лошадей.

В. И. Ленин 3 января телеграфировал председателю Реввоенсовета Республики: «Я очень обеспокоен, не увлеклись ли Вы Украиной в ущерб общестратегической задаче, на которой настаивает Главком и которая состоит в быстром, решительном и общем наступлении на Краснова. Боюсь чрезвычайно, что мы опаздываем с этим и что последние успехи красновцев под Царицыном опять поведут к отсрочке нашего наступления и к потере момента... Не надей ли Вам всецело на ускорение и доведение до конца общего наступления на Краснова?»¹.

14 января 1919 года противник отнесли 2-ю кавалерийскую бригаду к колонии Сарепта. Вместо заболевшего С. К. Тимошенко Буденный назначил комбригом О. И. Городовикова.

Коммунистическая партия призвала царицынский пролетариат подняться на борьбу с красновцами. Царицынский губисполком был преобразован в губернский революционный комитет, который приказом № 1 в январе 1919 года объявил чрезвычайную мобилизацию.

Начались жестокие бои. Я тоже принимал в них непосредственное участие и хорошо помню решимость красноармейцев и командиров, их самоотверженность и героизм. «Погибнем, но не сдадим Царицын врагу», — говорили они.

Неоценимую роль в разгроме красновских полчищ сыграл знаменитый рейд буденновских конников по тылам

врага в январе — феврале 1919 года. Они разгромили 10 полков пехоты и 13 полков кавалерии противника, прошли с боями около 400 километров, очистив от белогвардейцев фронт протяженностью 150 километров. Буденновцы взяли в плен свыше 15 тысяч вражеских солдат и офицеров, захватили 72 орудия, 116 пулеметов «Максим», много пулеметов других систем, около трех тысяч подвод с боеприпасами, продовольствием, снаряжением и различным военным имуществом, много лошадей с седлами, скота и другие трофеи.

В результате чрезвычайных мер, принятых В. И. Лениным, партией и Советской властью, не только миновала опасность падения Царицына, но и угроза поражения 10-й армии. Войска Краснова были разбиты и отброшены далеко за пределы Царицынской губернии и Сальского округа.

За боевые заслуги Особая кавалерийская дивизия была награждена Почетным революционным знаменем, С. М. Буденного наградили орденом Красного Знамени, а О. И. Городовикова — почетным боевым оружием. Реввоенсовет Республики всем бойцам дивизии объявил благодарность.

Много лет прошло с той поры. Мало осталось в живых ветеранов борьбы с контрреволюцией Юга России, но слава об их героических делах будет жить вечно.

В октябре 1967 года советские люди торжественно отметили 50-летие своего государства. В эти дни партия и правительство, весь наш многомиллионный народ добрым словом вспомнили участников гражданской войны. Многие из них были награждены боевыми орденами, медалями и памятными подарками. В числе других и я получил орден Красного Знамени.

Эта высокая награда служит напоминанием о том, что защита Отечества — высший патриотический долг каждого советского человека.

¹ В. И. Ленин. Военная летопись (1917—1920). Воениздат, 1957, стр. 90—91.

ЗА РОДНУЮ ВЛАСТЬ

Весной 1918 года фронты в приграничных районах были упразднены и вместо них созданы так называемые завесы — Северная, Западная и Южная. Они имели отряды, опиравшиеся на города и крупные населенные пункты. Воронежская губерния, ставшая ареной жестоких классовых битв, входила в состав Южной завесы, которая в соответствии с общим стратегическим планом должна была оборонять огромную линию фронта Валуйки — Острогожск — Лиски — Новохоперск — Балашов.

К тому времени на линии Южной завесы дислоцировались разрозненные, не связанные между собой краспогвардейские и партизанские части. На участке Россошь, Острогожск стоял 107-й Волчанский полк Сахарова, который, кстати говоря, впоследствии доставил нам много неприятностей. В районе станции Пасеково базировался боевой участок, возглавлявшийся А. В. Павловым. В его распоряжении были украинский партизанский полк Фурастева, Полтавский полк Головки, чешский отряд Кучери, кавалерийские отряды Дженеева и И. Н. Домнича.

Город Богучар и уезд защищал сформированный местными органами власти из солдат и крестьян-добровольцев 1-й Богучарский советский полк. Сначала им командовал К. Я. Прокопенко, затем бывший солдат старой армии В. А. Малаховский.

Военным руководителем Воронежского отряда Южной завесы являлся бывший генерал-лейтенант царской армии В. В. Чернавин, командовавший во время первой мировой войны 2-м гвардейским корпусом. Это был добросовестный военный специалист, не изменивший кровному делу родного народа, делу революции. В отряде были два комиссара, присланные из центра, — Н. П. Крюков и некто Иванов. Вскоре после назначения Иванов отправился на

автомобиле знакомиться с частями завесы и при неизвестных обстоятельствах попал в плен к белым. Вместо него утвердили меня. Одновременно я был председателем губисполкома и исполнял обязанности военкома Воронежской губернии.

В мае 1918 года в связи с усилившейся военной опасностью в нашем отряде был образован Военный совет. В его состав вошли: представитель Высшего Военного Совета Республики Н. П. Крюков, В. В. Чернавин и я.

Учитывая сложившуюся обстановку и руководствуясь указаниями вышестоящих инстанций, губернский военкомат вместе с военными комиссариатами уездов и волостей приступил к формированию 1-й и 3-й пехотных воронежских дивизий. Полки и специальные части создавались в самом Воронеже, в Богучаре, Острогожске, Коротояке, Лисках и Боброве.

К 30 сентября 1918 года из войск Воронежского района Южной завесы была образована 8-я армия во главе с В. В. Чернавиным. Будет не лишним заметить, что командующие армией менялись слишком часто. В конце ноября В. В. Чернавина сменил бывший полковник старой армии В. М. Гитис, возглавлявший впоследствии Южный, Западный и Кавказский фронты. С 26 января по 11 марта 1919 года 8-й армией командовал М. Н. Тухачевский, затем — Т. С. Хвесин, В. В. Любимов, а со 2 июля по 12 октября 1919 года временно исполнял должность командарма А. И. Ратайский. Таким образом, за один год сменилось шесть командующих. Различные стили руководства, естественно, в той или иной мере сказывались на общем состоянии войск.

Первым начальником политотдела 8-й армии была назначена Р. С. Самойлова-Землячка, член партии с 1896 года, бывший секретарь Московского Комитета РКП(б). В конце мая 1919 года ее заменила Г. И. Окулова-Теодорович, член партии с 1899 года, участница трех революций.

Не было постоянства и в Реввоенсовете 8-й армии. В первый его состав кроме командарма входили Александрини и И. Э. Якир. Потом членами Реввоенсовета назначались Г. В. Базилевич, Я. Весник, А. К. Розенгольд, Г. И. Окулова-Теодорович, Аусем, В. А. Барышников.

В начале октября 1918 года решением Воронежского губкома партии я был освобожден от гражданских долж-

ностных обязанностей и направлен для постоянной работы в действующую армию. Этого требовала обострившаяся фронтная обстановка.

К тому времени Реввоенсовет 8-й армии организовал особую группу войск, располагавшуюся по линии Средняя Икорец — Лиски. Командующим группой назначили А. И. Ратайского, а меня — комиссаром. Мы выехали в непосредственное расположение войск и остановились в селе Можайское, что в сорока километрах к югу от Воронежа.

Белые ожесточенно рвались к Воронежу, представлявшему собой важный стратегический и административно-хозяйственный пункт. Чтобы оказать помощь командованию особой группы в организации отпора белогвардейским войскам, в село Можайское, где располагался наш штаб, приехал И. Э. Якир. Его приезд воодушевил бойцов, командиров и политработников. Но вскоре произошел непредвиденный инцидент, отрицательно повлиявший на настроение людей.

Из штаба армии нам сообщили, что на станцию Икорец, находившуюся в десяти километрах от линии фронта, должен прибыть поезд Председателя Реввоенсовета Республики. Посоветовавшись, мы срочно подготовили доклад об обстановке на нашем участке фронта и втроем — И. Э. Якир, А. И. Ратайский и я — на машине отправились к месту прибытия поезда.

На станцию Икорец прибыли часов в девять вечера. Начальник группы войск А. И. Ратайский подробно проинформировал Троцкого о положении на нашем участке. В этот день шли ожесточенные бои с наступающими белыми полками. Не приняв никакого решения по докладу, Троцкий ушел в свое купе, а мы вместе с начальником поезда товарищем Петерсоном, который впоследствии в течение многих лет был комендантом московского Кремля, продолжали беседу.

Спустя некоторое время в вагон вошел командир одного из полков и доложил, что в неравном бою его часть понесла большие потери.

— Бойцы отступают за железнодорожное полотно и начинают оканчиваться, — сказал в заключение командир полка.

— Значит, между вашей частью и белоказаками не осталось ни одного красноармейского подразделения? — спросил Якир.

— Ни одного, — услышали мы в ответ.

— Видимо, у белоказаков плохо поставлена разведка, — заметил Якир, — иначе они предприняли бы попытку захватить этот поезд.

— Надо доложить Председателю Реввоенсовета, — предложил Ратайский. — Поезд следует отвести к станции Лиски. Она надежно прикрыта частями 33-й Кубанской дивизии. Вы согласны, Иван Александрович?

— Это единственно разумный выход, — ответил я.

Мы пошли к Троцкому и доложили наши соображения. И тут-то он полностью проявил свою фанфаронскую натуру:

— А что вы намерены делать?

— Оставаться на боевом участке вместе с войсками, — ответил Якир.

— В таком случае и я остаюсь здесь! — высокомерно произнес Троцкий и жестом указал нам на дверь.

Мы вышли. Создалось очень серьезное положение. Было совершенно ясно, что утром белоказаки могут захватить станцию, отрезать путь для отхода поезда и взять его в свои руки. Ответственность за это, разумеется, будем нести мы.

— Судя по всему, — заметил Якир, — завтра наши части не смогут оказать серьезного сопротивления противнику в районе этой станции. Конечно, это не решает судьбу всего Воронежского участка фронта. Положение мы выправим. Но как быть с поездом, товарищи?

Подумав, Ратайский сказал:

— В соответствии с имеющейся у нас директивой, Иван Александрович Чуев, как комиссар боевого участка, является начальником всех частей и подразделений в пределах занимаемого нами района. Надо воспользоваться этим правом и приказать Петерсону отвести поезд в Лиски.

— В обход самого наркома, — понимающе улыбнулся Якир. — Ну что ж, согласен.

Я обратился к Петерсону и приказал:

— Не докладывая наркому, отведите поезд в Лиски. Там безопасно.

— Слушаюсь! — ответил тот.

Утром Троцкий, якобы не заметивший передвижения, спросил Петерсона:

— Где мы?

— В Лисках, — доложил Петерсон.

— Почему в Лисках? — продолжал комедию Троцкий.

— По приказу Чуева.

Троцкий повернулся и молча ушел в свое купе. В этом инциденте он был весь со своим авантюризмом, двойной игрой. Мы были уверены, что Троцкий знал: поезд отведут в безопасную зону. Однако, сделав жест, он уже не мог поступить иначе. Такой авантюристической линией и была вся политика Троцкого. Вспомним хотя бы его нелепый лозунг во время брест-литовских переговоров: «Ни мира, ни войны». Как дорого это обошлось нам!..

Около месяца мужественно дрались наши бойцы и командиры с белоказаками, но силы были слишком неравны. Врагу удалось потеснить части особой Воронежской группы за линию железной дороги Балашов — Лиски и деревню Можайское, где располагался наш штаб. Нанося удары по неприятельским войскам, мы отходили к Воронежу. Самоотверженность группы была отмечена Реввоенсоветом армии: в процессе оборонительных сражений она сдерживала белогвардейские силы, изматывала их, не давая возможности отвлечься на другое направление.

22 октября 1918 года был отдан приказ войскам 8-й армии о переходе на общую нумерацию полков и дивизий. 2-ю Воронежскую преобразовали в 12-ю, а 3-ю — в 13-ю. Дивизии создавались трехбригадного состава — по три пехотных, одному кавалерийскому полку и по два артиллерийских дивизиона в каждой. Начальником 12-й пехотной дивизии назначили В. В. Любимова, комиссаром — меня.

Еще до преобразования нашего соединения в его состав входил большой партизанский отряд численностью свыше двух тысяч человек. Отступая с Украины, он проскочил через демаркационную линию, не дав противнику разоружить себя. Командовал отрядом анархист Сахаров.

Хотя этот отряд и преобразовали в 107-й Волчанский полк, Сахаров не исполнял боевых приказов, вел себя вызывающе, своими действиями подрывал авторитет Красной Армии. При штабе полка имелся конный отряд во главе с немцем Карлом. На него-то в основном и опирался Сахаров. Бандит по натуре, Карл с небольшой кучкой приближенных не сражался на фронте, а бесчинствовал в нашем тылу. Впоследствии его и других мародеров мы осудили и расстреляли.

Однажды этот бандит по приказанию Сахарова налетел на штаб дивизии и разгромил его. Начдиву и комис-

сару удалось бежать в Воронеж. За вопиющую беспечность и неспособность навести порядок они были отстранены от командования. Временным начальником дивизии остался начальник ее штаба, бывший офицер царской армии Щепкин. Примерно через месяц он перебежал к белым.

Прибыв в 12-ю пехотную дивизию, штаб которой находился на станции Олень-Колодец, я прежде всего принял все меры к тому, чтобы установить должный порядок и дисциплину. К счастью, вскоре нам прислали пополнение красных курсантов. Несколько человек я оставил при штабе. Они помогли мне устранить имевшиеся неполадки.

Мне особенно памятна встреча с Ионой Эммануиловичем Якиром, который пользовался заслуженным авторитетом среди командиров и политработников, всячески помогал им в самых трудных условиях боевой обстановки. В ноябре 1918 года Реввоенсовет 8-й армии направил И. Э. Якира на фронт. Он выехал в своем вагоне в город Острогожск. Дорога шла через узловую станцию Лиски. Отчаянным рывком белые заняли эту станцию и отрезали путь на Острогожск.

Оставив свой вагон на станции Олень-Колодец, Якир попросил меня дать ему верховую лошадь. Это был настойчивый, целеустремленный человек, и никакие непредвиденные случаи не могли заставить его отказаться от выполнения поставленной задачи.

Переправившись по мосту в районе Коротояк через Дон, Иона Эммануилович приехал в Острогожск и сосредоточил в своих руках командование всеми войсками, которые действовали в направлении Коротояк, Острогожск, Лиски. Не имея других средств связи, он информировал о своих действиях Реввоенсовет 8-й армии, находившийся в Воронеже, по телефону.

Быстро сориентировавшись в обстановке, Якир начал приводить в порядок сильно потрепанные и частью деморализованные войска. Главная задача заключалась в том, чтобы овладеть Лисками. Белые тем временем готовились к наступлению на Острогожск. Навстречу им ночью двинулся Богучарский полк. На рассвете богучарцы неожиданно напали на колонну противника, в составе которой были кабардинский, гренадерский и другие полки, входившие в группу генерала Григоровича. В результате сильнейшего удара неприятельские войска были вынуж-

дены поспешно отступать. Богучарцы продолжали активное преследование.

С севера Якир двинул на Лиски 114-й пехотный полк имени Карла Маркса. Нажим с юга, о котором говорилось выше, облегчил задачу. Однако от руководителя боевыми операциями Острогожской группы войск требовались большая воля, незаурядное мастерство и личная смелость. И Якир, тогда еще двадцатидвухлетний молодой человек, обладал всеми этими качествами. Даже анархиста Сахарова он сумел подчинить своему влиянию и полностью взять на себя руководство борьбой с белогвардейскими силами.

Бои были очень ожесточенными. Красноармейские атаки следовали одна за другой. Однако белые тоже дрались отчаянно и не раз отбрасывали наши части назад, к Острогожску. С риском для жизни Иона Эммануилович вновь и вновь, собрав бойцов, бросал их на врага. Я сказал — с риском для жизни, и не оговорился. Собирая и сколачивая разбитые подразделения, Якир иногда подвергался словесным оскорблениям, а один бандит из полка Сахарова ударом ружейного приклада в грудь сбил его с ног. Якир с трудом поднялся и тут же бросился к отступающим бойцам. Оставовив бегущих, он заставил их идти в атаку.

Сражение против белых, организованное Якиром, окончилось нашей победой. Лиски были освобождены, связь с Острогожском восстановлена. Обескровленный враг отступил за Дон. Блестяще выполнив свою задачу, Иона Эммануилович возвращался в Воронеж, чтобы приступить к исполнению обязанностей члена Реввоенсовета 8-й армии.

Ожидая поезда, он сутки провел на станции Олень-Колодец. Мне посчастливилось долго беседовать с ним. Несмотря на то, что И. Э. Якир был трижды ранен и контужен, он подробно рассказывал мне о минувших боях, о том, как были разгромлены белые под Лисками, как удалось ему справиться с Сахаровым и отобрать у него два батальона.

Откровенно говоря, я восхищался инициативой, находчивостью и энергией Якира. Вот один из эпизодов, имевших место в тот период.

Белоказики, заняв станции Авдеевка и Давыдовка, окружили два бронепоезда и полк имени Карла Маркса.

Узнав, что после боя в районе Чесменка, Шишовка 1-й Московский полк 13-й дивизии отведен на отдых, Иона Эммануилович приехал на автомобиле в расположение этой части, объяснил командиру и комиссару сложившуюся обстановку. Полк подняли по тревоге и вместе с приданной ему батареей в ночь на 6 декабря незаметно для врага подтянули к Верхнему и Нижнему Икорцам.

На рассвете красноармейцы выбили казаков оттуда и, придя на помощь частям Лискинской группы, помогли полку имени Карла Маркса выйти из окружения, приостановить наступление противника на Давыдовку.

— Идет жесточайшее сражение с классовым врагом. И во имя судеб революции и Советской власти мы не должны, товарищ Чуев, жалеть ни крови своей, ни самой жизни. Только в этом случае мы отстоим святое дело нашего народа, — сказал в заключение Иона Эммануилович Якир, человек прекрасной души, настоящий герой гражданской войны.

Командование нашей дивизии возбудило ходатайство о награждении Якира орденом Красного Знамени. Наши части добились успеха под Лисками главным образом благодаря его энергии и организаторскому таланту. Кстати замечу, что полк Сахарова впоследствии стал вполне боеспособной и дисциплинированной советской воинской частью и получил награду — Красное знамя ВЦИК — тоже не без влияния И. Э. Якира.

В своем представлении мы писали о Якире: «Он проявил неустойчивую деятельность, железную волю и энергию. Не смущаясь ни временными неудачами, ни случайными поражениями, твердо веря в счастливый исход операции, товарищ Якир вел железной рукой подчиненных ему красноармейцев к победе. Непрерывный тяжелый труд в течение трех недель надломил его израпленный организм, но, уже будучи больным, он продолжал руководить операциями, собирая последние остатки сил, еле вставая с постели; товарищ Якир в грозные минуты, когда колебались полки, сам встал в их ряды на поле сражения... Неудачи не сломили железную волю товарища Якира, и РВС дивизии свидетельствует, что достигнутый успех... всецело должен быть приписан боевой деятельности Якира».

Представляя наше ходатайство в Москву, Реввоенсовет 8-й армии подчеркивал:

«Необходимо отметить, в каком положении находился т. Якир при исполнении поставленной ему боевой задачи. Прежде всего, организационное задание — суметь подчинить военной дисциплине... полк Сахарова, собрать и заставить сражаться разбитые, разбросанные остатки Александрo-Грушевского, Кексгольмского и Карла Маркса полков. Приходилось работать с ними как будто вновь.

Из-за оторванности правого фланга нельзя было рассчитывать ни на какую помощь, ни на какую поддержку. Да 8-я армия в то время и не могла ее дать. Предоставленный своим силам и имея перед собой только задачу, Якир исполнил ее, не смущаясь организационными и оперативными трудностями и временным неуспехом...»

Вскоре Иона Эммануилович стал одним из первых кавалеров ордена Красного Знамени.

По соседству с нашей 12-й дивизией действовала 13-я пехотная дивизия, в формировании которой, как уже говорилось выше, я принимал непосредственное участие. В августе мы значительно укрепили это соединение, пополнив его полки и придав ему второй артиллерийский дивизион. Дивизия имела отдельный кавалерийский полк, которым умело командовал бывший вахмистр старой армии И. Н. Домнич. Первым начальником дивизии был А. И. Ратайский, а комиссарами — герой Октябрьского восстания в Москве солдат-артиллерист Я. Л. Давидовский и член Воронежского губкома партии и товарищ председателя губисполкома солдат-пехотинец И. Я. Врачев. Они составили Реввоенсовет дивизии.

Этому соединению раньше других удалось перейти на новое штатное расписание. Причиной тому — значительный приток добровольцев, притягательной силой для которых был прославленный Богучарский полк (в январе 1919 года его передали в 12-ю дивизию).

В октябре 1918 года И. Э. Якир провел в 13-й дивизии около двух недель и помог командованию укрепить часть. Тогда же на должность начдива был выдвинут бывший капитан старой армии Б. Н. Колчигин, командовавший у нас Литовским полком и 4-й бригадой. В дальнейшем из него получился квалифицированный военачальник. В 8-й армии он командовал несколькими дивизиями, по окончании гражданской войны занимал ряд

высоких должностей в Красной Армии. Во время Отечественной войны Б. Н. Колчигин попеременно возглавлял несколько корпусов. Сейчас он генерал-лейтенант в отставке.

Когда атаман Краснов, собравший крупные силы, начал в октябре 1918 года наступление на воронежском направлении, в Воронеже губернские комитет партии и исполком депутатов трудящихся развернули активную работу по оказанию помощи фронту. В 13-ю дивизию влился отряд воронежских рабочих численностью в триста человек. Его возглавили наши замечательные большевики — командир Н. П. Павлуновский и комиссар В. Н. Губанов. Оба они погибли в бою у станции Таловая, героически сражаясь с врагами Советской власти.

Для нужд фронта железнодорожники изготовили два бронепоезда, а ревком Юго-Восточной железной дороги подобрал для них команды общей численностью свыше трехсот пятидесяти человек.

К ноябрю 1918 года в связи с угрожающим положением, создавшимся на Южном фронте, особенно на участках 8-й и 9-й армий, к нам стали поступать значительные пополнения. В частности, в нашу армию прибыла Московская рабочая дивизия, состоявшая из красных пролетариев столицы. Присылали нам и отдельные части: из Орла — Железный, из Москвы — Варшавский и 43-й советский полки. С Восточного фронта к нам еще в октябре прибыла 15-я Инзенская дивизия, укомплектованная главным образом добровольцами из крестьян Поволжья. Несколько позже наше объединение пополнилось еще двумя дивизиями — 16-й (имени Киквидзе) и 33-й Кубанской, имевшей в своем составе много добровольцев, среди которых были бойцы из легендарной Таманской армии Е. И. Ковтюха. 8-я армия и сама формировала новые дивизии непосредственно в боевой обстановке.

В январе 1919 года, в связи с назначением председателем Военно-революционного трибунала 8-й армии, я выбыл из 12-й дивизии. Теперь ею руководили начдив В. В. Любимов, И. В. Косиор и С. И. Сырцов. Глубоко запечатлелись в моей памяти комиссар бригады Андрей Прищепчик, комиссары полков Владимир Голенко и Анатолий Попов — сын писателя А. Серафимовича.

По характеру новой работы я больше всего был связан с членом Реввоенсовета и начальником политотдела 8-й армии Р. С. Самойловой-Землячкой. Это была умная, строгая, но тактичная женщина.

Другой член Реввоенсовета — Розентольц также отличался незаурядными организаторскими и административными способностями, однако при этом был излишне суровым. Самые теплые, товарищеские отношения установились у меня с членом Реввоенсовета Г. В. Базилевичем. Это был человек замечательных душевных качеств и крупный военный организатор. Впоследствии он командовал войсками Северо-Кавказского и Московского военных округов, работал секретарем военной комиссии ЦК партии.

4 января 1919 года началось наступление 8-й и 9-й армий. В авангарде шла 15-я Инзенская дивизия. Ей активно помогали 12-я и 13-я дивизии. Спустя две недели наши войска прочно овладели линией железной дороги Лиски — Поворино, а к концу января Воронежская губерния была полностью освобождена от белоказачьих войск Краснова.

8-я армия готовилась к походу на Дон. 31 января белые были изгнаны из станицы Казанской, 5 февраля наши войска вступили в станицу Мигулинскую, а 9-го заняли Вешенскую.

Успешно продвигались вперед и войска соседней, 9-й армии, достигшие к тому времени рубежей реки Хопер и освободившие 9 февраля станицу Усть-Медведицкую.

Контрнаступление, начатое 8-й и 9-й армиями на центральном участке Южного фронта, переросло в общее наступление советских войск по всему фронту. Как известно, в ходе этого наступления была разгромлена белоказачья армия генерала Краснова: из восьмидесяти пяти тысяч пштыков и сабель, имевшихся у белых в конце декабря 1918 года, за Северный Донец отошло не более пятнадцати тысяч.

До сих пор в памяти остался такой эпизод. Когда штаб 8-й армии прибыл в Луганск, белые предприняли отчаянную попытку перейти в контрнаступление. Создалась реальная угроза для города. Командование армии решило эвакуировать штаб на станцию Миллерово. Мы предполагали, что городские организации, учреждения и

важнейшие предприятия тоже начнут эвакуацию. Однако горком партии принял другое решение. Он мобилизовал всех рабочих, способных держать оружие, и организовал отпор белогвардейцам. Тысячи новых бойцов вышли на фронт. Поле боя зачернело от рабочих курток. Белые под Луганском были разгромлены и в панике бежали на юг.

Однако успех частей 8-й армии был омрачен неожиданными обстоятельствами. В десятых числах марта 1919 года в наших взаимоотношениях с донским казачеством наступил острейший кризис: началось Вешенское восстание. Сначала мятеж вспыхнул в станице Казанской. В ночь на 11 марта сотник Егоров поднял по казачьему сполуху до двух тысяч человек и разгромил наш артиллерийский транспорт с полумиллионом ружейных патронов и пятнадцатью пулеметами. Затем восстание перекинулось в Вешенскую, Мешковскую и другие станицы.

На другой день казаки были уже организованы в сотни и полки, которыми руководил штаб из казачьих офицеров. Через неделю мятеж распространился на юг. Возникла угроза объединения повстанцев с Добровольческой армией Деникина.

Причины казачьего восстания объяснялись ошибками ряда местных партийных и советских руководителей в отношении к казачеству. Это вызвало недовольство в определенных кругах населения. Оно усиливалось пропагандой антисоветских элементов.

Учитывая, что белоказачье восстание стало представлять реальную угрозу для Советской власти, Реввоенсовет Южного фронта организовал экспедиционные войска во главе с Антоновичем, а затем Т. С. Хвещиным. В район восстания прибыл член Реввоенсовета Южного фронта крупный политический деятель того времени Г. Я. Сокольников. Он действовал в качестве особого уполномоченного ЦК партии и Реввоенсовета Республики.

Из 12-й дивизии в состав экспедиционных войск были переданы 103-й (Богучарский) и 106-й (Кексгольмский) стрелковые полки. В Богучаре, куда стекались добровольцы из южных уездов Воронежской губернии, был создан Богучарский резервный полк и сформировался отряд в тысячу двести бойцов из тыловых частей армии. В апреле организовалась экспедиционная дивизия. Затем на по-

давление восстания было переброшено поступившее в нашу армию пополнение из тамбовских, рязанских, орловских и московских курсов красных командиров.

Экспедиционная дивизия вела напряженные бои в районе станиц Вешенская, Казанская, Мигулинская, имея против себя до шести тысяч повстанцев.

Это было трудное время, тем более, что весной 1919 года в нашем тылу восстала запасная бригада 8-й армии, расположенная в Купянске. Собственно, восстали бывшие офицеры, находившиеся на командных должностях. Основная же масса красноармейцев сохранила верность Советской власти.

Отступая под натиском наших частей из Купянска, изменники бросили в подвал, куда они заточили коммунистов бригады, две ручные гранаты. Товарищи не растерялись и выбросили гранаты через окно на улицу.

Большинство мятежников мы арестовали и предали суду Ревтрибунала. Из шестидесяти подсудимых к высшей мере наказания — расстрелу — приговорили сорок восемь человек.

В мае положение еще более осложнилось: для соединения с восставшими казаками Деникин направил конную группу войск генерала Секретева. Форсировав Северный Донец, Секретев прорвал наш фронт и устремился к повстанцам. Экспедиционные войска, теснимые конницей белых, начали отступать.

Деникинцы, превосходившие нас в силах, продолжали наступление. 2 июля они взяли станции Лиски и Таловую. 3 июля Деникин издал так называемую «Московскую директиву», предусматривающую переход в общее наступление с целью захвата столицы. 8 июля белые заняли Борисоглебск и Бобров.

В числе пяти укрепленных районов, призванных обеспечить защиту наиболее важных административных и стратегических пунктов, создавался укрепрайон и в Воронеже. Его командиром был назначен старый большевик К. С. Еремеев, прибывший незадолго перед этим в город как уполномоченный ВЦИК. Членами Совета обороны укрепрайона стали председатель Воронежского губкома РКП(б) Н. Н. Кардашев и член губкома М. Д. Степанов.

Июльский пленум Центрального Комитета партии

принял очень важные решения, направленные на оказание экстренной помощи Южному фронту в борьбе с контрреволюционными силами Деникина.

В связи с решениями Пленума в начале августа в 8-ю армию прибыла 15-я Инзенская дивизия во главе с А. И. Седякиным, а также боевые силы стратегического резерва Центра. В прифронтовой полосе повсюду проводилась мобилизация военнообязанных. Фронт срочно получал оружие. Из Тулы и артиллерийских арсеналов поступали боевые припасы.

Накануне больших испытаний, выпавших на долю 8-й армии, меня назначили комиссаром оперативного отдела штаба армии — на один из самых ответственных участков боевой работы.

Воронеж стал прифронтовым городом. Вскоре Деникин двинул на этот важный стратегический центр Донскую армию под командованием генерала Сидорина, а конный корпус Мамонтова получил задачу прорваться через фронт для разрушения наших тылов.

10 августа мамонтовцы, имевшие три кавалерийские дивизии, до десяти тысяч сабель и штыков, и двенадцать орудий, ударили в стык войск 9-й и 8-й армий у железной дороги в районе Елань, Колоно и Новохоперская.

Основной натиск противника пришелся на 357-й и 358-й полки 40-й дивизии (сформирована в Воронеже; начдив П. С. Грживо-Домбровский, генерал старой армии, бывший начальник черноморской дивизии), которые обеспечивали стык с 36-й дивизией 9-й армии. Красноармейцы и командиры оказали героическое сопротивление белоказакам, но, не получив своевременной помощи от других частей, растянутых на большом участке фронта, вынуждены были отойти к реке Елань.

Оттеснив одновременно и части 36-й дивизии, Мамонтов всеми силами корпуса устремился в двадцатиклометровый прорыв на Таловую, Лиски, Воронеж. Однако, встретив упорное сопротивление со стороны остальных частей 40-й дивизии, он изменил маршрут рейда и направился на Тамбов, Козлов.

В августе белогвардейцы заняли Тамбов, Козлов, Ренбург, Лебедянь, Елец...

Мамонтовский рейд причинил нам величайший вред. Белоказки разрушали линии связи, захватывали важнейшие узлы коммуникаций, нарушали связь полевых

войск со штабами и органами снабжения, грабили население городов и сел, сеяли панику.

Для борьбы с корпусом Мамонтова был образован Внутренний фронт во главе с членом Реввоенсовета Южного фронта М. М. Лашевичем. Постепенно росли его силы, накапливался опыт. 22 августа войска Внутреннего фронта вышибли белоказаков из Тамбова, а 26 августа изгнали из Козлова.

3 сентября Мамонтов круто повернул на юг с целью захвата Воронежа и соединения с корпусом Шкуро. При этом мамонтовцы разделились на три колонны: генерал Постовский двигался в направлении Касторная, Нижнедевицк, Воронеж, генерал Толкушин наступал на Задонск, Землянск, Воронеж, Мамонтов шел вдоль железной дороги на Грязи, Усмань, Воронеж.

Начальник воронежских пехотных курсов А. К. Луполов и комиссар И. Ф. Федоров, объединившие все воспные силы Задонска, оказали сильное сопротивление колонне генерала Толкушина. Однако силы были не равны. 4 сентября после ожесточенных уличных боев Задонск пал. 6 сентября генерал Постовский занял Касторную, а третья колонна мамонтовцев овладела станцией Грязи, затем Усманью.

Тем временем в Воронеже шла энергичная подготовка к сражению с белогвардейцами. Части укрепрайона были выведены на боевые позиции. Спешно формировались новые отряды. Политотдел Юго-Восточной железной дороги выставил отряд в пятьсот человек (командир Озеров, комиссар Родин). На общем собрании губвоенкомата было решено прекратить работу и всем способным владеть оружием отправиться на фронт. Отряд губвоенкомата был пополнен добровольцами других учреждений и преобразован в батальон, которым командовал мой брат В. А. Чуев. Воронежский уездный военный комиссар Д. З. Протопопов сформировал и возглавил отряд из служащих уездных учреждений.

Перед лицом нависшей опасности трудящиеся Воронежа сплотились вокруг коммунистов и вместе с регулярными частями Красной Армии мужественно сражались с врагами Советской власти.

7 сентября мамонтовцы вплотную подошли к городу, а 8-го начали обстрел его восточной части, пытаясь одновременно форсировать Дон у станции Семилуки. 9 сеп-

тября противник обстрелил окраины Воронежа, затем предпринял наступление в районе Ямное, Подгорное. Однако атаки белых были успешно отбиты.

На следующий день белоказаки захватили завод Рихард-Поле и двинули свою авангардную группу на городские кварталы. Путь врагу преградили рота курсантов и отряд Д. З. Протополова. Бой длился восемь часов. Не добившись успеха, к вечеру мамонтовцы отошли в Подгорное. 11 сентября белые предприняли ряд ожесточенных атак на город с разных направлений, а на рассвете 12-го перешли в атаку по всему фронту и просочились в город. Но успех противника был непрочным. Батальон воронежских курсантов под командованием Крылова, бросившись в атаку, изгнал белоказаков из района Сельскохозяйственного института. Борьба не прекращалась и в ночь на 13 сентября. А утром все части укрепрайона и местные отряды перешли в контрнаступление и к 15 часам полностью очистили город от неприятеля.

Отступив из Воронежа, Мамонтов начал метаться по фронту в поисках слабого места для прорыва. Войска укрепрайона преследовали мамонтовцев и вместе с полевыми частями наносили ему удар за ударом. Особенно большие бои были в двадцати пяти — тридцати пяти километрах южнее Воронежа — у Левоу Россопи, Боева и Каменки.

Только 19 сентября, когда на помощь Мамонтову пришел корпус Шкуро, мамонтовцам удалось оторваться от наших войск в районе села Осадчее.

Реввоенсовет Южного фронта в особой телеграмме, посланной всем армиям, высоко оценил мужество защитников Воронежа. Батальон воронежских пехотных курсов командного состава был награжден Почетным революционным Красным знаменем.

В сентябре в районе Лиски, Бобров противник сосредоточил крупные силы, состоявшие из четырех дивизий и одной отдельной бригады, общей численностью до сотни тысяч человек.

Основная тяжесть защиты станции Лиски легла на 2-ю бригаду 40-й дивизии и части 33-й Кубанской дивизии. Деникинцы неоднократно и в разных местах пытались форсировать Дон и закрепиться на его левом берегу. И тем не менее, несмотря на свое численное прево-

сходство и ожесточенность атак, они так и не смогли захватить этот важный в стратегическом отношении пункт. В течение 21—23 сентября против 357-го (бывший 107-й Волчанский) стрелкового полка белые предприняли десять атак и всякий раз откатывались назад.

В упорных и ожесточенных сентябрьских боях части 40-й дивизии потеряли до половины своего личного состава, но потери противника, особенно под Лисками, были гораздо больше. Там, в частности, были убиты генерал Максимов, два полковника, ранены генералы Гусельников и Татаркин, коштужены Мамонтов и Шкуро.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с врагом, 357-й и 355-й полки были награждены Красным знаменем ВЦИК, а командир 357-го полка В. С. Ртищев — орденом Красного Знамени.

После победы над войсками Мамонтова красноармейцам, командирам и политработникам частей 8-й армии предстояли новые тяжелые испытания. 20 сентября Деникин овладел Курском и направил свои армии на Орел и Тулу. Таким образом, занимая позиции на рубежах Дона от Павловска до Воронежа, 8-я армия оказалась глубоко вклинившейся в фронт противника.

Деникин отдал приказ Донской армии Сидорина разгромить 8-ю армию, вновь захватить станцию Лиски, овладеть Воронежем и двигаться на Москву. Против войск нашей армии действовали две сильные ударные группы белых: в районе Павловск — Лиски 2-й и 3-й донские корпуса, в районе Воронежа — кавказский конный корпус Шкуро и 4-й донской (вновь сформированный) корпус Мамонтова.

В конце сентября под сильным давлением белых части правого фланга 8-й армии отошли к селу Борщево, а левый фланг 13-й армии (наш сосед справа) оказался потесненным к городу Нижнедевицку. Образовался прорыв до сорока километров шириной. Путь противнику на Воронеж прикрывали главным образом те отряды, которые принимали участие в боях с конницей Мамонтова.

Шкуро, захватив 27 сентября Нижнедевицк, ринулся на слабо прикрытый правый фланг 8-й армии. В то же время корпус Мамонтова, используя благоприятную для него обстановку, двинулся по направлению к станции Таловой и 1 октября захватил ее.

Всю ночь на 30 сентября и следующий день шли ожесточенные бои с белоказаками, остервенело рвавшаяся к Воронежу. К вечеру 30 сентября части укрепрайона были вынуждены оставить город. Однако к утру 1 октября от 12-й дивизии прибыло подкрепление. Защитники города вместе с новыми частями предприняли решительные контратаки и отбросили белых с левого на правый берег реки Воронеж.

В конечном итоге под напором противника части 12-й дивизии были вынуждены отойти к Придаче, а затем к Графской. 1 октября Воронеж пал. Отход войск 8-й армии прикрывали 13-я и 16-я дивизии. Несколько слов о 16-й кавалерийской дивизии. Ее сформировал штаб 8-й армии. Командовал соединением коммунист С. Б. Волынский, сыгравший значительную роль в борьбе с белогвардейским корпусом Шкуро.

Взятие Воронежа досталось дорогой ценой противнику: корпус Шкуро оказался настолько ослабленным, что после захвата города не смог продвинуться далее Землянска, оказавшись не в состоянии выполнять директиву Деникина о развитии наступления в общем направлении на Москву.

Оказавшись в нашем тылу, Мамонтов снова начал разбойничьи набеги на города и села. Для борьбы с ним из состава Юго-Восточного фронта был выделен конный корпус С. М. Буденного. По мере его приближения Мамонтов начал поспешно отходить, избегая столкновения с красной конницей. В ночь на 4 октября он оставил Таловую и, взяв курс на Воронеж, 5 октября соединился с корпусом Шкуро в районе Усмани (Собакино) и южнсе, у станции Давыдовка — с 3-м донским корпусом.

Продолжая преследовать войска Мамонтова, буденновцы 6 октября вошли в зону действий 8-й армии, 7-го заняли позиции восточнее Воронежа вдоль рек Икорей и Дон. Здесь вместе с войсками 8-й армии они сковали действия конных корпусов Мамонтова и Шкуро, которые вынуждены были отсиживаться в Воронеже.

В порядке отступления от рассказа несколько слов об одном неприятном случае. Когда под очень сильным нажимом белых мы оставили Воронеж, штаб армии переехал в Козлов (ныне Мичуринск), а потом в Мордово, Тамбовской губернии. Во время пребывания в Козлове начальник штаба — бывший полковник Бдовьев-Кабар-

динцев перебежал к белым, захватив с собой ценные документы. Таким образом, генерал Май-Маевский получил самые подробные и свежие данные о 8-й армии и некоторые сведения обо всем Южном фронте.

По окончании гражданской войны И. Э. Якиру пришлось побывать в Берлине, где он учился в Академии Генерального штаба и одновременно читал лекции о гражданской войне в нашей стране. Позже Иона Эммануилович рассказывал мне, что однажды его встретил изменник Вдовьев-Кабардинцев и обратился к нему с просьбой походатайствовать перед Советской властью о его прощении и разрешении ему вернуться на родину. Якир ответил, что в случае возвращения Вдовьева-Кабардинцева в нашу страну он может походатайствовать, чтобы его не повесили, а расстреляли.

— На этом разговор с предателем был закончен, — сказал Иона Эммануилович.

Приближалось время решительного сражения с Деникиным. Партия и правительство приняли все меры к тому, чтобы Южный и Юго-Восточный фронты получали помощь во все возрастающих размерах. Всего в сентябре — ноябре 1919 года на юг прибыло триста двадцать пять тысяч человек.

К началу общего наступления на врага войска Южного фронта имели 113,7 тысячи штыков и сабель, 2507 пулеметов, 575 орудий, 13 бронепоездов, 6 бронелетучек и 5 самолетов против 110 тысяч штыков и сабель, 1342 пулеметов, 339 орудий, 41 бронепоезда, 22 бронемашины, 18 танков и 26 самолетов деникинцев.

14 октября начались согласованные, проходившие по единому оперативному плану боевые действия двух фронтов. Первыми Курскую операцию начали конный корпус Буденного и войска 8-й армии, а на второй день в наступление пошли части 13-й и 14-й армий.

В первый день сражения буденновцы и войска 8-й армии в результате ожесточенных боев потеснили корпус Шкуро в районе Бытовая, Бобяково, Усмань (Собакино), Можайское, Тресоруково. 19 октября Шкуро и Мамонтов двинули свои корпуса в контрнаступление. Выставив часть сил для обороны, С. М. Буденный направил основную массу конников в обход противника. Замысел

блестяще удался: Шкуро потерял две дивизии, Мамонтов — одну.

Успех окрылил бойцов буденновского корпуса, и они перешли в наступление по всему фронту. Вскоре корпус красных конников приблизился к восточной окраине Воронежа — станции Отрожка. Активно действовали и войска 8-й армии, отбивая атаки противника и переходя в наступление. Под Орлом и Кромами части Красной Армии разгромили ударные силы деникинцев и 20 октября освободили Орел.

22 октября конный корпус Буденного и войска 8-й армии начали общее наступление с целью освобождения Воронежа. Конница заняла Рамонь, а пехота — станцию Масловка.

На рассвете 23 октября началось решительное сражение. К исходу дня красные конники при поддержке отрядов воронежских рабочих заняли Придачу и Отрожку. Утром следующего дня части корпуса Буденного и 12-й дивизии 8-й армии с ходу форсировали реку Воропеж и повели наступление на город одновременно с севера, востока и юго-востока. Преодолев ожесточенное сопротивление белых, 12-я стрелковая дивизия под командованием А. Г. Ревы вступила в Воронеж с юга, а части 4-й кавалерийской дивизии во главе с О. И. Городовиковым вошли в город с севера. Противник, бросая оружие, панически бежал. Воронеж, находившийся под властью белогвардейцев двадцать четыре дня, снова стал советским.

Однако деникинцы продолжали упорствовать. Оказав сильное давление на части 8-й армии в районе Боброва, станции Таловой, они вынудили их к отходу на север. Более того, собрав крупные силы, противник 8 ноября из района Лиски, Бобров перешел в наступление на Воронеж.

Мы снова утратили локтевую связь с 9-й армией и вынуждены были вести очень тяжелые бои. Теснимые конницей противника, войска левого фланга армии отходили на север, к Воронежу. Реввоенсовет фронта срочно выделил нам значительное пополнение: бригаду запасной армии, пять тысяч бойцов из резерва Центра, бригаду из фронтового резерва и другие части. Получив подкрепление, войска 8-й армии стали переходить в контратаки, вынудив наконец белых перейти к обороне.

12 ноября войска нашей армии перешли в наступле-

ние. Началось осуществление Лискинско-Бобровской операции в районе между реками Дон и Битюг. Первыми вступили в бой 40, 13 и 31-я дивизии, а на следующий день — 15-я и 33-я. Наступление развивалось успешно, наши войска отбивали у противника населенные пункты и день за днем настойчиво продвигались вперед.

Блестящая победа, одержанная конным корпусом Буденного у станции Касторная, где 15 ноября были разгромлены казачьи корпуса Шкуро и Мамонтова, в немалой степени способствовала изменению обстановки в нашу пользу. Во второй половине ноября и весь декабрь войска 8-й армии наступали почти безостановочно. К концу декабря вся Воронежская губерния была освобождена от белогвардейских захватчиков. Наши части и соединения вышли к реке Северный Донец и, быстро форсировав ее, вступили в Донскую область.

Наступление 8-й армии проводилось в тесном контакте с 9-й армией, что обеспечивало связь Южного и Юго-Восточного фронтов. В общем натиске на Новочеркасск, Ростов 8-й армии принадлежала выдающаяся роль, а в ее составе особенно отличилась 40-я дивизия, которая шла с боями вдоль Юго-Восточной железной дороги.

Деникин не смог ни приостановить, ни даже задержать на какое-нибудь значительное время стремительного наступления наших войск.

8 января 1920 года частями Первой Конной и 8-й армий был освобожден Ростов. Здесь в уличном бою погиб один из комиссаров славной 40-й дивизии Л. Л. Львов. Второй комиссар — И. Я. Врачев — находился на своем посту до окончательного разгрома Деникина.

Нам не удалось форсировать с ходу нижний Дон. Войскам предстояло овладеть батайско-азовским плацдармом, где деникинцы, используя топографические особенности местности, организовали прочную оборону. Для этого требовалось время. Ряд попыток прорвать оборону противника у нижнего течения Дона, по линии Азов — Батайск — Ольгинская, окончился неудачей.

Наконец 14 февраля 1920 года началось общее наступление войск Кавказского фронта, образованного из Юго-Восточного и двух армий Южного фронтов — 8-й и Первой Конной. Как и прежде, войскам 8-й армии отводилась важная роль: они наступали в общем направлении

на Новороссийск. Город был взят в ночь на 27 марта совместными усилиями частей 8-й и 9-й армий. Часть белогвардейских войск сдалась в плен, а часть из них мы сбросили в море. Остатки армии Деникина во главе с бароном Врангелем бежали на Крымский полуостров. Но судьба их уже была предрешена: карающий красный меч настиг врага и на земле Таврии.

Таков боевой путь 8-й армии в самом общем, почти схематичном аспекте.

В заключение следует сказать о командующем армией Г. Я. Сокольникове. В критический момент битвы за Воронеж он был поставлен во главе 8-й армии единоначальником, без Реввоенсовета. Этот первый опыт в истории Красной Армии оказался удачным. Г. Я. Сокольников а короткий срок навел порядок в 8-й армии, повысил боеготовность ее войск и обеспечил успешное проведение крупнейших наступательных операций вплоть до разгрома деникинщины.

Еще в марте 1920 года, до взятия Новороссийска, Совет Обороны вынес решение о преобразовании 8-й армии в Кавказскую трудовую армию и определил ее главные задачи: восстановление грозненских и майкопских нефтяных промыслов, снабжение страны нефтью и хлебом.

Районом деятельности армии являлся весь Северный Кавказ. Ее командующим назначили И. В. Косиора, помощниками по политической части — И. Я. Врачева, по административно-хозяйственной — А. А. Медведева.

Штаб трудовой армии, находившийся в Грозном, направил меня на работу по восстановлению майкопских нефтяных промыслов. Однако вскоре я получил назначение на должность комиссара оперативно-мобилизационного управления штаба Кавказского фронта. Затем по просьбе Донского областного комитета партии меня правили председателем ревтрибунала Донской области. Спустя некоторое время я был избран заместителем председателя, потом председателем Доноблисполкома.

Жизнь постепенно переходила на мирные рельсы. Кавказство Дона, где еще недавно гремели жестокие бои, стало строить новую жизнь, жизнь без атаманов и богатеев, по закону равенства и дружбы, ставшему законом для всех советских людей.

ОТ ВОРОНЕЖА ДО НОВОРОССИЙСКА

В начале осени 1918 года армия генерала Краснова, словно чудовищный спрут, протянула щупальца с Дона в соседние губернии, в том числе и в Воронежскую. Чтобы остановить наступление контрреволюционных сил, целью которых было свержение Советской власти и восстановление буржуазно-помещичьих порядков, партия и правительство приняли экстренные меры. В частности, в Воронеже, вместо ранее существовавшей Южной завесы начала формироваться 8-я армия. Одним из ее первых соединений была 12-я дивизия, которую частенько называли Воронежской. Впоследствии — это было уже в 1920 году — дивизия, переброшенная на укомплектование в Петроград, получила имя Петроградского Совета.

Губернская партийная организация, опираясь на местные Советы и военкоматы, принимала самое деятельное участие в организации новых частей регулярной армии. Более половины коммунистов-воронежцев встало в ряды вооруженных защитников завоеваний революции. Многие из них вошли в когорту славных политработников 8-й армии. Исключительный патриотизм проявляли воронежцы и на последующих этапах борьбы с белогвардейщиной. Так, например, во второй половине 1919 года на фронт ушло более девяноста процентов всей губернской партийной организации.

Но, разумеется, местных ресурсов для создания такой мощной военной организации, какой является армейское объединение, было недостаточно. Очень большую помощь оказал Центр. Из Москвы поступали оружие, боеприпасы, техника, снаряжение и обмундирование. Оттуда же прибыли я и большинство командиров и бойцов, составивших ядро группы А. И. Ратайского, который некоторое время был начальником 12-й дивизии и командармом 8.

3-я бригада 12-й стрелковой дивизии, которой я командовал почти до конца кампании против Деникина, в значительной мере была укомплектована также москвичами. Так, например, в нее вошел 1-й Московский советский полк, командиром которого был Афоничев, бывший вагоновожатый трамвая, старый большевик, унтер-офицер старой армии. Командиром другого полка — бывшего Литовского гвардейского — был Линкус, прапорщик старой армии, литовец по национальности.

Военным комиссаром бригады был назначен двадцатилетний воронежец Андрей Антонович Прицепчик, член партии с весны 1917 года. Проведя с ним бок о бок в боях и походах более года, я хорошо узнал его. Это был хорошо подготовленный в военном и политическом отношении человек, заботливый начальник, чуткий товарищ. Его внешность запомнилась мне при первом же знакомстве: высокого роста, подтянутый, темно-русый, с большими карими строгими и вместе с тем добрыми глазами.

В бои с противником наша дивизия вступила еще в процессе формирования. В конце ноября 1918 года красновцы, захватив южные уезды Воронежской губернии, овладели станцией Лиски. Создалась непосредственная угроза Воронежу, до которого оставалось девяносто километров. В эти дни мы держали оборону вдоль железнодорожной линии Лиски — Бобров — Таловая. Отбивая ожесточенные атаки врага, красноармейцы и командиры не щадили ни крови, ни самой жизни. При этом, естественно, дивизия несла потери. Воронежцы поддерживали нас всем, чем могли. Помню, в самый критический момент они прислали нам пополнение — отряд рабочих во главе с членами губернского комитета РКП(б) Н. П. Павлуновским и В. Н. Губановым. К сожалению, вскоре оба они погибли в жестокой схватке с белогвардейцами у станции Таловая.

А. А. Прицепчик, работавший ранее с Никитой Петровичем Павлуновским, председателем Воронежской губернской чрезвычайной комиссии, рассказывал мне впоследствии об этом прекрасном товарище, самоотверженно выполнявшем самые сложные поручения партии. От Андрея Антоновича я узнал и о старшем брате Павлуновского — Иване. В декабре 1917 года, выполняя задание партии, он во главе отряда московских рабочих-красногвардейцев и балтийских и черноморских моряков с помощью

солдат Польского запасного полка задержал и рассеял в районе Белгорода крупные силы белогвардейцев. Эшелоны этих самых реакционных элементов из ударных батальонов Керенского двигались на помощь Каледину. Их появление на Дону могло бы значительно осложнить борьбу с калединскими мятежниками.

Но вернемся к событиям осени 1918 года. Белоказакам, сосредоточившим большие силы, удалось перерезать рокадную линию Валуйки — Поворино, захватив ценою огромных потерь Лиски и Новохоперск. В наших войсках убыль тоже была велика, но бойцы понимали, что в это нелегкое время решался вопрос о жизни и смерти Советского государства, поэтому они сражались с героической самоотверженностью.

Весь ноябрь по всему фронту 8-й армии шли тяжелые бои с переменным успехом. В рядах 12-й дивизии на участке Коротояк, Лиски сражался член Революционного военного совета нашей армии Иона Эммануилович Якир. Показывая образец личной храбрости, он воодушевлял бойцов, командиров и политработников на подвиги во имя великого дела защиты завоеваний Октября. Его горячие призывы к стойкости в борьбе с белогвардейцами мы нередко читали на страницах газеты «Звезда красноармейца», выпускаемой политотделом 8-й армии. Командование нашей дивизии ходатайствовало о награждении И. Э. Якира только что учрежденным орденом Красного Знамени. И он — вторым в нашей стране (после В. К. Блюхера) — получил эту высокую награду.

К концу месяца нам удалось создать угрозу левому флангу красновцев. Этому способствовала революция в Германии, начавшаяся в первой половине ноября. Вести о ней дошли до немецких оккупационных войск на Украине. Там стали возникать Советы солдатских депутатов, которые под воздействием рабочих и крестьян, одетых в шинели, стали требовать возвращения на родину. Начался отход немецких войск в глубь Украины, и левый фланг Донской армии Краснова стал оголяться. Используя благоприятно создавшуюся обстановку, части 8-й армии двинулись в обход белогвардейцев с запада.

В сравнительно короткий срок мы выбили врага из Валуйского, Острогжского и Коротоякского уездов, отняли у него и важный железнодорожный узел — станцию Лиски. Вскоре, однако, красновцы подтянули из резерва

свой гундоровский полк и нанесли контрудар по нашим частям, оборонявшим Лиски. В это время я находился на соседнем боевом участке, и подробности о налете гундоровцев мне рассказал комиссар бригады А. А. Прищепчик.

— Вместе с начальником штаба, — говорил он, — я пытался остановить отходившие под сильным натиском противника роты. Оказавшись за пределами Лисок, мы решили вернуться, будучи в полной уверенности, что там еще обороняется один из наших батальонов. Войдя в поселок, увидел движущиеся повозки. Я окликнул повозочных: «Какого полка, товарищи?» Ответа не последовало, но мы заметили какое-то подозрительное движение на повозках. Тогда, уже строже, крикнул начальник штаба: «Какого полка?» Кто-то нехотя проговорил: «Гундоровского». И в этот момент мы увидели, что на повозках берутся за винтовки.

— Как же вам удалось уйти? — спросил я Андрея Антоновича.

— Начальник штаба, — продолжал комиссар, — метнулся в открытую калитку какого-то палисадника и через сады и огороды скрылся от преследователей. Я побежал к Дону, надеялся перебраться по льду на другой берег.

— Белые стреляли?

— Нет. Я слышал крики: «Лови большевика живым!» Когда оказался на льду, красновцы прекратили преследование: все равно, мол, утонет. Лед прогибался под мной, но все же не проваливался. И тогда белоказак начал стрелять. Пробежав метров сто — сто пятьдесят, я упал. Преследователи, вероятно, подумали, что со мной все покончено, возвратились в поселок. А я, добравшись до противоположного берега, направился к своим, в Коротояк.

Такие неожиданные столкновения лицом к лицу с противником не были единичными. Ведь фронт был всюду прерывистым и очень неустойчивым. Да тогда и не было сплошной линии фронта, как в годы первой мировой или Отечественной войн. Маневренность — характерная черта гражданской войны на всех ее этапах.

...Спустя несколько дней мы снова выбили белых из Лисок и в начале декабря перешли в наступление, тесня красновцев на юг. Противник нередко кидался в отчаянные контратаки, но боевой порыв наших войск был настолько велик, что сдержать его было невозможно.

В перерывах между боями комиссар беседовал с красноармейцами, рассказывал им о наиболее отличившихся воинах, читал газеты, сообщавшие о положении дел на фронтах, интересовался нуждами и запросами людей, заботился о раненых, принимал меры, чтобы улучшить санитарную службу и ослабить эпидемию тифа, свирепствовавшую в бригаде.

Андрей Антонович был приятным, интересным собеседником. Это объяснялось его большой начитанностью, удивительным в его возрасте знанием русской, а также и иностранной классической литературы. Русская классика, видимо, сыграла большую роль в формировании всего морального облика комиссара как человека, гражданина, бойца.

Он очень любил народные песни, особенно украинские, привлекавшие его своей задушевностью и музыкальностью. Андрей Антонович пел их с красноармейцами, записывал в свою тетрадь.

Измотанный походами, круглосуточной работой, он в редкие часы отдыха любил помечтать о будущем.

— Вот закончим войну, Сергей Николаевич, и начнем борьбу с разрухой, — говорил он. — Если нам не помешают империалисты, хозяйство восстановим быстро. Народ у нас трудолюбивый, дружный. А главное — понимает, что земля и все, что есть на ней, свое, кровное. И правительство свое, родное. Ни тебе эксплуататоров, ни ховяев — народ себе голова. Подумаешь о будущем России — дух захватывает! Вы читали Ленина? Он видит новую Россию могучим государством, идущим во главе мирового прогресса. И мы обязательно доживем до этого времени! Кстати, толкуем о будущем, — заметил Андрей Антонович, — а друг о друге мало что знаем. Расскажите о себе, Сергей Николаевич.

Беседа приняла личный характер. Я сказал, что родился в Ярославской губернии. Подготовку проходил в казанском военном училище, которое окончил вторым по успеваемости. Имел право выбора места службы, я мог пойти офицером в запасный полк в Саратов. Но в это время пришла заявка на офицеров в действующую армию, и я изъявил готовность ехать на фронт на доукомплектование разбитого в Восточной Пруссии 13-го корпуса. Это был октябрь 1914 года.

— Значит, я попал на войну раньше вас?.. — удивленно сказал комиссар.

— Как же это случилось? Ведь вы на несколько лет моложе меня? — спросил я.

— Это длинная история, — вздохнул Андрей Антонович. — Давайте лучше отдохнем, командир.

Но я все-таки упрямился и поведать мне свою историю: откровенность за откровенность. И Прищепчик рассказал мне, что еще в отроческом возрасте, когда шла Балканская война, он с большой симпатией относился к народам славянских государств, которые боролись против иностранного порабощения, за свою свободу и независимость. А в 1914 году шестнадцатилетний юноша добровольцем пошел на фронт, чтобы помочь славянам в их борьбе с австро-германскими угнетателями.

— Жили мы тогда в Минске, где я и родился. В первые дни войны, — рассказывал он, — отсюда уходил на фронт 120-й Серпуховский полк. В начале августа четырнадцатого года мы с боями вошли в пределы Восточной Пруссии. Здесь, под Гольдапом, меня ранило в ногу...

— Под Гольдапом? — переспросил я. — Так ведь и мне пришлось воевать по соседству с этими местами, но несколько позже — зимой 1914/15 года. Я был офицером 1-го Невского полка 1-й стрелковой дивизии, сражался вместе со своей пулеметной командой южнее Гольдапа в августовских лесах, что на границе Восточной Пруссии и Литвы.

Вспоминая фронтовые эпизоды, мы проговорили до глубокой ночи.

— Всего сразу не расскажешь, — заметил комиссар. — Давайте отдохнем перед завтрашним боем.

Потеря такого союзника, как немецкая армия, была для Краснова весьма ощутительна. К тому же началось брожение среди донских казаков, которые группами, иногда целыми полками сдавались в плен. А к нам, в 8-ю армию, стало прибывать подкрепление. С Восточного фронта была переброшена 15-я Инзенская дивизия, а также отдельная группа И. С. Кожевникова, сразу же начавшая, несмотря на бураны и морозы, активные действия на правом фланге Южного фронта. В ней преобладали закаленные в боях партизаны-уральцы. Впоследствии группа

была реорганизована в 13-ю армию, с частями которой в дальнейшем нередко взаимодействовала наша 3-я бригада.

Заметную роль в активизации наших действий сыграло назначение в конце января 1919 года нового командарма — М. Н. Тухачевского. Ведя наступление, 12-я дивизия захватила на станции Калач тысячи пудов муки, круп, сахара и мясных продуктов. Это были неопределимые трофеи. Командование решило послать продовольствие детям голодающей Москвы.

В состав делегации, сопровождающей эшелон, вошел я, а от политработников — москвич Животов. Добирались до столицы долго. Узнав о бесценном фронтовом подарке, товарищи из Моссовета были несказанно обрадованы.

— Вы спасаете от голода тысячи московских ребят, — сказали они. — Передайте бойцам сердечную благодарность.

Возвратившись на фронт, я нашел свою дивизию уже в глубине области войска Донского, в районе Миллерово, далеко на юго-запад от тех мест, где покинул ее, уезжая в Москву.

Начдив А. И. Ратайский и комиссар И. В. Косиор¹ познакомили меня с боевой обстановкой, сообщили, что предстоит серьезное сражение с очень сильным противником — Добровольческой армией Деникина. Первая дивизия этой армии под командой генерала Май-Маевского в конце января 1919 года высадилась в Таганроге и ворвалась в Донбасс. Ее части были укомплектованы добровольцами-офицерами старой армии, которые несли службу в качестве рядовых солдат.

В бригаде комиссар А. А. Прищепчик встретил меня расспросами о Москве. Слушая мой рассказ, он заметил:

— Я был там весной, вскоре после переезда правительства из Петрограда. Москва произвела на меня неотразимое впечатление. Тогда же подумалось, что при любом соотношении сил на фронте к столице нельзя допускать врага: Москва — сердце страны.

Сообщив друг другу новости, мы продолжили нашу

¹ Иосиф Викентьевич Косиор был большевиком с дореволюционным стажем, выходцем из рабочих-кожевников. С середины 1919 года И. В. Косиор стал членом Реввоенсовета 8-й армии. После гражданской войны он был членом Коллегии Высшего Совета Народного Хозяйства СССР.

беседу в личном плане. Андрея Антоновича интересовало, как я, кадровый офицер, пришел в Красную Армию. И я рассказал, что происходил из очень бедной семьи. С двенадцатилетнего возраста остался сиротой. В 1906 году отца выбросили с работы за то, что он разделял идеи революционно настроенных рабочих. Начались годы учебы, полные лишения и нужды. Потом армия. Служил, затем воевал отнюдь не из-за ура-патриотических побуждений. В 1917 году меня, командира батальона в чине капитана, выдвинули в дивизионный солдатский комитет, а в дни Октябрьской революции избрали председателем комитета и заместителем командира полка.

— Теперь понятно, Сергей Николаевич. Вам открылся прямой путь в Красную Армию: сама солдатская масса облекла вас высоким доверием, — сказал комиссар и улыбнулся, довольный тем, что дружба с «низами» у меня давняя, крепкая.

В свою очередь я спросил комиссара, откуда у него в его годы такие солидные познания в военном деле, такое правильное понимание солдатской психологии.

— Солдата старой армии я знал не только по первым месяцам мировой войны. После ранения меня освободили от военной службы, и осенью пятнадцатого года из Минска я вместе с семьей эвакуировался в Воронеж. Там сблизился с революционной молодежью подпольного кружка, стал читать марксистскую литературу, и к Февральской революции стоял на большевистских позициях. В дни февраля меня приняли в партию. И вот по партийному поручению начал вести агитационную и пропагандистскую работу среди солдат 5-го пулеметного, 58-го и 59-го стрелковых запасных полков, а также среди крестьян близких к Воронежу сел.

Увлечшись, Андрей Антонович говорил о том, как много дала ему эта работа в массах.

— Затем я вступил в Красную гвардию, — продолжал он, — и вскоре после победы Октября меня послали на Дон для разведки в стане генерала Каледина. Вернувшись в Воронеж, я узнал о прибытии сюда отряда рязанских красногвардейцев во главе с Григорием Петровым. Объединившись с ними, мы, воронежские красногвардейцы, под общим командованием Петрова и комиссара Николая Шалаева отправились воевать против Каледина.

В боях под Глубокой и в других местах разбили неприятеля и вместе с отрядами Ю. Саблина и Р. Сиверса освободили Ростов, затем помогли установлению Советской власти на Дону.

— А в феврале восемнадцатого года, — снова после короткой паузы начал он, — когда немцы вторглись на Украину, я с Петровым отправился сражаться с оккупантами. Петрова назначили командующим революционной армией. Мне довелось возглавлять и разведку и штаб и, конечно, драться с винтовкой в руках. На Украине было создано еще, кажется, четыре таких красногвардейских армии. По численности они были очень невелики. В нашей, например, насчитывалось около четырех тысяч бойцов. Но дело не в количестве бойцов, а в силе их идейной убежденности, в сплоченности.

— У вас, я слышал, были интернационалисты?

— Да. Чехи, словаки, сербы, поляки, венгры, представители других народов. Это — опытные, сознательные, самоотверженные бойцы. И мы стойко бились с полчищами фельдмаршала Эйхгорна у станций Ромодан и Абазовка (под Полтавой). Нас крепко поддерживал бронепоезд. Им командовала Люда Мокиевская. Было ей немногим более двадцати лет, в экипаже многие годились бы ей в отцы, но подчинялись ее приказам беспрекословно. Храбро сражалась в наших рядах еще более юная Зина Чалай, член партии с 1917 года.

Комиссар вспомнил о последнем бое с немцами у станции Люботин, под Харьковом, где германские войска пытались окружить отряды Петрова. Петров был ранен в голову, и только благодаря бронепоезду Мокиевской его удалось вывезти, а красногвардейцы вырвались из окружения.

— В конце апреля, — говорил А. А. Прищепчик, — мы отошли в пределы Воронежской губернии. А вскоре, Сергей Николаевич, мне пришлось расстаться с боевыми друзьями. И с некоторыми навсегда, — добавил он с грустью. — В июне Григорий Константинович Петров был проездом в Воронеже. Он возвращался из Москвы, где Ленин поручил ему организовать оборону Баку. Вместе с ним приехала Люда Мокиевская. Ни она, ни я не смогли ехать с Петровым. Меня воронежская парт-организация сначала направила на работу в губчека, а в сентябре — на политработу в 12-ю дивизию. Вскоре я

узнал о гибели Г. К. Петрова в числе двадцати шести бакинских комиссаров...

Взволнованный воспоминаниями, Андрей Антонович не мог больше говорить и попросил меня закончить рассказ о себе. Я кратко сообщил, что, прослужил в старой армии до весны 1918 года. Демобилизовался 28 марта, а в апреле уже подал заявление о добровольном вступлении в Красную Армию. Меня рекомендовал один из старых большевиков тов. Логофет, давно знавший меня, и с 29 апреля началась моя служба в 1-м Московском советском полку Рогожско-Симоновского района.

— А как вы относитесь к нашей партии? — спросил Прищепчик.

— Большевики, на мой взгляд, — единственная партия, отражающая истинные интересы народа.

— Что же вам мешает стать членом партии? — спросил комиссар.

— Готовлю себя к этому, Андрей Антонович.

— Правильное решение, — одобрил Прищепчик. — Очень правильное. Я, например, не представляю себе жизни и борьбы вне партии. Все самое передовое, светлое, жизнедеятельное сосредоточено в ней — партии Ленина.

Эти задушевные, откровенные беседы с комиссаром запомнились мне очень хорошо. Они заложили прочную основу взаимного доверия, переросшего в крепкую дружбу, которая связывала нас в течение целого года совместной деятельности, года, заполненного почти непрерывными боями.

Дивизия Май-Маевского вскоре вошла в соприкосновение с нашими частями на правом фланге фронта — в районе Попасная, Луганск. Предполагалось, что деникинцы — лишь авангард, что за ними движутся главные силы — войска Антанты. Были серьезные опасения, что англо-французский флот, войдя после капитуляции Турции в Черное море, высадит на помощь белогвардейцам сухопутные войска Антанты. Об этом говорил мне начдив Ратайский при встрече.

К счастью, этого не случилось. Войска Антанты высадились только в районе Одессы, да и оттуда, как известно, они быстро убрались. Притягательная сила идей Октября была так велика, что она отняла у Антанты ее солдат.

Но и сами по себе деникинцы оказались очень сильным и опасным врагом. Подтверждением тому являлись события на Северном Кавказе и здесь, в районе сосредоточения 13-й и 8-й армий. Правда, бои на нашем участке фронта в течение всего февраля проходили с переменным успехом, но это не означало слабости противника.

Лишь в начале марта 1919 года по врагу был нанесен сильный удар в нижнем течении реки Северный Донец. Однако обозначившийся успех не удалось развить. Причин тому было немало: эпидемия тифа, повально косившая бойцов, разрозненность наших усилий, начало весенней распутицы. Рекомендации М. Н. Тухачевского о методах и средствах, облегчающих форсирование водных рубежей, остались не использованными за недостатком времени. Белогвардейцы же умело использовали естественные препятствия. Помимо того они имели превосходство в коннице, быстро перебрасывали ее на угрожаемые участки.

К тому времени вместо Тухачевского, откомандированного на Восточный фронт, командармом на короткое время стал И. Э. Якир¹. Затем Иону Эммануиловича сменил Т. С. Хвесин.

Для проведения разведывательной операции 3-й бригаде был придан кавалерийский дивизион из армейского резерва. Командиром его был Д. А. Кучинский. Мне понравился этот молодой, высокий и стройный комдив. Он быстро и легко спрыгнул с коня и подошел к комиссару. Оказывается, они давно знали друг друга, были земляками, вместе учились в Минской гимназии, пока их не разлучила первая мировая война. Наскоро обменявшись с комиссаром несколькими фразами, Кучинский сообщил ему, что недавно вступил в партию.

Много лет спустя в беседе с младшим братом Прищепчика, Павлом Антоновичем, я узнал, что это была последняя встреча друзей.

С Дмитрием Александровичем Кучинским я очень близко познакомился, когда мы были слушателями Академии Генштаба, впоследствии переименованной в Академию имени М. В. Фрунзе. Это было уже по окончании гражданской войны. Кучинский был одним курсом старше

¹ И. Э. Якир с осени 1918 и до середины 1919 года был членом Реввоенсовета 8-й армии.

меня. Уже тогда проявились его незаурядные способности в военном деле. Вновь встретиться с Д. А. Кучинским мне пришлось, когда его назначили первым начальником и комиссаром вновь созданной в 1936 году Академии Генштаба. Это был не случайный выбор, Дмитрий Александрович заслуженно считался одним из выдающихся штабных работников.

...Дивизион Кучинского блестяще выполнил возложенное на него боевое задание и убыл в свое соединение. Мы очень сожалели, что в составе бригады не было своей кавалерийской части, которая могла бы быстро решать многие задачи. (Кстати говоря, во всей нашей 12-й дивизии, насчитывавшей тогда около десяти тысяч пехоты, имелось всего лишь двести сабель.)

В конце апреля наша бригада была выдвинута далеко на юг, в район станции Штеровка (40 км юго-западнее Луганска), глубоко вдаваясь в расположение войск противника. В условиях разбросанности и разобщенности наших частей, ненадежной связи с соседями создавалась весьма реальная угроза обхода и даже окружения бригады деникинцами.

Комиссар, всегда принимавший активное участие в решении оперативных задач, выехал верхом с одним лишь ординарцем в штаб дивизии, находившийся километрах в двадцати пяти от нас, для беседы с военкомдивом И. В. Косиором.

Вернувшись, комиссар сообщил, что Косиор обещал немедленно принять меры обеспечения флангов и тыла 3-й бригады, а Иосиф Викентьевич Косиор был человеком, на чье слово, как мы не раз убеждались, можно было смело положиться. Затем Андрей Антонович добавил, что будь с ним в этой поездке еще пять-шесть конников, они, наверное, захватили бы «языка».

Оказывается, в пути комиссар дважды встретился с мелкими разъездами белых. «И пришлось ограничиться обменом «приветствиями», — с досадой сказал он, — послали друг в друга несколько пуль».

1 мая в штаб бригады приехала на мотоцикле с коляской начальник политотдела 8-й армии Р. С. Землячка. Мы проводили торжественный митинг, и Землячка выступила перед бойцами и командирами с краткой, но

взволнованной, горячей речью. Она призвала участников митинга к самоотверженной борьбе за окончательный разгром контрреволюционных сил Юга России.

После выступления она сразу же уехала в соседнее соединение. Еще не закончился митинг, как мы услышали ружейно-пулеметную стрельбу. Оказалось, что кавалерия противника, скрытно продвинувшись мелкими группами по балкам, вплотную подошла к станции Штеровка. Вряд ли это случилось бы, имей мы возможность регулярно высылать конные разъезды.

Под напором превосходящих сил корпуса Шкуро нам пришлось отойти в направлении на север от Луганска.

В середине мая, получив подкрепление, мы во взаимодействии с частями 13-й армии, дравшейся в Донбассе, снова овладели Луганском. Сражалась там и 2-я Украинская армия. На отдаленном фланге нашего фронта действовали партизаны Махно, захватившие станцию Кутейниково в глубоком тылу белых, несколько севернее Таганрога. Этим они отвлекли на себя часть деникинских сил.

Как известно, весной 1919 года, после освобождения Украины от немецко-гайдамацких властей, Махно некоторое время помогал нам в борьбе с белыми и официально именовался сначала командиром 3-й бригады¹ 1-й Заднепровской дивизии, а потом даже и начальником дивизии. Но эта дивизия, проникнутая духом анархизма и мелкобуржуазного украинского национализма, была очень ненадежным и беспокойным союзником. В конце концов в ней окончательно возобладала анархо-кулацкая идеология, кратко выраженная в махновском лозунге: «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не почернеют». В начале лета дивизия, переименованная самим Махно в 1-ю повстанческую, потерпела поражение в боях с корпусом Шкуро и самовольно ушла с фронта в махновскую резиденцию — село Гуляй-Поле, оголив фланг 13-й армии. Этим не замедлили воспользоваться белые, усилившие нажим на наш необеспеченный стратегический фланг.

Когда мы отбили у врага Луганск, комиссар узнал о гибели Людмилы Мокиевской. Ее бронепоезд сражался

¹ Бригада эта насчитывала до десяти тысяч штыков и сабель.

в Донбассе, по соседству с нами. Прикрывая южнее Дебальцева отход частей 13-й армии, он попал под перекрестный огонь замаскированных недалеко от железной дороги деникинских батарей. Андрей Антонович был очень опечален этим известием.

...В начале мая обстановка была очень тревожной. Восстание, охватившее на Дону район станций Вешенской и Казанской, со дня на день разрасталось. В свое время (конец 1918 года) казачество этих станций отошло от Краснова и стало на сторону Советской власти. Полки, укомплектованные казаками этого района, были распущены по домам неразоруженными. Однако ошибки, допущенные представителями местных властей, и вражеская пропаганда привели к тому, что весной казаки снова выступили против нас. На подавление восстания были посланы две экспедиционные сводные дивизии (Антоновича из 8-й армии и Вольнского из 9-й). Это в известной мере ослабило наши силы на фронте. Положение усугубилось изменническими действиями командарма 9 Всеволодова, который подставил свои войска под удар противника, а в конце июня и сам переметнулся в стан врага.

Таким образом, оба соседа 8-й армии (справа — 13-я, слева — 9-я) все больше слабели, теряли боеспособность. И быть может, не столько от ударов белых, сколько от предательства Всеволодова и Махно. Я уже не говорю о сыпном тифе, от которого мы несли гораздо больший урон, чем от боевых действий.

В конце мая конница белых рассекла фронт 9-й армии и прорвалась на соединение с восставшими казаками. Разрозненные дивизии этой армии прорвались из окружения очень ослабленными. 13-я армия также оказалась в полуокружении. Охваченная с флангов силами противника, она была вынуждена отходить на север.

Основная тяжесть борьбы легла на плечи нашей армии, и — в который уже раз — ей пришлось отказаться от плодов своих побед. Луганск, вокруг которого в течение ряда недель шла упорная борьба, снова, и теперь надолго, стал добычей белых. Наш отход на север продолжался, и через месяц в руках деникинцев оказался и Харьков.

Горечь поражений, казалось бы, могла надломить бойцов и командиров. Но в том-то и сила нашей партии, что

она даже в самые критические моменты не теряет уверенности в победе святого дела, за которое борется народ и его армия. Комиссары, коммунисты, весь наиболее стойкий актив неустанно вели разъяснительную работу в подразделениях и частях, укрепляли воинскую дисциплину и порядок, личным примером воодушевляли бойцов на преодоление трудностей. И эта титаническая работа увенчалась успехом. Уже спустя две-три недели наши войска стали наносить противнику чувствительные удары. Особенно серьезное поражение потерпели деникинцы под Острогожском.

Размышляя теперь о причинах такой высокой боеспособности армии, я вспоминаю также постоянную поддержку глубокого тыла, откуда непрерывным потоком шло пополнение. Здесь были и добровольцы, и товарищи, мобилизованные партийными и профсоюзными организациями. Некоторые партийные организации, как например Воронежская, целиком вступали в ряды действующей армии. Неоценимое влияние на поворот событий оказали решения VIII съезда РКП(б), подготовленные и предложенные В. И. Лениным. Заметно ощущалось улучшение настроений в крестьянской массе, которая начала испытывать благотворное влияние решений партии об укреплении союза с середняком. Надо сказать, что в рядах армии подавляющее большинство было крестьян, и наши комиссары—Прищепчик, Агафонов и другие—своевременно доносили до них мудрое, животворное слово партии.

Помню, в июле комиссар бригады рассказал мне об обращении ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!», содержание которого он узнал из письма своей сестры, работавшей секретарем Воронежского губкома партии. Это обращение вдохновило нас. Особенно запечатлелось мне положение этого ленинского документа об отношении к военным специалистам. Здесь, как и в других пунктах обращения, содержались прямые и ясные ответы на вопросы, глубоко волновавшие нас. Примерно в это время во мне окончательно созрело решение вступить в партию, и вскоре я был принят в ряды сочувствующих (так тогда называли кандидатов в члены партии).

Даже в самые тяжкие моменты неудач не помню в нашей бригаде случаев морального упадка, паники. Во время нашего отступления из Донбасса авиация противника с целью внесения дезорганизации в наши части

М. С. Кузнецов

Я. Т. Черевиченко

С. М. Буденный среди командиров 1-й Конной армии

Военный совет 8-й армии

разбрасывала провокационные листовки, поддельные номера «Правды», где печатались лживые сообщения о наших поражениях и даже сфабрикованная речь В. И. Ленина о гибели Советской власти. Подработчики бригады не торопились изъять эти фальшивки, попавшие в руки красноармейцев. Они шути говорили бойцам, что Деникин знает о нехватке бумаги у нас и посылает ее, чтобы мы могли и самокрутку свернуть, да и для других неотложных нужд использовать бумагу.

...В период короткого затишья обе стороны готовились к активным действиям. Деникин издал свою директиву о походе на Москву, а советское командование намечало фланговый удар в направлении Харькова. Была создана группа В. И. Селивачева в составе 13-й и 8-й армий, которая должна была в середине августа 1919 года перейти от активной обороны к наступлению. Противник сумел немного упредить нас. 10 августа конный корпус генерала Мамонтова прорвался на стыке нашей и 9-й армии в районе Новохоперска и через неделю достиг Тамбова. Однако мамонтовский прорыв не помешал нам начать наступление в направлении Харькова.

В августе в командование 12-й дивизией вступил Андрей Григорьевич Рева, ранее возглавлявший бригаду в Инзенской дивизии. Это был храбрый командир, не раз выходявший победителем из сложных ситуаций. Быстро ознакомившись с новой обстановкой, он повел полки в наступление.

Вскоре вместе с 4-й бригадой мы сломали сопротивление противника и вошли в Волчанск. Это был тихий городок, утопавший в садах. Наши разведчики, несколько продвинувшись на запад, вышли на шоссе Харьков — Белгород и вернулись не только с разведывательными данными, но и с трофеями. Трофеи оказались необычными — экипаж и генеральская шинель Май-Маевского, под командованием которого уже начинали свой «поход на Москву» отборные деникинские дивизии — корниловская, марковская, дроздовская.

Таким образом, наши войска стали угрожать главной коммуникации белогвардейцев. Командование противной стороны, почувствовав опасность, сосредоточило против нашего фронта и северного фланга конный корпус Шкуро. Завязались бои, в ходе которых мы отступили к Новому Осколу и далее на восток. Это был необычный от-

ход, так как отходили мы с задачей нанести удар по отходившему нас врагу. К сожалению, он превосходил нас по маневренности. Шкуро быстро продвигался к Воронежу с запада, а Мамонтов шел туда же с северо-востока, по нашим тылам.

Потерпев здесь неудачу и попытавшись прорваться южнее через линию нашего фронта, Мамонтов в районе станций Давыдовка и Лиски 9 сентября наткнулся на один из полков 40-й Богучарской дивизии. Не выдержав боя, мамонтовцы отошли. Лишь несколько дней спустя им удалось соединиться с корпусом Шкуро в районе села Осадчино.

К 30 сентября части Шкуро подошли к Воронежу, который Мамонтов пытался захватить три недели назад. Жиденький заслон частей из ослабленных боями 1-й и 3-й бригад нашей дивизии прикрывал город с запада. Мы получили некоторую поддержку от Воронежской партийной организации. Она мобилизовала коммунистов, еще не ушедших в армию. Их оказалось всего около ста человек, но они составили ядро отряда, оказавшего нам помощь в борьбе со шкуровцами. Однако остановить Шкуро мы не смогли. Мамонтовцы же, действовавшие южнее корпуса Шкуро, в направлении узловых станций Лиски и Таловая, уходя от конного корпуса Буденного, прорвались к Воронежу и вновь соединились со шкуровцами.

8-я армия, одному флангу которой угрожала объединенная конница Шкуро и Мамонтова, другому — 3-й Донской корпус, переживала очень тяжелые дни. Она была обессилена в боях, не имела патронов, потеряла на несколько дней связь со штабом фронта и соседями. Правда, внутри армии она все же действовала. В нашей бригаде начальник связи Андрей Матвеевич Стрелков¹, досконально изучивший свое дело еще на фронте первой мировой войны (он был офицером старой армии), умел налаживать связь в любых обстоятельствах, хотя материальная часть была изношена и, ввиду разбросанности частей, не хватало кабеля.

Но вот подошла конница Буденного. В его корпус была передана кавалерия 8-й армии. Начался период на-

¹ А. М. Стрелков по окончании гражданской войны продолжал служить в Красной Армии, участвовал в Великой Отечественной войне, в должности начальника связи фронта. В 1943 году ему присвоено звание генерал-лейтенанта. Теперь — в отставке.

ших совместных действий с Первым конным корпусом. 19 октября буденновцы одержали победу в бою с коиницей белых в районе Воронежа. 24 октября 8-я армия совместно с Первым конным корпусом освободила Воронеж. Большую помощь в освобождении города оказали его рабочие: в ночь перед боем они подняли восстание и перерезали путь отхода вражеским бронепоездам. 3-я бригада наступала с восточного берега реки Воронеж на село Шилово, затем на Воронеж. Части 8-й армии имели успех и на своем левом фланге, освободив Лиски.

Мы узнали, что одновременно белые потерпели поражение и под Орлом.

После освобождения Воронежа из бригады убыл военный комиссар А. А. Прищепчик. Вопрос об откомандировании его на учебу в Академию Генштаба был решен еще раньше, однако он откладывал свой отъезд до улучшения обстановки на фронте. С чувством искреннего сожаления расставался я с этим замечательным человеком, воином, полнотраблотником. Встретиться с ним вновь уже не довелось¹. Но я нередко вспоминал о комиссаре, о таившемся в нем богатстве умственных и душевных сил, его умении слиться с массой, скромности, нежелании пользоваться никакими привилегиями.

Наступил окончательный перелом в долгой и трудной борьбе с Деникинским. Преодолевая упорное сопротивление противника, войска 8-й армии форсировали на различных участках Дон и овладели городом Острогожск. В числе наступавших была и наша дивизия, занявшая город Бирюч (ныне Буденновск). 40-я дивизия освободила Павловск.

¹ Много позже я узнал, что, заболев возвратным тифом, в академию Андрей Антонович не поступил. Еще не долечившись, уехал из Москвы на Южный фронт, но уже в другую дивизию. Ослабленный болезнью, он вскоре заболел сыпняком. Передвигаясь со своей дивизией до станции Уманской, он сильно поморозил ноги. Затем его снова свалил возвратный тиф. Едва выздоровев, Прищепчик уехал на Польский фронт, где был назначен на политраблоту в 3-ю армию. По окончании войны в декабре 1920 года Андрей Антонович был направлен в Коммунистический университет имени Свердлова. А когда начался кронштадтский мятеж, добровольно ушел на его подавление. Погиб 17 марта 1921 года, идя на штурм в первых рядах красноармейцев 11-й Петроградской дивизии.

Мамонтов, приведя в порядок корпус, изрядно потрепанный под Воронежем, бросил его против 12-й дивизии, находившейся на стыке с 9-й дивизией 13-й армии. Несколько потеснив нас к востоку, в воронежском направлении, белогвардейцы одновременно нанесли удар и по частям Первой Конной армии. В ответ мамонтовцы получили контрудар такой силы, что обратились в беспорядочное бегство на юго-запад, в сторону Валук.

В стратегических целях советское командование создало ударную группу во главе с С. М. Буденным. В нее вошли, кроме Первой Конной армии, наша дивизия и 9-я дивизия из состава 13-й армии. Задача этой группы войск состояла в том, чтобы быстро продвинуться в Донбасс и отрезать пути отхода Добровольческому корпусу в Донскую область. 8-я армия, взаимодействуя с группой, должна была освободить Луганск.

В это время мне предложили должность начальника штаба 12-й дивизии и, поскольку это перемещение было связано с некоторой паузой в служебной деятельности, предоставили краткосрочный отпуск в Калужскую губернию, где тяжело заболела моя жена. Вернувшись из отпуска, я приступил к исполнению обязанностей начальника штаба нашей дивизии, которая уже продвинулась к Старобельску. Однако вскоре я заболел сыпным тифом и выздоровел только в январе 1920 года, когда начались бои за Ростов.

Теперь я ближе узнал своего наставника А. Г. Рева. Он был лет на восемь старше меня. Однако оказалось, что в нашей военной биографии были некоторые черты сходства. Он, так же как и я, попал на фронт почти в начале мировой войны, воевал до середины 1917 года. После Февральской революции штабс-капитан Рева был избран в полковую, а потом и дивизионный комитет 1-й Финляндской дивизии. Впоследствии его избрали командиром полка. В Красную Армию вступил добровольно весной 1918 года, во время формирования Ипзенской дивизии стал командовать полком. Несколько опережая события, скажу, что после разгрома Деникина А. Г. Рева продолжал командовать 12-й дивизией, которая на Польском фронте в 1920 году входила в состав 15-й армии. По окончании войны дивизия была переброшена на Правобережную Украину, в район Винницы, и здесь в 1921 году А. Г. Рева погиб в бою с петлюровскими бандитами.

Белые сопротивлялись очень стойко. Впоследствии, когда я преподавал в особой группе Академии имени М. В. Фрунзе, где учился С. М. Буденный, он рассказал, что на ближних подступах к Ростову наблюдал такую картину: на широком поле, выстроившись в каре, белые залповым огнем отбивали одну за другой атаки конармейцев. Так драться мог только сильный, уверенный в себе противник. Лишь оружейный огонь прямой наводки рассеял вражеский строй.

Конница Буденного взяла Ростов 8 января 1920 года. Через несколько дней произошло переименование фронтов: Южный фронт стал Юго-Западным, а Юго-Восточный — Кавказским. Поскольку последний решал главную стратегическую задачу, ему были переданы основные силы, в том числе Первая Конная и 8-я армии. 12-я дивизия по-прежнему была подчинена командованию Первой Конной и вместе с ее кавдивизиями атаковала сильно укрепленный Батайск. Восточнее города 16-я и 33-я дивизии 8-й армии форсировали недавно замерзший Дон, но после двух неудачных атак Первой Конной на укрепления Батайска обе дивизии вернулись на северный берег Дона.

Некоторое время бои под Ростовом и в низовьях Дона шли с переменным успехом. 20 февраля белые сделали даже попытку захватить Ростов. И это им удалось, но всего лишь на один день: 22 февраля они начали отход за Дон, и 23 февраля Ростов снова стал советским.

2 марта мы были в Батайске, затем наша дивизия продвинулась в Сальские степи и вскоре была выведена для пополнения. В ночь на 27 марта части 8-й и 9-й армий освободили Новороссийск, завершив разгром Деникина.

РОЖДЕННЫЕ В ПЛАМЕНИ

В бурное, тревожное время, решавшее судьбы революции, начиналась боевая жизнь родного мне 78-го полка 9-й стрелковой дивизии. 1919 год народ очень метко, образно назвал огненным годом. Бушующее пламя гражданской войны из края в край металось по необъятной территории нашей страны, то затихая, то вновь вспыхивая с невиданной силой.

С юга, как черная, все пожирающая саранча, ползла огромная Добровольческая армия кровавого генерала Деникина. Именно в ней Владимир Ильич Ленин видел главную опасность для молодой Советской республики. В губернии и уезды, в дивизии и полки дошло знаменитое ленинское письмо «Все на борьбу с Деникиным!»

«Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь. В этом состоит основная задача момента»¹. Этот страстный призыв Ильича, вождя народа, организатора и руководителя Коммунистической партии, услышали все трудящиеся и ответили на него массовым вступлением в ряды Красной Армии, организацией добровольческих полков, партизанских отрядов.

Я был свидетелем этого великого патриотического порыва в своем краю. По решению Волчанского уездного комитета партии и ревкома из коммунистов и членов Рабоче-Крестьянского Союза Молодежи был сформирован 1-й Волчанский отдельный революционный батальон.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 45.

С небывалым подъемом вступали в него и многие добровольцы из рабочих, крестьян, бывших красногвардейцев, партизан и солдат старой армии. Меня ревком назначил адъютантом (начальником штаба) этого батальона. Тогда же в слободе Печенеги Волчанского уезда из добровольцев волости и шахтеров Донбасса организовался и Печенежский полк, вошедший в состав 41-й стрелковой дивизии.

В июне 1919 года деникинские орды ворвались на волчанскую землю. Смерть и разрушение, пытки и казни, грабежи и пожары — такой след оставляли после себя белогвардейские варвары. С юга и запада к нам все явственнее доносились недобрые раскаты артиллерийской канонады. Враги уже захватили и терзали города Чугуев и Купянск. Черные тучи военного ненастья сгустились над Волчанском, куда нацелили свой хищный прыжок войска контрреволюции.

Вот в такой сложной обстановке части 9-й стрелковой дивизии 13-й армии, непрерывно сражавшиеся с марта на Донецкий бассейн, под давлением превосходящих сил противника с тяжелыми боями отходили в направлении Нового Оскола, Волчанска, Корочи. В ночь на 17 июня часть сил дивизии отступила в Белый Колодезь, что в пятнадцати километрах от Волчанска. В помощь им были выдвинуты наш батальон и бронепоезд «Гром». Туда же намечалась переброска кавалерийского полка 9-й дивизии. Однако приказ о выдвигении этого полка был отдан с опозданием на двое суток, и мы вынуждены были драться с врагом без помощи конников.

Встретившись с противником под селом Белый Колодезь, бойцы нашего батальона не дрогнули, хотя не имели опыта фронтовой борьбы. Они показали стойкость, выдержку, высокую дисциплину. Когда в бою смертью храбрых пал член Союза молодежи Федя Костенко, его место заняла родная сестра Анна, санинструктор батальона. Презирая опасность, девушка оказывала помощь раненым бойцам и командирам на передовой линии. Погибли в этой схватке Гавриил Стрельников, Владимир Титаренко и другие комсомольцы.

Под сильным нажимом противника 9-я стрелковая дивизия не смогла закрепиться и перейти к активной обороне на рубеже Белый Колодезь, Волчанск. Естественно, наш батальон не представлял собой силы, способной

противостоять лавине белогвардейцев, и под прикрытием бронепоезда «Гром» отошел в Волчанск. Соседние с нами части отступали в направлении Нежеголь, Короча.

Создалось очень серьезное положение. На нашем направлении деникинцы сосредоточили два пехотных полка. На правый фланг обороны 1-го Волчанского отдельного революционного батальона был выдвинут батальон белых. Взвесив силы противника и свои возможности, мы решили не рисковать бойцами напрасно и в ночь на 20 июня оставили город.

— Будем отходить в направлении Шебекино, Топлинка, Белгород, — сказал комбат Г. М. Кобленц. — Подвижная оборона дает нам возможность сохранить свои силы и одновременно наносить чувствительные удары по врагу. Мы еще вернемся, друзья, в наш родной город, и белые дорого заплатят за эти горькие для нас дни.

Деникинцы вступили в оставленный без обороны Волчанск и прежде всего начали терроризировать население. Особенно зверски расправлялись они с семьями коммунистов, партизан и коммунаров — членов сельскохозяйственных коммун. Городская тюрьма и подвалы деникинской контрразведки превратились в места беспощадной расправы со всеми советскими патриотами. Палачи не щадили никого — ни старых, ни малых.

Тем временем наш батальон находился в двух километрах южнее станции и села Топлинка. 22 июня противник попытался взять станцию двумя батальонами пехоты при поддержке бронепоезда, но мы оказали ему сопротивление. Тогда белые бросили в наступление дополнительные силы — кавалерию, направив удар в левый фланг обороны батальона. Наши ряды пополнились добровольцами Белгородского уезда.

И снова завязался бой. Напряженный, жаркий. Рота, возглавляемая храбрым моряком Т. А. Шевченко, моим однофамильцем и земляком, трижды успешно отбивала конные атаки деникинцев. Самоотверженно дрался командир пулеметного взвода Кириченко, поливая свинцом белогвардейских налетчиков. Мужественно стоял против неприятеля взвод Булата. Пример стойкости показывали коммунисты и члены Союза молодежи.

Напряжение боя росло. Смертью героев пали Шевченко и Кириченко, вражеская пуля ранила командира

взвода Булата, погибли несколько бойцов. Оценив создавшееся положение, командир батальона Г. М. Кобленц сказал:

— Вот что, товарищи. На помощь соседних частей мы не можем рассчитывать: они сражаются далеко от нас, отбивая ожесточенные атаки противника. Я считаю, что целесообразно было бы начать отход к Белгороду, изматывая при этом силы противника.

О принятом решении был поставлен в известность Белгородский ревком.

Во время отступления деникинцам удалось обойти нас с левого фланга. Они прорвали фронт на участке 2-й отдельной бригады М. Е. Трунова, находившейся в обороне уступом сзади нашего батальона, и взяли направление на Белгород. Затем, когда мы вступили в черту города, кавалерийская группа врага при поддержке белгородских и прибывших из других уездов контрреволюционеров атаковала наш левый фланг. Имея превосходство в живой силе и технике, противник в коротком уличном бою расчленил подразделения батальона и готов был нанести решительный удар. Кобленц не растерялся и приказал поротно выходить из боя и направляться к узловой железнодорожной станции Готня.

— Город мы все равно наличными силами не удержим, а людей погубим, — сказал он. — Надо сохранить бойцов для решительных схваток с белогвардейцами.

Мы отошли в Готню и встретились там с Грайворонским отрядом под командованием коммуниста А. Н. Борисенко. Туда же прибыли отряды из Суджи во главе с В. С. Сомовым, из Борисовки — под началом коммуниста Федора Гордого, караульные роты военкоматов Белгорода и Орла. В Готне были и добровольцы-шахтеры, отступавшие из Донбасса с 11-м Украинским советским полком.

Вечером 24 июня командиры всех отрядов собрались в штабном пассажирском вагоне на совещание, которым руководил специально прибывший представитель Курского губернского комитета партии. Прослушав информацию о решении Грайворонского ревкома создать воинскую часть, присутствующие единодушно согласились сформировать на базе их отрядов 1-й Грайворонский революционный полк для совместной борьбы украинских и русских партизан против общего врага. Командиром полка

был назначен член ревкома А. Н. Борисенко, военным комиссаром — грайворонец А. А. Сагайдак.

Вновь организованный полк вошел в состав группы войск правого боевого участка курского направления, которые действовали на правом фланге 9-й стрелковой дивизии. Мы заняли оборону северо-восточнее Грайворона по линии Хотмыжск — Томаровка — Коровино. Справа от нас находился Печенежский полк, вошедший в состав 41-й стрелковой дивизии. Он оборонял Грайворон. Одно время печенежцам был придан 2-й батальон нашего полка под командованием суджанца В. С. Сомова.

Стояли знойные летние дни. Бойцы, изнывавшие от июльской жары, вели почти непрерывные бои, по нескольку раз на день отбивали атаки отборных полков Добровольческой армии — дроздовского, корниловского, алексеевского.

А на полях созревал урожай. Чтобы враг не мог воспользоваться им, крестьяне использовали каждый час затишья для уборки хлеба. В перерывах между боями местным жителям помогали бойцы. Винтовка и коса были в ту страдную пору родными сестрами. Вчерашние хлеборобы, соскучившиеся по мирному крестьянскому труду, работали дружно и споро. А когда появлялся противник, вместо кос брали оружие и вступали в бой не на жизнь, а на смерть. Вот почему местное трудовое население было на стороне красных бойцов.

Из Волчанского, Белгородского и других уездов, занятых врагом, к нам проникали через линию фронта рабочие и крестьяне и рассказывали о зверствах и грабежах, чинимых денкишцами. Это вызывало у людей еще большую ненависть к белогвардейцам, заставляло торопиться с уборкой хлеба, усиленно готовиться к решительным схваткам с контрреволюционными войсками.

В первый период обороны Грайворона на участке нашего полка серьезных боевых действий не было, но, по сведениям разведки, денкишцы сосредоточивали против нас крупные силы. Требовалось уточнить данные о численности противника в районе Томаровки. По заданию штаба полка командир 3-го (Волчанского) батальона П. В. Черняев выслал в разведку усиленный отряд под командованием полуротного Петра Кутнего.

Мы с нетерпением ожидали результатов разведки. А группе Кутнего тем временем приходилось очень нелег-

ко. У деревни Бутово, что находилась в десяти километрах от наших позиций, наблюдатели сообщили командиру о приближении не менее двух эскадронов противника.

— Приготовиться к бою! — приказал Петр Кутний.

Белые ринулись в атаку, но бойцы отряда дружно отразили ее, и противник отошел с большими потерями. Спустя некоторое время денкишцы, получив подкрепление — два свежих эскадрона с артиллерией, — предприняли новый налет на разведчиков.

Силы отряда Петра Кутнего были слишком малочисленны, чтобы принять этот неравный бой.

— Отходим к селу Черкасское, — распорядился командир, — и там встретим беляков, как положено.

На новых, более благоприятных позициях разведчики организовали стойкое сопротивление. Командир отряда послал связного в батальон. Боец доложил, что отряд сражается с превосходящими силами шкуровцев и что ему требуется помощь. Подкрепление было выделено немедленно. К тому времени белогвардейцы, не сумевшие сломить сопротивления всего отряда, отрезали небольшую группу разведчиков и прижали ее к болоту. Бойцы приготовились к последней схватке. И тут подоспела помощь из батальона.

Начальник батальонной пешей разведки В. В. Фальченко и его помощник Е. И. Шишко с пулеметной тачанкой бросились на выручку окруженным товарищам. С короткой дистанции они открыли меткий фланговый огонь по противнику. «Максим» косил вражеских кавалеристов, пытавшихся уничтожить прижатых к болоту разведчиков. Благодаря этой помощи ребята вырвались из окружения и пробились к своим. Разгоряченные боем, Фальченко и Шишко не заметили, как сверкнули над пулеметной тачанкой казачьи сабли...

В этом бою, продолжавшемся до позднего вечера, погибли также командир отряда Петр Кутний и шесть бойцов. Все они были похоронены в селе Коровино. Шестнадцать человек получили ранения. Шкуровцы, потеряв надежду на успех, отошли, оставив на поле боя около ста человек убитыми, много пленных, десятки лошадей, оружие.

Партийная организация и политический отдел полка по достоинству оценили боевые успехи разведотряда. Во

всех ротах и командах части проводились беседы о мужественном и патриотическом примере бойцов и командиров 3-го батальона.

Бой с белогвардейской конницей под Бутово и Черкасским запомнился воинам на всю жизнь. В 1959 году в Волчанске на празднование 40-летия 1-го Волчанского отдельного революционного батальона собрались ветераны манувших сражений. Среди них были Д. П. Божко, Г. И. Титаренко, И. Ф. Мельниченко, братья Четвериковы — Матрофан и Наум, братья Кириченко — Савелий, Никифор и Мефодий, братья Химичевы — Стефан и Алексей, Т. И. Шатерник, М. М. Мордовенко, я и многие другие.

Четыре десятилетия, прошедшие с тех пор, не изгладили из памяти бойцов не только общей картины, но и отдельных эпизодов боя.

— Помнится, — рассказывал нам бывший политбоец Михаил Мордовенко, — в рукопашной схватке я уничтожил трех солдат и одного офицера. Но и сам чуть не заплатил жизнью. Белогвардеец уже занес пашку над моей головой, но в эту секунду мой товарищ, Роман Зимин, совсем еще молодой боец, в упор выстрелил в казака и снял его птыком с седла. А потом, повернувшись ко мне, сказал: «Я тебе, батько, жизнь спас».

Схватка под Бутово и Черкасским воодушевила всех бойцов полка. Вчерашние рабочие и крестьяне поняли, что они могут побеждать вооруженного до зубов врага и в конце концов обязательно одержат победу над ним. Поняли грайворонцы и другое: кроме личной отваги нужны умение воевать, выдержка в бою, трезвый расчет. Горячность, излишний азарт приводили порою к нежелательным последствиям, как это случилось, например, с Василием Фальченко и Евтихием Шишко.

Когда сравниваешь бойцов полка того времени с красноармейцами более позднего периода, отчетливо видишь, что у нас не было еще тогда настоящего военного опыта. Но в отсутствии храбрости никого нельзя было упрекнуть. В качестве примера хочется рассказать об одном боевом эпизоде. Недалеко от села Крюково конный разведчик нашего полка Аким Афанасьевич Сильченко встретился с пятью белыми конниками. Пять кадровых вояк и один вчерашний труженик. В исходе поединка они, конечно, не сомневались. Вот уже над Акимом занес

пашку здоровенный верзила с налитыми кровью глазами. Но Сильченко не струсил, не растерялся. Он резко вздернул коня на дыбы. У беляка от неожиданности дрогнула рука, и Аким с размаху полоснул его по плечу. Резко вывернувшись из-под удара другого бандита, он молниеносно опустил пашку на его голову. В таком положении наши бойцы непременно вступились бы за товарищей, однако белогвардейцам был чужд закон войскового братства и взаимовыручки, каждому из них была дорога только своя жизнь. Увидев, что они нарвались на отважного бойца, трое оставшихся белоказаков повернули коней и ускакали прочь.

В бою под Борисовкой был не менее интересный случай. Когда вышли из строя наше орудие и пулеметный расчет, пехота белых ринулась в отчаянную атаку. Пьяные дроздовцы сплошной стеной шли на штурм монастыря и конторы лесничества. Командир первой роты Василий Поливанов крикнул бойцам:

— В атаку, товарищи! — и сам первым бросился на врага.

В рукопашной схватке Поливанов заколол нескольких белогвардейцев и своим примером увлек других сослуживцев. Многие отличились в этом бою: командир второй роты А. А. Ткаченко, бойцы Георгий Иценко, Василий Попиченко, Прокофий Северин, Владимир Шаповалов и другие.

В эти напряженные дни мы видели в нашем полку члена Украинского правительства товарища Артема (Ф. А. Сергеева). Он обходил огневые позиции, душевно беседовал с бойцами, вселяя уверенность в успехе борьбы за великое дело революции, за родную Советскую власть. Затем товарищ Артем собрал командный состав части. Особенно воодушевили нас его слова:

— Скажу вам, товарищи, откровенно: ваш полк вполне достоин быть регулярной частью Красной Армии.

В заключение беседы он попросил нас принять все меры к тому, чтобы оказать помощь Печенежскому полку в обороне Грайворона. Надо заметить, что печенежцы дрались очень упорно, не только сдерживали натиск белых, но и сами нередко атаковали их.

В начале августа противник резко усилил активность. 5 августа два самолета сбросили на станцию Готия бомбы и листовки. Правда, большого вреда бомбы нам не

причинили, а неумно составленные листовки вызывали у бойцов смех.

— Тоже «пропагандисты» нашлись...

— Знаем, почему у вас фунт лиха, — говорили грайворонцы.

В этот же день на участке Коровино, Зыбино деникинцы атаковали 3-й батальон нашего полка, которым командовал П. В. Черняев. Бой продолжался целый день, но противник не добился успеха. А в районе станции Кулиновка наш бронепоезд «Брянский» одержал победу над вражеским бронепоездом.

В приказах по 13-й армии неоднократно отмечались умелые боевые действия нашего полка. Его бойцы дрались на земле своего уезда, и это, видимо, придавало им особые силы.

Около села Зинаидино противник опередил 3-й батальон нашего полка и перехватил путь к Красному лесу. Эскадрон белых пытался атаковать его левый фланг, но сразу же натолкнулся на сильное сопротивление седьмой роты, уже имевшей боевой опыт борьбы с кавалерией, и с потерями отскочил в лоцину. Тогда основная колонна белоказаков, применив хитрость, неожиданно подняла красный флаг, вызвав на время колебание у некоторых бойцов.

Спас положение комбат Платон Васильевич Черняев. Он открыл пулеметный огонь по врагу. В ответ заговорила артиллерия. Красного флага над колонной как не бывало.

— Вот и разоблачили себя белопоговники, — сказал командир.

Батальон развернулся в цепь раньше белых и успешно отбил их атаку. Но противник упорствовал. Бой длился около часа с переменным успехом: то белые теснили наших, то наши — белых. Но вот, тяжело контуженный, выбыл из строя Черняев. Ранено командира 8-й роты Григория Твердохлебова, смертью храбрых пал командир взвода Сергей Астахов, погибли несколько бойцов. Отчаянным рывком батальон пробился к лесу и на следующий день около селений Белого и Пены соединился с основными силами нашего полка.

Забегая вперед, скажу, что Платон Васильевич Черняев после гражданской войны остался в рядах Красной Армии. Все свои силы и боевой опыт он отдавал молодому

поколению защитников Советской Родины. Когда началась Великая Отечественная война, П. В. Черняев снова пошел на фронт. Погиб в бою с фашистами в декабре 1942 года под станицей Зерновской Ростовской области, в звании генерал-лейтенанта.

В неравных боях под Белым, Зинаидино, Псковским, Пенами мы понесли большие потери. Войцы были изнурены, связь нарушена. И все-таки полк оставался боеспособным. Через несколько дней он снова перешел в наступление и выбил белых из Пен.

7 августа деникинцы перешли под Грайвороном в наступление. Печенежский полк с боями отступил на Замостье. Таким образом, сорокадневная оборона Грайворона закончилась. Родной город скрылся в дыму разрывов. Тяжело было отступать, но война есть война. Бойцы твердо верили: недалек тот день, когда над маленьким городом, давшим название их полку, снова взвевется революционное Красное знамя.

Утром 10 августа командир полка А. Н. Борисенко приказал адъютанту (начальнику штаба) Г. М. Кобленцу собрать всех командиров, политработников и бойцов. Когда мы выстроились, командир взволнованно сказал:

— Слушайте приказ Реввоенсовета 13-й армии.

В нем говорилось, что 1-му Грайворонскому революционному полку присвоено наименование 78-го стрелкового полка и что он становится регулярной частью Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Сбылись слова товарища Артема!

Кроме нашего полка во 2-ю бригаду 9-й стрелковой дивизии входили 76-й и 77-й стрелковые полки и кавалерийский эскадрон. Для всех строевых подразделений мы получили винтовки-трехлинейки, а также одиннадцать станковых пулеметов и шесть легких орудий.

Дальнейшие события разворачивались очень стремительно. 13-я армия, потерявшая в непрерывных боях с белогвардейскими войсками около трети своего первоначального состава, под натиском противника отходила на север, в направлении Курска. На подступах к городу завязались жестокие стычки.

Среди частей, оборонявших Курск, была и наша 9-я стрелковая дивизия. Многие ее бойцы и командиры — местные уроженцы. До октября 1948 года дивизия так и называлась — 1-я Курская советская пехотная.

Утром 16 августа на участке 3-й бригады нашей дивизии ударная группа белогвардейцев в составе двух корниловских, алексеевского и 80-го кабардинского полков при поддержке четырех бронепоездов, танков, артиллерии и конницы начала наступление. Это была большая сила, и все-таки каждая деревушка, каждый хуторок доставался деникинцам ценой огромных потерь. Красноармейцы сражались до последнего патрона, в отчаянных контратаках перемалывали рвущиеся к городу части Добровольческой армии.

Напряженные бои шли и на линии Суджа — Мирополье, что к юго-западу от Курска. Здесь с противником дралась 2-я бригада под командованием В. М. Шишкова. Белые пустили в ход бронев автомобили. Для красноармейцев это было в диковинку. На многих из них броневики наводили страх: поливая наши цепи смертоносным огнем, противник оставался неуязвимым. Как поддержать моральный дух бойцов, чем помочь им? И тогда командир пулеметного взвода 78-го полка Григорий Иванович Гаркуша ползком пробрался к одному из броневиков, вскочил на него, открыл люк, расстрелял экипаж и начал стрелять из пулемета по белым.

Красноармейцы убедились, что человек сильнее машины, что с вражескими броневиками можно успешно бороться. Пример тому — отважные действия Г. И. Гаркуши. Учитывая огромную силу его воздействия на повышение морального состояния красноармейцев и отмечая личное мужество, неоднократно проявленное в боях, командование представило командира пулеметного взвода к награде. Вскоре на груди Григория Ивановича Гаркуши засиял орден Красного Знамени.

В непрерывных боях мы забывали про сон и отдых. Спали урывками, тревожно. Вот почему весть о том, что город Суджа занят 76-м и 78-м полками, встретили мы с большой радостью. Немного отдохнув и набравшись сил, бойцы и командиры снова были готовы драться с деникинцами.

Впереди — Мирополье. Городок небольшой, но важный в тактическом отношении, и белые обороняли его особенно упорно. 3-й батальон нашего полка, контролировавший шоссе Мирополье — Суджа, был потеснен. Тогда командир полка Борисенко решил перерезать дорогу в тылу наступающего противника. Эту задачу он возло-

жил на 2-й батальон, которым командовал Василий Сомов.

Деникинцы открыли ураганный огонь. Шестая рота батальона дрогнула и начала отступать. И только молодой боец Юрий Беляев остался на прежнем месте. Он яростно стрелял по противнику. Стрелял до тех пор, пока рота не возвратилась на позиции. За героическую стойкость Юрий Стефанович Беляев был награжден орденом Красного Знамени.

Я уже говорил, что части 13-й армии были сильно ослаблены непрерывными боями. Полки, равные по численности ротам и даже взводам, не смогли долго сдерживать наступления белогвардейцев. 20 сентября Курск был сдан. В течение почти трех недель мы отходили на Орел вдоль основной железнодорожной магистрали. 76-й и 78-й полки, действовавшие на правом фланге дивизии, с боями шли в направлении города Кромы.

У нас по-прежнему не хватало людей, патронов и снарядов, поэтому мы пока не могли решительно противодействовать противнику. К вечеру 11 октября деникинцы вступили в Кромы, наш полк отошел севернее, на линию Рыжково — Александровка. Подсчитали потери: за два дня боев было убито и ранено около ста человек. Нас осталось совсем мало...

13 октября белогвардейцы заняли Орел. Добровольческая армия Деникина со дня на день могла хлынуть на Москву — столицу пролетарского государства. Учитывая сложившуюся обстановку, партия и правительство приняли все меры к тому, чтобы укрепить войска на этом направлении. К Орлу срочно были подтянуты с других фронтов латышская стрелковая дивизия, стрелковая бригада П. А. Павлова, бригада червонных казаков В. М. Примакова, эстонские части. Здесь, на орловской земле, мы всем сердцем почувствовали силу пролетарского интернационализма и дружбы народов.

9-я дивизия вышла из боя и осталась в резерве. За счет маршевых рот и частей, отступивших из Орла, она получила пополнение и насчитывала теперь более семи тысяч пштыков. Ей были приданы также три броневика и значительные по тому времени силы артиллерийской поддержки. В нашу 2-ю бригаду по-прежнему входили 76, 77 и 78-й стрелковые полки. Соседней с нами 3-й бригадой командовал Николай Владимирович Куйбышев, брат

известного революционера Валерьяна Владимировича Куйбышева.

Каждый день в полку появлялись новые люди. Рядом с Антоном Николаевичем Борисенко ходил высокий худощавый человек. Это был новый комиссар полка М. И. Гвоздев. Под Орлом мы увидели и нового начальника 9-й дивизии П. А. Солодухина. Петр Адрианович, несмотря на свои двадцать шесть лет, был уже опытным военачальником. Гидротехник по профессии и армейскому опыту, он два года провел на германском фронте, после революции работал в Петросовете, а в июне 1918 года во главе 7-го инженерного летучего боевого отряда имени Петроградского губсовдепа отбыл на Северный фронт. В боях под Котласом, на Северной Двине, под командованием прославленных героев гражданской войны Павлина Виноградова и Иеронима Уборевича 7-й инженерный отряд и его молодой командир получили признание солдат революции.

Под стать Солодухину был и военком дивизии Семен Петрович Восков, пламенный большевик, член партии с 1917 года.

Дни и ночи разъезжал он вместе с начдивом по бригадам и полкам, знакомясь с людьми, наводя железную дисциплину и должный порядок.

С их приходом в дивизии закипела бурная жизнь. По полкам распределялось пополнение. Во всех ротам и взводах были созданы группы коммунистов и сочувствующих. Части получили вооружение, боеприпасы и зимнее обмундирование.

Началась подготовка к контрудару в районе Орла и Новосили. Вскоре в соответствии с указаниями вышестоящих инстанций ударная группа во главе с начальником Латышской дивизии А. А. Мартусевичем перешла в наступление. Выбив дроздовцев из Кром, она нависла над фронтом корниловской дивизии, занимавшей Орел.

На Южном фронте назревали большие перемены.

Наша дивизия во взаимодействии с ударной группой должна была остановить продвижение денкинцев на север. Во второй половине октября стало холодать, пошли дожди. Чернозем раскис, и дороги испортились. Но все это не смогло остановить наступательного красноармейского порыва. С северо-запада к Орлу подошла эстонская дивизия, с юга — латышская. Наше соединение было де-

нинкинцев с севера. В этих боях перемалывались самые отборные дивизии Добровольческой армии — корниловская и дроздовская.

Под натиском советских войск белогвардейцы устремились к Орлу, чтобы спастись за проволочными заграждениями. Но город был окружен почти со всех сторон. Ночью 19 октября корниловский полк и батальон марковского полка вышли из города к станции Стишь. А утром 20 октября, истребив в штыковом бою ударную роту корниловцев, 1-й батальон 80-го полка ворвался в Орел. Несколько раньше в город пробились передовые части 76-го полка, в котором находился и начдив Солодухин. Через несколько часов с северо-запада туда вступили части эстонской дивизии, с юга — латышские стрелки.

Орел был взят. Закрепляя боевой успех, части Красной Армии развернули наступление в сторону Курска. Оценивая положение на Южном фронте в эти дни, В. И. Ленин писал: «Наступает момент, когда Деникину приходится бросать все на карту... Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте»¹.

И действительно, наша победа под Орлом ознаменовала собой поворот в ходе всей кампании. 20 октября 9-я и эстонская дивизии предприняли наступление на станции Стишь и Еропкино. Отборные офицерские части генерала Кутепова оборонялись отчаянно. Три бронепоезда и две пушки на тракторной тяге обрушивали шквальный огонь на красноармейские части. Мы отступили, но не для того, чтобы отказаться от главной задачи. План был таков: прочно «оседлать» железную дорогу и двигаться на Курск.

Наша бригада временно вошла в оперативное подчинение начальника эстонской дивизии. Ударная группа в составе 78-го полка, батальона 77-го полка, команды эстонских гранатометчиков получила приказ выдвигаться против станции Стишь. Командовал группой А. Н. Борисенко.

Темной дождливой ночью специально выделенный отряд под командой Г. М. Кобленца бесшумно связал секреты противника и вышел к железной дороге, чтобы вы-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 244—245.

вести из строя полотно и лишить деникинские бронепоезда возможности передвигаться. Рельсы снимали тихо. Но вот кто-то по неосторожности поднял шум. Открыли огонь бронепоезда, застрекотали пулеметы. Начался бой.

Командир отряда Г. М. Кобленц повел красноармейцев в штыковую атаку. Стремительным броском они сбили сторожевое охранение, но дальше из-за сильного огня продвинуться не могли и окопались.

Утром ударная группа с помощью частей эстонской дивизии начала энергичное наступление на Стишь. Деникинцы, боясь окружения, сдали станцию. Это была значительная победа на пути к Курску. Настроение красноармейцев и командиров поднялось.

30 октября тяжело заболел Антон Николаевич Ворисенко, трижды раненный в предыдущих боях. Его отправили на лечение в Орел. Командовать частью стал его земляк Дмитрий Георгиевич Михайленко.

— Друзья! — сказал нам на прощание Антон Николаевич. — Надеюсь, что я снова вернусь. Тяжелые времена пережили мы с вами, теперь будет легче. Не посрамите же чести 78-го полка в наступательных боях против белогвардейцев!

Заметив, что мы приуныли, он бодрим тоном сказал: — Носы не вешать: впереди Курск!

Родная земля ждала нас, и люди жаждали поскорее освободить ее из деникинской неволи.

Зима наступила рано. По курским стенам начали гулять холодные ветры, снежные бураны. Но война не знает каникул. После нескольких дней отдыха наш полк снова выступил на линию огня. Бои теперь стали скоротечнее. Деникинцы иной раз совсем не принимали нашего вызова и трусливо уходили из-под удара. Но торжествовать было рано. Враг был еще не сломлен.

К вечеру 7 ноября 3-я бригада, которую поддерживали 78-й и 73-й полки, овладела городом Малоархангельском и захватила большие трофеи. Радовались своему освобождению местные жители, рос боевой дух красноармейцев. Успех окрылял и командиров.

Несмотря на сильные морозы и метели, части 9-й дивизии днем и ночью, не зная усталости, продвигались в направлении Курска. Наша 2-я бригада к этому времени уже была выведена из подчинения Эстонской дивизии и вела бои во взаимодействии с 3-й бригадой восточнее же-

лезнодорожной линии Орел — Курск. 15 ноября 78-й полк занял деревни Воробьевку и Коренную Пустынь. И здесь крестьяне, избавившиеся от власти белых, тепло встречали красных бойцов, сердечно благодарили их.

На участке Охочевка, Курск в тяжелом положении оказались полки 3-й бригады. Вновь назначенный комбриг П. А. Александров приказал нашему полку наступать вдоль железной дороги и тем самым облегчить боевые действия соседа. Деникинцы поняли наш маневр и встретили нас плотным артиллерийским и пулеметным огнем. И тут большую роль сыграла сила личного примера командиров. Александров и Михайленко бесстрашно бросились вперед, увлекая за собой бойцов. Комбрига ранило в руку, но он оставался в цепи, пока мы не отвлекли противника, дав возможность полкам 3-й бригады уйти из-под губительного удара. Основными своими силами 9-я дивизия наступала на Курск с северо-востока. Наша 2-я бригада действовала на правом фланге дивизии. Перед ней стояла задача ворваться в город с севера и в дальнейшем продвигаться на Обоюнь.

По мере приближения к Курску, этому важному стратегическому пункту, сопротивление деникинцев нарастало. Их контратаки становились все ожесточеннее, в бой вводились прибывавшие с юга последние резервы Добровольческой армии. Вражеские бронепоезда и бронемашинны вели по нашим войскам непрерывный артиллерийский и пулеметный огонь. Но все это не могло ослабить наступательного порыва советских войск.

В течение 16 и 17 ноября город с трех сторон был окружен нашими частями. Смелый, решительный натиск вызвал у противника неуверенность и даже панику, на некоторых участках обороны враг ослабил сопротивление. Мы воспользовались этим, и на рассвете 19 ноября 78-й полк первым ворвался в Курск. Вслед за нами в город вступили конные разведчики 5-го эстонского полка. Завязались уличные бои, и в тот же день мы очистили Курск от деникинцев.

Куряне встречали нас торжественно и радостно: они праздновали победу над ненавистным, жестоким врагом и радовались встрече с нами, бойцами 9-й дивизии, которая создавалась в их городе.

В боях на подступах к Курску и при взятии города многие бойцы, командиры и политработники нашей дивизи-

зии проявили большое мужество и храбрость. Начдив Солодухин направил командиру 2-й бригады Александрову телеграмму: «Выражаем вам благодарность за умелое и старательное выполнение боевой операции по занятию города Курска.

Передайте красноармейцам частей бригады поздравление с этим крупным, имеющим громадное значение успехом. Особенно отмечаем действия 78-го полка, командиру и комиссару которого шлем горячую благодарность».

За боевые отличия в период борьбы за Курск были награждены орденом Красного Знамени комбриги П. Н. Александров и Н. В. Куйбышев, комбат 80-го полка Н. К. Иванов, красноармеец 1-го эскадрона кавалерийского полка нашей дивизии С. П. Стрижаков и другие.

Политработники, коммунисты проводили беседы, рассказывали о наиболее отличившихся воинах. А их было не мало. Так, 12 ноября в бою за Щигры Стрижаков, заметив белого офицера, покушавшегося на красного командира, бесстрашно бросился на него. Жизнь красного была спасена. Случаев самоотверженности и героизма было много. Это одна из отличительных черт Красной Армии — армии нового типа.

Итак, меньше чем за полтора месяца весь денкинский фронт был взломан, силы его армии в корне подорваны. В этой обстановке Реввоенсовет Южного фронта принял решение о создании мощной и подвижной ударной группы, которая могла бы обеспечить преследование противника, не давая ему возможности закрепиться. В группу вошли Первая Конная армия, созданная на базе кавалерийского корпуса С. М. Буденного, 9-я и 12-я стрелковые дивизии. Перед ней стояла большая и ответственная задача: стремительным броском занять Донецкий бассейн, железнодорожные узлы Попасная, Дебальцево, Иловаяская, отрезать все пути отхода белых в Донскую область, ватем занять Таганрог и выйти к Азовскому морю.

С целью содействия коннице Буденного командующий 13-й армией приказал перебросить нашу дивизию в район Нового Оскола. 3 декабря она сосредоточилась на указанных рубежах. 2-я бригада должна была расположиться в деревне Красное, а 76-й ее полк — в деревне Львовка.

К утру 5 декабря мы предполагали сменить части 2-й бригады 42-й стрелковой дивизии и выступить в направлении города Валуйки, куда уже направились кавалерийские дивизии Первой Конной армии. Однако обстановка резко изменилась: пока 76-й и 78-й полки следовали к указанному месту назначения, белоказаки генерала Мамонтова вынудили части 42-й дивизии отойти из Львовки и Красного.

76-й полк остановился в деревне Шарановка, а мы с приданным батальоном 77-го полка в течение всего дня 4 декабря вели ожесточенный бой с кавалерией противника за овладение деревней Красное. Несколько раз переходил этот населенный пункт из рук в руки и только к 22 часам мамонтовцы были выбиты оттуда. Выставив усиленное сторожевое охранение в направлении деревни Львовка, куда отошли белые, мы расположились на отдых, если можно назвать отдыхом ночь у костров при тридцатиградусном морозе.

Утром наш полк выступил в направлении села Асеево, а 76-й — к деревне Львовка. Следует сказать, что этот полк был малочисленным, сильно потрениан в предыдущих боях. На вооружении он имел лишь винтовки и ручные пулеметы. Вновь назначенные командир части Г. М. Коблепц и военком И. П. Шагайденко еще не успели ознакомиться с подразделениями. Поэтому боеспособность полка не могла быть высокой.

На переходе к Львовке 76-й полк был неожиданно атакован 9-й и 10-й конными бригадами белых с приданной им конной батареей. Первая атака деникинцев была отбита. Однако внезапность нападения белоказачков, их значительное превосходство в силах, артиллерийский обстрел прямой наводкой — все это сказалось на психике бойцов.

Во время повторной атаки первый батальон не выдержал напряжения и повернул вспять. Вражеская конница окружила его и отрезала от основных сил полка. Попытка других батальонов помочь товарищам не имела успеха, и они вынуждены были отойти.

Услышав артиллерийские раскаты, командир нашего полка Г. Д. Михайленко приказал ускорить марш, чтобы выручить соседа. Но мы опоздали. О событиях дня комбриг П. Н. Александров донес начдиву Солодухину. Тот приказал немедленно выяснить силы противника и ночью

выручить бойцов, попавших в беду. С этой целью была создана ударная группа в составе нашего полка, одного батальона 77-го полка, 6-й сотни кавалерии и легкой батареи артдивизиона дивизии под общим командованием Г. Д. Михайленко.

Мы выступили из деревни Красное в 20 часов. Продвигались по глубокому снегу очень медленно. Бушевала метель, мороз захватывал дыхание, но все понимали, что именно в такую погоду можно застигнуть белых врасплох.

Как выяснилось позже, мамонтовцы раздели красноармейцев в поле, на снегу, затем привели в деревню Львовку и стали допрашивать, требуя выдать комиссаров, командиров, коммунистов. Предателей не нашлось. Пленным поставили условие: если не выполнят требований, утром будет расстрелян каждый пятый. Не поможет — снова каждый пятый. И так уничтожат всех до одного.

Наступила тревожная ночь. Пьяные казаки глумились над красноармейцами. Многие уже не надеялись вырваться живыми. Никто из них не знал, что на выручку идут боевые товарищи.

Михайленко выслал вперед конников во главе с начальником разведки нашего полка А. Г. Шевченко. Бойцы без шума сняли неприятельских часовых, проникли во Львовку и выяснили, где и как размещен противник. Затем ударная группа с трех направлений ворвалась в село. Мамонтовцы всполошились. Началась беспорядочная стрельба. Коня, оторвавшись от привязи, усилили панику белых.

Как рассказывал нам потом хозяин дома, где ночевал Мамонтов, а затем находился штаб нашего полка, ординарец разбудил генерала и в страхе крикнул:

— Красные в селе! Спасайтесь!

Слово «красные» оказалось для «его превосходительства» магическим. В суматохе он схватил хозяйские валенки, полушубок, в одном белье выскочил во двор и, бросив штаб, ускакал с ординарцем в тыл. В марте 1920 года, после освобождения нашими войсками Кубани, мне попалась в Екатеринодаре белогвардейская газета. В ней сообщалось, что «генерал Мамонтов спасся от одного злейшего врага — красных, но ему не удалось спастись от другого врага — тифа...» Не долго же протянул генерал после ночного побега из Львовки!

Бойцы нашей группы освободили красноармейцев 1-го батальона 76-го полка, захватили штаб Мамонтова со всеми документами, взвод музыкантов 100-го полка 12-й стрелковой дивизии. Сопrotивлявшиеся, в том числе и адъютант генерала, были уничтожены.

Выполнив свою задачу, мы присоединились к основным силам дивизии.

Наступление наших войск продолжалось. Освободив родные для многих бойцов Ольховатку, Хатнес, Григорьевку и другие села, 78-й полк 9 декабря вступил в город Валуйки, занятый частями 3-й бригады Н. В. Куйбышева вместе с кавалерийскими полками Первой Конной армии.

А через два дня в торжественной обстановке полкам 9-й дивизии, участвовавшим в боях за освобождение Орла и Курска, были вручены Красные знамена — награда ВЦИК и Московского Совета. Здесь же, в Валуйках, утверждались в должностях временно исполнявшие обязанности и вновь назначенные командиры и политработники, среди которых было много волчанцев и грайворонцев. В частности, военкомом нашего полка вместо раненых Гвоздева, а затем Кончаловского был назначен грайворонец Родион Трофимович Василенко. Меня утвердили адъютантом (начальником штаба) 78-го полка.

Выполняя директиву командования Южного фронта по овладению Донбассом, 9-я стрелковая дивизия, переданная в оперативное подчинение Первой Конной армии, из Валоек выступила на юг, с боями пробиваясь к реке Северный Донец.

Деникин был намерен любой ценой удержать Донбасс — важнейший экономический, политический и стратегический район. Поэтому в зимних условиях на обширной Донецкой равнине предстояли тяжелые бои.

Наша дивизия получила директиву командования армии выйти на линию реки Северный Донец, закрепитесь на участке Луговая, Серебрянка, Ново-Марьевка, станция Лисичанск и обеспечить за собой переправы.

Выполняя эту задачу, начдив Солодухин отдал приказ о создании ударной группы для проведения операций по разгрому контрреволюционных войск противника на самых трудных участках. В ударную группу, воз-

главляемую Д. Г. Михайленко, вошли 77-й и 78-й стрелковые полки, 1-й кавалерийский полк и легкий артдивизион. Первая задача — овладение железнодорожной станцией Кленовка — была выполнена блестяще. Наш полк совместно с кавалерийским захватил на станции пленных и трофеи, в том числе двадцать пять вагонов с углем. К вечеру 21 декабря 9-я дивизия прочно заняла переправы на Северном Донце, и к ним стали подходить кавалерийские части Первой Конной армии.

Ударная группа Михайленко, несколько дней усиленно продвигавшаяся вперед, оторвалась от тыловых подразделений и испытывала острую нужду в боеприпасах. Наш полк также остался без патронов и, встретив сильное сопротивление противника, располагавшего артиллерией, вынужден был приостановить наступление. Нас выручила команда разведчиков, возглавляемая Т. П. Нодрановым. Они обнаружили слабое место в обороне противника и отбили у него пулемет «Максим» с лентами и три ящика патронов. Это была небольшая, но необходимая помощь, воодушевившая бойцов.

Д. Г. Михайленко решил продолжать наступление. Вскоре полк выбил белых из деревни Удобное, захватив там четыре орудия, различное снаряжение и имущество.

23 декабря наши войска форсировали Северный Донец.

Незадолго до Нового года возвратился из госпиталя Н. А. Борисенко — любимец бойцов. С радостью узнали мы, что он назначается командиром 2-й бригады. П. Н. Александрова переводили в 4-ю бригаду. Новый комбриг рассказывал о положении в тылу, о жизни народа, интересовался обстановкой на фронте, нуждами и запросами подчиненных частей. Он быстро вошел в курс дела и приступил к исполнению служебных обязанностей.

Депикинцы предпринимали все, чтобы закрепиться в Донбассе. Они несколько раз собирали в ударный кулак остатки корпусов Мамонтова, Шкуро, Улагая, но желанных результатов добиться не смогли. Правда, иногда им удавалось приостановить наступление наших частей. Так было, например, в районе станции Попасная.

Белогвардейские войска, сосредоточенные в Никифоровке и Федоровке, получили приказ нанести контрудар в направлении станции Яма. 25 декабря завязался встреч-

ный бой. Под ударом оказался вырвавшийся вперед 81-й полк 3-й бригады. 77-й полк 2-й бригады теснили улагаевцы, поддержанные огнем трех бронепоездов. Вскоре его подразделения отошли к деревне Родионовке.

Комбриг А. Н. Борисенко принял экстренные меры. По его приказу во фланг противнику ударили два батальона 76-го полка, а южнее станции Выемка в тыл белым вышел 78-й полк. Обстановка резко изменилась в нашу пользу, когда кавалерийская дивизия О. И. Городовикова прорвалась на стыке 2-й пехотной дивизии белогвардейцев и конницы Улагая. Получив мощный удар, неприятель начал поспешно отступать, теряя живую силу и технику.

В последние дни декабря части Красной Армии одерживали одну победу за другой. Мы освободили, в частности, хорошо укрепленный пункт белогвардейской группировки в центре Донецкого бассейна — станцию Дебальцево. Белые отступили, оставив десятки вагонов с ценными грузами, массу порожняка. В плен сдался эскадрон конницы. А 30 декабря 9-я и 11-я кавалерийская дивизии овладели станциями Никитовка и Горловка.

Героически дрались за освобождение родных мест шахтеры, влившись в состав 9-й дивизии в трудное для нее время — в мае 1919 года. Среди них особенно отличились братья Петр и Николай Синиченко, Георгий Иващенко, Василий Харламов, служившие в команде связи, которую возглавлял В. Н. Калашников. Братья Петр и Семен Грищенко и Иван Сысоев мужественно воевали в артзвезде. Коммунист И. Д. Шитиков, будучи военкомом артдивизиона, был образцом отваги для своих земляков. Ратное умение показали и многие командиры, в том числе И. Г. Чаплин, М. А. Кабанов, Ю. С. Дабкин.

В бою за Горловку и Никитовку были захвачены три исправных бронепоезда со штабным вагоном, другая боевая техника и много пленных. Белые отошли к станции Иловайская. К 1 января 1920 года 9-я дивизия и 11-я кавалерийская овладели станциями Иловайская и Амвросиевка. На последней было взято в плен до девяти сот пленных, захвачены шесть орудий, двадцать пулеметов, несколько тысяч снарядов, двести повозок и много эшелонов с военным имуществом и снаряжением.

Боевые действия 9-й стрелковой дивизии во взаимодействии с кавалерией Первой Конной показали, что

Красная Армия имеет обладающие высокой боеспособностью части, руководимые опытными командирами и политработниками, вышедшими из рабочих и крестьян.

Выбросив деникинцев из Донбасса, ударная группа с целью окончательного разгрома остатков отступающего противника начала развивать наступление одновременно в двух направлениях. Конная армия двинулась к Ростову-на-Дону, а 9-я дивизия повернула к Таганрогу.

Вечером 6 января Таганрог был взят. Мы получили огромное количество трофеев: пятнадцать тысяч винтовок, сто пятьдесят пулеметов, шестьдесят тысяч снарядов, свыше шестидесяти орудий и бомбометов, больше двадцати танков и бронемашин. Армия Деникина была теперь разрезана на две части и лишилась основного порта, через который шло все ее снабжение.

Дул сырой азовский ветер. Развевались красные флаги. Трудящиеся города с радостью встретили наши войска. Состоялся митинг, на котором выступили представители подпольного ревкома города, военком 1-й бригады Г. Т. Таран. Последнюю речь в своей жизни произнес на этом митинге комиссар дивизии С. П. Восков. Через месяц он умер в таганрогском госпитале от тифа. Опережая события, замечу, что через восемь месяцев не стало и его боевого друга — начдива П. А. Солодухина, геройски погибшего на врангелевском фронте. По просьбе питерского пролетариата оба они похоронены в Ленинграде, на Марсовом поле.

Кипучая жизнь большевика Воскова оборвалась у азовских берегов. Но память о нем и сейчас живет в сердцах ветеранов 9-й стрелковой дивизии и ленинградских рабочих. Имя его носят сестрорецкий инструментальный завод, одна из улиц в городе Ленина и одна из войсковых частей Советской Армии.

...Белые закрепились под Батайском, выбить их оттуда было не так-то просто: Первая Конная армия в этих заболоченных местах оказалась скованной. Мы стали на отдых под Ростовом. В эти дни к нам прибыло пополнение. Бойцы получили снаряжение, обмундирование и обувь.

Реввоенсовет Южного фронта прислал подарки бойцам: куртки, портсигары, часы. Вручал их П. А. Солодухин. Это была наша последняя встреча с начдивом. Вско-

ре по предложению Г. К. Орджоникидзе он был отозван в распоряжение Реввоенсовета Кавказского фронта.

Новым начдивом был назначен Н. В. Куйбышев. Николай Владимирович вырос в Кокчетаве. В Омске он окончил кадетский корпус, мечтал поступить в Томский технологический институт, но помешала нужда. Семья была немалая: два брата и пять сестер. Николай Владимирович окончил Александровское военное училище. Потом — фронт. В декабре 1917 года, трижды раненый и контуженный, Куйбышев демобилизовался.

В июле 1918 года Николай Владимирович добровольно вступает в ряды Красной Армии. Член Высшей военной инспекции, комиссар 3-й стрелковой дивизии, командир 3-й бригады нашей дивизии. И вот — начдив. Военкомом дивизии был назначен старый большевик, гравировщик Григорий Тимофеевич Таран.

Хорошая боевая дружба накрепко связала этого профессионального революционера с кадровым офицером Куйбышевым. Энергичный, порывистый здоровяк Таран, казавшийся из-за окладистой бороды много старше своих тридцати двух лет, пользовался у бойцов редной популярностью. Прекрасно знающий жизнь города и деревни, он был неизменным советчиком бойцов во всех личных делах. За глаза в частях его часто называли Вородой и Батькой. Но эти сугубо гражданские ласковые прозвища не мешали Григорию Тимофеевичу быть строгим и требовательным начальником, прекрасным воспитателем, подлинным военкомом, способным в трудную минуту увлечь за собой красноармейцев, помочь им реализовать замысел начдива.

А Николай Владимирович был для Тарана замечательным учителем военного мастерства, наставником, как говорил Григорий Тимофеевич, «красной полевой академии». В боях под Ростовом и на Кубани военком Г. Т. Таран не раз делом доказывал, что время, проведенное вместе с начдивом над тактическим разбором боевых операций, не прошло для него даром.

Но это было позже, а пока 9-я стрелковая дивизия получила от вновь назначенного командующего Кавказским фронтом М. Н. Тухачевского приказ овладеть Батайском.

27 января разведчики нашего полка захватили в плен двух офицеров дроздовской дивизии. Из допроса стало

ясно, что для успешного проведения батайской операции необходимо прежде всего захватить хутора Городище, Обуховский и станицу Елизаветинскую. Эти населенные пункты как бы прикрывали подступы к Батайску и Койсугу. Не овладев ими, не стоило и помышлять об успешном продвижении на Азов.

Противник тоже прекрасно понимал значение этих важнейших оборонительных рубежей. Завязались жестокие затяжные бои, продолжавшиеся почти два месяца. Белые беспрерывно контратаковали наши части и, умело маневрируя, предпринимали отчаянные попытки сорвать наше наступление. Однако 24 февраля, когда денкиинцы оттянули часть своих войск к Ростову, начдив Куйбышев, воспользовавшись подходящим моментом, вместе с 15-й и 16-й стрелковыми дивизиями начал успешное наступление. Не выдержав натиска красных частей, оставив на поле боя много убитых, бросив артиллерию и обозы, противник в панике начал отходить к Батайску. Утром 1 марта наши войска форсировали Дон в районе Койсуга и, прорвав укрепленную линию Батайск — Азов, вышли на просторы Кубани.

Бушевала весна. По обочинам еще не просохших и разбитых дорог шли колонны наступавших частей. Воевой порыв был настолько велик, что даже раненые красноармейцы не покидали строя. Иногда в дорожной грязи застревали пушки. И тогда люди вытаскивали их на руках и снова продолжали идти на юг вслед за противником. Начальник штаба дивизии А. Я. Яновский (ныне генерал-майор в отставке, профессор) с удовлетворением отмечал на оперативной карте-трехверстке пройденный путь. Красная стрела все более приближалась к Черноморскому побережью.

2 марта конный партизанский отряд Лукомского, приданный нашей бригаде, лихим ночным налетом овладел станицей Ново-Николаевской, захватив триста пленных. Затем части 9-й дивизии начали преследовать белых,ходящих к берегам реки Ея. Наша задача состояла в том, чтобы не дать им закрепиться на этом рубеже. Однако, вопреки нашим расчетам, денкиинцы под прикрытием сильных заслонов и банд из местных реакционных элементов оторвались от наших частей и заняли оборону на левом берегу реки.

С левого берега Ея на нас обрушился шквал огня.

Восемь часов длился бой 1-й бригады и партизанского отряда Лукомского за станицу Шкуринскую. Лишь к вечеру 73-й полк овладел горящим мостом и при свете пожарниц занял станицу. В образовавшийся прорыв устремились остальные части нашей дивизии.

5 марта мы остановились на короткий отдых в хуторе Верном. Комбриг произвел смотр нашему полку и остался доволен им. Затем перед бойцами с докладом о текущем моменте выступил Григорий Тимофеевич Тараи, занимавший должность комиссара дивизии.

После короткого отдыха мы снова двинулись в поход. Столкновения с противником носили характер коротких стычек. Белые отступали на юг, уже не в силах оказывать нам серьезного сопротивления.

18 марта у станицы Славянской денкиинцы уничтожили переправу через реку Протоку и, используя выгодные условия открытой местности, сильным артиллерийским и пулеметным огнем остановили дальнейшее продвижение нашего полка и других частей дивизии. Ночью переправа была восстановлена, и на рассвете в станицу ворвались 79-й полк и наши конные разведчики А. Г. Шевченко и пулеметчики Л. Г. Галета.

А через два дня мы вышли к Кубани. Над могучей рекой, давшей название целому краю, стелился вешний туман. Ни моста, ни парома белые, конечно, не оставили. Я приказал начальнику полковой разведки послать людей в ближайшие станицы и собрать побольше лодок. Белогвардейцы считали себя вне досягаемости, но они просчитались. Мы переправились через Кубань, окружили станицу Варениковскую и ударили по противнику, засевшему в ней. Началась паника. Часть денкиинцев бежала в сторону Анапы, остальные оказали слабое сопротивление.

Во время боя вновь отличился красноармеец конной разведки Аким Сильченко, имя которого стало известно всей дивизии. В разведке он встретился с тремя белыми конниками. Не растерявшись, обезоружил их и захватил в плен вместе с лошадьми, пулеметом и ящиками с пулеметными лентами. За отличия в этом и других боях Сильченко был награжден орденом Красного Знамени.

В этом же бою отличился и командир пулеметного взвода нашего полка Г. И. Гаркуша. Григорий Иванович был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Вместе с нашими бойцами в станицу Барениковскую ворвался с командой конных разведчиков 80-го полка начальник связи 3-й бригады Д. М. Добыкин. Он связался по телеграфу с начальником штаба белогвардейского корпуса генерала Кутепова, выдав себя за дежурного офицера связи. «Доложив» обстановку, он вызвал подкрепление, в том числе батарею английских тяжелых орудий, которые, не сделав ни одного выстрела, попали в наши руки. Продолжая поддерживать связь со штабом белых, Д. М. Добыкин сумел получить важнейшие сведения, раскрывавшие план эвакуации уцелевших деникинских частей. За эту блестящую операцию лихой командир был награжден орденом Красного Знамени.

Вскоре наш полк вместе с 79-м полком 3-й бригады на подводах был спешно брошен в направлении станицы Гостогаевской. Остальные части 9-й дивизии перекрыли дороги на Тамань, вынудив белых отступить в желательном для нас направлении.

24 марта вместе с конниками 16-й кавалерийской дивизии 78-й и 79-й полки, полностью уничтожив атаманский (гвардейский казачий) полк белых, овладели Анапой. Перед нами катились волны Черного моря, о котором бойцы мечтали многие месяцы, проведенные в боях и походах.

Три дня спустя мы были уже в Новороссийске, в освобождении которого участвовали полки 1-й бригады и кавалерийский полк И. Г. Чаплина 9-й дивизии. Я, как штабной командир, отправился с конными разведчиками на поиски особняка, где еще несколько дней назад был штаб Деникина.

...Через выбитые стекла ветер проникал в пыльные залы и ворошил брошенные в беспорядке бумаги. Чего тут только не было: приказы, реляции, рапорты. Никому это было теперь не нужно. С Деникиным было покончено навсегда.

Полки, рожденные в пламени боев с контрреволюцией, пронесли Знамя свободы от Орла до самого края кубанской земли.

И. А. Чуев

И. Н. Шевченко

П. А. Солодухин

Ф. Ф. Лыткин

РЕЙДЫ ЧЕРВОННЫХ КАЗАКОВ¹

В конце 1917 года головной атаман войск Центральной рады (впоследствии Украинская народная рада) Симон Петлюра создал «Вільне казачтво» — отряды кулацкой белой гвардии. В противовес «Вільному казачтву» в Харькове по распоряжению Украинского народного секретариата (Украинское рабоче-крестьянское правительство) 27 декабря 1917 года организовался 1-й полк червоного (красного) казачества Украины. Он был укомплектован добровольцами — харьковскими рабочими, крестьянской молодежью и солдатами Харьковского гарнизона.

В январе 1918 года 1-й полк червоного казачества взял Полтаву. Там он разделился: один пеший батальон направился на Кременчуг, другой был оставлен в Полтаве, а конный полк в составе двух сотен под моей командой двинулся на Киев.

Переправившись по льду через Днепр у Межигорья, мы заняли Куреневку, в районе которой находился авиапарк противника, который имел двенадцать самолетов.

В Киеве полк вырос до трех конных и пулеметной сотен, и в этом составе под натиском оккупационной германской армии вел арьергардные бои. Отступив к Дону, червоновые казаки приняли участие в подавлении восстания красновцев.

В мае 1918 года наш полк, охранявший украинское правительство, был переброшен через Царицын в Москву, затем — в Почеп, что на Черниговщине.

В августе в Черниговской губернии вспыхнуло восста-

¹ Впервые опубликовано в сборнике трудов Военно-научного общества при Военной академии (кн. 2, М., 1922). Печатается в сокращенном виде.

Н. В. Куйбышев (в центре) с бойцами и командирами у захваченного вражеского танка

ние против немцев и гетмана. Червонные казаки перешли в район Новгород-Северска и начали партизанскую войну. Постепенно вокруг нас выросло несколько партизанских полков, из которых в октябре 1918 года сформировалась 1-я Украинская повстанческая дивизия, возглавляемая Николаем Щорсом.

В ноябре 1918 года червонный казачий полк был переброшен на харьковское направление и через два месяца участвовал во взятии Харькова. Затем мы приняли участие в походе против Петлюры от Харькова до Александрии, после чего нас перебросили на Подолию.

К февралю — марту 1919 года полк уже насчитывал шесть сотен по сто восемьдесят сабель и две батареи — конно-полевую и конно-горную. В этот период мы сделали рейд на Старо-Константинов, Изяслав, Острог-Волынский, во время которого взяли две с половиной тысячи пленных, штаб корпуса и несколько знамен сечевых полков Галицкой армии.

В мае 1919 года из Подолии 1-й полк червонного казачества был переброшен на деникинский фронт, в район станции Лозовая. Рейдом на Кегичевку, что к югу от Константинограда, мы отбросили противника, преследовавшего наши части, и на две недели задержали его продвижение. За счет добровольцев полк развернулся в бригаду. Первым полком командовал товарищ Григорьев, вторым — Потапенко.

В августе — сентябре мы прибыли к Чернигову и в течение нескольких недель обороняли город от превосходящих сил Добровольческой армии Деникина.

В октябре бригаду червонного казачества в составе тысячи семисот сабель и двух батарей перебросили под Орел. Войдя в состав ударной группы, она вместе с латышскими в упорных боях на реке Крома приняла участие в разгроме корпуса генерала Кутепова.

В ноябре 1919 года бригада была развернута в 8-ю кавалерийскую дивизию червонного казачества и затем, сделав рейды на орловском направлении, победным маршем прошла от Орла до Перекопа. За бои под Орлом получила Почетное знамя от ВЦИК и от Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов.

25 марта и 14 апреля 1920 года червонные казаки имели крупные схватки с конницей генерала Морозова. Шесть наших полков выступили против девяти неприятельских,

поддержанных двумя танками и эскадрильей самолетов. Враг потерпел поражение и был отеснен за вал.

В мае походным порядком нас перебросили на Подолию, а в июне под населенным пунктом Старая Синява конной атакой четырех полков мы нанесли удар по белополякам и разгромили пять батальонов их пехоты. Затем дивизия взяла направление на Проскуров, перешла порог Галиции — реку Збруч и совершила бросок на Тернополь. Форсировав реку Серет, казаки двинулись на Стырь и приняли участие в боях у города Рогатин.

Уходя с частями Красной Армии из Галиции в сентябре 1920 года, дивизия была окружена, но, разгромив у селения Шумляны семь батальонов польской пехоты и захватив семь орудий, пашками проложили себе дорогу и вышла из окружения.

1 ноября из 8-й и 17-й дивизий был сформирован 1-й конный корпус червонного казачества. В ноябре — декабре корпус принял участие в походе против Петлюры, во время которого взял шесть тысяч семисот пленных. После заключения с Польшей мира мы приступили к ликвидации банд на Подолии и Левобережной Украине.

Таков общий обзор боевого пути червонного казачества.

Добровольческая армия Деникина, разбив на берегах Дона части Красной Армии, триумфальным маршем шла от Харькова к Орлу.

Расстроенные длительным преследованием противника, потерявшие связь между собой, красные части не могли организовать сопротивления. Тылы были разрушены конницей генерала Мамонтова. Отдельные случаи измены старых офицеров вызвали среди солдат недоверие к командирам и усилили панику.

В октябре под натиском дивизий Корнилова и Маркова пал Орел.

14-я армия, занимавшая участок Орел, Брянск, была усилена латышской стрелковой дивизией во главе с товарищем Мартуевичем, отдельной пластунской бригадой под началом товарища Павлова и 1-й червонной казачьей бригадой под моей командой. Таким образом, в районе Карачев, Шахово сосредоточился кулак в 10 000 пштыков и 1500 сабель при мощной артиллерии (до 80 орудий). Все названные части были объединены в ударную группу, которую возглавил Мартуевич.

Командование решило нанести удар во фланг и тыл противника, действуя от Карачева в юго-восточном направлении на Кромы и далее к станции Еропкино и город Малоархангельск. Правый фланг и тылы ударной группы должны были обеспечить наши части, действовавшие в районе Дмитровска. Предполагалось не только отбросить противника от Орла, но и уничтожить его живую силу.

Выяснить точное расположение неприятеля и его численность поручили нашей бригаде. С этой целью казаки двинулись в юго-восточном направлении, на Кромы. В двадцати верстах от города, у села Мелихово, 1-й червонный казачий полк атаковал 2-й батальон пехоты противника, входивший в состав Самарского стрелкового полка, и пленил до двухсот солдат, тридцать офицеров, взял трофеи — двенадцать пулеметов. В числе убитых был батальонный командир. Из опроса пленных удалось установить, что на участке Дмитровск, Кромы, Орел действуют дроздовская, корниловская и марковская дивизии.

Успешное дело у Мелихово чрезвычайно ободрило наши части. Командование, получив необходимые сведения о противнике, теперь имело возможность четко спланировать боевые действия.

Вскоре латышские стрелки завязали встречный бой с дроздовцами на участке Кромы, Орел, уничтожили их и, повернув правым плечом, повели наступление в общем направлении на восток. Тыл латышской дивизии прикрывала червонная казачья бригада, стоявшая уступом за правым флангом. Одна бригада латышской дивизии от села Спасское и местечка Быстрица была повернута фронтом на северо-восток и ударила в тыл Орловской группе противника. После нескольких дней упорных боев белые оставили Орел и отошли к югу, на линию Еропкино — Кромы — Дмитровск. Однако здесь они не смогли удержаться и, теснимые нашими войсками, отступили на рубеж Еропкино, Ломовец, Дмитровск (все пункты верстах в 20 южнее Кром).

Бои на участке Орел, Кромы длились около двух недель. Латышские стрелки потеряли около пятидесяти процентов своего состава. Противник оставил на поле боя значительно большее количество солдат и офицеров, свои обозы и артиллерию.

Деникинцы, получив подкрепление — бронемашины и войска, на отдельных участках обороны перешли в на-

ступление. Командир бригады латышской дивизии товарищ Калинин, назначенный вместо Мартузовича, перегруппировал подчиненные ему части. Левый фланг наших войск (участок Еропкино, Никольское) занимала бригада пластунов Павлова; на участке Никольское, Чернь, Ждановка стояла латышская дивизия; червонные казаки находились за латышским флангом, в районе сел Жирятин, Клессово; западнее латышей была 7-я стрелковая дивизия, восточнее пластуновской бригады — эстонская дивизия.

Бои на всем фронте шли с переменным успехом. Продолжалась упорная борьба за захват инициативы.

Товарищ Калинин затребовал от штаба 14-й армии подкреплений. Вскоре в штаб ударной группы прибыли командарм И. П. Уборевич и член Реввоенсовета Г. К. Орджоникидзе. Они созвали совещание, на котором присутствовали Калинин, Павлов и я. Командарм сделал краткий доклад о положении на фронте. Он сообщил, что резервов у нас нет и придется обходиться теми силами, которые имеются в наличии.

Я внес предложение пробить брешь на участке Чернь, Чернодье, бросить в этот прорыв нашу конницу и, соединив казачий рейд с ударом по фронту, сломить дроздовцев и корниловцев. Предложение было принято. Командарм приказал усилить казачью бригаду латышским кавалерийским полком и полком из состава кубанской бригады, стоявшей у Дмитровска.

В течение суток эти части были сведены в конную группу, которая впоследствии стала называться 8-й червонной казачьей дивизией. Насчитывала она до тысячи семисот сабель. Командовать ею поручили мне.

В рейд я приказал взять 1500 сабель, 32 пулемета на тачанках, 6 орудий при 6 зарядных ящиках, 16 патронных двуколок, 16 санитарных тачанок, 4 подрывные и 2 интендантские повозки. На руки каждый всадник получил 250 патронов и ручную гранату. На каждую сотню было выдано по 8 пироксилиновых пашек. 1-й червонной казачьей бригадой командовал Григорьев, 2-й сводной — командир латышского полка Крыльян.

2 ноября части латышской дивизии занимали высоты к северу от сел Хитровка, Чернь, Чернодье, Жерновец, а от села Жерновец линия фронта тянулась к северо-востоку, в направлении станции Еропкино (по линии Орел — Курск). Командарм Уборевич приказал оставить на всем

участке дивизии одну бригаду, две остальные скрытно от противника сгруппировать на участке Чернь, Чернодье и их силами в полосе шириной восемь верст прорвать фронт в расходящихся направлениях — с севера на юго-восток и на юго-запад. В прорыв должны ворваться червонные казаки и, развивая наступление, шапками проложить себе дорогу к вражеским тылам в районе Поньрей и Фатежа, разрушить железнодорожную линию Орел — Курск, тылы дроздовской и корниловской дивизий, затем нанести удар фронтным частям противника с тыла в направлении станции Дьячья.

Одновременно с нашим рейдом было приказано всем пехотным частям армии перейти в самое энергичное наступление.

Штаб группы, передислоцировавшийся в село Рыжково, приказал: 1-й и 3-й латышским бригадам 3 ноября в пять часов без выстрела атаковать Чернь и Чернодье, штыковым ударом выбить противника и развивать успех 3-й бригадой в направлении Ефратово, а 1-й — в направлении на Хитровка, Плоское; червонной казачьей дивизии выступить в четыре часа из Волобуево, Чувардино, в шестом часу ворваться в прорыв фронта противника между Чернью и Чернодьем и, двигаясь в южном направлении, выйти к тылам противника.

Я разъяснил казакам обстановку и поставил задачу: «Окружения не бояться, шапки всякое кольцо разрубят, выдавать себя за дивизию генерала Шкуро, звезды снять, штандарты и знаки свернуть и одеть в чехлы; имеющим погоны — надеть их; начальников величать по чинам, в пути крестьянам объяснять, что мы — шкуровцы, отступаем с фронта, что скоро придут следом красные и везде будут Советы».

В назначенное время латышские стрелки разорвали фронт противника. В образовавшийся прорыв (по полевой дороге между селами Чернь и Чернодье) устремилась червонная казачья дивизия. Шапечным ударом она сбила небольшие вражеские заставы и двинулась на Покровское. Рота пехоты, занимавшая это село, была уничтожена авангардной сотней 1-го полка.

На подходе к Покровскому противник открыл по дивизии, вытянувшейся в одну колонну, перекрестный артиллерийский огонь. Это внесло некоторое замешательство в головной полк. Вместе со своим штабом я выехал на холм,

мимо которого шла колонна, и приказал полку двигаться в соседнюю балку рысью церемониальным маршем.

3-му Кубанскому полку предстояло совершить набег на Фатеж, после чего идти в Ольховатку. Артиллерию распределил так: 1-й бригаде придал батарею, 3-му полку — взвод.

План был несколько рискован, так как силы конницы дробились, но в случае успеха он должен был произвести большой эффект.

4 ноября к 12 часам дня дивизия прибыла в Ольховатку. Там я оставил штаб и латкавполк, а сам с 1-й бригадой направился в село Поньри. Пленные показали, что на станции Поньри стоят бронепоезд, эшелоны с пехотой и обмундированием.

1-й батарее было приказано открыть огонь по станции и бронепоезду, а 1-й бригаде идти в атаку. После часового боя мы овладели станцией Поньри и захватили шестьдесят вагонов с обмундированием. Бронепоезд противника вынужден был уйти в сторону Курска.

Из трехсот восьмидесяти освобожденных нами пленных красноармейцев мы сформировали роту, посадили ее на подводы и назначили в качестве прикрытия к 1-й батарее. Подрывная команда вывела из строя все стрелки и крестовины, в двенадцати местах взорвала железнодорожное полотно.

Эскадрон латышского кавполка взял станцию Вozy, взорвал все крестовины и стрелки, пленил коменданта. 3-й Кубанский полк к 13 часам подошел к Фатежу и, открыв белгий артогонь, ворвался в конном строю в город. Караульная команда и офицерская рота не успели изготовиться к бою и были изрублены. Казаки захватили два бронетрактора и два 8-дюймовых орудия, освободили из тюрьмы сто красноармейцев и советских работников. Разправившись с полицией и запрятавшимися офицерами, 3-й полк возвратился ночью в Ольховатку, где уже была вся дивизия.

На другой день после набега на Поньри, Фатеж противник начал спешно эвакуировать Курск и Льгов. Курский губернатор с экстренным поездом выехал в Харьков «по делам службы»...

Я уже говорил, что латышская дивизия сдала дроздовцам Чернь и Чернодье и была сбита с позиции на участке Жерновец, Ретяжи. Пластунская бригада Павлова и

2-я латбригада отошла к северу на несколько верст по всему фронту. Но встревоженный появлением конницы на своих тылах по шоссе Кромы — Фатеж, противник вечером 3 ноября приостановил наступление, а вечером 4 ноября стал свертываться в колонны и отходить. В ночь на 5 ноября латдивизия по всему фронту заняла позиции противника и затем начала преследовать его.

На рассвете 5 ноября я выслал разъезды на Поньри, Малоархангельск, Битюк, Подоляне, Свапские дворы. Один из них донес, что по шляху село Архангельское — Поньри движутся три батальона противника и восемь орудий. Впереди пехоты идет около полка конницы.

Я принял решение вывести дивизию через село Тагин на станцию Дьячья и ударить по неприятелю с тыла. В качестве бокового арьергарда выделил латышский кавалерийский полк. Успешное осуществление этого плана привело бы к соединению червонных казаков с латышскими стрелками.

О принятом решении я доложил командарму по проводу, а свой приказ и донесение о боевых действиях дивизии за два дня направил в штаб одного из латышских полков. Эти документы были доставлены командиром взвода 4-й сотни 1-го полка Лизогубом.

Из Ольховатки мы двинулись на Сабуровку, затем на Битюк, Подоляне. Получив донесение, что в селе Тагин стоит штаб 1-го корниловского полка с небольшим прикрытием, я приказал готовиться к атаке. В результате палета мы уничтожили до двухсот солдат противника и захватили канцелярию вражеского полка. Остатки знаменной офицерской роты ускакали в село Сеньково.

Высланные на станцию Дьячья и в Архангельское разъезды донесли, что в село Воронеж прибыли латышские стрелки, идущие на Тагин, и что Архангельское занято крупными силами противника. От пленных мы узнали, что 1-й корниловский полк отступает на Поньри. Я решил вести параллельное преследование противника и, если возможно, обогнать его и дать бой при поддержке латышских стрелков.

В четыре часа 6 ноября дивизия выступила на Битюк, Подоляне, Сабуровку и к семи часам прибыла в Сабуровку. Разъезды донесли, что сюда же идут корниловцы. Из допроса пленных стало известно: противник должен за-

нять участок Поньри, Сабуровка, Сванские дворы и обороняться по линии реки Свапа.

К этому времени части нашей дивизии располагались следующим образом: латкавполк и 2-й черказполк с батареями находились в Сабуровке; 1-й и 3-й полки — в Самодуровке; от 1-го и 3-го полков по сотне было выдвинуто в села Петроселки и Теплый Колодезь; латстрелкам предстояло ударить по врагу со стороны Битюк, Подоляне.

Густые цепи корниловцев подошли к Сабуровке со стороны Александровки. Спешенные эскадроны латкавполка, расположенные за избами и гумнами на восточной окраине села, встретили противника огнем. По моему распоряжению дивизион 2-го черказполка без пулеметов обошел корниловцев с фланга. Другой дивизион этого полка зашел со стороны Битюк, Подоляне, связался с двумя ротами подоспевших латышских стрелков и совместными усилиями ударил по противнику. Используя все наличные силы, я вызвал из Самодуровки 1-й полк.

Корниловцы вели по Сабуровке сильный огонь из шести легких и двух шестидюймовых орудий. Цепи неприятеля перебежками подходили к селу. На его артогонь отвечали орудия 1-й конной полевой батареи. В это время командир латкавполка доложил мне, что спешенные эскадроны с трудом выдерживают натиск врага. Я вызвал два орудия полевой конной батареи и направился к спешенным эскадронам латышей. Взвод открыл беглый огонь картечью и гранатами по растерявшейся пехоте противника.

Увидев замешательство корниловцев, командир латкавполка Крышьян скомандовал:

— Коноводы, коней!

Но прежде чем были поданы кони, конно-пулеметная команда 2-го черказполка и конные пулеметы латышей карьером вынеслись из села, повернули тачанки и из шестнадцати стволов открыли огонь по пехоте противника. За ними ураганом мчались четыре эскадрона латышей. В это время на фланге противника из балок вынеслись две сотни 2-го черказполка и с гиком кинулись в атаку. По другому флангу ударил 1-й дивизион 2-го черказполка.

Через несколько минут громадное снежное поле было взрылено конскими копытами и усеяно трупами. Артиллерия подготовила успех, конные пулеметчики и всадники завершили победу. Была разбита лучшая пехотная часть

Деникина — 1-й корниловский офицерский полк. В бою взято пять полевых трехдюймовых орудий, два шестидюймовых орудия и большой обоз. Пленных не было — в те критические дни их не брали.

В результате нашего рейда в армии утвердилось наступательное стремление, окрепла уверенность в победе над противником. Была освобождена территория от линии Чернь — Жерновец до реки Усож на сто верст в глубину.

Разбитый под Орлом, 1-й корпус Добровольческой армии (дроздовцы, корниловцы, марковцы) под командой генерала Кутепова укрепился по линии станция Возы — Фатеж — река Усожа — Дмитриев. Латышская дивизия не смогла прорвать оборону противника. Дроздовцы перешли в наступление на станцию Кемаричи и принудили к отходу нашу 7-ю стрелковую дивизию.

Червоная казачья дивизия находилась в это время в районе Петраселка, Молотычи. Убедившись, что мы готовы к новым боям, командующий 14-й армией товарищ Уборевич приказал прорваться на участке города Фатеж и совершить набег на Льгов. Льговский железнодорожный узел имел крупное стратегическое значение: от него расходились пути на Курск, Брянск, Харьков, Коренево. Этот пункт был опорой для дроздовцев и корниловцев. Разрушение Льговского узла означало бы разгром корпуса Кутепова.

13 ноября 1919 года червоная казачья дивизия сосредоточилась в селах Нижний, Реут-Путчина, что в десяти верстах северо-западнее Фатежа. Высланная разведка обнаружила части пехоты противника на реке Усож — в селах Тарасовка и Солдатское. Мы договорились с командиром латышской бригады товарищем Стуцка о том, что его стрелки прорвут вражеский фронт у села Солдатское, а червоная казачья дивизия войдет в прорыв и, распыряя его, направится на Льгов.

На рассвете 14 ноября латышская бригада выбила противника из села и продолжила наступление на Фатеж, Миролобово. На остальных участках бои шли с переменным успехом: бушевала снежная вьюга, затруднявшая операцию. Казачья дивизия, как было предусмотрено заранее, в одной колонии пошла на Льгов. Мы имели

1900 сабель, 32 пулемета «Максим» на тачанках, 6 орудий при 6 зарядных ящиках, 32 патронные двуколки, 16 санитарных тачанок, 2 троечные повозки с патронами и 4 с подрывным имуществом. Всего у нас было 88 повозок.

У села Репинка наши разъезды обнаружили батальон пехоты противника. Пользуясь тем, что бушевала снежная буря, мы прошли мимо неприятеля: вступать с ним в бой не было смысла.

За восемнадцать часов мы преодолели свыше пятидесяти верст необычайно сложного пути. К двум часам 15 ноября 1-й черказполк достиг Ольшанки, штадив и 2-й черказполк остановились в Мармыжах, 3-й черказполк и латышский полк расположились в селе Костельцево.

Вступив в село Ольшанка, 1-й черказполк захватил сто неприятельских солдат и офицеров, восемь пулеметов «максим» и сорок повозок. От пленных мы узнали, что во Льгове имеется пехота и артиллерия противника, на станции стоят несколько эшелонов с имуществом и штаб Май-Маевского, по линии Льгов — Брянск курсируют бронепоезда.

Я приказал латышскому полку и кубанцам при поддержке взвода артиллерии с рассветом 15 ноября атаковать Льгов со стороны села Кочетно, взять город и станцию, разрушить пироксилином железнодорожный узел, после чего кубанцам расположиться в Кочетно, а латышским стрелкам — в Подгорной и Нижней Деревеньке. 1-й черказполк под командой комбрига Григорьева получил задание атаковать село Морица и взорвать мост через реку Котловец. 2-й черказполк, остававшийся в резерве при штадиве в селе Мармыжи, должен был высылать разъезды на линию Черемошня — Колесово — Черный Колодезь и выделить сотню для взрыва моста через реку Реут у села Пенн.

Части выступили в 9 часов. 2-я бригада под командой Крышьяна вышла к селу Кочетно, открыла артиллерийский огонь по Льгову, затем подтянула орудия ближе к городу и продолжала обстрел. Здесь товарищ Крышьян допустил ошибку, не использовав внезапности нападения. Этим воспользовался Май-Маевский, который вместе со своим штабом успел бежать в Суджу.

После короткой артиподготовки 2-я бригада атаковала Льгов. Кубанцы и латыши ворвались в город и начали

рубить вражескую пехоту. Противник попытался задержаться за мостом, ведущим в Нижнюю Деревеньку, но два спешесных эскадрона латышей ружейным огнем выбили его. Кубанцы карьером прошли мост, уничтожая отступающего врага, и вместе с вновь посаженными на коней латышами ворвались на станцию.

В городе взято до семисот пленных, три орудия и много пулеметов. На станции захвачено до двухсот вагонов с военным имуществом и обмундированием. Кубанцы, преследуя белогвардейцев до села Благодатное, отбили большой обоз. Подрывная команда взорвала мосты через реку Атака и на железной дороге. Второй мост упал и забаррикадировал линию Льгов — Курск.

1-й червонный казачий полк в 11 часов атаковал село Морица, но артогнем бронепоезда, подошедшего от Дмитриева, был выбит и успел лишь взорвать небольшой участок пути. Бронепоезд исправил полотно и через Льгов прорвался на станцию Ортаково. Полк отошел в направлении Дмитриевское, Ольшанка.

Один взвод 1-го полка, посланный по большаку на село Панкеево, встретил роту дроздовцев, имевшую четыре орудия. Противник был уничтожен и частично пленен. Операция сотни, высланной в село Пены для взрыва моста, успехом не увенчалась. В селе Глушково она была встречена пулеметным огнем вражеской пехоты и после перестрелки отошла в Кезлю.

К вечеру 15 ноября дивизия выполнила основную задачу. Льговский узел был разрушен, взято до восьмисот пленных, семь орудий, двести вагонов с амуницией, обмундированием и продовольствием и несколько локомотивов. Мы отрезали пути отхода дроздовской дивизии и лишили ее связи с высшим командованием.

Фронтвые части противника еще не знали о нашем рейде, и отсутствие связи со Льговом приписали снежной буре, бушевавшей пот уже несколько дней. Мы были уверены, что, узнав о захвате Льгова, противник начнет отступать. Поэтому решили выждать его и со свежими силами дать бой. Для того чтобы внести панику в ряды вражеских фронтных частей и внушить им представление, что конница каждую минуту может обрушиться на них, я выслал на север, к фронту, семь крупных разъездов. Их задача состояла в том, чтобы войти в соприкосновение с пехотой противника, завязать перестрелку, попытаться

захватить пленных, после чего стойти, произведя как можно больше переполоха в неприятельском тылу.

К утру 17 ноября разъезды выполнили боевое задание. Они дошли до линии Присветова — Велица — Узник — Шуклино, где встретили уже отходящего противника, и привели пленных. Теперь белогвардейцы думали не столько об организованном сопротивлении, сколько о том, как бы поскорее уйти из-под удара нашей конницы.

Предполагая начать бой с отступающим противником, я подтянул в село Мармыжи 1-й и 3-й черказполки, а латышский кавполк вывел из Льгова в село Кочетно. В городе оставил только один эскадрон. От 2-го полка были посланы разъезды на Клессово, Черный Колодезь.

Вскоре разъезды донесли, что три батальона пехоты белых заняли Кастельцево. Я приказал 2-му полку атаковать это село со стороны Журавлинка, Мармыжи, 3-му полку ударить со стороны села Рогово и окружить противника. Одна сотня 3-го полка была выделена в село Кезля для наблюдения за участком Котиево, Клессово, Черный Колодезь.

Пересеченная лабиринтом диких оврагов, местность не позволяла действовать в конном строю. 1-й черказбатарею было приказано открыть огонь из села Мармыжи по Кастельцево.

Командир дивизиона донес, что для боя можно использовать захваченную у противника вместе с офицерами, прислужкой и снарядами исправную 45-линейную гаубицу. Я вызвал офицеров и предложил им свободу, если они будут стрелять по своим. Офицеры согласились. Через полчаса гаубица открыла огонь по Кастельцево и меткими выстрелами сбила колокольню, на которой располагались пулеметы противника.

В 13 часов из Клессово прискакал казак с донесением, что на Запрудье, Кастельцево идет батальон пехоты противника. Его оружие лежит на подводах. Представлялся удобный случай отбить обоз у неприятеля и обезоружить его. Для выполнения этой задачи я послал сотню 1-го полка. Одновременно о движении противника известил командира 2-го полка товарища Потапенко.

Только сотня успела выйти из Мармыжей на Клессово, как прибыл взвод, бывший в разъезде, и привел с собой обоз с четырьмястами винтовками и пленного офицера.

Батальон дроздовцев из-за снежной бури не заметил наших казаков и ушел в Кастельцево без орудия.

В Кастельцево, таким образом, собрался весь 2-й дроздовский полк. После артиллерийской перестрелки 2-й и 3-й червонные казачьи полки пошли в пашки, охватив Кастельцево с трех сторон. Село было взято, захвачено до тысячи пленных, в том числе тридцать шесть офицеров, и два орудия. Знаменная рота ушла со знаменем на Волванку, Кривоторовку. Мы потеряли в этом бою сорок человек убитыми и ранеными.

В течение ночи в разных местах разъездами были захвачены отдельные группы дроздовцев. В овраге возле села Кастельцево найдены брошенные знаменной ротой два орудия без замков.

В 7 часов 18 ноября застава, стоявшая в селе Кудинцево, была атакована и выбита пехотой противника численностью до полка. Затем враг двинулся на Льгов, выбил оттуда два эскадрона латышей и через Нижнюю Деревеньку ушел за реку Сейм. Командир латышского полка выступил в погоню, взял несколько пленных и часть обоза. Было выяснено, что через Льгов на юг прорвался 1-й офицерский дроздовский полк под командой полковника Туркула.

Утром 18 ноября мы узнали о взятии нашими войсками Курска и о том, что от него в сторону Льгова один за другим движутся пять бронепоездов противника. Вскоре они начали обстреливать город. Чтобы отрезать им путь отступления, я распорядился выслать две сотни 2-го полка червонного казачества с задачей взорвать мост через Реут у станции Лукашевка.

1-му полку и штадиву было приказано перейти в село Речица, латышскому полку — в Городянк, 2-му казачьему полку — в Угоны, 3-му — в Глушково. Один дивизион латышского полка должен был препятствовать высадке десанта из бронепоездов, другой — препятствовать исправлению обрушенного моста.

Дивизия сосредоточилась в указанном районе к 16 часам. Артиллерию мы разместили в балках впереди сел Борисовка и Городянк. Она открыла огонь по рабочим, исправлявшим мост и путь, и обстреляла бронепоезда. Около 17 часов возле станции Лукашевка было взорвано железнодорожное полотно.

Пять бронепоездов попали в ловушку и, пытаясь на-

щупать наши части, открыли из двадцати пяти орудий сильный, но беспорядочный огонь по селу и оврагам. Я принял решение ночью в пешем строю атаковать бронепоезда. Экипажи бежали на юг, а сами бронепоезда были взяты червонными казаками и пехотой 44-й стрелковой дивизии без боя. На двух из них были подорваны орудия, остальные захвачены в полной исправности. Бронепоезд «Генерал Дроздовский» переименовали в «Червонный казак», и через две недели он громил дроздовцев на путях к югу от Харькова.

В ночь на 19 ноября мы установили связь с латышской дивизией в Фатеже, куда были направлены все пленные и трофеи.

В результате успешного завершения льговского рейда в частях 14-й армии еще больше окрепла уверенность в победе над белогвардейщиной. Солдаты же и офицеры корпуса генерала Кутепова были морально совершенно подавлены, и во время дальнейшего преследования целые батальоны без боя сдавались в плен.

Противник потерял до 500 человек убитыми, 11 орудий, 5 пулеметов, 5 бронепоездов, до 200 вагонов со снабжением. Во время рейда от белогвардейцев освобождена территория от Фатежа до Суджи на 150 верст в глубину.

КОГДА БУШЕВАЛИ ВИХРИ

Это было чрезвычайно тяжелое время. Под напором превосходящих сил противника 30 июля 1919 года 10-я армия, измотанная в непрерывных боях, оставила Царицын. Белогвардейские полки барона Врангеля теснили наши отступающие войска. 38-я Морозовско-Донецкая дивизия, в которой я был комиссаром, а также 28, 37 и 39-я дивизии отошли к немецкой колонии Таловка, что в сорока километрах от Саратова. Закрепившись на этом рубеже, мы стали приводить в порядок свои потрепанные части.

Противник, поставивший перед собой задачу овладеть Саратовом, бросал против нас свои конные полки, стремился навязать свою волю и сломить сопротивление красноармейцев. Но воля защитников молодой Республики Советов была негибкой. Отбивая бешеные атаки врангелевцев, наша дивизия одновременно принимала в свои ряды свежее пополнение. В ее состав влились пять кавалерийских полков под общим командованием опытного, испытанного в боях командира — Михаила Филипповича Лысенко. Кроме того, мы получили тридцать пушек и отряд моряков. Это была внушительная сила.

Командарм Л. Л. Клюев поставил войскам задачу прорвать фронт в районе села Французское, на стыке 28-й и 37-й дивизий, и наступать, не давая противнику передышки.

Перед началом наступления командир нашей дивизии Н. В. Харченко и я побывали во всех полках и проверили готовность красноармейцев и командиров к бою. Настроение личного состава было приподнятым, люди рвались в схватку с ненавистным врагом, горели желанием освободить от белого ига захваченную территорию, восстановить там родную Советскую власть.

Начальник артиллерии дивизии П. М. Гетман, прославленный герой гражданской войны, и начальник дальноточных орудий К. Г. Яблочкин вникали буквально во все мелочи, связанные с боевой готовностью подчиненных им командиров и красноармейцев. Они проверили состояние артиллерийского парка, наличие боеприпасов, слаженность расчетов, заинтересовались, правильно ли определены секторы обстрела и порядок взаимодействия огневых средств.

Получив указания своих непосредственных начальников, большую подготовительную работу провели с бойцами командиры эскадронов Г. Т. Меркулов, П. Н. Хомутов, З. Я. Скрипченко, Д. И. Андреев. Многие сделали и политические работники: комиссар штаба дивизии И. Ф. Немерзель, комиссары кавалерийских полков П. И. Демещенко, Э. Ф. Алога и другие.

И вот 19 августа, едва занялась утренняя заря, по сигналу горнистов поднялись наши пехотные полки и конница. Вместе с 38-й дивизией начали наступление в направлении Коростино, Камышин 28, 37 и 39-я дивизии. Белогвардейцы обрушились на группировку наших соединений шквал артиллерийского огня, пытались контратаковать и приостановить наступающую лавину. Но их усилия были тщетны.

Артиллеристы П. М. Гетмана и К. Г. Яблочкина буквально сметали с лица земли вражеские огневые точки, а отважные конники Лысенко стремительными ударами срывали неприятельские контратаки. Враг не выдержал мощного напора, дрогнул и начал паническое отступление.

Прорвав фронт белых, войска 10-й армии в ходе преследования противника пленили Кубанскую пластунскую дивизию вместе с ее командованием, захватили 80 пулеметов, 13 пушек, обозы с боеприпасами, обмундированием и продовольствием.

В ходе этих боев конный корпус генерала Улагаева пытался оказать помощь врангелевцам, но его атаки на левый фланг 38-й дивизии были отбиты конниками М. Ф. Лысенко — командира 1-го Донского кавполка. Не выдержав натиска, улагаевцы повернули вспять. Красные кавалеристы, успешно преследуя их, нанесли существенный урон.

Беспримерную личную храбрость, умение по-новому руководить революционными войсками проявили в период

ожесточенных схваток с белогвардейцами командиры бригад нашей дивизии В. В. Кондратов, Ф. У. Лобачев, И. А. Недзвецкий. Имена начальников разведки и пулеметной команды 1-го Донского кавалерийского полка И. М. Зарудного и Д. Г. Казарцева стали известны во всем соединении.

Сокрушительный удар по армии Врангеля дал возможность войскам 10-й армии перейти к общему, развернутому наступлению по всему фронту, в результате которого были разбиты корпус Мамонтова, Толкушкина, конный корпус генерала Шатилова и другие белогвардейские части. Наши соединения освободили Мордово, Зинзиватку, Камышин, хутор Вертячий, станицу Усть-Медведицкую и другие населенные пункты. В районе Кривая Музга были захвачены тысячи пленных и два белогвардейских бронепоезда, все огневые средства которых были тотчас же направлены против неприятеля.

18 ноября на базе кавалерийских частей 10-й армии была создана Первая Конная армия. Во взаимодействии с частями Южного фронта она окончательно разбила корпус Мамонтова и Шкуро и освободила Воронеж.

Одновременно с этим 10-я армия громила офицерские полки барона Врангеля и генерала Улагая в районе Райгорода. 29 ноября 28, 37, 38 и 39-я дивизии вышли на линию Городище, Орловка, Рынок. 1 декабря 38-я и 39-я дивизии заняли Карповку и Воропаново, а 8 декабря, пробившись в район Дубовки, они стремительным ударом отбросили назад 4-й Кубанский конный корпус Топоркова, пытавшийся отеснить их к Камышину.

Такова общая картина боевых действий на этом театре. Теперь мне хотелось бы подробнее рассказать об отдельных операциях, о людях, решавших исход смертельных схваток с хорошо вооруженным, сильным и коварным врагом.

Л. Л. Клюев приказал нашей дивизии занять Котлубань. Эта станция представляла собой важный стратегический пункт, где засели значительные силы белых — конный корпус Улагая и группа генерала Писарева.

Комдив Н. В. Харченко собрал в своем штабе всех командиров и политработников соединения и разъяснил им задачу, поставленную командующим армией. В целях

обеспечения успеха боя Харченко предложил начальствующему составу лично возглавить части в предстоящих схватках с белогвардейцами.

— Вам, Евстафий Иванович, — сказал начдив, — придется поехать в кавалерийский полк, который наносит удар с правого фланга.

Сразу же после совещания я вместе с ординарцем Иваном Фурманом отправился в 1-й Донской кавалерийский полк И. Я. Семенова. Он должен был выступать в составе сводного кавалерийского корпуса, возглавляемого М. Ф. Лысенко.

В поход двинулись ранним утром 27 сентября. В пути сравнительно долго не встречали белых дозоров. Но вот наши разъезды наткнулись на вражескую разведку. Заговорили винтовки, пулеметы и пушки. Не спешиваясь, спокойно идем на сближение с противником. Встречный огонь усиливается. Кони вздрагивают от выстрелов.

— Пожалуй, пора? — спрашивает меня командир полка.

— Да, медлить нельзя, — отвечаю ему.

Отдав позкадронно приказы, Семенов командует:

— Рысью! Пашки вон! В атаку! За мной! Ура!

Все слилось воедино: и воинственный клич сотен красноармейцев, и конский топот, и оглушительная пальба.

Впереди показалась конная лавина белых. Неужели у станции весь корпус Улагая? Если так, нам придется драться с внушительной силой, намного превосходящей нас. Вот уже мелькают баншалы чеченцев и ингушей, черные бурки кубанцев...

— Танки! — раздался неожиданный возглас.

И в самом деле, из стогов сена с лязгом и грохотом ползают стальные чудовища и с ходу открывают огонь. Но остановиться или предпринять маневр было уже невозможно. Наши конники вихрем летят впереди и врубаются во вражескую лавину. Гудит земля, сталкиваются храпящие кони, свистят пашки. Все смешалось в страшной кавалерийской рубке.

Пуля — моя разгоряченная кобылица — врезалась в гущу улагаевцев. Вижу перед собой офицера с занесенной пашкой. Бью в него в упор из маузера. Он валится с коня, но его нога остается в стремени. Метнувшийся в сторону конь волочит за собой тело убитого всадника.

— Наши отходят! — слышу тревожный голос Ивана Фурмана.

С трудом поворачиваю Пулю назад. И вдруг меня качнуло. Правая нога потеряла опору, оборвалось стремни. А лошадь, чувствуя погоню, летит во весь опор. Еще рывок — и она выносит меня из вражьего кольца.

Откуда-то бьет пулемет. Очередь, вторая, третья... Смертельно раненная Пуля на полном галопе грохается о землю. Падаю вместе с ней. По лицу ползет липкая струйка крови. Значит, ранен в голову. Пытаюсь встать, но это не удается мне: нога придавлена лошадью...

Я сжимаю маузер. «Лучше смерть, чем плен», — лихо-радочно промелькнула мысль. Приподняв голову, Пуля косит на меня круглым глазом. Предсмертное ржание... Крушные слезы... Последние судороги — и боевой кобылицы не стало.

Ко мне летит тройка коней. Это наша пулеметная тачанка, на которой во весь рост стоит Захар Скрипченко — командир эскадрона. Вместе с подоспевшим Фурманом они высвободили мою ногу и отнесли меня на тачанку. Кони тронулись. Скрипченко бьет очередями по увязавшимся за нами кубайцам.

— Вы еще узнаете нас! — зло грозит Иван Фурман белогвардейцам.

...1-й полк отошел. Я лежу на земле. Фурман бинтует мне голову, вытирает кровь и говорит:

— Спасибо Захару, выручил. Под ним тоже убили коня, но он не растерялся — прыгнул на тачанку, и к вам. Небось старую рану на ноге тоже разбередили?

— Все это ерунда, Иван... Жаль, что Котлубань не удалось взять. Кажется, наша разведка недостаточно точно выяснила данные о беляках...

— Ничего, — успокаивает меня ординарец. — Сейчас снова пойдем в атаку. Слышите стрельбу?

— Слышу.

Затрепали выстрелы, затарахтели пулеметы, ахнули орудия. Бой разгорался с новой силой. На помощь полку подоспели конница Лысенко и пехотные части дивизии. «Котлубань должна быть взята!» — таков приказ командующего 10-й армией.

Несколько часов дрались мы за станцию. Раненый Лысенко не покинул строя. Он много раз водил своих конников в атаку. К вечеру удалось вырвать у бе-

лых Котлубань. Улагай бежал, оставив нам большие трофеи.

Собрав силы и перегруппировав их, противник снова предпринял наступление. В эти дни Котлубань несколько раз переходила из рук в руки. В конце концов наступил перелом. Враг был сломлен и отброшен от станции со значительными потерями в людях и технике.

Огненный ураган стих. С поля сражения, покрытого пороховым дымом и гарью, доносились глухие стоны раненных, по седой ковыльной степи с протяжным ржанием металась оседланная кони. Санитары и сестры оказывали помощь пострадавшим, убирали убитых, чтобы похоронить их с воинскими почестями...

В эти дни в нашей дивизии не раз побывали представители полетического отдела 10-й армии А. Л. Банквицер и М. И. Черняк. Они воодушевляли личный состав на подвиги, заботились о том, чтобы полки были обеспечены всем необходимым, чтобы опыт наиболее умелых и храбрых людей стал достоянием всего соединения.

Сражение за Котлубань, окончившееся нашей победой, имело очень важное значение для 10-й армии. Командование высоко оценило действия 38-й Морозовско-Донецкой дивизии и представило к правительственным наградам многих командиров и бойцов. В их числе были Н. В. Харченко, М. Ф. Лысенко, П. М. Гетман, К. Г. Яблочкин, И. Я. Семенов и другие.

20 октября 1919 года командиру дивизии доставили пакет. Вскрыв его, Н. В. Харченко сказал:

— Читай, комиссар, приказ командарма, — и подал мне лист бумаги, сложенный вчетверо.

«Привести полки дивизии в боевую готовность», — писал Л. Л. Ключев. Этого, конечно, и надо было ожидать. Как нам сообщили, сегодня на рассвете на правом фланге дивизии разведка противника прощупывала наши слабые места. Наткнувшись на конный разъезд, она быстро отошла. И теперь, вероятно, белые готовятся к нападению.

Приказ командарма не застал нас врасплох. К этому времени наши части успели пополниться людьми, конским составом и боеприпасами. Рачительный интендант дивизии Георгий Николаевич Лебедев полностью снабдил полки обмундированием и продовольствием.

Мы с начдивом срочно вызвали на совещание командиров и комиссаров и разъяснили им поставленную задачу. Посоветовали провести в каждом батальоне и эскадроне собрания коммунистов и рассказать им о сложившейся обстановке.

А обстановка была такова. Еще 18 октября наша разведка донесла: конный корпус генерала Улагая готовится к внезапному броску на стыки 1-й и 2-й бригад 38-й дивизии с задачей разорвать, смять и разбить их поодиночке, а остатки прижать к Дону и потопить в волнах бурлящей реки.

«Языки», захваченные разведчиками Казаркиным и Дмитриевым, подтвердили данные разведки. Они сообщили, что удар намечается со стороны Гумрака и что офицерские полки, состоящие из чеченцев, кабардинцев, осетин и кубанских казаков, поведет в атаку сам барон Врангель. Сведения эти мы тут же передали в штаб и в Реввоенсовет армии. На всякий случай попросили подкрепления, но основные надежды возлагали на свои силы: стрелковые полки, 1-й Донской кавалерийский полк, артиллерию Гетмана и Яблочкина.

Приняв решение, соответствующее приказу командующего армией, комдив, я и другие товарищи из штаба дивизии выехали в части. На мой вопрос о готовности к делу высокий, широкоплечий, смуглый, как цыган, комбриг В. В. Кондратов ответил:

— Мы готовы к бою, комиссар!

— Первая бригада всегда была и остается первой, — заметил комиссар Моисеев. — Моральный дух бойцов крепок. Не подкачаем, Евстафий Иванович, и на этот раз.

Во 2-й бригаде меня тоже заверили, что командиры и бойцы рвутся в атаку.

— Собрания коммунистов мы провели, — сказал комиссар С. И. Иванов. — Приняли боевое решение. Слов на ветер не бросаем.

— Даешь Царицын! — услышал я общее мнение личного состава 3-й бригады.

После проверки частей, бесед, проведенных там, на душе стало радостнее: люди готовы к сражению с белогвардейцами.

5 ноября оружейный зал разорвал настороженную тишину рассвета. Хутор Дубовское, где располагался наш

штаб, мгновенно пробудился. Послышались четкие команды, бряцание оружия, топот ног.

— Началось, — промолвил командир дивизии.

После артиллерийской подготовки противник бросил в атаку свою конницу. Стремительная лавина, сверкая обнаженными саблями, ринулась на нас. Из-под конских копыт вздымалась снежная пыль.

Бойцы наших бригад приготовились к встрече с врагом и теперь ждали лишь команды. Артиллерия приведена в полную готовность.

Донской конный полк И. Я. Семенова находится в засаде.

— Ну, когда же в контратаку, когда? — нетерпеливо спрашивают бойцы.

— Спокойно, товарищи! — предупреждает подчиненных командир 1-й бригады Василий Васильевич Кондратов. — Надо подпустить их ближе, чтобы ударить наверняка.

Другие начальники тоже сдерживают бойцов до поры до времени, приведя в готовность все средства противодействия. И вот она, желанная минута! Кондратов командовал:

— Беглый огонь по противнику!

Мгновенно затрепали ружейные залпы, застучали пулеметы Казарцева, Кононова и Федора Глущенко, ударили в упор пушки Гетмана. Внезапно обрушенный огонь ошеломил мчавшихся галопом белопогонников. Все смешалось: люди, кони, дым и пламя. Задние колонны напирали на передние, усиливая сумятицу. Из засады на полном карьере выскочил конный полк во главе с Семеновым.

— Руби белую сволочь! — крикнул командир.

Над головами засверкали клинки, и началась рубка. Затем в контратаку ринулись красноармейцы 1-й и 2-й бригад, возглавляемые командирами и комиссарами.

— Вперед, товарищи, вперед! — звали коммунисты своих однополчан.

Словно вихрь, выскочила с левого фланга кавалерийская бригада Фомы Текучева. Комбриг, бывший царский есаул, в бурке, развевающейся на ветру, летел впереди своих конников на полном намете.

Не выдержав сокрушительного натиска, врангелевцы покатались за Гумрак. Преследуя их, наши войска разгро-

мили два полка, захватили немало пленных, взяли трофеи. Это была опутимая победа, еще больше укрепившая боевой дух и ратный порыв личного состава дивизии.

Мы заняли оборонительные рубежи южнее Гумрака, выставили круговые заслоны, послали конную разведку. Теперь до Царицына рукой подать. И когда в чистом небе засияли далекие звезды, полки с песнями пошли на отдых.

С чувством теплой благодарности бойцы отзывались о своих командирах, заранее разработавших тактику боя и блестяще применивших ее на практике. Трудно назвать всех героев дня. Чаще всего участники битвы повторяли имена П. М. Гетмана, К. Г. Яблочкина, И. Я. Семенина, Д. Г. Казарцева, командира 4-го эскадрона Г. Т. Меркулова.

События развивались стремительно. Командующий 10-й армией приказал сводному конному корпусу захватить Тундутово, взорвать полотно железной дороги между этой станцией и Тихорецкой и тем самым отрезать пути отступления противнику.

Не теряя времени, конные полки М. Ф. Лысенко 25 октября двинулись форсированным маршем через село Васильевка по калмыцкой степи.

Из района Гумрак поднялись и части нашей дивизии. Они шли в направлении села Песковатки и станции Карповка. Задача состояла в том, чтобы захватить главную базу снабжения белых, обеспечивавшую царицынскую группировку войск всеми видами снабжения, вооружения и боеприпасами.

С боями пробившись мы к селу Карповка и закрепились на его юго-восточном рубеже. А конный корпус форсированным маршем двигался намеченным путем к своей цели. Тем временем улагаевцы, собрав свои силы, предприняли наступление на правый фланг нашей дивизии и потеснили 1-ю бригаду.

— Что будем делать, товарищи? — обратился комдив ко мне и А. И. Сухову, исполнявшему обязанности начальника штаба. — Мне кажется, надо послать за подмогой к Лысенку.

— Без конницы нам не обойтись, — почти одновременно высказались мы с Суховым.

Афанасий Иванович добавил:

— Я сам, пожалуй, съезжу в сводный корпус.

— Возьми с собой с десяток кавалеристов, — посоветовал Харченко.

— Хорошо, Николай Васильевич, — отозвался Сухов.

— А тебе, Евстафий Иванович, придется ехать в полки первой и второй бригад и сказать, что вот-вот подойдет помощь. Действуйте, друзья, — закончил комдив.

Весть о том, что к месту боя скоро подоспеют конники Лысенко, воодушевила красноармейцев.

Появление конного полка во главе с Семеновым и Суховым сразу изменило положение. Кавалерийские эскадроны ударили во фланг и тыл противника. Чувствуя поддержку, наши пехотинцы со штыками наперевес с криком «ура» бросились в контратаку.

Затем на врага иавалилась бригада, возглавляемая А. И. Тодорским, который сменил ранеинного в предыдущих боях И. А. Недзведского.

Я был на командном пункте рядом с Харченко и отчетливо видел всю картину боя. Пехотинцы кололи белогвардейцев штыками, сойдясь врукопашную; красные конники рубили врага саблями; артиллеристы вели прицельный огонь по неприятелю.

Особенно расторопно действовал наводчик тяжелого орудия Аникей Борисович Троянов. Высокий и длиннорукий, с косматой шапкой каштановых волос, бывший урядник беспрестанно палил по улагаевцам.

— Бей, бей, Аникей! — задорно выкрикивали артиллеристы. И Троянов бил до тех пор, пока не накалились стволы орудия.

Попытка белых остановить наше наступление на Царицын была сорвана. Выполняя приказ командующего 10-й армией, наши войска продолжали наступление и блестяще справились со своей задачей.

После тяжелых, утомительных боев полки сводного кавалерийского корпуса Бориса Макеевича Думенко расположились на отдых в казачьих хуторах на правом берегу реки Хопер. Выставили сторожевое охранение, дозоры, организовали разведку войск противника, занимавшего оборонительный рубеж почти сплошным фронтом, Богучар, Борисоглебск, Новохоперск, вплоть до Поворино.

Я и другие политработники получили указание из политотдела армий о том, чтобы наши бойцы не давали по-

вода местному населению для недовольства. Мы провели беседы в подразделениях и частях, предупредили личный состав о необходимости вести себя достойно, высоко держать честь защитников Советской власти, своевременно расплачиваться со станичниками за фураж и продовольствие.

И надо сказать, никаких недоразумений не было. Настороженность, с которой нас встретили казаки и казачки, сменилась потеплением. Они были крайне удивлены, что красные, в отличие от белых, ведут себя скромно, по-дружески, не чинят никаких беспорядков.

За двое суток красноармейцы привели себя и оружие в порядок, подковали лошадей и на рассвете 8 ноября двинулись навстречу частям 2-го и 3-го Донских корпусов белых, входивших в состав Добровольческой армии. В авангарде по степи, покрытой белым инеем, шла 3-я бригада, справа от нее — бригада Дмитрия Жлобы. Бригада Фомы Текучева находилась в резерве командира корпуса.

Вскоре разведчики донесли, что противник разрушил мост у правого берега реки Хопер и сосредоточил там значительные силы. Спустя некоторое время белые открыли огонь. 1-й Донской полк, шедший в первом эшелоне, вынужден был спешиться, отвести коней в укрытие и принять бой в пешем строю.

С наступлением темноты наша конница отошла на прежние рубежи — в район станицы Урюпинской. Ночью разыгралась метель. Пользуясь ненастной погодой, Дмитрий Жлоба решил повести свою шахтерскую бригаду вброд через Хопер. За ним двинулись конники М. Ф. Лысенко. Переправившись на другой берег реки, наши кавалеристы успешно атаковали неприятеля, находившегося в районе станицы Богаевской, и прорвали его оборону.

Все боевые действия частей координировал командир корпуса Думенко, прославившийся во многих сражениях с врагами революции и Советской власти.

С Борисом Макеевичем я был уже давно знаком. Вместе с ним лежал в саратовском госпитале, когда меня ранило в бою за село Лесной Карамыш шестой раз.

Из огненного пекла меня вынесли ординарец Иван Фурман и Рузя Иосифовна Черняк — жена А. И. Тодорского. Нужна была срочная операция. И меня отправили в госпиталь. Профессор Спасокукотский извлек из ран две пули и, показав их мне, сказал:

— Крепехонек вы, комиссар! От таких «подарков»

Деникина многие подолгу залеживаются на больничных койках. А вам, кажется, повезло...

После операции я оказался в одной палате с командующим 10-й армией А. И. Егоровым и комкором Б. М. Думенко.

— Где стукнуло вас, комиссар? — спросил меня Александр Ильич Егоров.

— Под Лесным Карамышем.

— Не пропустили белоказаков? — с какой-то особой любознательностью попытался командарм.

— Не только не пропустили, но и прогнали далеко за Лесной Карамыш, — ответил я.

— Молодцы, красные бойцы! — похвалил Егоров.

Думенко лежал рядом. У него было худое, бледно-желтое лицо. Запавшие глаза горели лихорадочным блеском. Ему не разрешили говорить после тяжелой операции — только что удалили три ребра и одно легкое. Командарм относился к Борису Макеевичу с трогательной заботой.

— Человек познается по его поведению в решительные минуты, — говорил Александр Ильич, — а я на деле, в битве испытал величайшее мужество Бориса Макеевича. Это храбрый рыцарь Красной Армии. Говорят, что ленинец должен иметь сердце из стали. Такое сердце бьется в груди Думенко.

Однажды тихим летним вечером к госпиталю подошла легковая машина, и в палату вошел мой ординарец.

— Просили доставить вас в Реввоенсовет армии, — сказал он.

Я недоумевал: зачем вызывают? Оказывается, меня наградили орденом Красного Знамени, шапкой и часами. Когда я возвратился в госпиталь, командарм и Думенко тепло поздравили меня.

— Вы первый орденосец из политработников нашей армии, — заметил Егоров.

Думенко утвердительно кивнул.

Рапы заживали. Из политотдела армии нам прислали фруктов и две бутылки виноградного вина. За товарищеской трапезой Борис Макеевич сказал:

— А помнишь, Поздняков, нашу стычку на совещании начальствующего состава в станице Качалинской?

Конечно, я не забыл неприятный инцидент. Это было в первой половине мая 1919 года. Тогда Думенко не разрешил мне идти в атаку вместе с М. Ф. Лысенко.

— Уж больно тяжелой была тогда обстановка на левом берегу реки Сал, — напомнил Борис Макеевич. Улыбнувшись, он добавил: — Ну ничего, мы еще повоюем!

И вот теперь, когда конный корпус Б. М. Думенко гнал белогвардейцев от станицы Богаевской, я мысленно повторял слова комкора: «Мы еще повоюем!» А воевал Борис Макеевич отчаянно, зло. Вот один из примеров его многочисленных подвигов.

В начале декабря 1919 года в районе хутора Верхнезимовский, на Дону, противник окружил бригаду Жлобы. На выручку ей бросились эскадроны Лысенко. Внезапным ударом с тыла они принудили противника к отступлению. Казалось, победа была обеспечена. Но появилась резервная группа белых. Воспользовавшись метелью, она неожиданно ударила по нашему левому флангу. Маневрировать по глубокому снегу было тяжело, к тому же вторая конная группа белогвардейцев навалилась на правый фланг наших кавалеристов.

В этот тревожный час у хутора Верхнезимовский как из-под земли вырос Борис Макеевич Думенко во главе сотни всадников. Видимо, он подумал, что отступают его бойцы.

— Стой! Куда скачете? — властно спросил комкор.

Комиссар 1-го Донского кавполка Павел Демещенко доложил о сложившейся обстановке. Не обращая внимания на очевидную опасность, Думенко со своими конниками бросился в гущу белых казаков.

— Да ведь это ж сам Думенко! — выкрикнул белогвардейский полковник. — Берите его живым!

Казаки, будто остоленев, опустили свои клинки. Борис Макеевич, воспользовавшись этой заминкой, дал шпоры разгоряченному коню, подскочил к полковнику и выстрелом из карабеллума свалил его с коня. Это был командир конной бригады белых барон Клейст.

Липившись своего предводителя, деникинцы растерялись. А Думенко и его сотня тем временем рубили врага налево и направо. Подскочившая на помощь резервная бригада Текучева помогла сломить сопротивление белогвардейцев и обратила их в паническое бегство.

Несколько опережая события, хочу сказать, что конный корпус под командованием Б. М. Думенко с жестокими боями прошел всю Донскую область и на рассвете 7 января 1920 года нанес сокрушительный удар по Новочеркас-

ску. Ворвавшись в город, это логово контрреволюции на Дону, он разгромил деникинские полчища и тем самым оказал неоценимую услугу Первой Конной и 8-й армиям, сражавшимся за Ростов.

Но вернемся, однако, к рассказу о 38-й дивизии, которая наряду с корпусом Думенко принимала активное участие в событиях, имевших место в декабре 1919 года.

Наша и 39-я дивизии вели бои с конным корпусом Топоркова. Коварный замысел белогвардейского генерала состоял в том, чтобы стремительно прорвать наш фронт на стыке 9-й и 10-й армий в районе станицы Качалинской, разбить войска 9-й армии, затем двинуться в тыл конницы Буденного и нанести ей удар.

К 20 декабря в составе наших соединений осталось всего лишь до четырех тысяч уставших бойцов и триста конников. Командование решило оставить станицу Качалинскую.

Учитывая тяжелое положение наших дивизий, командующий 10-й армией приказал командованию 37-й дивизии (командир П. Е. Дыбенко, комиссар Ф. И. Зеленцов) нанести по корпусу Топоркова внезапный удар.

Комдив решил выделить в рейд бригаду Петра Васильевича Курышко — любимца кавалеристов, отважного донского казака, вахмистра старой армии. Несмотря на то что он имел шестнадцать ран, боевого строя не покидал и на уговоры своего комиссара Виноградова отлежаться в госпитале неизменно отвечал:

— Что я буду там делать? В седле, на свежем воздухе раны скорее затянутся.

Конники находились левее нас, в районе Дубовки, над самой Волгой. Снежной морозной ночью они совершили семидесятикилометровый бросок, имея в строю четыреста двадцать сабель, восемь пулеметных тачанок и две конно-горные пушки.

Вместе с Курышко ехал и начдив Думенко. В дороге бригада сталкивалась с мелкими группами корпуса противника, нанося им ощутимые удары.

Находясь на командном пункте дивизии, Н. В. Харченко и я слышали ночью 22 декабря пушечный гром и пулеметную трескотню.

— Кажется, на правом фланге снова насаждает противник, — тревожно произнес комдив. — Надо организовать контратаку.

Но вскоре мы выяснили, что на помощь к нам подошла бригада Курышко. Она-то с тыла и атаковала белогвардейцев, внося в их ряды замешательство. Воодушевленные столь своевременной подмогой, наши полки поднялись во весь рост и с криком «ура» смело пошли в контратаку. Штыковым ударом сломали противника и отбросили его назад.

Одержав победу, бойцы и командиры 38-й дивизии горячо благодарили конников Курышко:

— Спасибо, друзья, выручили.

— Воюем против общего врага, — отвечали те. — Сегодня мы помогли вам, завтра вы поможете нам. Таков закон войскового товарищества.

Многие воины проявили стойкость и мужество в этом бою, но особенно отличились своей самоотверженностью политбойцы дивизии. Мне запомнились имена Захара Скрипченко, Дмитрия Казарцева, Дмитрия Андреева, Филиппа Петушкова, Ивана Шкоденко, Филиппа Бережнова, Петра Хорошевского, Дмитрия Цопова, Алексея Мостового, Алексея Саковкина, Николая Петухова, Петра Семенова, Петра Ефимова, Семена Приходченко... Трудно перечислить всех, кто бился не щадя своих сил и самой жизни.

В ночь на 23 декабря бригада Курышко и кавалерийский полк Лобачева стремительно атаковали колонну противника у околицы станицы Панипенской. Переправившись по мосту через реку Паншу, белогвардейцы намеревались двинуться в Качалинскую, где находился основной состав их корпуса. Но внезапная атака красных конников сорвала их план. Встреченные сабельным ударом и огнем пулеметных тачанок, белые повернули обратно. На мосту образовалась давка. Настил рухнул, увлекая в реку белогвардейцев.

Тем временем разведка донесла, что на подступах к станице Качалинской занимает оборону пластунская дивизия неприятеля.

Думенко принял решение нанести удар по белым в ночь на 24 декабря. Под покровом темноты бригада Курышко двинулась в путь. Крепчал мороз, усиливалась снежная метель. На подступах к станице артиллеристы и пулеметчики открыли огонь.

— В атаку, за мной! — подал команду Петр Васильевич Курышко.

3-й Донской кавалерийский полк первым ворвался в Качалинскую и в одном из куреней захватил офицера. Добившись от него пароля по гарнизону, наши конники совершили налет на штаб корпуса. Ошеломленные белогвардейцы, бросая коней и награбленное добро, кинулись к железнодорожной станции.

Перед рассветом три полка Курышко заняли станицу, захватив при этом часть артиллерии, обозы противника и много пленных. Пластунская дивизия, стоявшая в обороне, отошла, полагая, что ей грозит окружение.

Курышко не стал преследовать врага: люди и кони крайне устали. Спустя некоторое время кавалерийская группа противника попыталась отбить станицу. Но это ей не удалось. Потрепанные остатки корпуса генерала Топоркова, лишившись артиллерии, пулеметов на тачанках, лошадей, обозов, потеряв до трех тысяч человек, отступили.

Неприятель превратил Царицын в крепость, вырыв окопы в рост человека и обнеся их несколькими рядами проволочных заграждений. Три его пехотные и три кавалерийские дивизии под верховным командованием Врангеля занимали оборону на линии станция Котлубань, Светлый Яр, Райгород и царицынский укрепленный район. Они имели в своем составе 17 800 штыков, 12 200 сабель и 214 орудий.

Части 10-й армии стояли на рубеже Усть-Медведицкая, Качалино, Дубовка, а 11-я армия сосредоточилась в Букачине, Пьяном и других хуторах, что на левой стороне Волги. Оба наших объединения насчитывали в своем составе 31 400 штыков, 5430 сабель и 100 орудий.

Занимая правый, высокий и обрывистый, берег реки, белые имели тактическое преимущество: круговой обзор, хорошие дороги, отсутствие болот, затрудняющих маневр войсками. Наиболее укрепленными были северный и западный участки Царицына.

С востока противник менее всего ожидал нападения и потому оборонительные сооружения здесь были слабее других.

Помимо разведки, сведения о неприятеле доставляли нашему командованию царицынские рабочие, пробиравшиеся к нам из города с риском для жизни. В соответствии с приказом командующего 10-й армией Павлова все полки были приведены в боевую готовность задолго до

начала наступления, которое планировалось на утро 30 декабря.

Бойцы и командиры ожидали сигнала к бою. Они знали, что армия своим правым флангом наносит главный удар в направлении станицы Нижнечирской, а левым нападает на врага в районе станицы Качалинской, затем переходит в общее наступление. 11-й армии было приказано поддерживать наши части, занять станцию Тигута, перехватить железную дорогу Царицын — Тихорецкая и тем самым отрезать путь отступления противнику.

В назначенное время правофланговые полки 10-й армии поднялись в атаку и, тесня противника, заняли Качавско-Куртинский, Калмыково, Майоровский и Набатовский хутора. К вечеру 2 января 38-я дивизия с боями вышла к хуторам Грачи и Грачевский, затем во взаимодействии с 20-й дивизией двинулась в направлении Кривая Музга, Воропаново, хутор Вертячий, станция Двойная.

Наш 3-й кавалерийский полк, тесня противника справа, оказывал большую помощь 37-й дивизии Дыбенко, которая наступала вдоль западного берега Волги в тесном контакте с 28-й дивизией Азина.

Суровый, настороженный Царицын был рядом. 50-я Таманская дивизия Е. И. Ковтюха, входившая в состав 11-й армии, была на восточном берегу Волги и ожидала прочного ледостава. Крепчайшие морозы 1 и 2 января 1920 года сковали реку, и 450-й полк таманцев в одиннадцать часов ночи выступил по льду на Царицын.

Достигнув берега, бойцы ворвались в неприятельские окопы, выбили белогвардейцев и устремились в город. Завязался ожесточенный бой.

Чувствуя, что им не сдержать натиска красных, враги взорвали городскую и железнодорожную водоканализационную станцию и мосты.

К часу ночи город был очищен от противника. Утром с северной стороны в Царицын вошла 37-я дивизия. Преследуя противника, таманцы шли за ним по пятам, захватывая трофеи и пленных.

Заняв железную дорогу Царицын — Тихорецкая, части 38-й дивизии во взаимодействии с кавалерийской бригадой Курьшико взяли в Сарепте 18 тысяч винтовок, 2169 пулеметов, 1022 орудия, 27 бронепоездов, 399 паровозов и много другого имущества, а также пленили 61 тысячу белогвардейцев.

Бойцы 10-й и 11-й армий, воодушевленные царицынской победой, неустанно гнали врага, добивали его полки, освобождали хутора, станицы и города. Чудеса героизма проявляли конники бригады Курьшико, нанося противнику внезапные, ошеломляющие удары. Стремительным налетом они заняли Котлубань, Карповку, Абганерово, разбив при этом Ставропольскую кавалергардскую дивизию. Ее командир, полковник, был взят в плен при следующих курьезных обстоятельствах.

Двадцатитрехлетняя Мария Зайцева, сестра милосердия 1-го Донского кавалерийского полка, в разгар боя за Абганерово зарубила трех белогвардейцев и стала преследовать четвертого. Это был командир белой дивизии, под которым убило коня.

— Стой! — крикнула девушка. — Зарублю!

Перетрусивший полковник сорвал свои погоны и остановился. Мария привела его в штаб полка. Каково же было возмущение матерого белогвардейца, когда он узнал, что конец его разбойничьей карьере положила «девчонка»!

Наши конники вдоволь посмеялись над незадачливым полковником и от души поздравили храбрую сестру милосердия. Командир полка наградил ее именными часами.

Овладев Красным Верденом — так образно называли мы тогда Царицын, — войска 10-й армии в составе 20, 32, 38, 39 и 50-й дивизий 3 января развернули наступление по всему фронту. Через два дня в наших руках уже были Громославка, Карповка, Нижнечирская. Продвигаясь в направлении к Нижнему Дону, наши части вели непрерывные бои с противником.

На рассвете 15 февраля 1920 года снова загрохотали пушки Гетмана, разбудившие степь и людей станицы Великокняжеской. Схватка началась на ровной долине у Государственного моста через реку Маныч. Стремясь выбить нас из станицы, белогвардейцы бросали в атаку одну конную лаву за другой. Однако наши полки под прикрытием заградительного огня артиллерии и пулеметов два дня удерживали позиции, а когда подошла подмога, контратаковали врага.

Кавалерийский полк Лобачева нанес удар по флангу белых. Деникинцы дрогнули и начали отступать. В ожесточенной перестрелке тяжело ранило в голову командира

дивизии Н. В. Харченко. Когда я подъехал к нему, он был в бессознательном состоянии. Мы отправили комдива в ростовский госпиталь.

Эта горькая весть сразу же облетела все полки. Бойцы и командиры поклялись еще мужественнее сражаться с врагом, жестоко отомстить ему за своего любимого начальника. И они сдержали свое слово: преодолевая отчаянное сопротивление белогвардейцев, 38-я дивизия во взаимодействии с частями соединения В. М. Азина успешно продвигалась вперед в юго-западном направлении.

На дальних подступах к Торговой сделали привал. Разведка донесла: в районе этой станции противник сосредоточил значительные силы и решил дать генеральное сражение.

Мы приняли все меры к тому, чтобы белые не застали нас врасплох: сообщили красноармейцам о предстоящем бое, выбрали удобные позиции для артиллерии, выставили секреты и сторожевое охранение.

Утром 20 февраля неприятель первым начал артиллерийскую подготовку. Затем из-за небольшого кургана пошла в атаку вражеская конница. Это не было для нас неожиданностью. По колоннам белоказачков прямой наводкой ударили пушки Гетмана, затрепали пулеметные очереди, ружейные залпы.

Страшный по силе огонь вышибал белых из седел. Бригада Курьшико, налетевшая словно вихрь, смяла фланг противника, врубилась в его эскадроны и принудила к бегству.

В этом памятном бою мы разбили два полка врангелевцев.

Но радость нашей победы была омрачена известием о гибели Владимира Михайловича Азина — командира 28-й дивизии. Его имя знал каждый боец в нашей армии. И вот не стало знаменитого комдива. Он погиб во время боевой операции в районе зимовника Пишванов.

— Белые поплатятся за это, — сурово говорили бойцы.

И поплатились. Победу за победой одерживали наши войска. Разбив корпус генерала Секретова, дивизии 10-й армии к 22 февраля взяли хутора Теряев, Белая Глина и Успенко. Затем командующий Кавказским фронтом приказал 8, 9, 11 и 10-й армиям прорвать оборону противника на рубеже Тихорецкая, Дон, Маныч.

Развернулись ожесточенные бои, в результате которых

Донская армия белых была разгромлена. Остатки ее отошли за Северный Донец.

Развивая успех, 10-я армия силами 37, 39 и 50-й дивизий отрезала путь отступления Кубанской армии на Армавир и нанесла ей большие потери. Форсировав реку Маныч, части 10-й армии помогли кавалерийской дивизии Гая и 28-й дивизии разгромить противника и выйти во фланг Донской армии.

К исходу дня 28 февраля ударная группа 10-й армии во взаимодействии с Первой Конной освободили Средний Егорлык и Егорлыкскую, а в районе Белая Глина разбили 1-й Кубанский конный корпус, взяв в плен 4500 белогвардейцев.

За эти блестящие операции командующий группой войск 10-й армии Михаил Дмитриевич Великанов (начальник 20-й дивизии) был награжден орденом Красного Знамени.

Наступление Красной Армии на всех направлениях Кавказского фронта активно поддерживали партизаны, действовавшие в тылу Деникина.

17 марта советские войска освободили Армавир, а три дня спустя завершили разгром контрреволюции на Юге России.

В нашей борьбе за восстановление Советской власти участвовали многие интернационалисты. Они были в 4-м Интернациональном, Сербском, 1-м Югославском коммунистическом, Южнокитайском полках, во 2-м Интернациональном полку 16-й дивизии, 2-м Интернациональном полку 1-й Украинской бригады, Мозовецком полку красных уланов, 2-м Люблинском и Варшавском революционном полках, в батальоне иностранных коммунистов и других частях.

И теперь, когда советские люди вступили во второе полу столетие свободной жизни, мы с благодарностью вспоминаем тех, кто оказал нам помощь в борьбе с внутренней контрреволюцией и международными империалистическими силами.

МОГУЧИЙ ТАРАН

Вот уже сорок восемь лет прошло с тех пор, как отгремели бои под станицей Егорлыкской, а память о крупнейшей противоденикинской операции живет в сердцах буденновских конников и всех ветеранов этого героического сражения.

В период событий, о которых идет речь, я был начальником разведки Первой Конной армии и, разумеется, кроме личного участия в них, постоянного общения с видными командирами и политработниками располагал документами, ставшими ныне достоянием истории. Это позволяет мне поделиться с читателями не только впечатлениями об отдельных эпизодах названной операции, но и сделать попытку обобщенного представления о ней.

Известно, что наступление Красной Армии от Воронежа через Касторную и Донбасс на Ростов было триумфальным. Первая Конная в этой операции выполняла роль тарана, дробившего и сметавшего со своего пути наиболее сильные группировки деникинцев. Пехотные дивизии (9-я, затем 12-я), приданные ей из 9-й армии, закрепляли захваченные конницей рубежи и прикрывали наш тыл от нападения случайных, сторвавшихся от основных сил соединений противника.

Общая линия фронта напоминала огромный клин, направленный в сторону Азовского моря. Острием этого клина, рассекавшего армию Деникина на две группировки, служила конница, из которой впервые в истории отечественного военного искусства была создана самостоятельная армия, игравшая роль главного фронтового ударного нуляка.

Внезапный захват Ростова — крупнейшей цитадели южной контрреволюции был очень тяжелым ударом для

Деникина. Потеряв здесь десятки тысяч солдат и офицеров, большое количество продовольствия, снаряжения, боеприпасов и техники, враг лишился богатейшей опорной базы.

Создалась благоприятная предпосылка для наступления в глубь степных просторов Кубани и Ставрополя. Но, к сожалению, была допущена досадная ошибка в планировании общего наступления. Командующий фронтом В. И. Шорин отдал приказ Первой Конной армии наступать через Дон в направлении Батайска. До взятия Ростова она действовала на местности, где могла применять широкий, гибкий маневр; ее командование не было жестко связано во времени, в применении сил и средств, а также в выборе направления удара для достижения главной оперативной цели. Теперь же Конармия была лишена инициативы: поставив перед ней боевую задачу, комфронта определил и способы ее решения, не считаясь при этом с местными условиями, возможностями конницы и тактическими основами кавалерийского боя.

— Это значит, надо идти через широкую заболоченную пойму Дона, в лобовую атаку против хорошо укрепленной на батайских высотах вражеской группировки, — задумчиво говорил начальник штаба армии Николай Кононович Щелоков.

Бывший артиллерийский полковник старой армии, прочно связавший свою жизнь с красным войском, не умел прятать от друзей ни радости, ни забот и огорчений. Перечитывая приказ, основанный бог весть на каком расчете, он как-то посмутнел. Даже пышные черные усы его казались приспущенными и унылыми, а большие темные глаза спрятались под бровями. Симпатичное лицо его выражало досаду и недоумение.

— А если вам по телеграфу связаться с Шориным и попытаться переубедить его? — предложил я Щелокову.

Он грустно улыбнулся, потерев усы и, вздохнув, тихо произнес:

— Ничего не выйдет, Иван Сергеевич. Буденный уже пытался. Я хорошо знаю упорство Шорина. Если уж принял он решение, то черта с два переменит его. Однако, намудрил старик. Видно, что-то расстроилось в области оперативного мышления...

— Определенно намудрил, — вставил Степан Андреевич Зотов — начальник оперативного отдела штаба ар-

мии. — Это, паверно, результат хронической бессоницы...

Кто-то из командиров смягчающе сказал, что командующий фронтом сам свято верит в наш успех и дает нам в поддержку 8-ю армию и конницу Б. М. Думенко из 9-й армии.

— Восьмая и десятая армии были сильно обескровлены во время зимнего наступления через Донбасс, — заметил я. — Нельзя рассчитывать на их эффективные действия.

Мы долго говорили в этот вечер, но так и не смогли найти ключ к разгадке шоринского замысла.

Повторная попытка С. М. Буденного переубедить командующего фронтом ни к чему не привела, и штаб армии принялся за разработку плана наступления через донскую пойму на Батайск. Особое внимание уделялось взаимодействию с пехотой 8-й армии и корпусом Думенко.

Вскоре начались боевые действия. Они оказались неудачными для нас: за несколько дней мы потеряли около трех тысяч бойцов и четырех тысяч лошадей. 8-я и 9-я армии, как мы и предполагали, существенного влияния на ход событий не оказали. Конный корпус Думенко не выполнил поставленной перед ним задачи — не обеспечил левого фланга нашей армии.

Таким образом, Первая Конная оказалась в тяжелом оперативно-тактическом тупике. Настроение бойцов и командиров резко ухудшилось. Некоторые из них открыто возмущались нелепостью наступления на укрепленные высоты Батайска через заснеженное болото.

Чтобы поднять боевой дух армии, нужны были срочные и энергичные меры. Прекратив наступление своей конницы, С. М. Буденный связался по телеграфу с правительством и главкомом С. С. Каменевым. Он обратился к ним с протестом против неправильного использования конницы и предложил свой, хорошо продуманный план ее боевых действий по окончательному разгрому Деникина.

Результатов пришлось ждать недолго. Вместо В. И. Шорина в командование фронтом вступил М. Н. Тухачевский, а членом Военного совета стал Г. К. Орджоникидзе. Весть о том, что план С. М. Буденного одобрен, вселила в нас бодрость. Тяжелое настроение от предыдущей драмы стало понемногу рассеиваться. В подразделения и части вернулись песня, острая шутка.

Выйдя из тупика, Первая Конная армия начала гото-

виться к многодневному переходу в Сальские степи. Все понимали, что там откроется широкая возможность для маневра, а значит, и для нанесения внезапных ударов по врагу.

Общий оперативный замысел командующего фронтом сводился к тому, чтобы в результате перегруппировки войск незаметно для противника вывести Первую Конную армию во второй эшелон, затем форсированными переходами сосредоточить ее в районе станицы Платовской, после чего силами всех четырех армий перейти в наступление. При этом Первая Конная, наступая в направлении Торговая, Белая Глина, Тихорецкая, должна была рассеять деникинский фронт на стыке Донской и Кавказской армий.

В состав нашей армии входили 4, 6 и 11-я дивизии, в каждой из которых было по три бригады двухполкового состава. Общая численность объединения достигала 10 тысяч сабель, 250 пулеметов, 28 легких полевых орудий на конной тяге и 32 автоброневика. Самой боевой считалась 4-я дивизия, полностью состоявшая из добровольцев и закаленная в сражениях с весны 1918 года. Она имела 4000 сабель, 120 пулеметов, 12 полевых орудий и 16 автоброневиков. Командовал ею Ока Иванович Городовиков, служивший в коннице еще со времен русско-японской войны. Это был настоящий степной батыр, прекрасный наездник, бесстрашный человек.

Очень скромный в личной жизни, душевный товарищ, Ока Иванович с отеческой заботой относился к бойцам, всегда помогал им добрым советом. В довершение ко всему он был инициативным и изобретательным в поисках путей и средств к достижению победы. Глубоко понимая значение взаимовыручки в бою, Городовиков часто в трудные моменты выручал соседей, направляя им на помощь свои полки, а то и бригады. За все эти качества его искренне любили не только бойцы и командиры 4-й дивизии, но и всей армии.

6-я дивизия насчитывала 3800 сабель, 90 пулеметов, 12 легких орудий и 16 автоброневиков. Ее бойцы и командиры тоже были добровольцами, боровшимися за Советскую власть с лета 1918 года в составе партизанских отрядов Ставрополя. Однако настоящую закалку эта дивизия получила осенью 1919 года, когда ее командиром стал С. К. Тимошенко.

Вместе с комиссаром дивизии Павлом Васильевичем

Бахтуровым, народным учителем из донских казаков, но-
вый начдив быстро ликвидировал элементы партизанщины
в соединении, и оно стало боевым монолитом, занявшим
второе место в Первой Конной.

11-я дивизия, самая молодая, влилась в армию Буден-
ного в начале ноября 1919 года. Она была сформирована
в Тульской губернии из рабоче-крестьянской молодежи и
отчасти из кавалеристов старой армии. Первое боевое кре-
щение получила в сражении под Касторной. В ее составе
насчитывалось 1700 сабель, 40 пулеметов, 4 орудия. Ди-
визию возглавлял Федор Максимович Морозов — воспи-
танник Буденного, человек изумительной личной отваги.

Не будет преувеличением сказать, что Первая Конная
славилась блистательным созвездием командиров бригад-
ного и полкового звеньев, талантливыми самородками, о
которых в народе живет добрая память до нынешнего дня.

Приказ о марш-маневре Первой Конной армии из
района Богаевской в Сальские степи, к станции Платов-
ской, С. М. Буденный отдал 11 февраля. Линия деникин-
ского фронта проходила по южному берегу Дона от Азо-
ва до Маньчской, далее по южному берегу Маньча до
Екатериновки, затем поворачивала на юго-восток, в глубь
степей.

В приказе указывались участки обороны 8-й и 9-й ар-
мий. Сведений о положении войск и линии фронта 10-й
и 11-й армий, с которыми нам предстояло взаимодейство-
вать, мы не имели. Это, естественно, затрудняло органи-
зацию обеспечения нашего марш-маневра. Снегопады,
морозы, бездорожье, а также малонаселенность местно-
сти и трудность подвоза продфуража создавали дополни-
тельные трудности.

Нужны были стальная воля и железная дисциплина,
чтобы совершить в таких условиях стоятидесятикиломет-
ровый переход. И буденновцы, преодолев все невзгоды и
лишения, к исходу третьих суток достигли указанного
района.

Вскоре мы получили шифровку от М. Н. Тухачевского.
В ней уточнялись обстановка и задачи войск. В частно-
сти, была указана разграничительная линия между Дон-
ской и Кубанской армиями противника, проходившая от
Казенного моста (на Маньче) на Средне-Егорлыкское и
далее на Белую Глину. Первая Конная должна была про-
рвать фронт Деникина на стыке этих армий, разгромить

их открытые фланги и к 21 февраля овладеть узлом Ти-
хорецкая.

Наступление на слободу Шаблиевскую, предпринятое
14 февраля кавалерийской Кавказской дивизией (начдив
Гай) и 20-й стрелковой дивизией (начдив Великанов), не
достигло успеха. Их части отошли к Великокняжеской.
Причина неудачи, по словам начдивов, заключалась в
крайне малочисленном составе соединений, в тяжелых по-
годных условиях, а самое главное — в отсутствии коорди-
нации боевых действий со стороны командующего 10-й ар-
мией и его штаба с войсками из-за потери связи.

Узнав о том, что Первая Конная готовится с утра
15 февраля наступать в направлении Шаблиевской, Вели-
канов сказал нашему командиру:

— Двадцатая стрелковая дивизия выступит вместе с
вами. Кстати, по достоверным данным, Шаблиевскую обо-
роняет 1-й Кубанский пехотный корпус генерала Крыжа-
новского.

С. А. Зотов и я обо всем этом доложили командованию
армии. С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов внимательно
выслушали нас и приняли меры к обеспечению левого
фланга и тыла Первой Конной по мере ее продвижения
в оперативную глубину деникинского фронта.

— Прежде чем идти на Тихорецкую, — сказал Семен
Михайлович, — необходимо помочь соседу. Надо занять
Шаблиевскую и дать возможность десятой армии подтя-
нуться к этому населенному пункту и к Екатериновке.
А когда установим надежную связь с пехотой, можно
развивать наступление.

В соответствии с приказом командарма на Шаблиев-
скую, до которой было около шестидесяти километров,
первой вышла 4-я, затем 6-я и 11-я дивизии. Командиры
оперативной группы Буденного находились непосредствен-
но в войсках. Они регулировали движение полков и
бригад, контролировали службу охранения колонн на по-
ходе и разведку во избежание внезапной встречи с про-
тивником.

Когда 4-я дивизия подходила к северо-запад-
ной окраине Шаблиевской, разведка донесла, что на се-
верной стороне слободы 50-я стрелковая дивизия Е. И. Ков-
тюха ведет бой с корпусом Крыжановского, прикрывае-
мым огнем трех бронепоездов.

Встретившись с Ковтюхом, О. И. Городовиков догово-

рился с ним о взаимодействии и немедленно повел свои полки в обход западной и юго-западной окраины Шаблиевской. Через час подошла 1-я бригада 6-й дивизии. Узнав обстановку, комбриг В. И. Книга последовал примеру Городовикова. Затем подошли остальные войска нашей армии.

Всю ночь в Шаблиевке шли упорные бои. К рассвету слобода была очищена от противника. Буденновцы взяли в плен батальон пластунов.

В тот же день штабу нашей армии стало известно, что в районе Екатериновка, Новый Маныч, Баранники находятся 20, 32 и 34-я стрелковые дивизии и конная бригада Курышко, не имеющие связи с командованием 10-й армии. В результате переговоров с начдивами 20, 34 и 50 Военный совет Первой Конной решил взять на себя оперативное руководство ими в интересах выполнения общей задачи фронта.

Так была создана ударная группа Великанова, вошедшая в оперативное подчинение Первой Конной.

В течение 16 февраля подтягивались и приводились в порядок тылы, подвозились боевые припасы, продовольствие и фураж. Велась усиленная разведка противника.

Вечером этого дня в наш штаб поступили новейшие сведения о положении на фронте 9-й и 10-й армий. Никаких существенных изменений там не произошло; противник упорно обороняется на линии Пешванов, Целлина, Торговая, Ивановка и подтягивает подкрепления.

С. М. Буденный принял решение утром 17 февраля овладеть станцией Торговая. 11-я дивизия оставалась в армейском резерве, а 6-я и 4-я дивизии должны были ночью скрытно подойти к юго-западной и южной окраинам Торговой, затем внезапным сосредоточенным ударом овладеть этим важным узлом.

Задача была выполнена блестяще. Понеся значительные потери, войска белогвардейского Кубанского корпуса поспешно отошли от Торговой и соседнего с ней крупного села Воронцовское к югу. Учитывая, что конникам предстоит выполнять новые серьезные боевые задачи, С. К. Тимошенко и О. И. Городовиков не стали в мороз преследовать противника по заснеженному бездорожью.

Деникин понял, что Первая Конная армия — грозная сила, способная нанести сокрушительный удар по смежным флангам Донской и Кубанской армий. Поэтому он

приказал командующему Донской армией генералу Сидорину немедленно направить из-под Батайска в район Торговая, Егорлыкская, Белая Глина два конных корпуса, насчитывавших около десяти — двенадцати тысяч сабель, во главе с генералом Павловым. Следуя вверх по Манычу, эта группа совместно с 1-м Кубанским пехотным корпусом должна была нанести удар во фланг и тыл нашей армии.

Несмотря на неблагоприятные условия погоды, большое расстояние и потери в пути следования, Павлов уже 16 февраля энергично атаковал у хутора Веселый сводный конный корпус 9-й армии и отбросил его на север, за реку Маныч. Затем Павлов продолжал форсированный марш к Великокняжеской. Через двое суток он подошел к Торговой и Воронцовскому, сбил боевое охранение 4-й и 6-й дивизий, затем с ходу устремился в район расположения Первой Конной армии.

На северо-западной окраине села Воронцовское, где стояли основные силы 6-й дивизии, закипел жаркий бой. Затем схватки завязались в районе расположения 4-й дивизии. Часть белогвардейской конницы напала на Торговую. Измотанный многодневным переходом, бездорожьем и морозом, враг пытался во что бы то ни стало овладеть населенными пунктами. Однако наши войска применили тактику активной круговой обороны, основанной на системе очень плотного пулеметного и артиллерийского огня, в сочетании с короткими, но мощными контратаками.

Наиболее серьезная обстановка сложилась на участке 6-й дивизии, где противнику удалось пробиться на окраину села Воронцовское. Наши части с большим трудом выбили из домов засевших белоказаков, а затем в конном строю отбросили их в степь. Однако деникинцы снова предприняли несколько попыток прорвать оборону 6-й дивизии: жестокий мороз и лютой степной ветер гнали их в атаку. Правда, эти попытки не увенчались успехом: буденновцы дружно отбивали белогвардейские наскоки.

Активные боевые действия развернулись и на участке группы Великанова. Там тоже враг терпел неудачу за неудачей. Менее напряженный характер носили схватки на линии обороны 4-й дивизии. Белоказаки, отброшенные в степь, спасаясь от мороза, разводили костры, сжигая все, что поддавалось огню.

Перед рассветом генерал Павлов стал поспешно отво-

дуть свою конницу в направлении Крученая Балка и Средне-Егорлыкская. Утром 19 февраля мы осмотрели поле боя. На снегу осталось до пяти тысяч всадников и до двух с половиной тысяч лошадей — убитых или замерзших. Враг оставил немало орудий, зарядных ящиков, пулеметов, повозок и другого имущества.

Чтобы довершить разгром конницы Павлова, С. М. Буденный решил перегруппировать свою армию с приданной ей пехотой таким образом, чтобы к вечеру 19 февраля 6-ю дивизию и группу Великанова сосредоточить в селе Крученая Балка и хуторе Сысоев-Александровский; 4-ю — в районах Лопанка и Средне-Егорлыкская; 11-ю иметь в армейском резерве в районе хутора Крикунова.

Меры, принятые командармом, привели к усилению боеспособности наших войск. 6-я дивизия захватила врасплох в Крученой Балке конный полк бригады генерала Голубинцева и разгромила его, а при подходе к хутору Сысоев-Александровский встретила еще три белых конных полка и вступила с ними в бой. В процессе преследования противника она заняла село Лопанка, где и осталась на ночлег. Группа Великанова остановилась на отдых в Крученой Балке. 4-я дивизия заняла Богородицкое. Пленные квартирмейстеры 4-й конной дивизии 2-го Донского корпуса показали, что вся кавалерия генерала Павлова сосредоточивается в районе Средне-Егорлыкской и что туда должны подойти новые подкрепления из-под станции Мечетинской.

Поздним вечером мы узнали, что 28-я стрелковая дивизия (начдив Азин) и Кавказская кавалерийская дивизия (начдив Гай) из состава 10-й армии потерпели серьезное поражение. Это свидетельствовало о том, что группа Павлова представляла еще серьезную силу, с которой нельзя было не считаться. Перед тем как принять решение о дальнейших действиях по выполнению основной задачи Первой Конной, С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов созвали совещание руководящего состава.

Оно состоялось в Крученой Балке утром 20 февраля. После вступительного слова Климента Ефремовича участники совещания заслушали мой доклад о сведениях, добытых нашей разведкой. Затем С. А. Зотов охарактеризовал положение на участках фронта наших соседей — 9-й и 10-й армий. Начальники дивизий, их комиссары высказали свои соображения по поводу характера предстоящих

действий, наиболее целесообразных направлениях ударов по противнику и взаимодействии наших войск при этом. Великанов считал, что прежде всего надо скорее добить ослабленную пехоту генералов Крыжановского и Науменко и взять Тихорецкую. Он полагал, что конница Павлова, отступившая в глубь степи, не сможет помешать осуществлению этой задачи.

Это мнение поддерживали и другие представители пехоты. Захват Тихорецкой, говорили они, даст нам богатейшие трофеи, в которых так остро нуждаются наши части; ее падение потрясет весь фронт противника и заставит Деникина отойти на новый рубеж.

Совершенно противоположную точку зрения имел О. И. Городовиков. Он считал, что главная задача — разгромить конную группу генерала Павлова, которая угрожает правому флангу и тылу нашей армии.

Были и другие мнения. Они сводились к тому, чтобы дать уставшим войскам двух-трехдневную передышку, наладить работу тылов и, ведя разведку, следить за действиями противника; если белогвардейцы нападут — дать им решительный отпор.

В заключение выступил Семен Михайлович Буденный. Тщательно проанализировав создавшуюся обстановку и выступления командиров, он пришел к выводу, что главную опасность представляет конная группа Павлова — основной деникинский резерв, и в первую очередь надо нанести удар по ней. Вместе с тем, заметил командарм, нельзя не обращать внимания на войска Крыжановского и Науменко. Поочередное нападение на ту и другую группировку противника, удержание инициативы в своих руках — вот основа гибкой тактики, которая принесет успех Первой Конной армии в данной обстановке.

Вечером 20 февраля командарм отдал приказ: 6, 20 и 34-й дивизиям обойти Средне-Егорлыкскую с севера и северо-запада, занять ее и отрезать пути отхода противнику; 4-й и 50-й дивизиям ударом с юга взять Песчанокопскую. 11-й дивизии оставаться в армейском резерве.

Наши войска выступили на рассвете 20 февраля. Оба населенных пункта были заняты. Конница Павлова, уклоняясь от ближнего боя, постепено отошла на запад, в направлении станции Атаман и Егорлыкская. К двум часам дня 21 февраля активные боевые действия прекратились.

Не теряя времени, командование Первой Конной армии решило нанести удар по Кубанскому корпусу, который занимал оборону в районе Белая Глина.

С утра 22 февраля 4-я и 6-я дивизии двинулись на село Горькая Балка. На подходе к нему 4-я дивизия вступила в бой с 4-й дивизией 2-го Донского корпуса и отбросила ее на северо-запад. Из Горькой Балки по нашим конникам открыла сильный огонь гренадерская дивизия белых. Однако буденновцы стремительной атакой смяли гренадеров, освободили село и взяли в нем до четырех тысяч пленных. Не задерживаясь, дивизия О. И. Городовикова двинулась на юго-восток, перехватила железную дорогу, отрезала от Тихорецкой три бронепоезда, повернула для наступления на Белую Глину с юга и юго-запада.

6-я дивизия, которая шла следом за 4-й, от Горькой Балки взяла направление на восток и одновременно с конниками Городовикова начала наступать на Белую Глину с запада и севера.

Завязались жаркие бои, длившиеся около трех часов. В результате смелых и слаженных действий буденновцы разгромили корпус Кръжановского, захватили Белую Глину, взяли более четырех тысяч пленных, три бронепоезда, много пулеметов и других трофеев.

Мы потеряли в общем пятьдесят человек убитыми, в том числе командира 2-й бригады 4-й дивизии Мироненко и командира 35-го полка 6-й дивизии Усенко, и около ста ранеными.

Овладение Белой Глиной улучшило частную обстановку для Первой Конной армии, но враг еще был силен и с ним предстояли тяжелые бои. Учитывая, что до Тихорецкой нельзя совершить бросок без отдыха, командарм решил сделать двухдневную оперативную паузу. Используя передышку, люди приводили в порядок оружие, обмундирование и снаряжение. Политработники проводили беседы о наиболее отличившихся бойцах, об успехах родной армии, общем положении на фронтах борьбы с врагами революции и Советской власти.

Буденновцы любили своих комиссаров, безгранично верили их партийному слову и, уяснив предстоящие задачи, готовы были в любую минуту снова атаковать неприятеля. Особой популярностью среди красноармейцев и командиров пользовались комиссар 6-й дивизии Па-

вел Васильевич Бахтуров и Иван Андреевич Ширяев — комиссар бригады. Они были всегда с людьми — и в бою и на привале, вместе с ними разделяли горечь утрат и радость победы. Такие политработники, как Бахтуров и Ширяев, — а их было немало в армии — поистине представляли собой цементирующую силу, без которой немислимы крепкая воинская дисциплина, порядок и наши ратные успехи.

В течение двухдневного перерыва между боями с обеих сторон велась активная разведка. Наши разведчики добыли ряд важных сведений о том, что генерал Павлов в районе Средне-Егорлыкской сосредоточивает огромную массу конницы и пехоты. В донесениях подчеркивалось, что со стороны станицы Мечетинской к нему подходит значительное подкрепление.

Оценив на основе этих данных обстановку, С. М. Буденный поручил Зотову подготовить приказ частям армии на разгром войск Павлова, сосредоточившихся в районе Средне-Егорлыкской. 6-я дивизия имела задачу наступать с запада и северо-запада, 4-я — с юга и юго-запада, а 11-я — с востока. Пехотной группе конкретных боевых задач не ставилось, так как она не могла поспеть за конницей. 34-я стрелковая дивизия оставалась в Белой Глине и Песчанокоской для прикрытия левого фланга и тыла наших войск со стороны Кавказской армии. 20-я и 50-я дивизии направлялись в Средне-Егорлыкскую с задачей — действовать в соответствии с обстановкой.

Как же развивались события? В десять часов утра 25 февраля 6-я дивизия, несмотря на туман, в десяти — двенадцати километрах южнее Средне-Егорлыкской обнаружила колонну противника численностью до четырех — пяти тысяч сабель. Она шла навстречу буденновцам без боевого охранения. Впоследствии выяснилось, что это был 4-й Донской конный корпус. С. К. Тимошенко с ходу атаковал неприятеля и обратил его в паническое бегство, уничтожив при этом до тысячи белоказаков, захватив много пленных и богатые трофеи: 27 пулеметов, 9 орудий, до 300 оседланных лошадей.

По-другому сложились обстоятельства юго-восточнее Средне-Егорлыкской. Километрах в десяти от нее 2-й Донской корпус, насчитывавший до шести тысяч сабель, атаковал и начал теснить войска 20, 50 и 11-й дивизий. Со-

здалось опасное положение, которое могло привести к тяжелым последствиям.

На помощь пришел О. И. Городовиков. Одну бригаду он направил на поддержку кавалеристов 11-й дивизии, а с двумя другими стремительно атаковал правый фланг белоказацкого корпуса, теснившего нашу пехоту. Внезапный удар привел противника в паническое замешательство. В ходе преследования наши войска уничтожили более 500 белоказаков, взяли в плен до 1000 человек, захватили 100 пулеметов, 29 орудий и большой обоз.

В итоге этого скоротечного, но крупного сражения Первая Конная нанесла Павлову новое тяжелое поражение и освободила Средне-Егорлыкскую.

Потерпев поражение, Павлов отвел свою группу на северо-запад, в район станицы Егорлыкской и железнодорожной станции Атаман. Наша разведка донесла, что в этот же район подходят крупные подкрепления со стороны станицы Мечетинской. Видимо, Деникин решил любой ценой добиться победы над Первой Конной армией.

Результаты разведки и свои выводы по ним я доложил Семену Михайловичу Буденному.

— Вы правы, — сказал командарм. — Если Деникин направляет в Егорлыкскую подкрепления, значит, здесь готовится решительное сражение с нашей армией. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, надо разгадать оперативный план Павлова. А пока продолжайте разведку, собирайте новые сведения о противнике.

После разговора с Буденным я связался по телефону с начальниками разведки дивизий и потребовал срочно собрать и представить мне более подробные сведения о том, что наблюдается в Егорлыкской и на станции Атаман.

Разведчики поработали на славу, и утром 27 февраля я доложил командарму, что на подступах к станции Атаман и Егорлыкской белоказаки организовали плотную оборону, усиленную курсирующими по железной дороге бронепоездами. В Егорлыкскую уже переброшены войска 1-го Донского конного корпуса, Терско-Кубанские дивизии, пехотный корпус генерала Кутепова и пластунские части генерала Чернецова. Таким образом, группировка Павлова имела теперь около двадцати пяти тысяч сабель и пяти тысяч штыков.

Выслушав мой доклад, С. М. Буденный заметил:

— Да, сила серьезная. Придется отказаться от лобо-

вого удара на Егорлыкскую, который мы планировали накануне. Надо усилить оборону занимаемого нами рубежа, подтянуть ближе пехоту и тылы. Хорошо, если подсохнут раскисшие дороги...

Затем Семен Михайлович дал Зотову указание на подготовку соответствующего приказа. И это было очень своевременно, ибо со второй половины дня 27 февраля конница Павлова начала атаковать наши войска. Не добившись желаемых результатов, через два дня генерал отвел свою конницу в исходное положение.

Неудачи, естественно, порождали во вражеском стане неуверенность, упаднические настроения, и С. М. Буденный, учитывая это обстоятельство, решил немедленно силами конницы и пехоты 20-й дивизии нанести контрудар по Егорлыкской.

Помнится, к тому времени на смену морозам пришла оттепель. Снег насытился талой водой, стал рыхлым. Стоял плотный туман. Дороги раскисли, отяжелели.

Артиллерия, пулеметные тачанки и прочие повозки с грузами вязли в густой черной грязи. Но, невзирая на эти трудности, 4-я и 6-я дивизии к десяти часам 1 марта скрытно сосредоточились в нескольких километрах южнее Егорлыкской. К этому же пункту с юго-востока начала подходить и разворачиваться в боевой порядок для наступления 20-я дивизия.

Спустя некоторое время пехота при поддержке пулеметов и артиллерии перешла в энергичное наступление и стала теснить пластунов генерала Чернецова. 4-я и 6-я дивизии приготовились к атаке.

Когда отступающие пластуны подошли к восточной окраине Егорлыкской, наша разведка обнаружила ускоренное движение белогвардейской конницы в южной и западной части станицы. Командарм и мы, группа руководителей штаба, поняли, что противник готовит для нас ловушку. Его замысел был таков: захлестнув и смяв стремительной атакой 6-ю и 4-ю дивизии, отбросить их на северо-восток, под огонь пластунов и бронепоездов, затем ударом по левому флангу разгромить 20-ю пехотную дивизию.

С. М. Буденный поручил мне срочно передать Тимошенко приказание, чтобы он парировал подготавливаемый удар белоконницы, контратакой разгромил и отбросил ее. Семен Константинович блестяще справился с этой задачей. Расстроив артиллерийско-пулеметным огнем ряды

атакующей конницы, 6-я дивизия завязала с ней упорный бой.

Почти одновременно произошли аналогичные действия на участке 4-й дивизии. По приказанию командарма пачдив О. И. Городовиков, отбив огнем атаку вражеской кавалерии с южной окраины Егорлыкской, принудил ее отойти. Свое отступление противник прикрывал сильным огнем. Во избежание неоправданных потерь пачдив прекратил контратаку. Считая, что 4-я дивизия не имеет достаточных сил для решительного натиска, неприятель атаковала левый фланг 20-й пехотной дивизии. Введя таким образом противника в заблуждение, Городовиков ударил по правому флангу атакующих белогвардейцев и оттеснил их в Егорлыкскую.

Однако после этих успешных действий центр боевого порядка Первой Конной армии оказался наиболее слабым местом. Крупное соединение белой конницы прорвало цепь 19-го кавалерийского полка и устремилось в армейский тыл, создав тем самым серьезную угрозу артиллерийским позициям и штабам 4-й и 6-й дивизий.

Изумительное хладнокровие О. И. Городовикова, его находчивость и быстрота в принятии решения помогли в этот критический момент спасти положение. Пропустив в тыл дивизии конный офицерский полк, Ока Иванович приказал открыть артиллерийский и пулеметный огонь в упор по главной массе атакующих. Потеряв от этого огня офицерский полк, неприятель повернул назад, к Егорлыкской.

В ходе этого боя очень важную инициативу проявил С. К. Тимошенко. Отбросив наседавшую на его дивизию конницу противника, он ударил по правому флангу группы белоказаков, отходивших под натиском бойцов Городовикова. В результате такой взаимовыручки наших дивизий денкинцы потерпели жестокое поражение и откатились к станции.

Горячий бой шел между 20-й дивизией и пластунами генерала Чернецова, залегшими под прикрытием артиллерии на рубеже от юго-восточной окраины Егорлыкской до станции Атаман. Упорным натиском наша пехота сковала крупные силы противника и тем самым надежно обеспечивала правый фланг армии.

Сражение продолжалось до поздней ночи. Его характерная особенность состояла в том, что обе стороны упор-

но дрались за фланги. К исходу 1 марта 6-я дивизия заняла поселок Иловыйский, 4-я подошла к южной окраине Егорлыкской, 11-я совместно с пехотой 20-й дивизии заняла станицу Атаман и северо-восточную окраину Егорлыкской. Сюда же подошло около семисот сабель Кавказской кавалерийской дивизии Гая и дивизии имени Блинова из состава 10-й армии.

Убедившись, что Первая Конная армия — сильнейшее объединение, которое нельзя опрокинуть даже самыми отчаянными наскоками, генерал Павлов перешел к активной обороне. Однако буденовцы дрались на протяжении всей ночи, цепляясь за каждый дом, за каждую баррикаду, упорно, шаг за шагом, теснили противника на западную окраину Егорлыкской. К утру 2 марта станица была освобождена. Белогвардейцы отошли в северном и северо-западном направлении. Наши войска захватили много боеприпасов, оружия и других трофеев.

Сгруппировав к восьми часам 2 марта в ударный кулак до десяти тысяч сабель, генерал Павлов предпринял новую атаку против нашей армии. Однако успеха он не добился. В течение дня противник еще несколько раз атаковал наши полки, но, встречая активное сопротивление, с наступлением темноты начал общий отход несколькими колоннами в юго-западном направлении.

Усталость, бездорожье, взорванные мосты через реки не позволили нам организовать энергичное преследование. Командарм приказал усилить разведку, не терять из виду неприятеля, а тем временем привести основные силы Первой Конной армии в порядок, пополнить боеприпасы, эвакуировать больных, раненых и плененных, собрать и подсчитать трофеи.

Вскоре штаб армии выяснил, что за два минувших дня противник потерял до 1500 человек убитыми и 4000 пленными, 2000 лошадей, 40 легких орудий, 120 пулеметов, огромные обозы с боеприпасами, снаряжением и другим имуществом.

Большие потери имели также наша конница и пехота.

После Егорлыкской операции начался поспешный и беспорядочный отход противника по всему четырехсоткилометровому фронту. Спустя три-четыре недели денкинский фронт перестал существовать. Разрозненные части и уцелевшие соединения белогвардейцев стали действовать децентрализованно. Многие денкинцы либо сдава-

лись в плен, либо уходили в горы Северного Кавказа и на Черноморское побережье.

Что же касается Первой Конной армии, то при дальнейшем преследовании противника она имела еще несколько столкновений с остатками белой конницы. Так, например, 20 марта 4-я дивизия на подступах к Майкопу захватила 4 орудия, 30 пулеметов, уничтожила более 300 всадников.

6-я дивизия при наступлении на Белореченскую 21 марта разгромила конный отряд, захватив более 1000 пленных, 13 легких орудий, 40 пулеметов, 3 миллиона снарядов, 5 миллионов патронов и много другого имущества.

Таким образом, с 15 февраля по 3 марта 1920 года Первая Конная армия провела шесть крупных боев: четыре наступательных, один оборонительный и один встречный. Они явились суровым экзаменом для военачальников и командиров Красной Армии, серьезной проверкой волевых качеств и боевой закалки наших войск.

РАЗВЕДЧИКИ ПЕРВОЙ КОННОЙ

1

В первой половине декабря 1919 года Первая Конная армия С. М. Буденного, преследуя отступавшего противника, энергично продвигалась на юг. Общевойсковые армии, действовавшие слева и справа от нас, не поспевали за конницей. Даже приданные нам 9-я и 12-я стрелковые дивизии, обычно передвигавшиеся на конном транспорте местного населения, отставали от буденновцев. Как правило, наши кавалерийские части атаковали неприятеля первыми. Пехота обычно подходила позже и, вступая в бой в качестве второго эшелона, часто очень эффективно поддерживала конников.

Считая армию Буденного решающей силой Южного фронта, белогвардейское командование не раз предпринимало попытки разгромить ее. Впервые осуществить свой замысел неприятель решил на линии железнодорожных станций Сватово (между Купяльском и Старобельском) — Рубежная (четыринадцать километров севернее Лисичанска), где сосредоточились крупные силы конницы генерала Улагая, поддерживаемые четырьмя бронепоездами и несколькими полками пехоты.

Однако попытка эта не увенчалась успехом. Первая Конная нанесла значительный урон вражеской группировке. Особенно сильные бои шли в районе станций Сватово, а затем Меловатка и Кабанье. 20 и 21 декабря белым было нанесено решающее поражение. Бросая орудия, пулеметы, обозы, они в панике бежали на юг и к исходу 21 декабря тремя крупными группами, под прикрытием оставшихся трех бронепоездов, откатились к станции Рубежная, которую к тому времени успела занять 2-я брига-

да 6-й кавалерийской дивизии нашей армии. Это было совершенно неожиданно для улагаевцев.

Как это произошло? В то время, когда главные силы буденновцев дрались с врагом в районе станции Сватово, 2-я бригада И. Р. Апанасенко, в которой я был начальником разведки, 20 декабря получила задание выйти в тыл к белым и захватить станцию Рубежная. Двигался с севера на юг, мы прошли через село Мостки на Новую Астрахань, сделали там четырехчасовой привал, а утром 21 декабря выступили на Рубежную.

За нами следовала и 1-я бригада 6-й кавалерийской дивизии. В начале второй половины дня мы стремительным налетом захватили станцию. Находившиеся там небольшие подразделения белых частью были уничтожены, частью разбежались и скрылись в лесу, прилегающем к станции с западной стороны. В это время 1-я бригада без боя заняла села Епифановку и Боровеньки, что северовосточнее Рубежной.

Выход в тыл врага и захват станции, через которую проходила единственная железнодорожная магистраль, обязывали бригаду ко многому. Нам было известно, что здесь действуют бронепоезда белых. Комбриг И. Р. Апанасенко приказал командирам полков и мне разрушить или разобрать железнодорожное полотно.

Не имея специального инструмента и взрывчатки, бойцы кое-как сбили два бруска рельсов. И тут к станции с севера на большой скорости подошли три бронепоезда белых. Четвертый, будучи поврежденным, был захвачен частями 4-й кавалерийской дивизии на станции Сватово. Противник открыл по нашей бригаде ураганный артиллерийско-пулеметный огонь. Конники вынуждены были укрыться в прилегающих к станции складках местности и за пристанционными постройками.

Команда головного бронепоезда начала быстро восстанавливать полотно железной дороги. Мы надеялись, что наша артиллерийская батарея, которой командовал отважный командир А. М. Наливайко, воспрепятствует этому. Но она почему-то молчала. Повеже мы узнали, что батарея, застигнутая бронепоездами врасплох, не могла под их шквальным огнем стать на удобную огневую позицию. Да и вряд ли в сложившихся условиях она смогла бы успешно бороться одновременно против трех бронепоездов: каждый из них имел по четыре 76-миллиметровых

орудия и по двенадцать станковых пулеметов системы «Максим». К тому же незначительная дистанция стрельбы была более выгодна для противника. Он мог обрушить на нашу батарею еще и огонь половины своих пулеметов.

Примерно через полчаса бронепоезда восстановили полностью железную дорогу и безнаказанно ушли на станцию Невсетевич: мы не имели никаких средств борьбы с ними.

Минут через тридцать после ухода бронепоездов Апанасенко получил первое боевое донесение. Подскочивший на галопе разведчик доложил:

— Товарищ комбриг! Вдоль железной дороги к станции движется очень большая колонна конницы.

Апанасенко приказал командиру 33-го полка М. Ф. Убогому:

— Посадите полк на коней!

Полетела команда:

— Эскадроны, по коням! Садись!

Тревожное ожидание противника длилось недолго. Вскоре на северо-западе показалась двухтысячная белоказачья кубанская конница. Сплошные черные бурки, шапки-кубанки и развевающиеся башлыки.

Апанасенко выхватил наган и, указывая им в сторону противника, до которого оставалось немногим более километра, отдал командиру 33-го полка приказ:

— Атаковать!

В руке М. Ф. Убогого сверкнул клинок.

— Полк, шапки к бою! За мной в атаку, рысью — марш! — зазвенел повелительный голос.

Обнажив клинки, эскадроны во взводных колоннах широкой рысью двинулись вслед за своим командиром. Загремело «ура». Под копытами коней взметнулась снежная пыль.

У буденновцев было сильно развито чувство взаимовыручки. Видимо, оно мне и подсказало мысль помочь атакующим. Я обратился к командиру бригады:

— Разрешите помочь тридцать третьему полку.

Апанасенко коротко ответил:

— Действуйте!

Я оставил начальнику штаба в резерве сабельный и пулеметный взводы, с остальными силами бригадной разведки пошел в атаку левее эскадронов полка.

Хотя противник численно превосходил нас, мы имели моральное и тактическое преимущество. Дело в том, что

белые были уже основательно потрепаны главными силами Первой Конной армией, появление в их тылу новых частей Красной Армии действовало на них панически. Голова казачьей колонны повернула в лес, прилегающий к станции. Однако центр и хвост вражеской конницы попали под сильный фланговый удар атакующих. Затем началось фронтальное преследование белоказаков.

Бой разгорался в лесу. В спешке конных масс отступающим было очень трудно вести активное сопротивление, тем более, что они не имели ни пушек, ни пулеметов. 33-й полк и бригадная разведка беспощадно били, рубили врага.

Беспокоясь о том, что разведчики могут срочно понадобиться командиру бригады, я вывел из боя половину состава своей команды и, возвратившись на станцию, доложил Апанасенко обстановку. Исход схватки не вызывал у него сомнений: враг отступает, преследуемый нашей конницей.

Сразу же после моего доклада дозорный сообщил командиру бригады, что в нашем направлении движется вторая конная колонна, равная по численности первой. Апанасенко тотчас же отдал приказ командиру 34-го полка подготовиться к атаке. 5-й его эскадрон оставался в резерве комбрига.

Вскоре показались конники, одетые в шинели. Это могли быть и наши бойцы. Апанасенко забеспокоился: с дальнего расстояния трудно определить, свои идут или чужие.

На вопрос комбрига раньше всех реагировал начальник штаба бригады Б. А. Погребов. Это был образцовый штабной командир. Требовательный, тактичный в обращении, всегда аккуратно одетый и подтянутый, он восхищал сослуживцев своим бесстрашием и отвагой в бою.

— Вышлите дополнительный боевой развед, — приказывал он мне, — и уточните, чья это конница.

Разъезды стояли около нас наготове. Я выслал вперед группу конников во главе с опытным разведчиком — командиром взвода Платоновым.

Вглядываясь в колонну, воеиком бригады И. А. Шляев первым прервал молчание:

— Нет, не наши. Это белые донцы!

Иваку Андреевичу Шляеву было в ту пору двадцать три года. В старой армии он служил унтер-офицером.

В 1917 году вступил в партию большевиков. Хорошо зная политраблиту, Шляев пользовался заслуженным авторитетом среди отважных буденновцев, был внимателен и справедлив и во многом дополнял комбрига. В мае 1920 года за образцовую деятельность на посту комиссара бригады, а также мужество и отвагу, проявленные в боях, он был награжден орденом Красного Знамени.

— Это белые донцы, — повторил Иван Андреевич.

— Безусловно белые, — одновременно сказали несколько человек.

— Наши шли бы с разведкой впереди, искали бы противника, чтобы добить его. А эти идут без разведки, не ищут нас. Значит, удирают, — решительно высказал свое мнение обычно сдержанный в суждениях командир 34-го кавалерийского полка И. В. Селиванов.

— Верно, — подтвердил Апанасенко.

Тут же наблюдатель доложил, что Платонов, посланный мною, подавал сигнал: перед ним противник! То же повторил и начальник ранее находившегося там боевого разъезда. Комбриг снова направил револьвер в сторону конницы врага и произнес:

— Командир 34-го полка, атаковать!

Иван Васильевич Селиванов обнажил пашку и помчался к своим эскадронам.

— Полк, в атаку за мною, рысью — марш! — загредел его мощный голос.

У Селиванова было человек восемьсот, у противника — в два-три раза больше. Чтобы в случае контратаки белых помочь Ивану Васильевичу, этому отважному командиру и прекрасной души человеку, я подозвал к себе Михаила Макаручука, возглавлявшего пулеметный взвод разведки.

Однако помощь не потребовалась. Когда конники 34-го полка в полукилометре от белых перешли в галоп, те, даже не обнажив клинков, повернули в лес.

Получилась довольно сложная ситуация: 33-й полк и часть разведчиков преследовали первую группу белоказаков, вторую гнал Селиванов. Может случиться так, что вторая колонна белых неожиданно ударит в тыл конникам М. Ф. Убогого. На мой взгляд, надо было подпустить вторую колонну противника поближе и открыть по ней сосредоточенный артиллерийский и пулеметный огонь. Бригада имела четыре трехдюймовые пушки и тридцать четыре станковых пулемета на тачанках.

Видимо, это понимал и Апанасенко, но теперь, когда принято решение и Селиванов преследует белоказаков, положение исправить уже невозможно.

Начинало вечереть. Видимость ухудшалась. Из леса доносились стрельба и шум рукопашного боя. Теперь исход его решали мелкие подразделения и отдельные самостоятельные действующие отважные бойцы. Управлять полками с помощью сигналов или голоса Апанасенко и его штаб не могли. Оставалось надеяться на лучший исход: отступая в панике, белые не окажут организованного сопротивления.

Все мы беспокоились не только за судьбу 33-го полка, но и за резервы бригады. В случае появления новых войск противника в направлении станции Рубежная один сабельный эскадрон и часть сил бригадной разведки не смогут оказать решительного противодействия...

Тягостная неизвестность длилась около получаса. Апанасенко очень часто и внимательно смотрел на тот бугорок, где находился со своим боевым разъездом командир взвода Аким Владимирович Платонов. Я знал, что этот отважный разведчик не подведет.

Вскоре на КП бригады прибыл боец от Платонова и доложил:

— Товарищ комбриг, в двух верстах от разъезда вдоль железной дороги идет в нашем направлении большая колонна конницы. Видны сплошные бурки. Платонов считает, что это белоказаки-кубанцы.

И в самом деле, на фоне уже серевшего небосвода появилась колонна. В ней было, по определению на глаз, не менее трех тысяч всадников. А у нас всего-навсего двести сабель. Я посмотрел на комбрига. Апанасенко сурово нахмурился: положение было очень серьезным.

Иосифа Родионовича Апанасенко я знал хорошо. Впервые мы встретились в сентябре 1918 года на съезде командиров краснопартизанских отрядов на хуторе Степаненко Ставропольской губернии. Там происходила реорганизация партизанских отрядов в регулярные части Красной Армии. Апанасенко был горячим сторонником этой реорганизации. Вскоре его назначили командиром стрелковой бригады 2-й Ставропольской рабоче-крестьянской советской дивизии. Как военный человек, И. Р. Апанасенко заметно проявил себя еще в период империалистической

войны, получил за боевые подвиги все награды нижних чинов русской армии и чин прапорщика.

Обладал большим боевым опытом и природным дарованием, он скоро обратил на себя внимание и в Ставрополе. Отважными боевыми действиями против белогвардейцев он выдвинулся в ряды выдающихся командиров. В феврале 1919 года Апанасенко назначается начальником 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии и командует ею, с небольшим перерывом, до декабря 1919 года. На Польском фронте он также был во главе этой дивизии, переименованной в 6-ю кавалерийскую. Я работал начальником штаба у него. Мы хорошо понимали друг друга. Мне часто приходилось бывать с ним в боях. В самых сложных условиях фронтовой обстановки Иосиф Родионович никогда не терялся, не падал духом. Он обладал большой энергией и силой воли, находчивостью и решительностью, которые ярко проявлялись во всех его действиях.

По службе Апанасенко был очень требовательным, любил дисциплину и порядок во всем. Бойцы и командиры очень уважали его, знали, что он сумеет найти выход из самой трудной ситуации.

В мирные годы Иосиф Родионович Апанасенко командовал корпусом, округом, Дальневосточным фронтом. Во время Отечественной войны он был генералом армии, заместителем командующего Воронежским фронтом. В 1943 году И. Р. Апанасенко попал под бомбежку немецко-фашистской авиации и погиб. Страна увековечила добрую память об этом отважном солдате революции, верном сыне своем, видном военном деятеле, установив ему памятники в городах Белгороде и Ставрополе.

Но вернемся к событиям у станции Рубежная. Увидев третью колонну белых, комбриг посуровел и повелительным голосом сказал начальнику штаба:

— Начальникам пулеметных команд быть готовыми к открытию огня!

Командиру батареи он приказал подготовиться к стрельбе картечью. «Значит, сабельной атаки не будет, — подумал я. — Слишком не равны силы».

Каково же было удивление всех, кто стоял рядом с Апанасенко, когда он подозвал командира 5-го эскадрона Бессарабова и приказал:

— Вот противник. Атакуйте его!

Бессарабов без промедления выхватил пашку из ножен и начал проворно размахивать ею:

— Развернись! Развернись в лаву!

И мы увидели редкую картину: эскадрон одновременно с движением вперед на врага расчленился в развернутый боевой порядок — в лаву.

Решение командира бригады казалось слишком рискованным: белоказаки могли без труда смять конников Бессарабова и овладеть станцией Рубежная. Мы смотрим на поле боя и своим глазам не верим: противник, немного постояв на месте, круто повернул вправо и на широкой рыси стал уходить в открытую степь.

— Сволочи, учуяли, — с каким-то разочарованием произнес Апанасенко и вытер платком лоб.

Я обратился к нему:

— Товарищ комбриг, разрешите мне с разведкой помочь Бессарабову?

Но он не разрешил рисковать своим последним резервом.

Преследуя белогвардейцев, Бессарабов скрылся из виду. Вечерние сумерки опустелись на заснеженную степь.

На что же надеялся Апанасенко, принимая такое опрометчивое, на первый взгляд, решение? Он полагал, что белые устремятся на наших конников и нарвутся на губительный артиллерийско-пулеметный огонь. Тем временем эскадрон Бессарабова успеет уйти из-под удара неприятеля, кони которого были утомлены большим переходом.

Однако белоказаки не пошли в атаку: либо побоялись, что в засаде находятся значительные силы буденновцев, либо были настолько утомлены и морально надломлены предыдущими неудачами, что всякая встреча с красной конницей вызывала у них панический страх.

Так или иначе, но противник потерял в этом бою не более сотни всадников. И если комбриг остался недоволен тем, что его замысел не осуществился, то в эскадроне Бессарабова боевой дух значительно поднялся: бойцы одержали победу над врагом, который во много раз превосходил их по численности.

А что же тем временем происходило в лесу, который полосой до двух-трех километров в ширину тянулся между железной дорогой и рекой Северный Донец на шесть

километров? Об этом мне рассказали разведчики, преследовавшие первую группу белоказаков и возвратившиеся вечером на станцию Рубежная.

Уничтожая врага, отважно сражались не только подразделения буденновцев, рассыпавшиеся для удобства действий на мелкие группы, но и отдельные бойцы. Особенно отличился разведчик Василий Игнатович Бурьянов, которого я знал уже давно.

Родился Бурьянов в 1897 году в семье крестьянина-бедняка села Рагули Ставропольской губернии. В старой русской армии он служил в 17-м драгунском полку рядовым. В красную конницу вступил добровольцем летом 1918 года. С этого времени сражался против белогвардейцев в составе 3-го кавалерийского полка 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии, который затем был переименован в 33-й кавполк в составе 6-й кавалерийской дивизии Первой Конной армии.

Я часто посылал этого смышленного и храброго разведчика в дозор.

Вспоминается такой случай. Незадолго перед этим из села Петровское бригадная разведка вышла на Анохино, что в одиом переходе к северо-востоку от города Купянска. Было морозное декабрьское утро. Заснеженные поля просматривались километров на пять вдаль. В голове разведки, на удалении около двух километров, двигался сабельный взвод, а справа и слева шли боковые дозоры каждый из двух человек.

Противник после неудачного для него боя за ночь оторвался от нас, и теперь мы не знали, где и когда наша команда встретит его. Солнце уже перевалило за полдень, а мы все шли и шли, не встретив ни одного белоказачьего разъезда. Наконец начальник разведки 33-го полка Степан Тараканов доложил мне, что правый боковой дозор подал сигнал и отклонился вправо от своего маршрута, чтобы проверить подозрительный объект. Старшим дозора был Бурьянов, его помощником — молодой разведчик Пивоваров.

«Бурьянов — опытный боец, напрасно отклоняться в сторону не станет», — подумал я. Спустя час Тараканов доложил мне, что дозорные возвратились, каждый из них привел с собой по две верховые лошади с седлами и захваченным оружием шести убитых белоказаков. Я приказал прислать их обоих в голову команды. И вот раз-

ведчики едут рядом со мною. Бурьянов начал рассказывать.

— Павел, — указал он на Пивоварова, — первым увидел на бугре, недалеко от скирды соломы, двух спешенных казаков. До них было побольше версты. Мы предупредили своих — сделали два круга шашкой над головой — и рысью поехали в сторону казаков, помажав им шапками: «свои», мол.

— Ты скажи, Василий, предупреждал я тебя о том, что надо захватить «языка», или нет? — перебил его Пивоваров.

— А как же, — подтвердил Бурьянов, — говорил. Но я подумал, что это очень рискованно: за скирдой могли быть и другие беляки. Правильно я поступил? Факт! Едем дальше. До скирды — рукой подать. Чтобы не спугнуть беляков, начали вертеть самокрутки, хоть Павел вовсе не курит.

— Усыпляли бдительность паразитов, — засмеялся Пивоваров.

— Ну и как, усыпили? — спросил я разведчиков.

— На сто шагов подпустили нас, — продолжал Бурьянов, — а потом спохватились, кинулись к лошадям. Но было поздно. Мы взяли в карьер, шашки вод и — раз-раз! Потом заглянули за скирду. Там поднялась суматоха. Четверых мы уложили на месте, а троим удалось удрать в Купянск, — закончил Бурьянов.

— Трофеи мы привезли, вы их видели, — добавил Пивоваров.

— Значит, не удалось привести «языка»? — спросил я разведчиков.

— Виноват! — как старший двора, ответил Василий Бурьянов. — Увлёклись...

Вот этот случай я и вспомнил, слушая рассказ Василия Бурьянова о том, что с ним приключилось в лесу под Рубежной. А произошло вот что.

Белоказак, выбитый одним из конников 33-го полка из седла, выстрелил в Бурьянова, но промахнулся и попал в его коня. Василий, раздосадованный потерей своего боевого друга, отомстил белоказаку. Это был уже четвертый улагаец, уничтоженный Бурьяновым в этом бою.

Полковые конники и разведчики в спешке преследования противника не заметили беды Василия. Он остался один. Услышав приближение новой волны конницы — это

была вторая колонна врага, отступившая в лес под натиском 34-го полка, — Бурьянов снял с убитого казака погоны, шапку, бурку и синий башлык: возможно, пригодятся.

И пригодились. Увидев генерала во главе отступающих улагаевцев, Бурьянов преобразился в «белого» казака и, взяв под козырек, сказал ему: «Ваше превосходительство! Брат ранен, надо спасти...»

Генерал что-то буркнул, махнул рукой и, не сбавляя аллюра, помчался дальше вместе со своей свитой и остальными приспешниками. Никому не было дела до бедного «казака», пытавшегося «спасти брата». Каждый из них думал только о себе.

Когда вражеская колонна поредела и осталась лишь жидкая завеса, прикрывавшая ее, Василий заметил офицера. «Ваше благородие! Брат ранен, надо его спасти», — снова применил он свою хитрость. Когда офицер замедлил ход, Бурьянов сразил его выстрелом из нагана. Забрав оружие и сумку с картой и документами, Василий вскочил на офицерского коня, сбросил погоны и кокарду и с подоспевшими бойцами 34-го полка ринулся в погоню за белями. Во время преследования Бурьянов уничтожил еще пять белоказаков.

Отчаянно рубился в лесу и командир взвода 33-го кавалерийского полка Алексей Коломейцев, бывший унтер-офицер. Белогвардейцы беспощадно истребили всю его семью, всех родственников, и теперь он люто мстил врагу в каждом бою.

— Двоих сокрушил слева, двоих — справа, — рассказывал Алексей, одинаково умело действовавший шашкой обеими руками. — Смотрю, впереди хрупкий казачишка. Ну, думаю, этого рассеку надвое. И только занес над ним клинок, как увидел огромные синие глаза девушки. И рука моя задрожала, черт возьми... Жаль стало. Я погрозил ей кулаком, крикнул, чтобы она не смела дальше ехать, а сам помчался со своими бойцами за казачней, бежавшей к станции Несветевич.

На этом не кончилась любопытная история с девушкой. Пленница оказалась медсестрой. На допросе она сказала, что является дочерью мелкого служащего, к белым попала по ошибке.

— Можно мне у вас остаться? — спросила Варя, так ее звали. — Буду честно служить Советской власти и

Красной Армии, стану перевязывать раны бойцам и командирам, помогать вам всем, чем могу.

Ее зачислили в 33-й полк медсестрой. Справившись с пережитым волнением, она попросила показать ей человека, который оставил ее в живых. Увидев Алексея Коломейцева, рослого, статного буденновца, она смущенно опустила ресницы и признательно поблагодарила его.

До конца войны Варя служила в этом полку. Много раз участвовала в боях. Усердно оказывала медицинскую помощь бойцам и начсоставу. Она убедилась, что у этих бесстрашных и честных людей, ставших ее новыми боевыми соратниками, большое человеческое сердце.

Во время сгорлыкского боя ее увидел комиссар полка Шахлин и спросил:

— Как дела, Варя? Не обижают ли в третьем эскадроне?

Варя с гордостью ответила:

— Что вы, что вы, товарищ комиссар! Там такие ребята прекрасные! Очень внимательны ко мне. Во всем помогают: коня накормят и напоют, расседлают и оседлают, квартиру удобную подыщут и накормят меня. С ними очень легко. Не было ни одного случая бестактного отношения ко мне. Я искренне полюбила их. Спасибо вам, товарищ комиссар, что зачислили меня в этот эскадрон.

— А как к вам относится ваш спаситель? — спросил комиссар, зная крутой нрав Коломейцева, ставшего теперь командиром 3-го эскадрона.

Варя сразу смутилась:

— Алексей Антонович? Давайте, товарищ комиссар, об этом как-нибудь потом. А теперь разрешите мне ехать. Наш эскадрон подготовился идти в атаку.

На этом разговор Вари с комиссаром был прерван. Шахлин видел, как медсестра вместе с эскадронами, предшим первым эшелонам, помчалась в атаку, зажав в руке маленький пистолет.

Забегая вперед, скажу, что Варя полюбила Алексея и сердце лихого буденновца ответило девушке взаимностью. После гражданской войны они поженились и уехали на родину Алексея Коломейцева — в село Благодатное, Ставропольской губернии.

Но вернемся к результатам боя у Рубежной. Три бронепоезда, прорвавшиеся к станции Несветевич, успели пройти по мосту через Северный Донец в город Лиси-

чанск. Иных целей они, видимо, и не преследовали. 1-я бригада 6-й кавалерийской дивизии захватила станцию Несветевич уже после того, как вражеские бронепоезда вырвались на юг.

5-й эскадрон, преследовавший третью колонну белоказков в степи, с наступлением темноты вынужден был прекратить погоню. Противник потерял, как я уже говорил, до ста человек, а наши конники возвратились без потерь.

33-й и 34-й полки гнали белогвардейцев по лесу около пяти километров и, уничтожив до четырехсот человек, в том числе трех полковников и генерал-майора Чеснокова, возвратились на станцию другим маршрутом — полем. У них было убито два человека и пять ранено.

Пострапанный и морально надломленный противник отошел, не вступив с нами в активный бой. Иосиф Родионович Апанасенко построил бригаду в каре и выступил перед бойцами и командирами с краткой зажигательной речью. Он сказал:

— Сыны революции! Сегодня вы одержали блестящую победу над врагом, превосходившим вас по численности во много раз. Враг понес крупные потери. От имени социалистической революции поздравляю вас с этой большой победой! Будем и впредь так же бить и окончательно добивать белогвардейщину — оплот контрреволюции.

Да здравствует Советская республика!

Да здравствует наш вождь товарищ Ленин!

Да здравствует мировая революция!

Зимнюю ночь огласило могучее троекратное «ура».

Бригада во главе с разведкой пошла на ночной отдых в ближайшее крупное село Варваровку.

2

В самом начале января 1920 года комбриг И. Р. Апанасенко вел своих конников по донбасской земле, освобождая от белогвардейцев города, станицы и села. Обретенная свобода была самым лучшим новогодним подарком трудящимся, страдавшим в белой неволе. И буденновцы, утомленные непрерывными походами и подчас голодные, были горды тем, что на своих клинках они несут народу долгожданное освобождение, вновь повсеместно восстанавливают Советскую власть.

Разведчики моей команды всегда шли впереди боевых полков, нередко сталкивались с неприятелем и отважно вступали с ним в неравные бои. Разведчиков всегда ожидала неизвестность, но это были храбрые люди, они никогда не сетовали на трудности.

2 января, часа за два до наступления темноты, мы пришли в село Степановку, что в двадцати пяти километрах юго-восточнее станции Чистяково. Выполнив задачу, поставленную командиром бригады, мы решили заночевать в этом селе.

На улице, где остановилась команда разведчиков, стали появляться местные жители, в большинстве своем шахтеры. Я поздоровался с ними и спросил:

— Давно ли здесь были белые и куда они ушли?

— Часа полтора назад ушли отсюда по дороге в село Калиновка. Верст десять до него, не больше, — слышалось в ответ.

Я достал карту. Это была единственная дорога, и свернуть с нее белогвардейцы не могли: некуда.

— А велик ли неприятель числом?

Мне сказали, что в Калиновку ушел обоз подвод на сто в сопровождении роты пехотинцев.

— Вы — конные, можете быстро догнать их и отнять обоз, — сказал один из шахтеров.

— Мы можем поехать с вами, подсобить, — поддержал его другой горняк.

— Правильно!

— Действуйте, товарищ командир.

Люди, видимо, очень хотели, чтобы буденновцы, о которых они много слышали, в их присутствии показали свою решительность, боевую удачу. Это имело, разумеется, большое значение: в случае нашего успеха стоустая молва, опережая нас, полетит от села к селу, от города к городу: вот они какие, красные конники!

Мы целый день были в пути. Люди и кони порядком устали. А тут еще предстоят двадцатикилометровый бросок в оба конца и бой с охраной обоза. Поразмыслив, я решил выделить в поход на Калиновку сорок всадников, чтобы дать возможность остальным силам разведки хорошо отдохнуть.

— Сейчас будем догонять белых, — сказал я шахтерам.

— Хорошее дело!

— Мы так и думали, — одобрительно загудели степановцы.

Но когда они увидели, что ко мне подъехали всего лишь четыре десятка всадников — по двадцать от каждой полковой команды, на лицах шахтеров появилось удивление и даже разочарование: справятся ли буденновцы с врагом?

В погоню мы пошли на большой скорости, рассчитывая закончить задуманное дело до наступления темноты. Никто из нас не знал здешних мест. Руководствовались картой и визуальным обзором местности. В пути я обдумывал возможные варианты действий обозников и их охраны во время нашего нападения. Драться с белыми — значит терять своих людей в бою: каждая хата, сарай или забор — опора для них, а для нас — серьезное препятствие. В общем, я решил избежать столкновения, попытаться взять противника в плен без боя.

Рядом со мной ехали два командира взвода: Аким Платонов, уроженец Астраханской области, и Ефим Михайлов — мой земляк, ставрополец. Это были расчетливые и отважные командиры. На ходу я информировал их о предстоящей задаче, о составе обоза белых, силе его охраны, а также о плане наших действий.

— Если белые окажут огневое сопротивление, то нам будет трудно выполнить задачу: они превосходят нас по численности в пять — семь раз, — закончил я.

Командиры взводов согласились со мной, что драться будет трудно, но ни один из них не выразил сомнения или неуверенности в нашем успехе. Однако я в душе все-таки волновался: четкого плана действий у нас еще не было.

Через час мы выехали на бугор, находившийся в километре от Калиновки. Остановившись, присмотрелись. В селе не было видно ни одной подводы. По дорогам, ведущим от Калиновки на юг, юго-восток и юго-запад, никакого движения не наблюдалось. Куда же мог уйти вражеский обоз?

— За минувшие два с половиной часа беляки не ушли далеко, — сказал Аким Платонов.

— Может, подводы стоят у построек и их отсюда не видно? — предположил Ефим Михайлов.

И тот и другой были, конечно, правы.

Теперь у меня созрело окончательное решение: создать видимость окружения противника.

— Будем действовать так, друзья, — сказал я командирам взводов. — Платонов с двенадцатью разведчиками пойдет на западную окраину села и станет там маневрировать: пусть белые думают, что у него крупные силы.

— Понял, — коротко ответил Аким.

— Остальные двадцать восемь человек входят в Калиновку с противоположной стороны. Не открывая стрельбы, мы проскачем по селу, предлагая белым сдаваться без боя. Наши союзники — внезапность и маневренность. Ясно?

— Так точно! — ответили командиры взводов.

Рассказав всем бойцам о принятом решении, мы приступили к его осуществлению. Выход обеих наших групп на окраины Калиновки удался успешно. Никакой охраны на подходе и на окраинах села у белых не оказалось. И с их стороны не последовало ни одного выстрела.

Оставив Михайлова с разведчиками у мельницы и приказав ему непрерывно маневрировать, я пришпорил коня и помчался вдоль улицы в сторону, где находилась группа Платонова. Справа у построек стояли сани, бричка и охранявшие их солдаты.

— Вы окружены полком конницы Буденного! Сдавайтесь, трогать не будем! — громко объявлял я па ходу.

Белые не сделали по мне ни одного выстрела. По моему сигналу бойцы Михайлова и Платонова двинулись навстречу друг другу, повторяя те же слова, что говорил я. Человек шесть — восемь продолжали маневрировать на обоих концах улицы, создавая видимость окружения села. Перепуганные солдаты охраны выскакивали из хат, не зная, что делать.

— Вы окружены! — кричали им разведчики. — Складывайте оружие на подводы!

Некоторые офицеры пытались приостановить сдачу оружия и приказывали подчиненным стрелять по разведчикам. Но солдаты не слушались их. Буденновцы действовали расторопно: наблюдали за сдачей оружия, поодаль выстраивали пленных, зорко следили за обстановкой.

Вскоре все было закончено. Через полчаса взвод Михайлова конвоировал обоз с оружием и другим имуществом, а Платонов вел со своими разведчиками колонну пленных.

В Степановку мы вернулись с богатой добычей. Несмотря на сумерки, местные жители не расходились по домам, восхищаясь боевой удачей буденновцев.

— Лихие ребята!

— Что и говорить! Гляди, сколько белых привели!

— А обоз-то, обоз какой! — слышались удивленные голоса.

— Недаром о них слава летит быстрее конницы!

Ко мне подошли те шахтеры, которые посоветовали догнать обоз противника.

— Ну как, товарищ командир, удался поход? — весело спросили они.

— Спасибо вам, друзья, за добрый совет, — поблагодарил я их. — Как видите, все обошлось благополучно.

Дождю еще продолжался теплый, душевный разговор. Только к полуночи утомилось село. Легли отдыхать и разведчики, которым снова завтра предстоял большой поход.

3

После решающего сражения Первой Конной совместно с частями и соединениями 10-й армии против крупнейшей группировки противника у станицы Егорлыкской бои по своим масштабам стали заметно мельче. У большинства белогвардейских частей боевой дух был сломлен. Но считать, что с деникинской контрреволюцией, с ее главными силами уже все покончено, было еще рано. Деникин надеялся на восстановление боевого духа своих войск, на возрождение их боевой мощи. Он рассчитывал задержаться на рубежах рек Кубань, Лаба, Белая, «отсидеться, пока не сойдут маразм и уныние с людей, потрясенных роковыми событиями».

Продвигаясь вперед, к побережью Черного моря, мы продолжали вести бои с сопротивлявшимся белыми еще и в середине, и даже во второй половине марта 1920 года. Так, например, 16 марта на подступах к станице Усть-Лабинской главные силы 6-й кавалерийской дивизии столкнулись с белогвардейским конным корпусом князя Султан-Гирея, который насчитывал около пяти тысяч сабель.

В первом эшелоне нашей дивизии шли 1-я и 3-я бригады, а бригада И. Р. Апанасенко двигалась во втором. Командование считало, что наиболее уязвимым является наш правый фланг, потому что с этой стороны находился город Екатеринодар (ныне Краснодар), занятый неприятелем.

телем. Именно отсюда могли последовать контрудар или нападение вражеских бронепоездов.

Наблюдение за правым флангом дивизии и его обеспечением было возложено на 2-ю бригаду. Апанасенко приказал мне выдвинуться с командой разведчиков к железнодорожной станции и западной окраине станицы Усть-Лабинской.

— Тщательно следите за противником, — посоветовал комбриг. — О подходе его сил или бронепоездов немедленно донесите мне: надо как следует встретить белых. При встрече с мелкими подразделениями врага можете действовать самостоятельно.

В назначенный район мы прибыли во второй половине дня. Не дойдя до станицы километра два, мы увидели перед собой значительно превосходившую нас по численности конную группу белых. Я остановил команду. Что делать?

— Давайте атакуем беляков с ходу! — сказал Степан Тараканов, начальник команды разведчиков 33-го полка.

Его поддержал командир взвода Григорий Лоципа:

— Ребята настроены по-боевому и просили передать вам их просьбу: рвутся в атаку!

— А что вы думаете по этому вопросу, товарищ Вейш? — обратился я к начальнику разведкоманды 34-го полка, очень уважаемому бойцами, мужественному и рассудительному человеку.

Понимая настроение большинства командиров и рядовых конников, Вейш улыбнулся и ответил:

— Почему такая демократия в конце войны? Я за то, как решит старший начальник. В общем, согласен атаковать белых.

Тем временем от группы противника отделились два всадника и направились в станицу.

— Что-то задумали, гады, — проговорил Тараканов.

— Пока не поздно, — заметил Лоципа, — надо идти в атаку.

Да, личному составу команды хотелось как можно скорее очистить Кубань от белогвардейцев, втянувших ее в омут контрреволюции. Отважные командиры-кубанцы тоже горели нетерпением сразиться с неприятелем. Но одно дело — боевой порыв, другое — трезвый расчет. Мы могли нанести по врагу только фронтальный удар. Зайти

белым во фланг у них на виду не представлялось возможным, потому что они сами могли контратаковать разведчиков или в крайнем случае отойти в Усть-Лабинскую. Атака же с фронта могла окончиться для нас большими потерями. Кроме того, преследуя противника, можно нарваться на другие его силы, пока что неизвестные нам. Недаром же в станицу поскакали два связных белоказака.

Обо всем этом я рассказал своим боевым друзьям. Эти доводы для Тараканова, в прошлом бывшего политура, оказались неубедительными. Он возразил:

— Но ведь белые морально очень сильно надломлены!

— Э, друже, — отозвался Вейш, видимо понявший, что я не намерен без надобности рисковать: мы разведчики, и бой для нас — не главная задача, — раненый зверь часто бывает очень страшен.

Взвесив все шансы, я объявил свое решение:

— С атакой давайте повременим.

В этот день дежурной была команда 33-го полка. Она выделила три боевых разъезда, которые получили задачу окольными путями проникнуть в станицу и выяснить обстановку: если там есть противник, установить его состав, боевые средства, захватить пленных.

Разъезды отправились выполнять задание. С чем они возвратятся? Этот вопрос волновал всех разведчиков.

Ожидание длилось не долго. Меньше чем через час разведчики доставили пленного. Сопровождавшие его конвоиры передали мне просьбу наших разъездов: пленного допросить на месте, оставить в команде и передать его им на поруки.

Просьба такого рода со стороны бойцов была первой, поэтому пленный сразу заинтересовал меня. Это был семнадцатилетний юноша из трудовых кубанских казаков. Насильно мобилизованный белыми, он с 1 марта служил в 9-й бригаде конного корпуса Султан-Гирея. Григорий так звали парня, дал нам правдивые и ценные показания о противнике. А потом со слезами на глазах спросил:

— Меня расстреляют?

Я ответил:

— Нет, зачислим в нашу команду. Будешь воевать против белых?

Он ответил, что будет. Я поздравил его с зачислением в Красную Армию. Григорий загорелся радостным вол-

нением. Наши бойцы дали ему новую фамилию — Казачок.

Гриша Казачок оказался хорошим, компанейским парнем. Он был самым молодым разведчиком в нашей команде. За молодость, хваткую удаль, за веселую игру на баяне разведчики очень полюбили его. И на Польский фронт он шел уже как полноценный разведчик Первой Конной армии.

Из личного наблюдения боевых разъездов и показаний пленного нам стало ясно, что основные силы находившейся в Усть-Лабинской 9-й бригады конного корпуса Султан-Гирея недавно ушли в направлении Кирпильского поселка. Учтя эту обстановку, я решил атаковать оставшуюся конную группу белых.

Несмотря на численное превосходство, противник не принял нашей атаки и стал быстро уходить в станицу, чтобы спастись от губительного огня. Но, попав на глухую улицу, упиравшуюся в реку Кубань, белые в безумном страхе остановились на ее крутом берегу.

— Никого не трогать! Белые сдаются, — крикнул я своим разведчикам.

Белоказаки начали слезать с коней и складывать в сторону шашки, огнестрельное оружие.

Пленные были построены на улице одним из их урядников в две шеренги. Я крикнул им:

— Слушай мою команду! — Они сразу по-строевому подтянулись. — По порядку рассчитайсь!

Насчиталось двести тридцать человек. Офицеры и несколько нижних чинов во время нашей атаки бросились в Кубань. Но, не доплыв до противоположного берега, погибли в ее холодных волнах.

В этот день вечером нам стало известно, что в районе Кирпильского поселка наша 6-я кавалерийская дивизия разгромила весь конный корпус князя Султан-Гирея. Разгромлена была и 9-я бригада, к которой принадлежали сдавшиеся нам белоказаки.

Команда разведчиков продолжала свой победный путь к берегам Черного моря.

В КАВКАЗСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ

Года два назад мне случайно пришлось присутствовать при разговоре одного из литераторов с активным участником гражданской войны, в прошлом кавалеристом.

Литератор спросил ветерана, не приходилось ли ему встречаться на фронтах гражданской войны с дикой кавалерийской дивизией Гая. Ветеран ответил, что такого соединения не встречал и не мог встретить, так как диких дивизий в Красной Армии не было и не могло быть по самой природе армии.

Прислушавшись к этой беседе, я сказал, что такое соединение в Красной Армии существовало, что называлось оно 1-й Красной Кавказской дикой кавалерийской дивизией, специально созданной для борьбы на денкинском фронте. Организатором и первым командиром ее был Г. Д. Гай, один из ярких и своеобразных военачальников периода гражданской войны.

Зимой 1919/20 года я служил в этой дивизии в качестве комиссара конно-артиллерийского дивизиона, который был единственной артиллерийской частью в соединении. Поскольку штаб дивизии и управление дивизиона, как правило, были всегда вместе, мне часто приходилось видеть Гая, работать с ним. Более того, мы были с ним в хороших, товарищеских отношениях.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов Г. Д. Гай и я были сначала адъютантами, затем преподавателями Военной академии имени М. В. Фрунзе и не раз вспоминали дикую дивизию. В середине тридцатых годов мне пришлось быть начальником военно-исторического факультета, а Г. Д. Гай стал возглавлять кафедру истории военного искусства в Военно-воздушной академии, и мы имели уже ряд бесед по военно-историческим вопросам, ка-

сающимся гражданской войны. И снова вспоминалась служба в этом соединении.

Идея создания этого соединения и своеобразие его названия принадлежат лично Гаю. Эта идея, по его словам, была связана еще с планами, которые возникли у него зимой 1918/19 года, когда он командовал 1-й армией Восточного фронта.

В двадцатых числах января 1919 года 1-я армия овладела Оренбургом и соединилась с Туркестанской армией Зиновьева, наступавшей на Оренбург с юга, со стороны Актюбинска. Открывался путь в Туркестан, а оттуда через Каспийское море — на Баку и в Закавказье, активное участие в освобождении которого (особенно родной Армении) всегда было заветной мечтой Гаю. И хотя этот путь был очень длинным и сложным, Г. Д. Гай 24 января 1919 года обратился по телеграфу к В. И. Ленину с просьбой поручить ему, Гаю, сформировать Туркестанскую армию из регулярных частей, объединить ее с 1-й армией и направить на освобождение Туркестана. При этом Гай ручался, что он в двухмесячный срок не только подавит вооруженные силы контрреволюции в Туркестане, но и возьмет Баку, нефть которого так нужна Советской России.

План Г. Д. Гаю поддержал член РВС Республики П. А. Кобозев. Впоследствии всякий раз, когда Гай говорил об этом плане, он выражал уверенность, что его предложение не было утверждено лишь только потому, что оно не было доложено лично В. И. Ленину.

Позднее, ознакомившись с архивными материалами, я узнал, что в действительности дело обстояло не совсем так. В. И. Ленин получил телеграфное предложение Г. Д. Гаю, но не согласился с ним, так как в это время гораздо большую опасность для Советской республики представляла не контрреволюция Туркестана, а армии Колчака и Деникина. Поэтому в тот день, когда была телеграмма Гаю, В. И. Ленин предложил РВС направить все силы, чтобы в месячный срок овладеть Ростовом и Челябинском. В связи с этим Ленин рекомендовал срочно направить армию Гаю не в Туркестан, а к Челябинску.

В данном случае вся эта история имеет значение лишь потому, что она показывает, как Г. Д. Гай вынашивал мысль об участии в освобождении Кавказа и Закав-

казья и искал конкретных путей к этому еще тогда, когда находился на Восточном фронте.

В мае 1919 года Гай был отозван с Восточного фронта. В августе этого года он командовал 42-й стрелковой дивизией 13-й армии Южного фронта. Дивизия успешно наступала на белгородском направлении, но оно тогда не было главным. Главный удар, прокладывающий в конечном итоге кратчайшие пути на Кавказ, наносило левое крыло Южного фронта, представленное 9-й и 10-й армиями, объединенными в группу В. И. Шорина.

В национальных горных районах Северного Кавказа бурлили в ту пору многочисленные, но разрозненные восстания горцев против Деникина. Гай обратился в РВС Республики с предложением создать под его командованием особое кавалерийское соединение, основу которого составляли бы кавказские народности. С этим соединением, действуя на левом крыле Южного фронта, он предполагал прорваться в национальные районы Кавказа и Закавказья, превратив свою дивизию в ядро, объединяющее вооруженную борьбу горцев. По крайней мере так этот план выглядел в устном изложении самого Г. Д. Гаю.

Его предложение совпало с тем периодом, когда страна практически осуществляла лозунг «Пролетарий, на коня!». Оно было принято РВС Республики и одобрено Центральным Комитетом партии. Г. Д. Гаю было поручено сформировать и возглавить 1-ю Красную Кавказскую дикую кавалерийскую дивизию. Слово «кавказская» должно было означать, что соединение состоит из местных жителей Кавказа и предназначается для борьбы за освобождение Кавказа. Слово «дикая» должно было выразить «ударность» этого соединения и, по мнению Гаю, быть близким горским народностям, поскольку раньше из них уже создавались подобные отряды. Но тогда они создавались главным образом для борьбы с революцией, а эта дивизия должна была внушать страх силам контрреволюции. О целесообразности такого названия сейчас можно думать по-разному, но тогда оно не вызвало сомнений.

13 октября 1919 года Центральный Комитет партии обратился ко всем партийным организациям со следующим письмом:

«Дорогие товарищи! Всем ясно, что для успешной

борьбы с конными частями Деникина нам необходимо создание своих красных кавалерийских частей, которые если будут первое время несколько уступать врагам по своей численности, то по качеству и по своей готовности и способности защищать Советскую Россию должны быть неизмеримо выше их.

Деникин и вся свора белогвардейцев с ним спешат использовать как можно скорее и больше свое преимущество в количестве конных частей и бешено рвутся к Туле и Москве. Деникин может рассчитывать вновь сосредоточить в одном месте значительные массы своей кавалерии и прорваться в наш тыл, разрушая и уничтожая все на своем пути.

Такому положению должен быть положен конец созданием своей мощной красной кавалерии.

Центральный Комитет РКП(б) предлагает всем партийным организациям, не теряя ни минуты, выделить из своей среды всех добровольцев-кавалеристов, в особенности кавалеристов-кавказцев, и побудить к тому же профессиональные союзы, политотделы и другие учреждения республики.

Всех выделенных таким порядком добровольцев-кавалеристов спешно направлять в Москву, в Политуправление Республики, в распоряжение тов. Гая. Поименные списки выделенных и уже направляемых в Москву добровольцев-кавалеристов телеграфно сообщить в ЦК с обозначением, от каких именно организаций они направляются.

Секретарь ЦК Елена Стасова».

Следует сказать, что таким вниманием не пользовалось до этого ни одно из формировавшихся тогда соединений Красной Армии. Однако формировать Кавказскую кавалерийскую дивизию в Москве оказалось невозможным. Здесь не было ни продовольствия, ни фуража, ни конского состава. Поэтому решением РВС формирование дивизии было перенесено на Среднюю Волгу, в богатые хлебом, фуражом и конским составом тыловые районы Восточного фронта.

В приказе, изданном по этому поводу, был уточнен и порядок формирования дивизии. В нем говорилось:

«Из всех частей, фронтов, имеющих добровольцев и кавказцев-кавалеристов, командировать таковых в распоряжение тов. Гая (Бжншкянца) в количестве 10—15 человек от отдельной части, а из запасных частей без огра-

печения числом. Район формирования дивизии — Средняя Волга».

Конкретно местом формирования теперь избрали Симбирск (ныне Ульяновск). Но в Симбирске тогда находились штаб и учреждения Восточного фронта, многочисленный гарнизон и много других формирующихся частей. Здесь не было свободных квартир, казарм, а также конюшен, без которых кавалерийские части нельзя было формировать. Поэтому новым распоряжением главного командования центр формирования дивизии был перенесен в Саранск (ныне столица Мордовской АССР).

Начальником штаба дивизии был назначен латыш Вилумсон, друг и соратник Г. Д. Гая по Восточному фронту, а начальником политотдела — армянин Давтян, старый член партии. Эти два очень уравновешенных человека были некоторой противоположностью всегда кипучему, скорому на решения, непоседливому Г. Д. Гаю.

В это время я работал в Симбирске комиссаром 5-го легкого артиллерийского дивизиона, спешно готовившегося для 5-й армии Восточного фронта, в которой раньше мне уже приходилось служить комиссаром гаубичного артиллерийского дивизиона 26-й стрелковой дивизии.

Перед отправкой на восток мы изучали особенности Сибири, на территории которой нам предстояло действовать. Знакомылись и с характером и бытом японской армии, ибо были убеждены, что без серьезной борьбы с нею наши войска не смогут пробиться к берегам Тихого океана и освободить Дальний Восток.

Подготавливая дивизион для себя, управление формирования войск Восточного фронта уделяло ему большое внимание и, по существу, укомплектовывало его отборным составом. Высокий процент составляли у нас бывшие артиллерийские унтер-офицеры и фельдфебели (фейерверкеры), имевшие опыт боев первой мировой войны. Двое из них командовали батареями, остальные возглавляли взводы и команды, были старшинами, командирами орудий, старшими разведчиками, а многие просто номерами орудийных расчетов, ездовыми при орудиях или красноармейцами-специалистами.

Яркой фигурой был командир дивизиона Ф. А. Фролов. До первой мировой войны он был фельдфебелем-сверхсрочником конной артиллерии. За отличия в боях его наградили четырьмя Георгиевскими крестами, затем

присвоили офицерское звание. Войну он закончил старшим офицером батареи в чине штабс-капитана.

Артиллерийское дело Фролов знал превосходно, но поначалу в роли командира дивизиона в новой армии он чувствовал себя неуверенно. И не потому, что масштаб работы оказался для него более крупным, чем раньше, а потому, что ему казалось (а впрочем, так было и в действительности), что рядовой состав относится к нему, бывшему офицеру, настороженно. В связи с этим Фролов постоянно искал поддержки комиссара во всех своих мероприятиях. Вскоре, несмотря на то что ему было сорок восемь лет, а мне всего девятнадцать, у нас сложились с ним самые лучшие отношения.

Итак, мы готовились к отправке в 5-ю армию, на восток. Но вот однажды Фролова и меня вызвали к начальнику управления формирований и сказали, что наша часть будет переформирована в конно-артиллерийскую и войдет в состав 1-й Красной Кавказской кавалерийской дивизии Гая.

Вскоре дивизион был направлен в Казань, в Запасную армию республики.

В течение нескольких дней мы получили там все необходимое, в том числе недостающих людей, конский состав, материальную часть и особую форму одежды: белые папахи, бурки, черески, бешметы, шаровары. Однако заменить наши пушки образца 1900 года нам не удалось: более современных не оказалось на артекладах.

В начале ноября дивизион перебросили в большое мордовское село Посоп, что недалеко от Саранска. Там я впервые и познакомился с начальником дивизии Гаем и комиссаром Голенко — опытным партийным работником.

Комиссару было около пятидесяти лет. В беседе со мной он в первую очередь спросил о состоянии дивизиона и о взаимоотношениях с командиром, затем беседа приняла личный характер. Голенко рассказал о себе и попросил меня сделать то же. Во время этой встречи комиссар сообщил, что в ближайшие дни в дивизион придут шесть краскомов, только что окончивших артиллерийские курсы.

Вскоре пополнение прибыло. Познакомившись с краскомами, мы определили их на должности. Одного из новичков, Ерощкина, побывавшего на фронте, мы назна-

чили командиром батареи, краскома И. А. Оленина (впоследствии он стал генералом) — адъютантом дивизиона. Бывшие офицеры, занимавшие эти должности и не пользовавшиеся авторитетом у красноармейцев, были направлены в распоряжение инспектора артиллерии запасной армии. Остальных вновь прибывших товарищей мы назначили командирами взводов и различных команд. В их числе оказался краском, фамилия которого совпала с фамилией комиссара дивизии. Я спросил:

— Вы однофамильцы?

Он ответил очень скромно:

— Нет, он мой отец.

— Это хорошо. Но в штаб дивизии и вообще за пределы расположения части вы будете выезжать только с разрешения командования дивизиона. Не будем нарушать установленного порядка.

Молодой Голенко ответил: «Есть» — и попросил разрешения следовать в свою батарею.

Все краскомы оказались коммунистами, что имело немаловажное значение для партийной организации, для дивизиона в целом. В эту же группу вошел и вскоре прибывший на должность дивизионного врача, тогда еще студент четвертого курса медицинского факультета Московского университета, большой весельчак И. И. Михалевский, впоследствии крупный московский хирург.

Сначала мне казалось, что работать молодым краскомам в дивизионе будет нелегко. Учились они по ускоренной программе, раньше в армии не служили. А средний возраст рядового состава части был тридцать пять лет. Многие из них уже успели повоевать, приобрести боевой опыт. «Не сумеют найти подхода к людям», — думал я о вновь прибывших командирах, зная о том, что прежде старые солдаты не очень-то жаловали молодых прапорщиков и подпоручиков. Но мои опасения не оправдались. Краскомы очень быстро нашли общий язык с личным составом дивизиона.

Однажды я спросил старшину управления дивизиона Потапова, который был фельдфебелем во время первой мировой войны, а сейчас пользовался непререкаемым авторитетом среди личного состава:

— Как работают и чувствуют себя молодые товарищи?

Потапов ответил:

— А почему им плохо себя чувствовать? Ведь это наши новые командиры, а не старые прапорщики. Чего они не знают, им подсказывают. Все относятся к ним, как к своим сыновьям или младшим братьям. Не беспокойтесь о них, товарищ комиссар.

Примерно через неделю в беседе со мной комиссар дивизии сказал мне, что, и по его сведениям, все краскомы-артиллеристы чувствуют себя превосходно, чего, к сожалению, он не может сказать о кавалерийских полках.

Несколько раз нашу часть посетил начальник дивизии Г. Д. Гай и остался доволен порядком, дисциплиной, настроением личного состава, его боевой подготовкой. Надо сказать, что хотя Гай не был кавалеристом и не совсем по-кавалерийски сидел в седле, он больше любил кавполки, отдавал им предпочтение.

Помнится такой случай. Наш дивизион по какой-то случайности первым получил добротное обмундирование — «кавказскую» форму. Конники пожаловались Гаю, что их «обижают», и командир приказал начальнику снабжения отобрать у нас часть выданного обмундирования и передать его в кавалерийские полки. Ф. А. Фролов дал письменное распоряжение, но так как на документе не было моей подписи (меня по какому-то поводу вызвал комиссар дивизии), представители конников возвратились в свои части ни с чем.

Узнав об этом, Гай вскипел. Ладный и статный, в сильней яркой черкеске с пышными серебряными газырями и красном бешмете, он стремительно вошел в кабинет Голенко и, оглядывая меня с высоты своего роста, удивленно спросил:

— Так это ты, мальчик, не хочешь выполнять распоряжений начальника дивизии?

Еще не понимая, в чем дело, и стараясь сохранить самообладание, я как можно спокойней ответил, что все приказы командования дивизии для меня закон и что я всегда выполнял и впредь буду безоговорочно выполнять их.

Выяснилось, что речь шла о том, что без моей подписи на документе кавалеристам не передали обмундирование. Я объяснил, что я не знал о таком распоряжении, и выразил готовность выполнить его, однако заметил, что не зачем обижать артиллеристов: все равно спустя некоторое

время все части дивизии получат обмундирование. Комиссар поддержал меня, и Гай согласился.

— Ладно, — сказал он, — но ты все-таки зайди ко мне. Когда Гай ушел, Голенко порекомендовал мне:

— Зайдите к нему обязательно. Сейчас его можно переубедить. А вообще-то хорошо получилось, что без вас в дивизионе не выполнили его распоряжения. Кстати, он дал это распоряжение, не согласовав его со мной. Это ему маленький урок. Сейчас я переговорю с начальником политотдела, он пользуется большим доверием Гаю.

Я остановился перед дверью в кабинет Г. Д. Гаю. На ней висел лист картона с надписью: «Командующий Гай». Не начальник дивизии, а именно командующий. Надпись сохранилась еще, видимо, с того времени, когда Г. Д. Гай командовал 4-й армией на Восточном фронте.

Помощи начальника политотдела не потребовалось.

— Садись, мальчик, — сказал Гай, указывая на стул. — Так ты говоришь, что у тебя в дивизионе дело поставлено так, что без твоего ведома ничего не будет сделано? Что ж, это, может быть, и хорошо. Фролов бывший офицер. Я его совсем не знаю. В гражданской войне он еще не участвовал. За ним следить нужно. Все, что вы получили, оставьте у себя. Хорошо, что ты так стоишь за свой дивизион, даже мне возражаешь...

— Командир дивизиона, — сказал я, — на мой взгляд, сомнений не вызывает. Я думаю, что со временем он станет членом партии. Дело не в моих отношениях с теперешним командиром. Сегодня дивизионом командует он, а завтра, может быть, его возглавит другой. Дело в том порядке, какой у нас установился и к которому мы уже приучили весь состав части. Это не стесняет ни меня, ни Фролова.

— Ну что ж, — согласно кивнул головой Гай и посмотрел в окно. — Это чья лошадь? Видать, не штабная.

На дворе коновод держал в поводу красивую золотисто-рыжую кобылицу донской породы, на которой я приехал в штаб.

— Моя.

— Собственная?

— Нет.

— Где взял?

— Это было в Казани. Командир дивизиона в знак дружбы уступил ее мне.

— Хорошая лошадь, — заметил Гай. — А ты отдашь ее, если я прикажу?

— Конечно, отдам. Но тогда мне придется сесть с кобышкой в дивизионе. Нельзя же комиссару конной артиллерии ездить на кляче.

— Это верно, — заключил Гай. — А теперь иди. И знай, что я не люблю робких людей. Если тебе что пужко будет, заходи и ко мне, а не только к комиссару.

Так совершенно случайно установились мои взаимоотношения с начальником дивизии. Я понял, что к нему нужен особый подход.

От Гая я снова пошел к комиссару. Голенко одобрил мое поведение у командира, посоветовал, как себя вести с подчиненными политработниками и Фроловым. Затем доверительно рассказал о своих отношениях с начдивом:

— Гай — неуравновешенный человек, работать с ним нелегко. Он не любит советов, болезненно заботится о своем авторитете, не отменяет своих распоряжений, если даже они ошибочны. По правде говоря, удивляюсь, как это он решил в вашу пользу вопрос с обмундированием. Это, конечно, мелочи. Сейчас меня беспокоит другое: как он в дальнейшем будет себя вести? Гай рвется в бой, готов идти немедленно, с недоформированной дивизией. Но он не кавалерист, и я далеко не уверен, что при его характере не проявятся партизанские замашки, которые могут привести к нежелательным последствиям. Впрочем, поживем — увидим. Надеюсь на Давтяна. Начальник полтотдела имеет на него большое влияние.

Наш разговор продолжался долго. Голенко сказал, что начдив сейчас очень многим недоволен. Он предполагал сформировать девять полков, а в соединении только четыре, остальные не удалось сформировать из-за недостатка кавалеристов и лошадей. И состав дивизии не тот, какой ему хотелось иметь: очень мало коренных кавказцев, которым кровно дорога идея освобождения родных мест.

— Прикиньте сами, — продолжал комиссар. — Ваш дивизион никакого отношения к определению «дикого» и «кавказского» не имеет. В первой бригаде больше русских, чем кавказцев, во второй — солидная прослойка кубанцев и украинцев. В ней, кстати, сильнее, чем в других, чувствуются партизанские настроения.

Голенко помолчал, вероятно, обдумывая что-то очень важное, потом заговорил снова:

— Гай мечтает об освобождении Кавказа. Кубанцы тоже рвутся в свой край. Но Кубань это еще не весь Кавказ...

Я понял, с дивизией нужно было бы еще много поработать. Но времени для этого нам не дадут. Много будет зависеть от того, какими будут наши первые бои. Если удачными, то люди и сам Гай окрепнут духом, приобретут уверенность в том, что дивизия — грозная сила.

Простившись с комиссаром, я много думал о том, что он говорил мне. Раздумья привели к вопросу: а всегда ли конница будет надежно прикрывать наш дивизион и не следует ли нам уже сейчас прививать людям сознание, что прежде всего мы сами всегда должны быть готовы к самообороне?

Я рассказал об этом командиру дивизиона. Он согласился со мной. Голенко, а затем и Гай поддержали эту идею, и нам выделили на каждую батарею по два пешататных пулемета.

Перед выходом на фронт мы провели несколько учений с боевой стрельбой. На этих учениях я убедился, что Фролов не случайно был кавалером четырех Георгиевских крестов. Он буквально преображался, горел в деле, которое знал в совершенстве. Четкий, распорядительный, он не повышал голоса, но его разумные приказания бойцы выполняли быстро и беспрекословно. Одним словом, он обладал высокими командирскими качествами, и наши краскомы, особенно Ерошкин, невольно подражали ему, перенимали у него опыт, учились искусству руководства подчиненными.

Благодаря положительному влиянию Фролова, большой работе партийной организации наш дивизион к моменту выхода дивизии на фронт представлял собой единый, дружный коллектив, где каждый знал, что, когда и как нужно делать. Редко кого из личного состава приходилось понукать.

Когда я пришел в дивизион, в нем не было ни одного коммуниста. Постепенно число членов партии росло. С пополнением, полученным в Казани, к нам пришло около десяти коммунистов, ставших политбойцами. Все шесть молодых краскомов, как я уже говорил, тоже были членами партии. В партийную неделю, проводившуюся во

время нашего пребывания в Саранске, коммунистами стали еще около тридцати человек. Это были главным образом разведчики и оружейные номера.

В дивизионе абсолютное большинство бойцов были крестьяне. И тот факт, что многие из них вступали в ряды партии в самый трудный для революции момент (войска Деникина тогда рвались к Москве), говорил о крутом переломе их лично-собственнической психологии, о понимании ими личной ответственности за судьбу Советской власти. Коммунисты — а их к моменту отправки на фронт стало человек пятьдесят-шестьдесят — являлись прочным ядром дивизиона, цементирующей силой наших бойцов.

После первых же боев в партию вступил и командир дивизиона.

2

В конце ноября 1919 года дивизия начала погрузку в эшелоны для отправки на фронт. Но к этому времени направления Юго-Восточного фронта потеряли свое первостепенное значение. Уже в сентябре центр тяжести боев против Деникина переместился из-под Царицына в район Воронежа и Орла, где действовали 8, 13 и 14-я армии. В составе Юго-Восточного фронта, образованного из бывшей особой группы Шорина, остались только две армии — 9-я и 10-я. Об этом перемещении центра тяжести событий мы судили тогда не столько по секретным сводкам, которые поступали редко, нерегулярно, сколько по той тревоге, которую была наша печать за положение на центральном (орловско-тульском) направлении.

Из-под Царицына в район Воронежа на помощь Южному фронту был переброшен конный корпус С. М. Буденного. Для непосредственного содействия левому крылу Южного фронта были повернуты основные силы 9-й армии, в состав которой вошел и сводный конный корпус Б. М. Думенко.

Словом, было ясно, что главные события развиваются в районе Орла и Воронежа, но главное командование Красной Армии все еще упорно стремилось к тому, чтобы основной удар вновь перенести в полосу Юго-Восточного фронта. И это было, пожалуй, главным моментом, определившим боевое использование нашей дивизии.

В начале ноября 1919 года главное командование приняло решение создать в устье реки Иловли сильную ударную группировку для последующего наступления в глубь Дона и Кубани. В эту группировку и была включена дивизия Гая. Она располагала всего лишь двумя тысячами сабель. Этих сил было явно недостаточно для больших самостоятельных операций даже на второстепенных направлениях. Но Гай все же думал сыграть здесь самостоятельную роль. Об этом он говорил, инструктируя командиров и комиссаров частей перед уходом дивизии на фронт. Эту же мысль он выразил и в приветственной телеграмме главкому С. С. Каменеву:

«Уезжая на фронт с неудержимым желанием померяться силами с противником и освободить Кавказ, 1-я Конная Кавказская дивизия... просит верить в ее силы и в то, что все самые трудные ваши задачи будут исполнены в точности».

Несмотря на то, что железные дороги работали с перебоями, переброска дивизии на фронт шла быстрыми темпами. В первой половине декабря все ее части сосредоточились в районах, прилегающих к станции Арчеда, примерно в тридцати — сорока километрах от линии фронта, составив резерв главкома. Штаб соединения расположился в крупном пристанционном поселке Фролово, кавнолки — в прилегающих к нему селениях, конно-артиллерийский дивизион — в большом казачьем хуторе Терновка, в семи-восьми километрах от станции.

Я ожидал если не прямо враждебного, то, в лучшем случае, неприязненного отношения казаков к нам. Мое настроение разделял и командир дивизиона Ф. А. Фролов. В первый же день нашего прихода в хутор он зашел в просторную казачью хату, где я расположился с коноводом, и сказал:

— Комиссар, — во всех случаях, когда шел официальный разговор, он называл меня комиссаром, — выйдем на минутку на улицу.

Мы вышли. Было морозно. На площади пустынного, словно вымершего, хутора стоял наш парк, охраняемый двумя часовыми.

— Ты, комиссар, — заговорил командир, — не считаешь, что получается как-то неладно? В хуторе почти нет мужчин. Женщины смотрят на нас недружелюбно. Фронт почти рядом, а наша артиллерия стоит без всякого при-

крытия. Так мы не стояли даже в мировую войну. Не думаешь ли ты, что в одну из ночей мы можем потерять и пушки и солдат?

Я тогда еще очень мало понимал в специальных военных вопросах, но все же ответил:

— Между нами и фронтом, в районе Арчеды, стоят все полки нашей дивизии, они должны охранять нас. Но завтра я буду у комиссара дивизии и попрошу, чтобы в хуторе кроме нас разместили хотя бы один кавалерийский эскадрон.

Не помню, в силу каких причин, но ни на следующий день, ни даже в ближайшую неделю я не поехал в штаб дивизии. Не выезжал и командир дивизиона. И нас не беспокоили никакими вызовами. Я постарался поближе ознакомиться с населением хутора. Мужчин действительно почти не было. Женщины в первые дни держали себя более чем настороженно, они не появлялись на улицах в одиночку и даже в хатах старались не попадаться на глаза.

Но на второй или третий день мне пришлось оказаться свидетелем любопытного разговора. Мой коновод Архив Дячкин, молодой, интересный парень, говорил с дочерью хозяйки, девушкой лет двадцати.

— Ты почему на меня не смотришь? — игриво спрашивал он.

— А что на тебя смотреть? Вас тут так много приходит и уходит, что всех не пересмотришь.

— А что мы, хуже ваших казаков?

— Я не говорю, что хуже, но вы чужие...

— А где ваши казаки?

— За Доном. Ты меня не спрашивай, а лучше скажи, почему ты красноармеец?

— А кем же мне быть?

— Кем? Ваша дивизия дикая, и ты еще хочешь, чтобы на тебя смотрели...

— Почему же на меня нельзя смотреть, если я служу в дикой дивизии?

— Потому что месяца два назад здесь были азиаты, горцы. Они тоже из диких, хотя и вместе с нашими. Так пока они стояли, мы не только не ходили по улицам, но и хаты занимали. А теперь нам говорят, что пришли красные дикие, от которых добра не жди.

Тогда же я узнал, что до нас здесь действительно была

белая сводная горская конная дивизия, оставившая у местного населения, особенно у женщин, тяжелые воспоминания...

На другой день я провел партийное собрание, на котором рассказал о слышанном разговоре и дал указание, как вести себя в отношении казачьего населения. Моя основная мысль сводилась к тому, что только тот казак, который сражается против нас с оружием в руках, является нашим врагом. Все остальное казачье население — те же крестьяне, что и большинство красноармейцев нашего дивизиона. И задача заключается не в том, чтобы восстанавливать казаков против себя, а в том, чтобы налаживать с ними добрые отношения, не злоупотреблять силой и властью, не допускать обмена лошадей, реквизиции повозок, продовольствия или каких-либо других вещей.

После собрания коммунисты провели беседы среди бойцов. И результаты не заставили себя долго ждать. Уже через неделю стали обычными совместные вечеринки молодежи нашего дивизиона и хутора, на которых большим успехом пользовались армейские баянисты, плясуны, ватейники. Дружелюбнее стали относиться к нам и пожилые хуторяне.

В Терновке мы простояли около трех недель, но не заметили никакой враждебности со стороны местного населения. Даже не верилось, что в 30—40 километрах отсюда против нас сражаются жители этого же хутора.

Перед уходом из Терновки с помощью местного ревкома мы собрали жителей хутора, чтобы выслушать все их претензии к нам и жалобы на незаконные действия. Но никаких претензий и жалоб не было. Более того, люди высказывались о том, что пора, мол, «замиряться», что продолжения войны хотят только денкинские офицеры, а казаки устали от войны и желают мира.

Обо всем этом я послал донесение в политотдел дивизии. Комиссар дивизии в свою очередь доложил Реввоенсовету 10-й армии. В своем докладе он отметил, между прочим, что за образцовое поведение во время стоянки личный состав нашего дивизиона получил благодарность от хуторян.

В ту пору я не знал, что делалось в денкинском стане.

Но недели через две в станице Иловлинской ко мне

случайно попала листовка с речью генерала Врангеля, обращенной к личному составу Кавказской армии, которой он летом 1919 года командовал и которая действовала в районе Царицына. Врангель обвинял Кубань в том, что она оставила Кавказскую армию, состоящую в основном из кубанских и терских частей, без должной поддержки, что он, генерал, хочет, чтобы голос армии был услышан в тылу. Было совершенно ясно, что между денкинским командованием и кубанским казачеством возникли существенные противоречия.

Словом, наше соединение прибыло на фронт в то время, когда денкинищина переживала острейший военный и политический кризис. Кубанское и донское казачество переставало быть ее массовой базой. Это подтвердилось в первых же боях дивизии с белогвардейцами.

3

В конце декабря мы получили задачу обходным маневром из района станицы Иловлинской через Карповку и Мариновку содействовать левой группировке 10-й армии в овладении Царицыном.

Первое боевое столкновение наши части имели в районе хутора Вертячий по случайному совпадению с той самой горской конной дивизией противника, о которой так недружелюбно отзывалось население Терновки. Противник не оказал серьезного сопротивления. Его колонны, попавшие под огонь двух наших батарей еще во время развертывания, быстро смешались и начали поспешный отход на юг, не приняв атак наших кавалерийских полков.

В бою был захвачен штаб горской дивизии и значительная часть ее обозов. Показания пленных подтвердили, что район Царицына прикрывается только кубанскими частями, которые не желают воювать и боеспособность которых невысока. Общий итог этого боя, как мне помнится, оперативная сводка штаба армии подводила примерно так: «В районе хутора Вертячий кавдивизией Гая разбита сводно-горская дивизия противника. Остатки дивизии бегут на Калач».

Поражение горской дивизии способствовало образованию бреши в оперативном построении царицынской группировки белых и открыло пути нашей дивизии на Кар-

повку и Мариновку. Мечта Голенко о том, чтобы первый бой дивизии был удачным, сбылась. Боевой дух личного состава поднялся, и наше соединение уверенно двинулось в обход Царицына. Не без влияния этого маневра 3 января 1920 года белые оставили город.

Кавказская армия противника, впоследствии переименованная в Кубанскую, начала отход от Карповки и Мариновки на юг, придерживаясь железной дороги на Тихорецкую. Перед нами встала задача перехватить пути отхода белых, отбросить их к востоку, в калмыцкие степи, под удары стрелковых дивизий 10-й и 11-й армий.

Но неприятель уходил, не принимая боев. Лишь 6 января фронтальным сопротивлением у Громославки, на рубеже реки Мышкова, он примерно на сутки задержал движение нашей дивизии. Обходя этот рубеж, мы уклонились к юго-востоку, в сторону станции Жутово, а затем двинулись на Котельниково, значительно опережая соседние с нами стрелковые дивизии.

До выхода на рубеж реки Сал дивизия имела только небольшие столкновения с мелкими группами Кубанской армии. Пленные единодушно говорили, что их части уходят на Кубань. Гай несколько раз выражал недовольство ходом событий: ему хотелось крупных боев, ярких успехов, а дивизия следовала за уходящими частями белой армии, не успевая по-настоящему ухватиться за ее хвосты.

В целом же обстановка была противоречивой. Быстрый отход противника требовал его стремительного преследования. Между тем силы нашей дивизии слабели. В тифозных районах почти на каждом почлеге мы оставляли десятки заболевших людей. О пополнении нечего было и думать: во-первых, это не было предусмотрено; во-вторых, наши тылы безнадежно отстали.

На рубеже реки Сал дивизия получила задачу по захвату Великокняжеской (ныне Пролетарская) — главного окружного центра на востоке Донской области. Гай увеличил переходы. Но форсированному движению стала мешать неожиданно наступившая сильная оттепель. Многочисленные потоки превращались в бурные ручьи и речки. Это, конечно, затрудняло и движение противника, по он находился в лучших условиях, имея возможность подготовить пути отхода заблаговременно.

В двадцатых числах января около станции Двойная и

станции Орловская дивизии удалось наконец встать на путях отхода большой конной группировки противника. Развернулся первый крупный кавалерийский бой. Начался он совершенно неожиданно.

Бурный, переполненный талой водой ерик (балка с крутыми берегами) на несколько часов задержал подход дивизии к станции Орловской. Конники, переходя ерик вброд, потеряли несколько лошадей. Орудия же пришлось перетягивать на канатах. Пока артиллеристы переправили и привели в порядок свои орудия, конница и одна батарея ушли вперед. Другая батарея только заканчивала переправу. И тут мы услышали, что километрах в трех-четыре от переправы на насыпи железной дороги началась оживленная ружейно-пулеметная стрельба и раздались несколько одиночных артиллерийских выстрелов.

При батарее находились командир дивизиона, я и команда наших разведчиков. Мы поднялись наверх по скату возвышенности, по которой пролегал наш дальнейший путь, и увидели, как с насыпи горохом скатился небольшой отряд нашей конницы, прикрываемый одним пулеметом. Мы узнали его по белым папахам и черным буркам. Этот отряд прикрывал движение всей дивизии слева. Пулемет, стрелявший на насыпи, замолчал, и тотчас же через линию железной дороги перевалила лава белой конницы в двести-триста сабель, а на переезде, выведившем к Орловской, в тыл главным силам нашей дивизии, показалась голова большой конной колонны противника.

Стало ясно, что конница белых войдет в станцию раньше, чем мы сумеем проскочить через нее на соединение с пашими частями. Я вопросительно посмотрел на командира дивизиона.

— Да, комиссар, — сказал он, — мы попали в неприятное положение. Прикрытия нет, придется отбиваться картечью с открытых позиций.

Затем последовал ряд его распоряжений, четкости и целесообразности которых я завидую и сейчас. Начальнику разведки дивизиона было приказано взять своих и батарейных разведчиков и два пулемета, выдвигнуться в рощу, находившуюся в километре от нас, и задержать конницу белых, пока батарея не займет позиций на склонах горы. Командир батареи должен был карьером поручийно вывести батарею на указанную огневую пози-

цию. С адъютантом Фролов послал донесение командиру дивизии, а из телефонистов организовал дозоры в сторону Орловской, чтобы те предупредили командование о проникновении неприятеля в станцию. Мне командир предложил вместе с ним выехать на огневые позиции батареи, руководство которой он взял на себя.

Все пошло, как на учении. Огонь пулеметов и разведчиков (их было человек тридцать — сорок) из рощи, куда отошел и полускадрон, отступавший от железной дороги, задержал продвижение передовых частей белых и привлек их внимание на себя. Наша батарея ударила по неприятелю в тот момент, когда до него оставалось около полутора километров. Огонь был исключительно метким. Однако через несколько минут мы оказались под обстрелом двух батарей противника, бивших с закрытых позиций, из-за насыпи железной дороги.

Положение осложнилось. Разведчики были вынуждены оставить рощу. Лошади у пулеметных тачанок были перебиты, и оба пулемета остались в роще. Левый фланг батареи оказался открытым, и вражеская конница угрожала атакой с фланга. Один взвод батареи перенес огонь на обходящие группы белых, другой продолжал отражать атаку с фронта.

В самый критический момент, когда левый взвод батареи уже перешел на картечь, я увидел Гаю. В синей черкеске, без бурки, он вылетел из станции во главе штабного эскадрона, шедшего с развернутым Знаменем дивизии. За ними на размашистой рыси, развернутые по фронту полускадронно, шли полки одной из бригад дивизии. Артиллерия врага перенесла огонь на нашу конницу. Положение батареи Фролова, стоявшей на открытой позиции, облегчилось. Вскоре из-за станции с закрытых позиций открыла фланговый огонь по белой коннице наша вторая батарея.

Как только полки, прибывшие с Гаей, обозначили охват правого фланга неприятеля, он начал отходить за железную дорогу. Наступившая темнота прервала боевые действия. За ночь белоказак снова оторвались от наших частей, и до самого Маньча дивизия продвигалась без крупных боев.

В конце января дивизия заняла Великокняжескую, за которой уже кончались границы Донской области. Впере-

ди было Ставрополье, через которое пути вели к Закавказью, и Кубань, ставшая единственной базой Деникина.

Казалось, что мечты Галя близки к исполнению, но силы дивизии заметно таяли. В ней оставалось не более 1000—1200 сабель. Главной причиной потерь был тиф. Он косил местных жителей, и бойцы, проходившие через очаги эпидемий, тоже заболевали. Для борьбы с тифом нужны были баня, дезинфекционные средства, мыло, чистое белье. Но ничего этого не было. Болезнь оказывалась не менее грозным противником, чем белые армии.

Однако, несмотря на это, главная задача левого крыла Юго-Восточного фронта, который с 10 января 1920 года стал именоваться Кавказским, была выполнена. Фронт вышел на Маньч. В его авангарде шла 1-я Красная Кавказская дикая кавалерийская дивизия. За месяц она прошла свыше трехсот пятидесяти километров невероятно трудного пути.

4

Продвигаясь по Сальским степям, мы имели очень слабое представление о том, что делается на других направлениях фронта. Верилось, что там наши войска тоже успешно держатся. Но в действительности это оказалось не так.

Добровольческая армия была вынуждена цепляться за район Ростова, чтобы иметь хотя бы небольшой кусок «собственной» территории и плацдарм для нового наступления. У Донской армии появилось острое желание бросить негостеприимную Кубань и вернуться в родные донские станицы. На время это примирило добровольческие и донские части и дало возможность Деникину в первой половине февраля проявить большую оперативную активность против правого крыла Кавказского фронта.

Настоящие причины этой активности стали понятны значительно позднее, когда по документальным данным стало известно, что в это время творилось на Кубани и в стане Деникина вообще. Тогда же вражеские распри нам не были известны. Поэтому деникинский «доброволец», солдат белой Донской армии, кубанский или терский казак, служивший в Кавказской армии, — все они для нас в одинаковой степени были врагами. Мы не видели очень существенных различий и больших противоречий между разными составными частями белого фронта.

...В начале февраля 1920 года нашу дивизию направили не на юг, в национальные районы Северного Кавказа, а на запад, в Платовскую. Затем совместно с наступавшей справа 2-й кавалерийской дивизией имени Блинова части Галя бросили через бездорожные маньчские степи, по снегу и морозу, на станцию Целина. Тогда нам казалось, что в этом не было никакой надобности, тем более что все прежние задачи дивизии отвечали ее «кавказскому» характеру, вели к национальным районам Северного Кавказа.

Я был свидетелем того, как Г. Д. Гай принимал решение во исполнение приказа о повороте дивизии на запад. Сделал он это с большой неохотой. Но для дивизии это имело серьезное значение. Перейдя в новый район, она оказалась в самой гуще боевых событий, развернувшихся на Кавказском фронте.

Используя ненависть офицерского Добровольческого корпуса к Советам и стремление донцов вернуться в свои станицы, Деникин в первой половине февраля отбил все наступательные попытки правого крыла Кавказского фронта — Первой Конной, 8-й и 9-й советских армий — и начал наступление на Новочеркасск и Ростов, освобожденные Красной Армией в начале января.

Неудачи главных сил Кавказского фронта привели к смене его руководства. 31 января 1920 года командующим фронтом был назначен М. Н. Тухачевский, а членом РВС — Г. К. Орджоникидзе. Новое командование начало с того, что перенесло центр тяжести усилий фронта с западного (ростовского) крыла на восточное (ставропольско-тихорецкое). С этой целью Первая Конная армия северным берегом Маньча перебрасывалась в район Платовской, становясь, таким образом, нашим ближайшим соседом. Главные силы 10-й и 11-й армий стягивались в район Великокняжеской, на тихорецкое направление. Одновременно усиливалось левое крыло 9-й армии.

Я тогда еще не умел быстро разбираться в делах оперативного порядка. Мой командир дивизиона был значительно опытнее и наблюдательнее меня. Когда в районе Платовской стали появляться первые группы квартиреров новых частей, он совершенно безапелляционно заявил мне: «Комиссар, в этом районе предстоят большие бои. Сюда придет много новых войск». И Фролов не ошибся.

Для прикрытия переброски Первой Конной армии к Платовской и сосредоточения в районе Великокняжеской ударной группировки 10-й армии наша дивизия была двинута из Платовской за Маныч, в направлении на станцию Целина. Справа от нее с аналогичной задачей, но без непосредственной связи с нами была выдвинута 2-я кавалерийская дивизия имени Блинова. Слева пошла 28-я стрелковая дивизия Азина.

К этому времени у нас было около тысячи сабель, примерно столько же имелось в дивизии имени Блинова. Части Азина, сильно ослабленные боями и тифом, насчитывали не более полуторы тысяч штыков. Тридцатиградусный мороз, бездорожье, ветер, малонаселенность степных просторов затрудняли выполнение боевой задачи. Умирали люди, падали лошади, выходили из строя пулеметы...

В середине февраля все три дивизии подверглись внезапному стремительному удару 10—12-тысячной конной массы белых, брошенной Денижиным южнее Маныча на борьбу с Первой Конной армией, которая находилась уже на марше от Платовской к Торговой (Сальску) для выхода на тихорецкое направление. Первой под удар попала 2-я кавдивизия имени Блинова. Она спецом отошла за Маныч под прикрытием главных сил 9-й армии. Это дало возможность белой коннице 17 февраля беспрепятственно появиться на фланге и в тылах нашей дивизии, главные силы которой, пробиваясь к станции Целина, вели бой в районе зимовников Корольковых.

Мне пришлось лично наблюдать ход этих событий на участке 1-й Кавказской дивизии. Я стоял в группе командования на огромной скирде, с которой на десятки километров кругом просматривалась голая степь. Никто из нас не знал, что бригады 2-й кавдивизии уже отошли за Маныч, и колонны белой конницы, появившейся с запада, были приняты за части блиновской дивизии. А когда разобрались, положение стало чрезвычайно опасным.

Подгоняемая ветром и морозом, конница белых продвигалась быстро. С фронта усилился нажим других частей противника. При малейшей задержке наша дивизия могла быть обойдена с тыла, отрезана от путей через Маныч и если не уничтожена в боях, то буквально заморожена в безлюдных степях. Спасение было только в быстром отходе. Командование дивизии и приняло такое ре-

шение. Отходя, мы прикрывали фланг и тыл главных сил фронта, сосредоточивавшихся в районах Платовской и Великокняжеской. О своем маневре Гай не мог своевременно известить 28-ю дивизию, с которой мы не имели непосредственной связи.

Прикрываясь огнем артиллерии с фронта и с фланга, наши части благополучно отошли за Маныч, к Платовской, потеряв только одно орудие на переправе. Белые не преследовали нас. Они продолжали стремительное продвижение на восток, чтобы успеть раньше Первой Конной армии выйти к Торговой и прикрыть направление на Тихорецкую.

Стремительным броском неприятельская конница смяла дивизию Азина, к вечеру того же дня появилась под Шаблиевкой и вступила в бой с пехотой 10-й армии и частями Первой Конной армии.

Шаблиевка была удержана советскими войсками. Массы белой конницы двинулись к Торговой. Но как ни спешил противник, Торговая и прилегающее к ней большое село Воронцовское оказались занятыми главными силами Первой Конной армии и частями трех стрелковых дивизий 10-й армии. Внезапная ночная атака врага была отбита. Его полкам, и без того уже перемерзшим в дни маршей по безлюдным манычским степям, еще одну ночь пришлось провести на морозе. Предыдущий марш, бой и эта ночевка в открытой степи стоили белой коннице огромных потерь.

После отхода к Платовской наша дивизия была направлена в район Торговой, где вошла в оперативное подчинение Первой Конной армии. Вместе с нею она участвовала во всех боях, приведших в конечном итоге к самому крупному в истории гражданской войны сражению кавалерии, под станицей Егорлыкской 1 марта 1920 года.

Особо крупного и самостоятельного значения в этих боях наше соединение не имело, да и не могло иметь, несмотря на все старания Гая. Объяснялось это тем, что боевой состав дивизии к этому времени не превышал восьмисот — тысячи сабель, а в рядах Первой Конной армии в среднем насчитывалось около десяти тысяч сабель. И все же следует отметить, что дивизия Гая, находившаяся на правом фланге армии, действовала активно. Это ее части вместе с пехотой 20-й стрелковой дивизии первыми

ворвались в станицу, заставив противника начать общий отход, в то время как дивизия Конной армии после ряда одержанных успехов отошли на ночлег в исходное положение.

Сражение под Егорлыкской было последним, в котором я участвовал в составе дикой дивизии. К вечеру этого дня меня свалил тиф, сначала брюшной, потом сыпной. Март и апрель я пролежал в крестьянской хате ставропольского села Лежанка, под наблюдением одного из удивительнейших по сердечности людей нашего дивизиона — пожилого мордвина Попова. И пожалуй, только ему обязан тем, что сумел одолеть жестокую болезнь.

В конце апреля я догнал свою часть в Майкопе.

5

В первых числах мая, когда Первая Конная армия уходила на Польский фронт, дивизия Гая первоначально была включена в ее состав. Но уже через несколько дней это распоряжение было отменено. По ходатайству РВС Кавказского фронта дивизия была оставлена на Кубани и вошла в состав 9-й армии, названной Кубанской. Для этого было много причин. Во-первых, на Кубани оставалось еще много отдельных денкинских групп, прятавшихся в горах и плавнях. Во-вторых, хотя кубанское казачество в основе своей и не поддержало в это время Деникина, настроение его широких масс еще нельзя было считать вполне определившимся. Кубань была богата продовольствием. Ее хлебные излишки в то время определялись свыше чем в сто миллионов пудов. Центральные районы Советской России голодали, а для изъятия излишков хлеба тогда не было иных путей, кроме продразверстки. Как отнесутся к этому кубанские казаки, заранее сказать было трудно. Вполне возможны были их новые массовые колебания, а близость Крыма и господство белого флота на Азовском и Черном морях открывали широкие возможности для высадки белых десантов на Кубани.

К тому времени многое изменилось в нашей дивизии. Вместо Г. Д. Гая, раненного в бою под Егорлыкской, назначили П. Е. Дыбенко. Он добился исключения слова «дикая» из наименования соединения. «Кавказская» форма

Н. В. Харченко

С. Н. Красильников

И. Г. Зиберов

Е. С. Казанский

В. М. Думченко и его соратники

бойцов, состав которых тоже немало изменился, стала перешиваться на общекрасноармейскую.

Примерно через месяц Дыбенко сдал свои обязанности Мейеру, бывшему начальнику 34-й стрелковой дивизии. Под его началом мы исходили почти всю Кубань, вылавливая и уничтожая мелкие банды.

Я участвовал во всех этих походах, внимательно изучал настроение казачества в станицах. И всюду бросалось в глаза, что казаки были очень недовольны вводимой продразверсткой, что они далеко не в восторге от наделения землей иногороднего крестьянства, составлявшего более половины сельскохозяйственного населения Кубани. И тем не менее всюду оставалось впечатление, что неприязнь казачества к остаткам денкинщины, и особенно к Врангелю, разгромившему в ноябре 1919 года Кубанскую казачью раду, сильнее, чем к нам.

Мне хорошо запомнился разговор с «рассказавшимся» казаком, хозяином большой мельницы в станице Лабинской, куда мы пришли в связи с появлением здесь выпедших с гор белых банд. Хозяин мельницы только что вернулся из Москвы. Мне отвели комнату в его доме. Вечером он пригласил меня на чай.

За столом разговорились.

— В горы идете? — спросил хозяин, подразумевая, что мы пришли на борьбу с бандитами.

— Не обязательно, — уклончиво ответил я. — Мы можем и не допустить их отхода в горы.

— Конечно, можете, — согласился хозяин. — Но напрасно в Крыму еще надеются на нас. Так, как Кубань поднялась в 1918 году, она больше не поднимется никогда. А если Врангель появится здесь, кубанский казак скорее окажет помощь вам, чем ему.

Не скрою, что тогда я отпелся к этому заявлению недоверчиво. Но вскоре события показали, что хозяин мельницы был прав. 13 августа 1920 года на азовском побережье Кубани, в районе станицы Приморско-Ахтарской, началась высадка крупного десанта Врангеля. 1-я Кавказская кавалерийская дивизия, находившаяся в это время в станицах Брюховецкой и Роговской, в сорока — шестидесяти километрах от места высадки десанта, первой выступила на борьбу с ним.

Мы имели около тысячи сабель и двести штыков и располагали пушками образца 1902 года. В течение четы-

рех дней сдерживали натиск врага, превосходившего нас по силам в пять-шесть раз. Лишь во второй половине дня 17 августа, обойденные справа конной дивизией генерала Бабиева, насчитывавшей более двух тысяч сабель, наши части начали отход в глубь Кубани, прикрывая важную узловую станцию Тимошевская.

Резервы, которые подтягивало красное командование, вовремя не подошли, и в ночь на 18 августа в районе станции Ново-Роговской главные силы 1-й Кавказской кавалерийской дивизии были окружены. Ее колонны, шедшие без непосредственного охранения, были внезапно встречены перекрестным пулеметным огнем с двухсот-трехсот метров. В первые же минуты боя были убиты командир и начальник штаба дивизии, командир артиллерийского дивизиона, два комбата. В батареях, следовавших в голове колонны, были перебиты все орудийные запряжки. Тяжелые потери понесли и шедшие за ними кавалерийские полки. Потеряв управление, дивизия смешалась и уже отдельными группами ночью прорывалась через белые заслоны на северо-восток, к станции Брюховенкой. К утру 18 августа в этом районе собралась примерно половина прежнего состава дивизии. Были потеряны значительная часть пулеметов и материальная часть двух батарей.

Поражение было жестоким. Повинно в этом прежде всего командование дивизии, которое не приняло мер для непосредственного охранения главных сил, полагаясь лишь на авангард, ушедший в сторону Тимошевской. Часть вины ложится и на командование армии, уехавшее в этот день из дивизии в Екатеринодар не столько для руководства боевыми действиями, сколько для организации поспешной эвакуации в Тихорецкую и Ростов армейского управления, тылов армии и областных партийно-советских учреждений. Эта эвакуация была вызвана тем, что армейское командование и местное партийное и советское руководство опасались массового выступления казачества в связи с успехами белых. Но эти опасения не оправдались. Прав оказался хозяин мельницы из станции Лабинской: Кубань не восстала и не поддержала Врангеля.

Что касается нашей дивизии, то она довольно быстро оправилась от поражения. Начиная с 22 августа ее части вновь принимали участие во всех боях против десантов. 24 августа мы вернули потерянную в ночь на 18 ав-

густа артиллерию, захватив ее в подготовленных противником для эвакуации железнодорожных эшелонах западнее Тимошевской.

В начале сентября после ликвидации десантов дивизия была объединена с 33-й отдельной кавалерийской бригадой и получила наименование 5-й Кубанской кавалерийской дивизии. Затем она была переброшена на врангелевский фронт, где, по свидетельству М. В. Фрунзе, была одним из лучших кавалерийских соединений.

Воевать в этой дивизии на новом фронте мне уже не пришлось. РВС 9-й армии командировал меня в Москву для поступления в Академию Генерального штаба. Но о времени, проведенном в этой дивизии, у меня до сих пор остались самые лучшие воспоминания.

Несколько слов о Г. Д. Гае. После ранения под Егорлыкской его назначили командиром 2-го конного корпуса, предназначавшегося для десантной операции в Крым с Тамаиского полуострова. Не успев сформировать это соединение, он был назначен командиром 3-го конного корпуса, вошедшего в состав Западного фронта. Успешно сражаясь с врагами Советской власти, Г. Д. Гай снискал признательность бойцов и командиров, уважение всего нашего народа.

* * *

1-я Красная Кавказская дикая кавалерийская дивизия не вошла в историю Красной Армии с такой славой, как Первая Конная армия, 25-я дивизия Чапаева, 24-я Железная дивизия, которая начинала боевую деятельность под командованием того же Г. Д. Гага, и ряд других. Об этой дивизии с ее полным наименованием не упоминается и во многих работах по истории гражданской войны. Однако вместе с другими соединениями Юго-Восточного и Кавказского фронтов она внесла свой вклад в разгром главных сил Деникина, являвшихся наиболее грозным врагом Советской республики в годы гражданской войны, и заслуживает того, чтобы память о ней была сохранена в народе.

АВИАОТРЯД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

До Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране были плохо развиты и авиация и авиационная промышленность. Царизм оставил жалкое наследие — около трехсот изрядно потрепанных самолетов устаревших конструкций и несколько полукустарных заводов-мастерских по сборке и ремонту самолетов и моторов, которые за годы империалистической войны пришли в жалкое состояние. Огромную нужду молодое государство Советов испытывало и в авиационных кадрах. Достаточно сказать, что наши авиационные и воздухоплавательные отряды насчитывали всего лишь до трехсот летчиков.

Вот почему с первых дней Октября Коммунистическая партия и лично Владимир Ильич Ленин приняли энергичные меры к созданию и развитию отечественной авиации, в том числе и военной. Уже 10 ноября 1917 года по указанию В. И. Ленина в Петрограде был организован первый социалистический авиационный отряд для борьбы с контрреволюционными войсками Керенского — Краснова. Созданное в тот же день Бюро комиссаров авиации и воздухоплавания вынесло решение: «...Приступить к формированию красногвардейских авиационных и воздухоплавательных частей из надежных и преданных делу революции товарищей, которые без остатка могли бы принять участие в случае надобности на гражданских фронтах»¹.

Чтобы осуществить эту задачу, прежде всего нужно было срочно решить проблему подготовки авиационных кадров из числа молодых рабочих и крестьян. Ленин указывал, что, «строя новую армию, мы должны брать коман-

диров только из народа. Только красные офицеры будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм»¹.

По решению ЦК партии проводились специальные наборы в школы и на курсы Красного Воздушного Флота. В первую очередь принимались коммунисты, а также беспартийные по соответствующим рекомендациям. Трудящиеся горячо откликнулись на призыв партии. В ряды будущих авиаторов вступали передовые рабочие, наиболее сознательные крестьяне, революционные солдаты. Уже весной 1918 года в небо поднялись первые советские учлеты московской, севавтопольской и гатчинской авиашкол. Вскоре были созданы и другие авиационные учебные заведения, в том числе в Петрограде и Егорьевске.

Благодаря неустанной заботе партии и правительства за годы гражданской войны наши учебные заведения подготовили 1100 летчиков и 250 летнабов, и на авиационных предприятиях выпущено 650 новых самолетов и 270 моторов.

Общежитие инструкторов московской школы военных летчиков находилось в одном из особняков Петровского парка, неподалеку от аэродрома. Возглавлял се Юрий Александрович Братолобов, пришедший в авиацию задолго до Октябрьской революции. Еще в период империалистической войны он прославился как один из лучших летчиков-наблюдателей самого известного авиационного соединения русской армии.

Много интересного о его смелости и отваге рассказывали авиаторы-фронтовики. В одном из воздушных боев немецкий летчик атаковал наш двухместный самолет, в экипаже которого Братолобов был летнабом. Противник имел превосходство в скорости и маневренности, и уйти от него было не так-то просто. Расстреляв весь боезапас, Братолобов и его летчик В. В. Карпов оказались, по существу, беззащитными. Воспользовавшись этим, немец пристроился в хвост и, чувствуя себя в абсолютной безопасности, открыл огонь по русскому самолету. Вероятно, он уже предвкушал близость победы: стоило убить летчика, и машина стала бы неуправляемой.

¹ «Советская авиация», 13 июня 1956 г.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 200.

Однако торжество противника оказалось преждевременным. Отлично сознавая смертельную опасность, Братолюбов приподнялся с сиденья и, обняв Карпова за плечи, прикрыв его от губительного прицельного огня с борта вражеского истребителя. Это был отчаянный поединок. Только благодаря исключительному хладнокровию летчика, отлично пилотировавшего самолет, и героической самоотверженности Братолюбова им удалось оторваться от преследователя и благополучно произвести посадку на своей территории.

Машина была настолько потрепана, что сослуживцы, окружившие ее, с удивлением спрашивали:

— Как же вам удалось уйти от немца и сесть?

Братолюбов кивнул на летчика и, улыбаясь, сказал: — Спасибо ему...

И он рассказал все, как было.

Об этом случае узнали все авиаторы-фронтовики. Имя Братолюбова стало символом русского бесстрашия.

С Юрием Александровичем я познакомился в 1918 году. После окончания специальной школы высшего пилотажа меня направили в 14-й авиационный отряд истребителей, входивший в состав 4-й боевой группы. Почти одновременно вместе со мной прибыл туда и Братолюбов.

Мы получили новые машины, ознакомились с ними и после тренировок в воздухе приступили к высшему пилотажу. Приземлившись, поделились впечатлениями. Братолюбов был старше, опытнее меня.

— Вы хорошо выполняете петли Нестерова, — сказал он. — Если бы чуть пониже, было бы совсем отлично, Борис Николаевич.

— Пониже? — удивился я. — Так ведь и без того земля кажется под самым носом.

— Вот именно — кажется, — улыбнулся Братолюбов. — На самом же деле у вас запас высоты не менее ста пятидесяти метров.

Я подумал, что Юрий Александрович шутит, разыгрывает меня, хотя вслух не сказал об этом. На второй день убедился, что Братолюбов выводит самолет из пикирования значительно ниже, чем я. В душе поблагодарил товарища за науку.

Из 14-го авиатряда Братолюбова отозвали и назначили начальником Московской школы военных летчиков. Мы понимали, что его опыт, летное искусство очень нуж-

ны: молодая Советская республика готовила кадры воздушных бойцов, столь необходимых на фронтах гражданской войны. Спустя некоторое время Юрий Александрович предложил и мне перейти в школу, на должность старшего инструктора высшего пилотажа. Служить под началом такого замечательного человека, как Братолюбов, было очень лестно, и я принял его предложение.

Начальник школы, несмотря на свою загруженность административной работой, учебными планами, десятками других больших и малых дел, много летал, показывал курсантам пример пилотажного мастерства, учил будущих авиаторов соколиной хватке в бою. Нередко инструкторы вместе со своими подчиненными любовались виртуозностью летного почерка Братолюбова.

Как-то Юрий Александрович пришел на стоянку самолетов моего отделения, расспросил, как обстоят дела с обучением курсантов, исправна ли материальная часть, не нужна ли помощь с его стороны.

— Все нормально, товарищ начальник, — ответил я. — Не беспокойтесь.

— Далеко не все, дорогой мой, — ответил Братолюбов. — А что касается беспокойства, то, мне кажется, вы не правы. Вот почитайте-ка, — и он подал мне газету «Известия ВЦИК» от 24 ноября 1918 года.

Я прочитал и не поверил своим глазам.

— Это правда?

Братолюбов так посмотрел на меня, что мне стало неудобно за неуместный вопрос. В газете сообщалось о посещении нашей авиашколы Владимиром Ильичем Лениным. Интересуясь учебой, жизнью, бытом курсантов, он узнал о затруднениях с учебно-методической литературой и питанием. В тот же день Владимир Ильич дал соответствующее указание о срочной разработке и издании учебно-методической литературы, об улучшении летного пайка курсантов.

— Вот так-то, Борис Николаевич. А вы говорите «не беспокойтесь». — Он помолчал немного и добавил: — Ну ладно, верю, что у вас все нормально. Распорядитесь, чтобы мне подготовили самолет, хочу слетать на пилотаж.

Братолюбов поднялся в воздух и на глазах у всех присутствовавших на аэродроме начал выполнять замысловатые акробатические померы. Сердце замирало, когда он

выводил машину из пике буквально в нескольких метрах от земли.

— И вы не боитесь так низко пилотировать? — спросил кто-то из курсантов, когда Братолюбов приземлился и вылез из кабины.

Его ответ поначалу показался нам странным:

— Кто вам сказал, что я не боюсь?

Мы переглянулись, как бы отыскивая глазами того, кто это сказал.

— Боязно, конечно, — продолжал начальник школы, сглаживая столь откровенное признание доброй улыбкой. — Но я стремлюсь побороть эту боязнь. Имейте в виду, ребята, что трус в оправдание своей нерешительности постарается найти сколько угодно мотивов. По-настоящему смел тот, кто наступает на горло собственной нерешительности, заставляет себя преодолеть боязнь и обязательно добивается осуществления своего замысла или задачи, поставленной перед ним.

Заметив, что собравшиеся с интересом внимают его словам, он предложил отойти от самолета и между делом покурить. Беседа приняла непринужденный, товарищеский характер, чувство профессионального интереса победило скованность, вызванную присутствием начальства.

— Так вот, друзья, — продолжал Юрий Александрович, — если человек хоть один раз поддастся своему врагу — боязни, не сделает того, что мог бы сделать, считай, что он конченый человек. В первую очередь это относится к авиаторам, вся жизнь которых — риск, основанный на расчете, подвиг, героизм.

Братолюбов говорил так не потому, что хотел сделать нас воздушными лихачами. Нет. Он был сам человеком трезвого ума и требовал от нас пунктуальности, дисциплины, знаний, твердости и самообладания, без которых нельзя достичь совершенства в летной подготовке.

Начальник школы очень хорошо знал положительные стороны и недостатки подчиненных, потенциальные возможности каждого. Это позволяло ему с разной меркой подходить к разным людям. Он умело использовал и предоставленную ему власть, и метод убеждения, и личный пример. «Способности человека должно и можно выявлять полностью», — говорил Братолюбов.

Вот почему все мы безгранично уважали Юрия Александровича. На его строгость не обижались, его похвалу воспринимали как награду. Помню, однажды после моего показательного пилотажного полета Братолюбов пришел в мое отделение и перед строем курсантов сказал, пожав мне руку:

— Не знаю, вызвал ли ваш полет чувство хорошей зависти у курсантов, но я благодарю вас от всего сердца. Здорово, Борис Николаевич, честное слово, очень здорово!

Позже я много раз получал поощрения, но сердечности Братолюбова не забыл до сих пор.

Жил Юрий Александрович вместе с нами, инструкторами, и вне служебного времени с некоторыми, в том числе и со мной, был на «ты». Остроумный, веселый и общительный, он никогда не унывал, был душой компании, неистощимым рассказчиком. Он не считал зазорным участвовать в самодеятельном драмколлективе и часто в нашем школьном клубе «Крылья коммуны» исполнял комические роли из чеховских произведений.

Много времени Братолюбов уделял самообразованию, изучал труды по теории авиации. Его перу принадлежит первое советское руководство по высшему пилотажу — «Как я продельваю приемы высшего пилотажа». В этом руководстве обобщен опыт его летной практики. А практика у него была богатейшая. Так, во время праздника авиации в 1918 году он продемонстрировал перед москвичами изумительное летное мастерство. Его авторотируемое падение листом, штопор и спираль вверх колесами поразили даже бывалых наших летчиков.

Таков был Юрий Александрович Братолюбов, с которым мне довелось участвовать в борьбе с белогвардейщиной во время гражданской войны.

В один из августовских дней 1919 года Братолюбова вызвали в Главвоздухофлот. В общекomite он возвратился поздно ночью.

— По указанию Владимира Ильича Ленина создается авиационный отряд особого назначения, — сказал начальник школы. — Его задача — борьба с конницей генерала Мамонтова,двигающегося на Москву. Начальником отряда утвердили меня.

Братолюбов окинул нас внимательным, изучающим взглядом.

— Мне предоставили возможность, — продолжил он, — по своему усмотрению отобрать лучших летчиков и материальную часть для отряда. Предупреждаю, работа предстоит весьма опасная, поэтому по старой русской традиции буду зачислять в отряд добровольцев.

Это была большая честь — воевать в отряде, создаваемом по личному указанию В. И. Ленина. И конечно же, всем нам очень хотелось удостоиться этой чести.

— Вижу, — повеселев, проговорил начальник школы, — что среди вас нет колеблющихся. Итак, решено: отряд создаем на базе нашей школы. Теперь главное — не терять ни одной минуты драгоценного времени. Чем раньше мы начнем действовать против врага, тем меньше бед принесет он нашему народу.

Все другие заботы отошли на задний план. Этой же ночью были распределены служебные обязанности между летчиками по формированию отряда и командованию его подразделениями, подобраны механики, мотористы, učельцы, необходимая материальная часть, хозяйственный аппарат — все, что требовалось для обеспечения боевых действий на фронте.

Меня на организационный период Братолюбов назначил комендантом отряда. Спустя двое суток все было готово: люди, восемь самолетов, обслуживающее хозяйство, оборудование, боеприпасы, продовольствие. Эшелон двинулся на фронт.

А положение на фронте было чрезвычайно серьезным. В стык между 8-й и 9-й армиями Южного фронта прорвалась конная лавина генерала Мамонтова и, вырвавшись на оперативный простор, захватила ряд городов, в том числе Тамбов, Козлов (Мичуринск) и другие. Создалась непосредственная угроза для Тулы и даже Москвы. Оценивая сложившуюся обстановку, В. И. Ленин писал:

«Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции. Защитники эксплуататоров, помещиков и капиталистов, русские и иностранные (в первую голову английские и французские) делают отчаянную попытку восстановить власть грабителей народного труда, помещиков и эксплуататоров, в России, чтобы укрепить падающую их власть во всем мире»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 44.

В связи с выработкой мер борьбы с полчищами Мамонтова Ленин рекомендовал использовать авиацию против кавалерии противника. В записке заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Складчинскому от 4 сентября 1919 года Владимир Ильич указывал, что конница при низком полете аэроплана бессильна против него.

Это указание Ленина, о котором в то время мы, разумеется, не знали, послужило основой для создания советской штурмовой авиации, прославившейся впоследствии на весь мир.

Но возвратимся к нашему отряду.

Когда эшелон тронулся, меня пригласил в свое купе Ю. А. Братолюбов.

— Вот что, комендант, — сказал он. — В пути, вероятно, будет столько трудностей, что мы можем надолго задержаться. Это недопустимо. Надо принять все меры к тому, чтобы эшелону давали зеленую улицу. Считаю, Борис Николаевич, это своим первым боевым заданием. Я обязательно проконтролирую. А сейчас пригласите в штабное купе всех летчиков.

Пока я созвал товарищей, — многие из них уже отдыхали после непрерывных хлопот в течение двух суток, — был уже накрыт стол.

— Прошу на дружеский ужин, — радушно сказал Юрий Александрович. — С сегодняшнего дня для нас начинается новал, боевая жизнь. Вышдем за организацию нашего отряда, за его успехи в борьбе с врагами Советской власти.

За столом царило веселое оживление.

— Пользуясь тем, что вы стали разговорчивее, — улыбнувшись, сказал Братолюбов, — хочу спросить, как вы представляете себе нашу боевую работу. Может быть, у кого есть предложения, пожелания, советы?

Ребята смутились. Никто из них не готовился к такого рода беседе.

— Тогда разрешите мне высказать свои соображения.

По его мнению, наша первоочередная задача заключалась в том, чтобы вести разведывательные полеты, обнаружить точное место нахождения главных сил конницы Мамонтова.

— Для того чтобы в кратчайший срок обследовать возможно большую территорию, разведку надо вести

одиночными самолетами в разных направлениях. Восемь самолетов — восемь направлений, — продолжал развивать свою мысль Братолюбов. — Обнаружив противника, мы всем отрядом атакуем его с воздуха, чтобы нанести ему возможно больший урон. Если же обстановка не позволит действовать всем отрядом, будем наносить удары парами. В этом случае главное — непрерывность. Чтобы не дать возможности мамонтовцам сосредоточиться, постоянно держать их под контролем, не упускать из виду.

Затем Братолюбов, как бы пенароком, напомнил нам о случаях перелета отдельных летчиков на сторону врага. Это были в основном выходцы из привилегированных классов.

— Кое-где, — заметил командир, — прибегают к методу круговой поруки, берут подписку с каждого об ответственности за остальных. Но мы к этому прибегать не будем. Я один за всех вас дал слово, что задание Владимира Ильича выполним с честью.

Никто из нас не обмолвился ни единой фразой. Все мы были глубоко благодарны Братолюбову за большое доверие.

Вскоре все ушли спать, а я заступил на свой бесменный пост, чтобы обеспечить беспрепятственное движение эшелона. Сейчас кое-кому, возможно, это покажется странным, а тогда на транспорте были очень большие затруднения. Не хватало паровозов, вагонов, топлива. Поезда ходили нерегулярно, без расписаний. «Пассажиры» не брали никаких билетов. Каждый устраивался как умел: на платформах, на крышах, на буферах.

Наш эшелон имел вооруженную охрану, и те, кто пытался «штурмом» добиться места, — а это были чаще всего спекулянты, — имели дело с охранниками. Однако мне не раз пришлось сталкиваться с фактами саботажа со стороны начальников станций и дежурных. В таких случаях, если не помогали официальные документы, я выхватывал из кобуры наган и, не стесняясь в выражениях, говорил: «Или ты сейчас же отправляешь эшелон, или проглотить пулю». Охотников «глотать» пули не находилось, и эшелон шел от станции к станции без особых задержек.

К исходу второй ночи мы прибыли на станцию Жданка, что неподалеку от городка Богородицк. Разгрузившись, начали собирать свои самолеты — семь «Нью-

пор-17» и один триплан «Сопвич». Тут же недалеко был аэродром, на котором базировались 41-й и 51-й разведывательные авиаотряды и 8-й истребительный.

Летчики готовили машины к полету вместе с механиками и мотористами, как бы соревнуясь, какой экипаж быстрее всех справится с поставленной задачей. Закончившие работу подходили к командиру и спрашивали разрешения на вылет. Но Братолюбов неизменно отвечал:

— Подождите, вылет будет общим. Я подам команду.

Наконец первая четверка самолетов (Братолюбова, Герасимова, Лёвина и мой) пошла в воздух. Перед самым вылетом командир сказал нам:

— Ну а теперь, ребята, покажем, как летают инструкторы московской школы!

И вот на виду у всех в небе закружились наши машины. По тем временам это было редкое, захватывающее зрелище. Дело в том, что тогда лишь отдельные летчики владели искусством высшего пилотажа. Вот почему с таким интересом смотрели на нас летчики — хозяева устаревших конструкций самолетов «фарман», «вуазен» и других со старыми моторами.

Едва мы успели приземлиться, как нас окружили плотным кольцом и, выражая восторг, забросали многочисленными вопросами.

— Пусть знают, — с гордостью проговорил Братолюбов, когда мы остались одни, — что инструкторы Московской школы — первоклассные летчики, не зря же нам доверили такое важное дело, как борьба с мамонтовской конницей.

Командир отряда приказал обслуживающему составу осмотреть и дозаправить самолеты, привести их в готовность к вылету. Дело в том, что в этот же день нам предстояло перебазироваться на аэродром возле местечка Политово.

— А вам, Борис Николаевич, — сказал он, — надо поспать часа два.

Я попытался возразить, но командир и слушать не захотел:

— Двое суток без сна — дело не шуточное. Спать, спать!

Через два с половиной часа мы поднялись в воздух и вскоре были на новой площадке. Назавтра предстоял бое-

вой вылет, поэтому Братолюбов собрал летный состав и рассказал нам обстановку. Она была угрожающей. Южный фронт в районе Новохоперска прорван. Сведения об этом получены командованием от начальника авиации Южного фронта И. И. Петрожицкого, лично обнаружившего конницу бедогвардейцев во время своего разведывательного полета. Конный корпус Мамонова двигался в северо-западном направлении, имея целью, по-видимому, захватить Тулу. Корпус насчитывал около шести тысяч сабель и три тысячи штыков. Три его конные дивизии были усилены двухорудийной батареей и броневиком каждая, а пехотная дивизия — двумя батареями дальнбойной и тяжелой артиллерии.

— Наша задача, — сказал в заключение Братолюбов, — состоит в том, чтобы прежде всего обнаружить главные силы противника, уточнить его численный состав и направление движения. Атаковать будем на марше и на стоянках. Главное — не упускать его из виду после почных маршей. За ночь мамонтовцы могут уйти на тридцать — сорок километров. Это расстояние для нас не проблема. А теперь слушайте, в какую зону каждый из вас полетит на разведку.

Сентябрьское утро. Над землей висят облака, вот-вот готовые пролиться дождем. Видимость ограниченная. И все же вылет состоялся. Около восьмидесяти минут бороздили мы воздушное пространство, зорко глядя в рельеф местности, однако противника никто из нас не обнаружил. Не дали результатов второй и третьей полеты.

Спустя некоторое время летчики стали обнаруживать отдельные вражеские разезды и мелкие конные отряды. На один из таких отрядов, численностью до ста сабель, паткнулся и я. Вот как это произошло.

Высота полета была около 200—300 метров, визуальная видимость до трех километров. На одной из дорог в районе Ельца неожиданно показалась колонна конников. Заметив мой самолет, белоказак, оставив дорогу, вскачь понеслись к видневшемуся недалеке перелеску. Круто заложив вираж и развернувшись на 180 градусов, я пошел со снижением и дал длинную очередь по всадникам.

Позиция для ведения огня при таком маневре оказалась очень неудобной, так как стрелять пришлось на по-

перечном курсе. Но дело не в ущербе, нанесенном противнику. Главное тут ошеломляющее воздействие. Обезумевшие от рева самолета и стрельбы, лошади взвивались на дыбы, сбрасывая и подминая всадников. Это была потрясающая картина. Делая крутые, вертикальные виражи над самой землей и почти задевая конников то одним, то другим крылом (вот где пригодился высший пилотаж!), я носился над полем до тех пор, пока горячего осталось только на обратный путь. Стрелять приходилось изредка: отряд и без того рассеялся, стал небоеспособным.

На аэродром я возвращался в приподнятом настроении. Казачья сотня оказалась бессильной против одного самолета. Белоказак, охваченный паникой, даже не попытался сделать ни одного выстрела. Таким образом, мысль Владимира Ильича Ленина о том, что конница при низком полете аэроплана бессильна против него, подтвердилась на практике.

Возвратившись в Политово, я с радостью узнал, что Братолюбов и Герасимов тоже обнаружили вражеские отряды и действовали примерно так же. К тому времени мы убедились, что главных сил Мамонова в этом районе нет и что нам целесообразнее всего перебраться в Ефремов, где аэродром можно было использовать в качестве летной площадки.

И вот Ефремов. Летая с местного аэродрома, мы стали чаще встречать неприятельские отряды. Сначала тактика борьбы с ними оставалась прежней: обнаружив конников, мы рассеивали их пулеметным огнем и маневрированием на небольшой высоте. Затем начали применять бомбы. О бомбометании хочется рассказать подробнее.

Одноместный истребитель не мог брать бомбовой нагрузки, но, желая папести врагу как можно больший урон, мы все-таки брали по две десятифунтовые фугасные бомбы. Помещались они в обыкновенном мешке, сбоку от сиденья летчика. Прежде чем сбросить бомбу, надо было взять ее на колени, с помощью отвертки или плоскогубцев отогнуть вильчатую контрольную пластинку, фиксирующую ветрянку ударника. Если бы ветрянга по какой-либо причине вывернулась в кабине, бомба при первом же толчке взорвалась бы на коленях у летчика.

Выбросить бомбу из кабины было не так-то просто. Чтобы она не попала на свое же собственное нижнее

крыло, надо было перенести ее за борт и, держась одной рукой одновременно за стабилизатор и ветрянку, вынести как можно дальше назад и отбросить. Все это надо было проделать очень быстро, ибо ветрянка при скорости самолета 150—160 километров могла вывернуться на встречном потоке ветра в течение нескольких секунд. Вторая рука была занята управлением машины. И если замешкаешься хоть на полсекунды, может произойти взрыв. Одним словом, пока сбросишь этот смертоносный груз, не один раз покроешься холодным потом.

Бомбометание вручную если и не причиняло в некоторых случаях серьезного урона противнику, то все-таки оказывало большое психологическое воздействие на него. И это вполне оправдывало тот риск, на который шли летчики. Мы жалели только о том, что у нас не было самолетов большей грузоподъемности.

Истребителей противника мы не встречали в воздухе, а для разведки на дальнее расстояние наши самолеты не годились, поэтому Братолобов связался с Москвой и добился, чтобы нам выделили двухместные «сопвичи». Несмотря на то что боевых машин было очень мало, Москва выделила нам самолеты-разведчики. За первым из них командир отряда послал меня.

Оставив «Ньюпор» в Москве, я возвратился в Ефремов на «Сопвиче». Вместе со мной прилетел летчик-наблюдатель Карц, которого я выбрал из курсантского состава нашей школы. Вслед за мной новую машину получил Герасимов. Летнабом к нему назначили коммуниста Горелова, учившегося в Московской школе летчиков.

Первые разведывательные полеты на «Сопвичах», несмотря на увеличившуюся дальность маршрута, тоже ничего особенно существенного не дали: основных сил Мамонтова обнаружить не удалось. Однако работа в районе Ефремова не пропала даром.

...На разведку полетел один из командиров отрядов авиагруппы особого назначения. В воздухе отказал мотор, и пришлось совершить вынужденную посадку на территории, занятой белыми. Оставив самолет, летчик благополучно добрался к своим. На следующий день мы в паре с Трусковым, выполняя очередное боевое задание, должны были найти машину, оставленную командиром истребительного отряда. Об этом нас попросил Братолобов.

Через несколько минут полета мы обнаружили самолет. Противника поблизости не было. Убедившись в этом, я выбрал пригодную для посадки площадку и приземлился. Трусков, видимо, подумал, что на моей машине случилась какая-нибудь поломка, и сел почти рядом со мной.

— Что там у тебя? — крикнул он.

— Все в порядке, — ответил я, — не волнуйся. Надо узнать у местных жителей, нет ли здесь белых.

К приземлившимся самолетам подбежали деревенские мальчишки, а затем и взрослые. Каждому было любопытно посмотреть на летающие машины. У них-то мы и спросили о неприятеле. Оказывается, казаки покинули эту деревню три-четыре дня назад. Это были очень важные сведения. Узнав о направлении движения белоказаров, я сказал Трускову:

— Придется еще раз сесть неподалеку от Ельня и узнать, есть ли там противник. А ты кружи надо мной, так будет надежнее: в случае нападения мамонтовцев атакуешь их.

Мой напарник согласился.

Вторая посадка тоже оказалась удачной. Елецкие крестьяне сообщили, что войска Мамонтова уже два дня как покинули город.

— Самолет нашли, — доложил я Юрию Александровичу по возвращении в отряд. Он похвалил нас. А когда узнал о том, что мы селились и с какой именно целью, нахмурился:

— Хорошо, что там не оказалось мамонтовцев. И сами попали бы в плен, и самолеты достались бы врагу. Прошу больше не делать этого.

В тот же день команда, возглавляемая летчиком Лёвиным, направилась к машине, обнаруженной нами, и доставила ее в Ефремов.

Располагая нашими данными о противнике, Братолобов приказал отряду готовиться к перелету в Елец.

— Оттуда и будем бить белоказаров. Кстати, туда подойдет и наш эшелон.

Из Ельня командир перегнал свой «Ньюпор» в Москву и возвратился вместе с летнабом Миныным на «Сопвиче». Теперь у нас было три таких машины. Юрий Александрович заметно повеселел. Причиной тому, как выяснилось, было не столько получение нового самолета, сколько решение, принятое командиром в результате авиа-

лиза того полета, который мы совершили с Трусковым. Идея посадки на территории, занятой противником, все больше занимала Братолюбова.

— Вот что, друзья,— сказал он летчикам,— сведения о белоказаках можно и пужно добывать путем опроса местных жителей, как это сделали однажды Кудрин и Трусков. Перелетим в Курбатово и попробуем испытать этот метод.

Местечко Курбатово находилось на участке железной дороги между Воронежем и Курском. Вылетая с этого аэродрома в разных направлениях, мы еще раз убедились в том, что войска Мамонтова передвигаются отдельными мелкими отрядами и собираются в единый кулак лишь в момент нанесения удара по какому-нибудь важному стратегическому пункту.

— Новый метод поиска противника чрезвычайно опасен, но мы все же попытаемся использовать его,— сообщил Братолюбов.— Для этого выделим пока один самолет. Кому лететь — решит жребий.

Жребий выпал на долю Герасимова. Не знаю, как другие, а я был огорчен, что не мне придется производить посадку во вражеском тылу.

Далее командир напомнил, что в связи с приближением к линии Южного фронта надо очень внимательно следить за обстановкой не только на земле, но и в воздухе. Не исключена возможность нападения истребителей противника.

Братолюбов продолжал:

— Белогвардейцы никуда не уйдут от нас. Не сегодня-завтра мы все равно найдем их и начнем наносить по ним удары с воздуха. Не исключена возможность, что в бою кого-нибудь из нас достигнет беда. Придется садиться. Не знаю, как в этом случае поступят другие, но я не допущу, чтобы мой боевой товарищ был взят в плен. Обязательно произведу посадку, чтобы выручить его.

Все мы не сомневались в том, что именно так он и поступит в случае необходимости, хотя знали, что Братолюбову не придется рассчитывать на милость белогвардейцев: он, как и я, являлся офицером старой армии.

Это был вопрос чрезвычайной важности. Садиться на случайную площадку опасно по трем причинам. Во-первых, она может оказаться непригодной для взлета. Во-вторых, на наших самолетах стояли старые, истрепанные

ротативные моторы (неподвижный коленчатый вал с вращающимися вокруг него цилиндрами) с очень примитивной системой питания и зажигания, неустойчивой работой на малом газу; даже на школьном аэродроме и то бывали случаи остановки мотора на малом газу. И, наконец, прямая угроза нападения белоказаков на экипаж.

Испытующим взглядом смотрел командир на летчиков: что-то они скажут? Первым нарушил молчание Горелов. Он спросил:

— Кого же спасать в первую очередь, если из двух самолетов на вынужденную посадку сядет один, — летчика или летнаба? Ведь обоих на борт не возьмешь...

Ему ответил комиссар отряда Сергей Курников:

— Тут выбора быть не может. Братолюбов и Кудрин, например, испытанные летчики, воспитатели авиационных кадров для молодой республики. А получатся ли авиаторы из нас — еще не известно. Так что в любом случае надо отдавать предпочтение командиру экипажа. Я знаю, что меня, коммуниста, враги не пощадят. Но я не дамся им в руки живым.

Курникова поддержали все коммунисты — Горелов, Минин, Карп: первым спасать летчика.

...Перед вылетом на разведку с посадкой («агентурная» разведка, как мы ее называли) на самолете Герасимова случилась неполадка. Братолюбов тоже не мог вылететь, так как ему предстояло немедленно установить связь со штабом нашей авиагруппы, находившейся в Кшени.

— Разрешите вместо Герасимова вылететь мне? — спросил я командира.

Братолюбов не отказал в категорической форме. Он лишь заметил, что получится, будто мы обижаем Евгения. Позже ко мне подошел сам Герасимов и попросил меня взять его в качестве летнаба. Я с радостью согласился, но не знал, разрешит ли Братолюбов идти на задание двум летчикам на одном самолете.

— Уговорю командира,— заверил Евгений.

Через несколько минут, когда я и Карп уже селись в самолет, подбежал сияющий Герасимов и протянул письменное распоряжение Юрия Александровича.

— А садиться вне аэродрома он нам разрешил?

— Я не спрашивал, — ответил Евгений. — Да и спрашивать нечего: я раньше имел разрешение на посадку. А так как задание остается прежним...

— Ну ладно,— перебил я его,— умеешь ли ты запустить мотор? Ведь он может заглохнуть во время посадки.

— Кручу, как бог.

— Тогда попробуй, запусти. Контакт!

— Есть контакт!

Мотор заработал, и вскоре мы поднялись в воздух. Вначале нам, как и прежде, попадались небольшие конные отряды, но мы теперь не обращали на них никакого внимания. Обнаружить главные силы Мамонтова — вот наша задача.

Было безветренно. Видимость хорошая, и мы для лучшего обзора местности набрали метров шестьсот высоты. Направление держали на юг и, если казалось что-нибудь подозрительным, делали отвороты влево или вправо. Однако в течение получаса ничего достойного нашего внимания мы не обнаружили.

«Надо подыскать площадку, подходящую для посадки», — подумал я и почти сразу же внизу заметил стадо овец. Значит, там непременно должен быть и пастух, который, вероятно, мог рассказать нам о том, есть ли в округе белоказаки, а если нет, то когда были и в каком направлении ушли.

Тщательно высмотрев площадку рядом со стадом, я указал на нее рукой Герасимову. Он одобрительно закивал головой: садись, мол. Едва самолет остановился, Евгений поспешил вылез из кабины и, придерживая одно крыло, помог мне развернуть «Сопвич» для взлета. Такая мера предусмотрительности была не лишней: в случае опасности мы быстро могли взлететь по своему старому следу.

Взяв карабин, Герасимов направился к пастухам — их оказалось двое, — а я остался в самолете, поддерживая и регулируя работу мотора на малых оборотах.

Разговаривая с пастухами, Евгений вынул из планшета карту и что-то рассматривал на ней. По всей видимости, собеседники сообщили ему интересные сведения о противнике. Так оно и было. Возвратившись, Герасимов прокричал мне на ухо:

— Главные силы белых проходили здесь два дня назад. С пушками и броневиками...

Дальше я услышал название какого-то населенного пункта, но какого именно — не разобрал.

— Давай, давай, взлетай! — крикнул Евгений. — Я покажу...

Мы взлетели, и я повел самолет в направлении, которое мне указывал Герасимов. Стучая меня по плечу и махая рукой, он обозначал курс.

Прошло минут двадцать, но вражеской конницы нигде не было. Чтобы убедиться, не обманули ли нас пастухи, мы решили произвести еще одну посадку. На этот раз сели возле деревни, и Евгений беседовал с женщинами, шедшими куда-то с ребятами. После разговора с ними полетели дальше на юго-восток. Женщины показали правильное направление, потому что мы стали замечать движение вражеских разъездов и даже довольно крупных отрядов.

Сели в третий раз. Герасимов быстро закончил разговор с пастухами и, возвратившись, сказал, что мамонтовцы должны быть где-то рядом. И действительно, минут через десять полета мы обнаружили наконец то, что настойчиво искали в течение нескольких дней...

Растянувшись километров на пять, по дороге двигались неприятельские обозы. А впереди плотными колоннами шли казаки. По визуальному определению их было более дивизии. Такой массы войск, собранных в одном месте, мы никогда не видели. И тут встал вопрос: что делать? Боевое задание выполнено — противник обнаружен. Сейчас бы нанести по мамонтовцам сокрушительный бомбовый удар. Но бомб у нас не было, потому что с ними нельзя было производить посадки. Возвратиться на свой аэродром, чтобы всем отрядом обрушиться на врага, — уйдет, как мне казалось, слишком много времени. Что же делать? Много раз уже приходилось мне разгонять мелкие отряды белоказаков, и удача всегда сопутствовала мне. Неужели боевое счастье изменит, когда за моей спиной сидит мой товарищ? Нет, не может этого быть. И прежде чем успел сообразить, что делаю, я уже перевел самолет в шик и, идя со снижением на колонну, орал Герасимову: «Стреляй! Стреляй!»

Герасимов открыл огонь. Однако, к моему великому изумлению, мамонтовцы не покидали строя, не бросались, как прежде, с дороги в сторону. Больше того, тысячи стволов винтовок поднялись вверх и сосредоточили огонь по нашему «Сопвичу». Холодный пот выступил на моем лице: бросаться в атаку против пехотной казачьей дивизии с одним пулеметом «Льюис», в тарелке которого всего лишь сорок семь патронов, — безрассудство.

Круто развернув машину в сторону, я выжимал из нее все, на что она была способна, и думал только об одном: скорее вырваться из сплошной завесы губительного огня. Не знаю, как нам удалось остаться в живых. Даже теперь, когда прошло почти пятьдесят лет, я не могу объяснить, почему мы не оказались сбитыми и почему я проявил такую глупость.

Оторвавшись от колонны, мы поехали на Курбатово. Я оглянулся и увидел изменившееся лицо Герасимова. Он улыбнулся, но улыбка была не веселая, не радостная, а, скорее, удивленная: неужели пронесло?!

О результатах разведки и своем приключении доложили Братолюбову. Он выслушал доклад спокойно, не обращая внимания на нашу взвинченность, лишь задал несколько вопросов, уточняющих местонахождение противника. Затем приказал Герасимову, самолет которого привели в порядок, и наблюдателю Горелову сделать повторный вылет и нанести на карту местонахождение противника абсолютно точно. Никаких посадок на неприятельской территории командир не разрешил производить.

Когда Евгений доложил о готовности к вылету, Братолюбов подал команду на общее построение. Авиаторы построились, и командир объявил мне и Герасимову выговор. Он сказал:

— Летчики Кудрин и Герасимов только что вернулись с боевого задания. Они добыли чрезвычайно важные сведения, которых мы, да и не только мы, а, наверное, вся авиация нашего фронта, так долго и безуспешно добивались. Все, что мы сделали до сих пор, ничего не стоит по сравнению с этим полетом, и экипаж следовало бы поощрить. Но Кудрин и Герасимов, к сожалению, проявили недисциплинированность, ухарство и безрассудство, недостойные краснолетов. Все мы знаем, что они смелые, отважные летчики. Но такой смелости — с одним пулеметом бросаться на дивизию — нам не нужно. Нельзя так безрассудно рисковать собой, тем более, что они располагали очень важными сведениями о противнике. Надеюсь, впредь никто из вас не повторит подобного.

Это был отеческий выговор. Мы это отлично понимали и потому не только не обиделись на командира, но в душе были благодарны ему за его заботу.

Прибыв из разведки, Герасимов и Горелов привезли еще более ценные сведения. Километрах в пятнадцати западнее того места, где мы оставили противника, они обнаружили другую колонну вражеских войск. Не оставалось никакого сомнения, что в этом районе концентрировался весь корпус Мамонтова. Наконец-то настал час, когда мы сможем всем отрядом нанести удар по неприятелю!

К вылету подготовились быстро. Братолюбов собрал всех летчиков и наблюдателей и поставил задачу:

— Начнем бомбить мамонтовцев с высоты восемьсот—девятьсот метров, на которой ружейно-пулеметный огонь безопасен. При заходе на бомбежку перестроимся в кильватерную колонну. Первым сбрасываю бомбовый груз я. Уход от цели всем отрядом после того, как выполнит боевую задачу последний экипаж. Чтобы не задерживаться над целью, не подвергать себя непущному риску, наблюдатели должны действовать как можно быстрее. Левин летит на «ньюпоре», горючего у него меньше, чем на «сопвичках», поэтому разрешаю ему возвратиться на аэродром, не ожидая нас.

Уточнив ряд других моментов и проверив, что летчики поняли задачу, командир распорядился о подготовке к вылету. Сам он летел с Минным, я — с Карпом, Трушков — с Кошелевым, Левин — на одноместном самолете, без наблюдателя.

И мы ушли в свой первый групповой полет. Приблизившись к цели, Братолюбов подал условный знак для перестроения в кильватерную колонну. Он зашел вдоль дороги, по которой двигались войска противника. Мы не отставали от командира, точно выдерживали заранее намеченную дистанцию.

Бомбы одна за другой полетели вниз. Разрывов я не видел, потому что следил за самолетом ведущего. Братолюбов сделал вираж и лег на обратный курс. Я последовал его примеру и на развороте увидел, что дорога, по которой двигались мамонтовцы, зияла воронками от взрывов наших бомб. На сером полотне большака и по его обочинам валялись трупы лошадей, разбитые повозки, убитые и раненые мамонтовцы...

Удар с воздуха был настолько эффективным, что войско противника дрогнуло, смешалось и в панике бросилось враспылку. «Сейчас мы им поддадим огоньку!» —

подумал я, ожидая, что Братолюбов снова сделает разворот и откроет пулеметный огонь с пикирования. За ним, конечно, ринулись бы и остальные самолеты. Я чувствовал и даже видел по выражению лица летчика-наблюдателя Карпа, что и он горит боевым азартом, с нетерпением ждет команды на открытие огня по мечущемуся противнику. Но Юрий Александрович летел курсом на свой аэродром и даже не делал попытки снизиться над мамонтовцами. Зная о смелости командира, я даже разочаровался в нем: упустить такую возможность!

Мы подошли к Братолюбову ближе и пристроились с двух сторон. Спустя некоторое время я заметил, что мы уклоняемся влево от нашего курса, к западу. Потом это отклонение стало еще больше. «Куда же он летит? Не может быть, чтобы заблудился!» — беспокойно подумал я и, подойдя вплотную, показал рукой истинное направление. Командир погрозил кулаком. Наконец я понял: он летел в Кшень, где была сосредоточена вся авиация фронта.

Теперь стало ясно, почему Братолюбов не стал атаковать неприятеля. Он намеревался нанести мощнейший удар всеми наличными силами... «Правильно! Молодец!» — воскликнул я, словно Братолюбов и в самом деле мог услышать этот возглас одобрения.

Когда мы приземлились в Кшени, командир торопливо зашагал в штаб, сказав, чтобы мы подождали его. На аэродроме стояло много самолетов, в том числе и два четырехмоторных гиганта, носивших название «Илья Муромец».

— Если сейчас поднять всю эту армаду в воздух, — восторженно проговорил Герасимов, — Мамонтову не поздоровится.

Все мы разделяли это мнение и надеялись, что сейчас придет командир и скажет: «Летим!» Но Братолюбов вернулся из штаба злой и хмурый. Он сказал, что придется ночевать на этом аэродроме, а завтра произвести дополнительную разведку.

После очередной разведки и штурмовки другой довольно значительной группы войск противника, обнаруженной нами, мы должны были произвести посадку на аэродроме Курбатово. И мы сели. Правда, не без происшествий. На самолете Трускова перед самой посадкой сломалась стойка коромысла клапанов мотора, срезало

капот. Трусков приземлил свой «Сопвич», но он был в таком жалком состоянии, что без серьезного ремонта на нем нельзя было летать. На моей машине мотор работал с перебоями, начал подтекать маслбак. Я с трудом дотянул до Курбатово.

Мы собрались у Братолюбова, только что говорившего со штабом авиадарма.

— В этом районе обстановка стала угрожающей, — сказал он. — Снова появились казачьи отряды. Они могут совершить налет на аэродром, а это, сами понимаете, может кончиться трагедией... Самолет Трускова, все имущество и вещи надо погрузить в эшелон, который через Касторную отправится в Елец. Что с вашей машиной, Борис Николаевич?

— Механики обещают скоро отремонтировать.

— Хорошо. Завтра утром мы втроем вылетим на очередную бомбежку и штурмовку неприятельской коптицы, а оттуда возьмем курс прямо на Елец! Задача ясна? Значит, так и будем действовать.

Однако вышло не так, как планировалось. Механики моего самолета работали без отдыха всю ночь, но подготовить его к рассвету все же не смогли. Братолюбов принял решение идти на задание вдвоем с Герасимовым, а мне приказал вылетать по мере готовности машины и отбомбиться в одиночку. Посадку после налета Братолюбов и Герасимов должны были сделать в Курбатово и подождать меня, а затем, уже все вместе, направиться в Елец.

Командир и Евгений улетели. Помогая механикам, и с нетерпением ожидал, когда можно будет подняться в воздух. Прошло около двух часов. Мой «Сопвич» уже был готов, а Братолюбов и Герасимов все не возвращались с задания.

— Полетим, — сказал я Карпу. — У них, наверно, жаркая работа.

Мы заметили, что противник значительно дальше продвинулся на запад и теперь не ломился сплошной массой, а шел отдельными отрядами по бездорожью, рассредоточившись на значительной площади.

Карп навел меня на самое крупное скопление белых, и мы, так же как и в прошлый раз, удачно сбросили на них бомбовый груз и, снизившись, расстреляли все патроны.

Беспокоясь о том, что Братолюбов и Герасимов могут улететь на другую площадку, я спешил встретиться с ними в Курбатово. До аэродрома уже было совсем недалеко, когда неожиданно мотор начало сильно трясти. Видимо, вышел из строя один из цилиндров. Надежда на то, что сумею дотянуть, не оправдалась. Пришлось «плюхнуться» у самой границы аэродрома, на площадке, не пригодной для посадки. Шасси, конечно, вышло из строя.

— Почему же мотор работал с перебоями? — поинтересовался Карп.

Осмотрев самолет, мы убедились, что в воздухе снова потек маслобак. Забрызганный распределитель зажигания не давал искры.

Тоскливо было сознавать, что я опять остался без машины, но еще тоскливее стало, когда на аэродроме не оказалось ни Братолюбова, ни Герасимова. Куда же они могли деваться?

Вскоре приземлились два самолета. Военлет Сапожников прилетел из Кшени по распоряжению начавиагруппы Акашева для установления с нами связи, передачи оперативных документов Братолюбову. Военлет 41-го отряда Земблевич возвращался с разведки и, увидев мой «сопвич» на аэродроме, решил сесть, чтобы узнать, в чем дело, и предупредить меня об опасности. От него я узнал, что севернее Курбатово он обнаружил несколько разездов противника и что большой отряд белых теснит наши части в районе Касторная, Мармыжи.

— Думаю, — сказал Земблевич, — что в ближайшие часы железная дорога на этом участке будет перерезана, а следовательно, и всякая связь между Курбатово и Кшенью прервана, так что положение очень скверное, Кудрин. Самолет вывезти никак нельзя. Оставляй его и уходи: вот-вот здесь могут появиться вражеские разезды.

— Что же, «сопвич» сжечь? — спросил я, желая узнать его мнение.

— Ты с ума сошел! — вскричал он. — Что с ним казаки могут сделать? Ни увезти с собой, ни использовать для дела. Значит, в самом худшем случае они смогут его сжечь. А может быть, и не тронут. Ведь не сожгли же они самолет Андреева, который вы притащили в Ефремов. Помнишь?

— Помню.

— Ну вот. Я сейчас полечу в Кшень и доложу обо всем Акашеву. Он, конечно, примет все меры, чтобы «Сопвич» спасти. Если это будет невозможно, сюда прилетит кто-нибудь из наших и сожжет или разбомбит машину.

— Нет, из Курбатово я не уйду до тех пор, пока лично не получу от Акашева или заместителя командира нашего отряда Лёвина соответствующих распоряжений.

После отлета Земблевича я пошел на станцию. Связь с авиагруппой в Кшени и нашей «базой на колесах» в Ельце еще функционировала, и я послал в оба адреса по телеграфу соответствующие донесения. На станции во время беседы с телеграфистом, начальником станции и местными жителями узнал, что сообщения Земблевича были правильными: севернее Курбатово и в районе Касторная, Мармыжи рыщут казаки, с минуты на минуту железнодорожное движение и связь с Кшенью будут прерваны.

Возвращаясь на аэродром, я решил по-прежнему отправить летнаба и механиков в Елец, к своим, а самому остаться у самолета и ждать указаний командования.

Часа через два Карп и два механика погрузили на подводу пулемет, снятый с «Сопвича», и остатки имущества, и ушли.

— Будьте осторожней, — напутствовал я своих товарищей.

Однако спустя некоторое время Карп вернулся.

— Я не собирался уходить, — сказал он. — Просто проводил обоз.

— Ты что же не исполняешь моего приказа? Последний раз говорю тебе: уходи!

— Как коммунисту ты не имеешь права мне приказывать: ты не коммунист. А как солдату... Ты сам-то ведь остался...

— Я остался, чтобы уничтожить свой самолет!

— Он не только твой, но и мой. Вместе летали на нем, вместе сожжем, затем уйдем.

В душе я был рад тому, что теперь нас двое, но виду не показывал. Только скребло сомнения: как же быть, если пришлют двухместный самолет из Кшени?

День прошел без происшествий. На всякий случай мы все приготовили для того, чтобы машину сжечь сразу

же, при первой опасности. Курбатово словно вымерло. Наступила ночь. Мы провели ее без сна: один из нас дежурил у «сопвича», другой — на станции, у телеграфного аппарата.

На рассвете послышались звуки отдаленной перестрелки. Связь с Кипенью прекратилась, и мы, не получив оттуда никакого ответа, решили уходить. Самолет не стали поджигать, пожалели: авось останется цел... Взяли направление на север, на Землянск и Елец. Шли с большой осторожностью, главным образом ночью, а днем отлеживались в укромных местах. Деревни и села, как правило, обходили. Правда, несколько раз обращались к местным жителям, чтобы купить что-нибудь из еды и собрать сведения о белых. Нам говорили, что мамонтовские разъезды недалеко.

Добравшись до Ельца, мы узнали, что, получив мою телеграмму и донесение Земблевича, командование авиатруппы особого назначения немедленно отправило в Курбатово экспедицию верхом на лошадях под командованием комиссара группы Макарова. Значит, мы разошлись в пути. Это нас огорчило. Стоило еще немного подождать, и мы бы встретились на аэродроме.

Позже выяснилось, что группа Макарова с большим трудом и не без опасных приключений отправила самолет через Воронеж, Грязи в Москву, а сама кружным путем — Воронеж, Задонск, Елец — с боями добралась до Паточной.

Друзья обрадовались нашему возвращению.

— Вы прибыли вовремя, — говорили он. — В связи с кулацким восстанием в Елецком уезде не сегодня-завтра придется двинуть в Тулу.

Братолюбова и Герасимова здесь не было. Значит, они не вернулись с боевого задания. Мрачное предчувствие угнетало всех авиаторов отряда.

Перед отъездом мы решили обменять на продукты у крестьян кое-какие наши запасы: спички, соль, керосин, наручные часы. Знали, что в Москве, куда мы обязательно должны были попасть на переформирование, было очень голодно. Погрузив все необходимое в наш отрядный легковой «паккард», я с шофером Деллосом и поваром Зайцевым выехал из Ельца на Задонск. Теперь трудно судить, правильно ли я поступил тогда и кто в большей степени повинен в случившемся — я, не представлявший

истинного размаха кулацкого восстания, или товарищи, полагавшие, что далеко от города мы не поедем.

...Километрах в десяти — двенадцати от Ельца наш «паккард» обстреляли. Мы развернулись, но на пути вырос отряд вооруженных людей. Это были кулаки. Нас били долго и жестоко. Наконец один из бандитов выкрикнул:

— Для начала хватят! Сдадим этих комиссаров в штаб, там из них вытянут, что надо...

Нас потащили в «штаб». Я мучительно думал, что делать с документами, которые были у меня, в том числе мандат ревкома с правом реквизиции подвод и фуража, который я получил в Землянске, пробираясь из Курбатово в Елец. За этот мандат кулачье немедленно расстреляет меня и моих спутников.

Шофера Деллоса бандиты вернули к машине, намереваясь, очевидно, использовать ее для каких-либо своих целей. Меня и повара Зайцева поволокли дальше. Нас двое, их двенадцать. Они с обрезами и винтовками, мы безоружные. Попытка к побегу исключалась: рванешься в сторону — в спину прогремит залп.

«Что же делать с документами?» — мучила ужасная мысль. Выбросить — заметят и тотчас же убьют. Наблюдая за конвойными, которые из-за чего-то начали ссориться между собой, я осторожно нацупал в кармане мандат ревкома и, оторвав от него кусок, скатал шарик и проглотил. Потом еще раз и еще. Но съесть все документы я, конечно, был не в состоянии.

— Землячки, дайте закурить, — попросил Зайцев у конвойных.

— Волк тебе землячок.

Но все же ему дали щепоть табаку. Это была спасительная щепоть! Я протянул руку Зайцеву, и он отсыпал мне на ползакрутки. Свертывая папиросу, я незаметно бросал обрывки от оставшихся документов. Вскоре с ними было покончено. Остались две бумаги: удостоверение 1917 года о том, что военному летчику прапорщику Кудрину разрешается проживать на вольнонаемных квартирах, и удостоверение московского университета от 1918 года о том, что я состою в числе студентов медицинского факультета.

Мы подходили к селу. У меня созрел рассказ для тех, кто будет допрашивать. Он сводился к следующему: я —

бывший летчик царской армии. После демобилизации поступил в Московский университет и стал учиться. Большевики насильно призвали в Красную Армию и, не доверяя летать на самолете, назначили меня заведующим хозяйством в авиационный отряд. И вот мы приехали сменять соль и керосин на продукты. Чтобы не было разногласий, я шепнул об этом повару. Тот кивнул: понял.

В селе никакого штаба не оказалось. На площадь, куда нас привели, сбегались и старые и малые. Начался допрос. Я рассказал придуманную версию. Зайцев сказал, что он работал поваром в Московской школе летчиков, а когда сформировался отряд, его заставили ехать на фронт. — Врут они. Это комиссары. Бей их! — крикнул кто-то.

Зайцев взмолился:

— Что вы, что вы! — И начал читать что-то божественное. Старик и в самом деле был верующим.

Но и его молитвы не произвели должного впечатления. Толпа стала срывать с нас одежду, чтобы убедиться, есть ли у нас нательные кресты. У меня его не было, а Зайцев вынул свой крест из кармана со словами:

— Вот, православные. Только у меня гайтан оборвался...

С него, по-видимому, сорвали крест, когда били.

— А, хриstopродавцы, кресты в карманах носите! — И озверевшая толпа с криками и воплями бросилась на нас. — Убить их! Утопить, как котят!

Рядом был пруд. Избитого, меня связали и бросили в воду...

Очнулся я ночью в каком-то темном и холодном помещении. Это был тот самый лабаз, около которого нас избивали. Рядом со мной лежали Зайцев и еще двое незнакомых. Я был раздет догола и прикрыт какими-то лохмотьями. Все тело ныло от побоев. Было холодно. От воды, которой я нахлебался в пруду, нестерпимо тошнило.

Повар лежал в обмороке. Приведя его в чувство, спросил:

— Били или топили?

— И то и другое... Господи, неужто сгинем здесь, Борис Николаевич?

— Кулаки — звери. Может, удастся бежать...

— Помогли, господи, — крестился старик Зайцев.

— Бог-то бог, да сам не будь плох, — проговорил один из незнакомцев, что лежали рядом с нами.

Это были дезертиры, пробравшиеся с фронта в родные места. Кулаки их поймали и посадили вместе с «комиссарами».

Утром мы услышали стрельбу. Меня и Зайцева вывели из амбара и куда-то поволокли по бездорожью, по колючей стерне.

Ноги мои кровоточили. Пришлось «обуться» в лохмотья, сорванные с плеч. В какой-то деревне нас снова донрашивали и зверски били. Наконец меня и Зайцева довели до Понарино, что на правом берегу Дона, недалеко от Задонска, и бросили в какое-то помещение. Было страшно холодно, ныли раны, от побоев кружилась голова.

Утром меня выволокли, словно труп, и таким же образом перетащили в хату. На полу лежал Зайцев. Его, паверное, раньше приволокли сюда. В избе топилась печь, возле которой хлопотали три женщины. Помещение оказалось кухней бывшего помещичьего дома.

Охранники ушли. Одна из женщин, которую другие называли Валею, дала нам хлеба и спросила, кто мы и как сюда попали. Валентина была не похожа на крестьянку. Выслушав меня, она тяжело вздохнула и пристально посмотрела в лицо. Видимо, не поверила.

— Вы сдавали зачет по органической химии? — неожиданно заинтересовалась она.

— Да.

— Кто автор учебника?

Я ответил. Она кивнула головой: правильно. Теперь Валентина поверила, что я был студентом. Значит, она не деревенская, тоже из города. Но как и зачем попала сюда? Спрашивать об этом было нельзя, но я почувствовал: теперь у нас есть союзник. Впрочем, она сама сказала, что была студенткой Харьковского университета. Белые заняли город, и она вынуждена была вернуться домой.

— А я думал, вы горожанка.

Женщины вышли в сени, и Валя осталась одна.

— Нет, не горожанка. Но это не имеет значения. Слу-

шайте, что я вам скажу,— быстро зашептала она.— За Доном все левобережье занято красными. Они наступают от Ельца. Но тут недалеко есть и белые. В Понарине уже бывали их разъезды.

Я поверил ей и спросил, не может ли она, если нас не убьют, ночью отвлечь охрану хотя бы на самый короткий срок, чтобы дать нам возможность уйти.

— Мне здесь не доверяют, следят за мной. Трудно что-нибудь сделать... Фронт идет по Дону. В прифронтовой полосе свирепствуют кулацко-повстанческие отряды... Вы обязательно наткнетесь на них...

— Тогда вот что,— сказал я,— если вы наш друг, то пойдите сейчас в амбар и спрячьте там кол или доску. С их помощью мы ночью попробуем добраться до высокого окна и...

Валя тотчас же вышла. Минут через пять она вернулась и кивком головы — кухарки снова появились у печи — дала понять, что просьба выполнена.

Нас снова бросили в амбар с массивной дверью, толстыми стенами и прочным потолком. Бежать отсюда можно было только через крошечное окно, прорезанное высоко в стене. Весь остаток дня я думал о побеге.

За дверью слышался разговор. Охранники ждали первого казачьего разъезда, чтобы сдать нас, как им было приказано. Итак, мысль об одном: только бы не пришли казаки днем; ночью надо обязательно бежать.

Часа два спустя я услышал стрельбу — ружейные и пулеметные очереди, потом звук авиационного мотора и два разрыва бомб где-то в стороне Дона. Сразу же после этого перед амбаром стала собираться толпа. Вразнобой кричали:

— Прикончить их надо!

— Есть приказ передать живыми.

Это о нас.

Толпа стала расходиться.

До сих пор я ничего не говорил Зайцеву. Он был в тяжелом состоянии и почти не мог двигаться. Но оставить его одного было бы не по-товарищески.

— Послушай, Зайцев, надо бежать ночью, иначе они убьют нас. Если не здесь, то у мамонтовцев.

— Я не могу идти,— и повар заплакал.— Спасайся один.

И. И. Петрожицкий

Б. Н. Кудрин

И. Б. Шевцов

Е. И. Поздняков

Командиры штаба 3-й бригады 12-й дивизии

И. С. Стройло

И. В. Саблин

— Брось дурить, Зайцев! Нам бы только вылезти в окно, а там я дотащу тебя до реки, и мы переплывем к своему.

— Нет, все равно утонем,— стоял Зайцев.— Беги один. Останешься в живых — найди мою старуху и передай ей все. Не думай обо мне, спасайся сам, иначе и тебе будет конец.

Зайцев впал в забытие. Иногда, на короткое время, он приходил в себя, но был абсолютно беспомощен. Вечером я услышал стрельбу еще более интенсивную, чем днем. Охрану амбара усилили — теперь возле дверей сидело несколько человек. Из обрывков их разговора я понял, что стрельбой взбудоражено все село.

«В таких условиях,— подумалось,— нечего и мечтать о побеге».

Ночью выстрелы слышались еще отчетливей, громче усилились. Где уж тут бежать...

И снова я не спал. А утром открылась дверь амбара и нам приказали выходить. Решительно, властно. Зайцев не мог идти. «Это конец»,— обожгла мысль. И вдруг... Вдруг по селу поплыли тревожные перекаты набата. Все на минуту замерло: и конвоиры, и кулацкие главари, и я. Потом все пришло в движение. В разных направлениях бежали мужчины, женщины, дети; люди гнали коров, лошадей, овец. За селом нарастала ружейная стрельба.

Оглянувшись, я увидел, что конвойный не обращает на меня никакого внимания. С воплями и криками к нему бежала растрепанная женщина, и он сделал несколько шагов ей навстречу. «Теперь или никогда»,— подумал я. В одно мгновение прыгнул за угол и оказался у задней стены амбара, примыкавшей к большому парку. Там, только там спасение. Но, к сожалению, оттуда доносились многочисленные голоса приближающихся людей.

Решение пришло само. Рядом с амбаром стояло дерево, крона которого стлалась низко над крышей. Спустя несколько секунд я уже был наверху и услышал ругань и крики.

— Сбежал комиссар!

— Растяпы!

— Теперь отвечай за него...

Затем этот гам слился с возбужденными голосами толпы, вышедшей из парка. Все двинулись на площадь, где

уже было много народу, собравшегося из соседних деревень. Вероятно, там был сборный пункт.

Сверху мне хорошо была видна вся окрестность: крестьянские поля и шоссе на Задонск, перелески, луговой берег Дона. Вдалеке показалась тоненькая полоска. Что бы это могло быть? Всмотревшись, я заметил, что эта полоска движется. Сердце радостно забилось: не наши ли идут? Мне так хотелось, чтобы эта полоска оказалась цепью наступающих красноармейцев!

И я не ошибся. Это были они.

Вся масса повстанцев, заполнявшая площадь, отхлынула, пересекла шоссе и исчезла в перелеске, чтобы устроить засаду и внезапно ударить по наступающим. Цепь обошла перелесок стороной. «Сейчас кулачье ударит нашим в спину», — подумал я. Но этого не произошло. Случилось совсем неожиданное. Над лесом повисли пять прапсельных разрывов, затем еще и еще. Это стреляла батарея, которая мне не была видна.

Кулацкий сброд ринулся к селу. Но тут подоспели два мотоцикла с пулеметными установками. Потом появился броневладелец. Огонь разил банду безжалостно. А цепь бойцов уже подходила к селу, окружая его, не давая возможности врагу уйти к Дону. Я кинул взгляд в сторону реки. Оттуда шел на рысях отряд красных конников.

Спасение было так близко, что я едва удержался, чтобы не закричать от радости. Меня была первая лихорадка. Хотелось скорее спрыгнуть с крыши и бежать туда, к своим.

Бой приблизился к самому селу, закипел на его улицах и ушел в сторону. Стрельба прекратилась. Я слез с крыши, шагнул из-за угла амбара и остолбенел: у ворот стояли три вооруженных бандита. Размышлять было некогда, и я бросился в парк. Крики, погоня, стрельба — все осталось позади. Я уходил все дальше и дальше, пока не провалился в какой-то ров, заросший бурьяном и заваленный хворостом.

Притаился. Меня искали, но, к счастью, не нашли. Я отсиживался в этой берлоге до тех пор, пока наши, разбив кулацкий отряд, не вернулись в село.

У амбара, на крыше которого я сидел, стояла группа бойцов. Возле них на лошади возвышался моряк, переkreпленный пулеметными лентами. Это был комендант Ельца Львов, которого я хорошо знал.

Он не сразу узнал меня. Даже после того, как я назвал свою фамилию, Львов удивленно переспросил:

— Кудрин? Неужели это ты? Да ведь мы тебя похоронили...

И комендант рассказал, как это произошло.

Почти одновременно с моим «паккардом» кулаки захватили грузовую автомашину, на которой из Задонска в Елец ехала группа авиаторов, в том числе и жена летчика Кожевникова. На машине было два пулемета, и ребята оказали отчаянное сопротивление и женщина. Когда обезображенные тела погибших доставили в Елец, кто-то «опознал» меня. О моем трагическом конце сообщили в отряд, в авиагруппу и в Москву, в Главвоздухофлот.

— Как видишь, я жив, — сказал я Львову. — Здесь мой товарищ. Надо помочь ему.

Зайцев был совсем плох.

В тот же день нас отправили в Елец.

В связи с разгулом кулацкого восстания наш отряд перебазировался в Тулу. Акашев, как выяснилось позже, доложил по прямому проводу вышестоящему авиационному начальству: «Московский отряд работал хорошо, но понес большие потери. Герасимов, Братолюбов, Минин и Горелов не вернулись с разведки. Тов. Кудрин расстрелян вблизи Ельца. С ним же расстреляны пять мотористов 1-го истребительного авиаотряда и военные летчики Сатукин (23-й отряд) и Гуртынь (1-й отряд). Московский отряд направлен в Москву...»

Нас привезли в Тулу. Здесь на одном из путей я разыскал свой эшелон. Пока я шел вдоль вагона, все на меня смотрели равнодушно. Никто не мог в избитом, тощем оборванце признать своего летчика.

Я вошел в купе вагона и... увидел жену. Оказывается, адъютант нашего отряда летнаб Григорьев во время поездки в Москву за техническим имуществом по просьбе командира привез в Елец трех жен: свою, Братолюбова и мою.

Ни в Ельце, ни здесь, в Туле, наши подруги не знали о разыгравшейся трагедии. Сначала жена тоже не узнала меня. Потом со слезами на глазах бросилась ко мне.

Узнав о моем возвращении, ребята сбежались в наше купе. Комиссар отряда Курников шагнул мне, чтобы я

не проговорился о Братолюбове: его жена ожидает возвращения...

В этот же день, 4 октября 1919 года, по прямому проводу Акашев сообщил начальнику авиадарма Сергееву: «Военный летчик Московского отряда Кудрин с фуражником Зайцевым вернулись живыми, но здорово избитыми...»

А Братолюбов и Герасимов не вернулись. Позже Минин и Горелов, оставшиеся в живых, рассказали о их гибели.

Вылетев из Курбатова, Юрий Александрович и Сергей быстро отыскивали колонну вражеских войск, сбросили на них бомбы и обстреляли пулеметным огнем. Случайная пуля с земли перебила одну из клапанных тяг мотора на самолете Братолюбова. Тяга ударила по капоту и разорвала его. Часть капота встречным потоком ветра бросило под винт, который разлетелся в мелкие щепки и повредил верхнее крыло. Другая часть капота повисла на несущих тросах самолета. Мотор тоже был поврежден.

Благодаря усилиям Братолюбова «Сообщик» кое-как держался в воздухе. Юрий Александрович старался отойти от неприятеля. И это ему удалось. Командир выбрал площадку и посадил машину. Герасимов не мог бросить командира в беде. Он тоже сел, чтобы взять Братолюбова к себе на борт. Но при посадке подвернулось колесо, и обе машины оказались беспомощными. Они уже не могли взлететь. К самолетам бросились конные казаки. Всех четверых авиаторов схватили, отправили в Харьков и бросили в тюрьму. Братолюбова, как бывшего офицера, и Герасимова, выходца из дворян, расстреляли «за измену России».

Минин и Горелов спаслись. Аджютант нашего отряда Григорьев, ставший впоследствии начальником штаба ВВС, познакомился с документами по расследованию убийства Братолюбова и Герасимова и рассказал мне о геройском поведении красных летчиков. Они мужественно вели себя на допросе, суде и во время расстрела.

* * *

Вскоре наш отряд выехал в Москву для переформирования.

ПОВСТАНЦЫ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ¹

В 1918 году украинские повинисты в лице Центральной рады запродали Украину немецкому кайзеру, а в 1919 году через своих «батек» — атаманов и разного рода бандитов — разрушили тыл молодой Красной Армии и тем самым подготовили продвижение денкинцев. Один из примеров тому — нападение банд Ангела и Пятеико, действовавших в Трипольском районе, на наш 6-й Заднепровский полк, отступавший под напором денкинцев.

Вместе с другими коммунарками, эвакуированными с занятой белыми территории в последних числах августа 1919 года, я прибыл в распоряжение ЦК КП(б)У. Мне предложили связаться с Реввоенсоветом повстанческих советских войск Левобережной Украины, возглавляемым товарищем Колосом. Там же, в конспиративном штабе Реввоенсовета, находившемся в Киеве, я встретил многих знакомых товарищей, которые тоже готовились к работе в подполье.

Перед отправкой в тыл товарищ Колос собрал нас на совещание. Он сказал, что почти по всему Левобережью Украины организованы подпольные партизанские штабы, связанные с законспирированными партийными организациями. В Ново-Московском районе, например, действующий отряд уже насчитывал до двух тысяч бойцов; в лесах Кобелякского района при штабе отряда имелась своя типография, выходили газета, листовки; в Манелевском районе был организован склад военного снаряжения. Центральный штаб повстанцев Левобережья находился в

¹ Впервые под заголовком «Из истории гражданской войны на Екатеринославщине» опубликовано в журнале Истпарта Украины «Летопись революции» (№ 2, 1926, стр. 51—59). Печатается в сокращенном виде.

селе Белошапки, Припятинского района, Полтавской губернии.

Перед нами стояла задача установить связь с действующими отрядами и создать новые повстанческие формирования. Особое внимание обращалось на взаимоотношения с другими партиями. Председатель Реввоенсовета подчеркнул, что с борьбистами и боротьбистами, в частности, необходимо устанавливать контакт, идти с ними единым фронтом против денкинцев, вести в их военных организациях активную пропагандистскую работу, добиваясь полного подчинения нашему командованию.

— С махновцами, — сказал товарищ Колос, — никакой связи не держать. Старайтесь всякими способами оттягивать от них революционные элементы. Только в исключительных случаях, выгодных для нас, можно принимать участие в совместных боевых действиях.

В заключение нас познакомили с тактикой партизанской борьбы во вражеском тылу и снабдили всем необходимым — географическими картами, деньгами, шифрами и адресами явок.

Затем некоторые участники совещания, в том числе и я, были назначены командирами бригад повстанцев, действовавших в тех районах, где каждого из нас знали по борьбе с гетманщиной в 1918 году и где у нас была прочная связь с крестьянской беднотой. Лично я получил назначение в Екатеринославский район с резиденцией в селе Елизаветовка Ново-Московского уезда, товарищи Покус — в Полтавский, Успенский — в Харьковский, Зубенко — в Александровский районы. К нам был прикомандирован еще целый ряд товарищей.

Когда все было готово, мы выехали на пароходе «Терек» вместе с Реввоенсоветом повстанческих войск Левобережной Украины и его штабом, отправлявшимися вниз по Днепру с целью организации оружейных баз для восстания.

В пути штаб налаживал связь с местными работниками, конспирировал лодки, создавал тайные склады оружия. Постепенно высаживались группы товарищей для отправки в тыл противника. Первым в Ржищеве высадились подпольщики во главе с товарищем Христычем.

Мы с товарищем Покусом оставили борт парохода в районе Переяслава и, пользуясь почной темнотой, направились к месту назначения. Подходя к Каневу, узнали,

что в городе свирепствуют погромщики — не то махновцы, не то иетлюровцы. В такой обстановке можно было ожидать всяких случайностей, поэтому мы спрятали свою секретную ношу.

Не успели мы пройти двух кварталов, как увидели жуткую картину избиения евреев. Покус вступил за беззащитных людей, и, конечно, нас арестовали и конвоировали в штаб атаманов Пятенко и Онишки. Вскоре, однако, банда, не достигшая соглашения с денкинским командиром бронепоезда, завязала бой. Потерпев поражение, она отступила. Воспользовавшись этим замешательством, мы бежали из-под стражи.

Шли босые, в крестьянских рваных капелюхах, в грязных мужицких сорочках, я — с торбой, веревкой и кнутом, а Покус — с вилами на плече. При малейшей опасности сворачивали с тропинок и прятали узелки с картами, документами и деньгами. Встречных крестьян, стражников и денкинских урядников расспрашивали, не понадалась ли им «рябая корова с поломанным рогом». Ночевали в еметах соломы, питались тем, что подавали сердобольные люди.

Весь путь был полон приключений и трудностей, но мы все-таки благополучно добрались до Кременчуга, где рассчитывали связаться с подпольной организацией и получить необходимую информацию. Однако нам не удалось установить связи: явка была неверной или проваленной.

На городской площади генерал Дроздов проводил парад, и мы решили послушать, что говорит своим солдатам этот денкинский военачальник. Он называл их орлятами, самодовольно перечислял успехи белой армии на фронтах и предсказывал взятие Москвы в скором времени и ликвидацию Советской власти.

Воспрянув убедившись, что враг не дремлет, мы расстались: товарищ Покус направился на Полтавщину, а я — в свою резиденцию. 15 сентября прибыл на место назначения — в село Елизаветовка, где меня уже ждали местные работники, а также некоторые товарищи из прикомандированных штабом повстанцев и курьеры связи.

В первые дни я занимался подготовкой конспирации и собираньем информационных сведений, необходимых для работы. Затем мы созвали районное совещание — конференцию, где присутствовали и местные товарищи:

из Обуховски — Половой, из Николаевки № 2 — Письменный, из Поповки — Скрипник, из Баловки — Шварц, из Елизаветовки — Данченко и Бажан, из Новоселовки — Перепелицын и Доценко. Мы избрали райревком, на который возлагалось ведение агитации за борьбу с Деникиным и подготовка вооруженного восстания.

Потом организовали штаб бригады во главе с товарищем Непокрытым. Начальником оперативного отдела был назначен Скачко, начальником снабжения — Бажан, начальником связи — Данченко, адъютантом — Толстопятов. Вслед за тем связались с действующими отрядами Дикого, Орленко, Никитина, Милобоги и других товарищей, выделили ударную группу, подрывную команду, возглавляемую Перепелицыным. Екатеринбургский губервком подтвердил мое назначение, и я издал первый приказ о том, что повстанческие советские отряды, действующие в этом районе, переходят в мое подчинение.

Следует заметить, что некоторые отряды организовались стихийно. Борьба за руководство ими велась между петлюровцами, борбистами, боротьбистами, махновцами и эсерами, поэтому подчинить эти отряды нашему руководству было не так легко.

Районные ревкомы и штаб бригады начали вести усиленную работу по подготовке восстания: вербовать бойцов, изыскивать оружие для них. Обстановка складывалась благоприятно: гнев крестьян, вызванный дикими репрессиями деникинских карательных отрядов, рос не по дням, а по часам. Белогвардейцы наказывали людей за участие в дележе помещичьего имущества, за сочувствие Советской власти и повстанцам, за службу в Красной Армии. Неопишущим издевательствам подвергались целые села. Поэтому естественно, что после налета деникинцев достаточно было появиться нашему организатору, и готовы целые подразделения — давай только оружие.

В последних числах сентября в одном из приказов товарища Колоса говорилось о продолжающемся наступлении деникинцев и тяжелом положении Красной Армии. В связи с этим командующий повстанческими войсками потребовал от нас не щадить своих сил, удешевить энергию, немедленно выделить ударные группы от пяти до двадцати пяти человек для разрушения вражеской связи, взрывов складов, налетов на базы снабжения

противника, штабы, на местные органы антинародной власти и готовиться к общему выступлению.

Во втором приказе Колоса повстанцам предлагалось принять все меры, чтобы воспрепятствовать переброске войск белогвардейцев и доставке снабжения на фронт — взрывать железнодорожное полотно, жечь эшелоны. В то же время категорически запрещалось взрывать большие днепровские мосты.

Чувствовалось, что положение серьезное, и наш революционный долг состоит в том, чтобы, не жалея сил и самой жизни, нанести противнику как можно больше ущерба. С этой целью решили отвлечь белогвардейцев от главного красного фронта путем стремительных налетов, уничтожения карательных отрядов, установления застав на главных дорогах и захвата вражеских доносчиков. В освобожденных селах организовывать из лучших повстанцев ревкомы, добывать оружие, копить его на складах и готовиться к общему выступлению.

О принятом решении мы немедленно сообщили в Реввоенсовет повстанческих войск Левобережной Украины. Сам же приступили к выполнению намеченного плана. В этот период особое значение имели надежная связь и своевременная информация. Надо сказать, что контрреволюции не удалось воспрепятствовать нашему общению с действующими отрядами и местным населением. Гораздо труднее было поддерживать связь с штабом, который находился в селе Белошапке, Полтавской губернии, и с отрядами, действовавшими за пределами нашего района. Это стоило нам немалых жертв. Связными работали самые надежные и развитые товарищи. С пилой, топором, узелком соли или с поросенком в мешке они спускались по всей округе. Не меньше трети их погибло, так как белые арестовывали всякого, кто казался подозрительным, и после пыток расстреливали.

В Кобеляках находилась типография Реввоенсовета повстанческих войск. Было выпущено пять или десять номеров газеты «Большевик» и десятков пять воззваний, сыгравших большую роль в деле пропаганды и агитации среди местного населения. После провала типографии воззвания и декларации стали выпускаться кустарно — в каждом штабе. И все-таки они достигли своей цели: воодушевляли крестьянские массы, сообщая им о действиях подпольных организаций и повстанческих отрядах.

Хуже обстояло дело в области политического воспитания некоторых групп повстанцев и партизан. Дело в том, что вместе с бывшими красноармейцами, оставшимися по каким-либо причинам в тылу, с рабочими бездействовавших заводов, со всеми пострадавшими от деникинщины к нам проникали бандитские элементы. В результате отряды получали политическую окраску в зависимости от убеждений своего руководителя. Немало мешало нашей работе махновцы, эсеры, а иногда и боротьбисты.

Организационная форма строилась применительно к регулярной Красной Армии. Оружие добывалось каждым отрядом самостоятельно, тем самым проверялась их боеспособность.

В последних числах октября 1919 года к нам прибыл член Реввоенсовета повстанческих войск Левобережной Украины и начальник штаба товарищ Железняк-Евнинский (боротьбист). У него были полномочия на реорганизацию и объединение наших и боротьбистских отрядов во главе с Матяшом, Огием и Лисовиком, перебравшимися с правого берега Днепра.

В это время Махно наступал на Екатеринослав. Нам было приказано ударить по деникинцам с левого берега и продолжать наступление на Амур — Нижне-Днепровск, откуда обрушиться на деникинский тыл.

Махно вступил в Екатеринослав с юга, и мы оттянули наши отряды с участков, занятых им, и двинулись на север. Цель оставалась прежней: ударить непосредственно по тылу армии противника. Выполняя эту задачу, мы создавали ревкомы в освобожденных селах и небольшие отряды для их защиты от деникинцев. Так, например, уходя из Петриковского района, мы оставили до пятисот местных повстанцев, в большинстве пожилых людей.

Это были настоящие территориальные части. Селяне жили на казарменном положении: работали в своих хозяйствах, вели разведку и держали с нами связь. Узнав, что к их населенному пункту движется карательный отряд, они объявляли тревогу и организовывали сопротивление. С большими силами противника поступали иначе: посылали стариков навстречу белым с хлебом-солью и говорили, что «були якись сукини сини з винтовками та ушли в лис». А ночью обезоруживали карателей. Деникинцы, которым удавалось бежать, поднимали панику,

будто повстанцев большие тысячи. Позже в эти села каратели, как правило, боялись заезжать и ограничивались обстрелом из орудий.

Наша группа войск вошла в 1-ю повстанческую дивизию Кручковского, в которой имелось до трех тысяч бойцов, четыре орудийные батареи и достаточное количество пулеметов, однако снарядов и патронов не доставало. Я был назначен военкомом дивизии.

В бою за село Чатычапка мы разбили казачий кавалерийский полк и направились на Маячку. Завязались схватки с 6-й офицерской бригадой и 1-м кубанским кавалерийским полком. Оттеснив противника, наша дивизия взяла направление на Старые Санжары и Полтаву. После непродолжительного боя, в шесть часов утра 13 декабря, мы заняли Полтаву и встретились с 41-й дивизией товарища Саблина.

Я заболел тифом и остался в городе. Кручковский же получил новое задание и повел повстанцев на юг, вслед за отступающими деникинскими частями. Один за другим освобождались от белогвардейской неволи уездные города. Повстанческая бригада Климченко заняла город Кобеляки, куда прибыли бригада Огия и особая 9-я кавалерийская бригада Красной Армии. Из Кобеляк наши отряды вместе с регулярными войсками получили приказ двигаться на Кременчуг, который вскоре деникинцы вынуждены были оставить.

На основании приказа товарища Колоса повстанческие отряды влились в регулярную армию. Приводим выдержки из приказа по красным повстанческим советским войскам Левобережной Украины:

«Вы, сыны трудовой семьи, перенесли на своих плечах всю тяжесть кошмарной авантюры рассвирепевших... золотопогонников. Вы, очевидцы всех зверств и насилий, учиненных деникинскими бандами, видели, как висели по улицам трупы ваших братьев, как расстреливали, убивали и насильничали ваших отцов, братьев, жен и сестер, как жгли и грабили хижины бедняков, как избивали щомпалами и плетками крестьян и рабочих и как, видя все это, ликовали помещики, кулаки, спекулянты и прочая свора... а нас мобилизовали и послали на фронт сражаться против ваших же братьев.

...Вы подняли красное знамя восстания и стали, кто чем мог, уничтожать всю эту сволочь... Теперь вы встречаетесь с регулярной Красной Армией...

Товарищи красные повстанцы! Вы доблестно выполнили свой революционный долг... Для окончательного закрепления власти рабочих и крестьян, т. е. Советской власти, наша основная задача — всем, как один, вступить в ряды регулярной Красной Армии, под единое командование. А посему приказываю:

а) При соединении с регулярными красными частями переходить в полное подчинение командования регулярной Красной Армией и беспрекословно выполнять все его приказы.

б) Все вооружение и имущество передавать по описи полностью.

в) Об исполнении довести в штаб повстанческих советских войск Левобережной Украины, г. Кременчуг».

За время партизанской войны (с сентября по декабрь 1919 года) мы задолжались перед крестьянством, так как снабжение наших отрядов производилось (если исключить добровольные пожертвования, конфискацию у кулаков, а также трофеи) в кредит, по подпискам. После соединения с Красной Армией перед Реввоенсоветом повстанческих советских войск был поднят вопрос об уплате по нашим счетам крестьянам, а также о выплате жалованья повстанцам. Всеукраинком, а затем Совнарком удовлетворили эту просьбу.

ДАГЕСТАН В ОГНЕ¹

В середине августа 1919 года население нагорной части Дагестана, за исключением Аварского округа, восстало против господства Деникина. Казачьи отряды были частью обезоружены, частью уничтожены. Все попытки восстановить положение кончились для руководителей белогвардейского движения неудачей.

Деникинские банды, в состав которых входило контрреволюционное дагестанское офицерство во главе с генералом Халиловым, отказались от дальнейшего наступления и приняли оборонительную тактику.

Однако поражение на боевом фронте еще не знаменовало собой окончательной ликвидации контрреволюции. В скором времени в лице так называемого «горского правительства», субсидированного азербайджанской и грузинской буржуазией, она вновь подняла голову. Кстати, существование этого правительства оказалось очень непрочным, так как на дагестанской политической арене появился турецкий офицер Казим-бей, который установил систему самого безудержного террора. Его сменил другой авантюрист Нури-паша.

Между прочим, будет не лишним заметить, что Нури-паша пытался войти в связь с революционным Советом обороны, находившимся тогда в селепии Леваша. Перед своим появлением в Дагестане он сумел создать впечатление человека, предрасположенного, если можно так выразиться, к восприятию большевизма, идейного защитника родного ему по вере мусульманского населения.

¹ Впервые под заголовком «Гражданская война в Дагестане» опубликовано в журнале «Новый Восток» (кн. 3, 1923). Печатается в сокращенном виде.

Вскоре, однако, Нури-паша показал свое настоящее лицо и обратил всю энергию против дагестанской бедноты, о защите интересов которой он незадолго перед тем так много говорил. Были расстреляны многие товарищи, в том числе известные коммунисты Казбеков и Буйнакский.

Фронт отодвинулся от осажденных городов Темирхан-Шура, Петровск и Дербент к самым выходам в ущелья; равнинная часть Дагестана, таким образом, оказалась под властью белогвардейцев.

К этому времени относится и попытка грузинской буржуазии помочь своим политическим единомышленникам — прислать в Дагестан довольно значительные боевые силы под общим руководством генерала Кереселидзе. Но бакинские коммунисты сумели пресечь эту авантюру, и пресловутый генерал Кереселидзе вынужден был вернуться в Грузию.

И еще один факт, характеризующий методы борьбы контрреволюции для достижения своих целей. Я имею в виду появление в горах (в селении Салты, Гунибского округа) Узун-Хаджи, сделавшего попытку насаждения так называемой «Шариатской монархии». Потерпев неудачу, он перебрался в горные ущелья смежного Андийского округа, а впоследствии распространил свое влияние и на территорию Чечни.

Небывалый террор, последовательно проводившийся Казим-беем и Нури-пашой, вся сложившаяся обстановка произвели значительный сдвиг в настроении народа. В Дагестане вокруг отряда Н. Гикало стало организовываться партизанское движение, которое оказало существенную помощь нашим силам в ожесточенных боях за Дербент и другие города и селения.

Девятнадцать дней сражались мы с белогвардейцами на улицах города. Обе стороны понесли большие потери, однако победа все же оказалась за нами.

К началу марта 1920 года объединенными усилиями Красной Армии и горских партизан, выступавших под лозунгом «Вся власть Советам», были окончательно ликвидированы отряды белых и освобождены Темирхан-Шура и Петровск. Крепость Хунзах, обороняемую приверженцами Кайтмаса Алиханова, взяли повстанцы Аварского округа. Узун-Хаджи под влиянием нашей агитации отозвал свои войска из Андийского округа.

Таким образом, первый этап гражданской войны в

Дагестане окончился. Казим-бей и Нури-паша оставили после себя тридцать разрушенных аулов, денкикинские офицеры — разоренный Дербент. Однако разруха в республике и последовательное насаждение в течение трех лет мамизма, панисламизма, пантюркизма, национализма и других «измов» не смогли ослабить революционных тенденций передовой части дагестанского народа. Ярким примером тому может служить поведение горской бедноты на съезде народов Востока, происходившем в Баку. Делегаты Дагестана образовали здесь крайнее левое крыло и сыграли в некотором смысле роль идейных руководителей народов Востока, представленных на этом съезде.

Боевые успехи частей 11-й армии и партизан, а также резкий перелом в настроении народных масс позволили упразднить Совет обороны, руководимый товарищем Коркмасовым, и приступить к организации Советской власти в лице революционных комитетов.

В центре Дагестана, Темирхан-Шуре и Петровске, где имелись творческие силы, практически знакомые с советским строительством, ревкомы были созданы сравнительно легко. На местах же это затруднялось вековой отсталостью населения, его религиозным фанатизмом, а также отсутствием необходимых кадров советских и партийных работников.

Второй, наиболее жестокий, период гражданской войны начался с восстания против Советской власти, которое возглавили имам Нажмудин Гоцинский и полковник Кайтмас Алиханов. Оно было вызвано не столько влиянием в народе, сколько целым рядом ошибок, допущенных на местах и в центре Дагестана руководителями некоторых советских учреждений, незнакомых с бытовыми условиями и характером горцев.

Известную роль в этом сыграл также и религиозный фанатизм горского населения. Хитрый, умный, с большим ораторским талантом, шейх, свободно оперировавший цитатами из корана, несомненно, производил большое впечатление на людей, не разбирающихся в вопросах веры и в условиях общественного уклада.

Восстание началось на юге, на границе с Грузией, правительство которой в лице Жордания и Рамизовили вместе с Врангелем выступило в роли идейного руководителя новой авантюры и поставщика оружия, бензопатров, денежных средств и войск.

Накануне этих событий по инициативе Гоцинского и Алиханова в селении Диталь состоялся съезд, на котором присутствовали представители меньшевистского правительства Грузии. Именно там первый был назначен военным министром, а второй присвоил себе звание имама Дагестана и Северного Кавказа.

Несколько слов об имаме Гоцинском. Это житель селения Гедо, Аварского округа, Донного Магомед-оглы, один из наиболее богатых овцеводов Дагестана, злостный эксплуататор, неоднократно награждаемый царским правительством.

В целях укрепления своих позиций в смысле психологического воздействия на фанатически настроенные аварские массы Гоцинский пригласил из Константинополя мнимого внука имама Шамиля Саид-бека, офицера французской службы.

Это движение развивалось под лозунгом «Имамство и шариат», столь магически действовавшим на горского бедняка.

Распространяя свое влияние в горных округах Дагестана, Нажмудин Гоцинский писал: «Знайте, что я приду и что меня поддерживают семь великих государей мира. Изгоняйте большевиков и установите шариат, который гарантирует вам вашу жизнь и ваше достоинство. Со мною идут грузинские, турецкие и английские войска».

С другой стороны, значительную пиццу для усиления восстания давала агитация Гоцинского, заявлявшего о слабости большевиков, которую-де они и сами не скрывают. Так превратно истолковал имам призыв Советской власти к горской бедноте встать на борьбу с баропом Врангелем.

(Кстати говоря, горская беднота активно откликнулась на призыв «Все на Врангеля!» и выставила до двух тысяч бойцов-добровольцев.)

Обильным потоком распространялись слухи о «социализации женщин» большевиками, «уничтожении стариков» и другие небылицы.

Восстание, поднятое Гоцинским и Алихановым и сразу же приобретшее некоторый успех, произвело значительное впечатление на горское население, в результате чего к повстанцам вскоре присоединились Гунибский, Аварский округа и часть Андийского.

Главный контингент повстанцев составляли, таким об-

разом, горцы аварского племени, истари воспитанного на глубокой и фанатичной вере в имамство и шариат и потому сравнительно легко поддавшегося провокационной агитации. Известную роль в распространении повстанческого движения сыграла также близость восставших округов к грузинской границе.

Незначительные остатки красноармейцев, милиционеров и красных партизан вынуждены были запереться в крепостях Хунзах и Гуниб, в надежде получить от нас необходимое подкрепление вооруженной силой.

В отдельных аулах Андийского округа произошел раскол населения на нейтральных и открытых сторонников Советской власти. Такая позиция андийцев, между прочим, объясняется поведением уполномоченного Дагревкома, проявившего в работе среди местного населения необходимый такт.

По этому поводу известен любопытный факт. Агитатор долго говорил на митинге, и бедняки внимательно слушали гостя. Его речь переводил уполномоченный Дагревкома. Наконец, когда наступило время полуденного намаза, слушатели заявили, что следует устроить перерыв. Агитатор возмутился:

— Какие же вы большевики, если не можете, несмотря на все слышанное вами, отказаться от молитвы?

Горцы спросили, что сказал агитатор. Уполномоченный понял ошибку товарища и сознательно «затруднился» перевести сказанное им. «Большевики», прогнавшие перед этим казачьего полковника Кайтмаса Алиханова из крепости Хунзах, отправились на молитву..

Следует заметить, что те военные руководители, которые не были знакомы с географическими и бытовыми условиями Дагестана, допускали серьезные ошибки. Примером тому может служить так называемая араканская история.

Отряд, имевший задачу помочь осажденным в крепости Хунзах, расположился в Араканском ущелье. Его обоз и артиллерия растянулись вдоль шоссе-дороги перед самой крепостью. Не имея возможности для маневра, отряд был уничтожен врагом.

Чтобы восстановить положение — освободить осажденных в Хунзахе и Гунибе, в Шуре было создано два отряда. Одним из них поручили командовать мне, другим — товарищу Шеболдаву. Сил, которыми мы распо-

лагади, было недостаточно, но горская беднота не осталась безучастной к развивающимся событиям. Так по дороге в Гуниб к моему отряду еще в Дженгутае пристала небольшая группа партизан. И это явление неизменно повторялось на всем пути следования.

Неподалеку от Купы меня предупредили, что жители этого селения ведут себя подозрительно — могут не поддержать нас. Я остановил отряд и глубокой ночью с тремя бойцами отправился в Купы. Прибыв туда, мы собрали наиболее авторитетных жителей аула и призвали их присоединиться к нам. Дабы произвести должное впечатление о силе нашего отряда, утром по моему приказанию на Купинский перевал подтащили одно орудие. Увидев его, местные жители покончили с колебаниями и перешли на нашу сторону.

Между прочим, выстрел, произведенный из этого орудия, поднял настроение осажденных в крепости Гуниб: они поняли, что к ним идут на подмогу.

Благодаря удачному использованию наличных сил и обходу Гуниба с тыла повстанцы во избежание разгрома сняли осаду с обеих крепостей.

Однако вскоре положение вновь изменилось. Используя в своей пропаганде факты недостойного поведения отдельных бойцов, враг распространял слухи о жестокостях, чинимых Красной Армией над мирным населением. Крепости Гуниб и Хунзах были осажжены вторично.

Во время второй осады Гунибский и Хунзахский гарнизоны были отрезаны неприятелем почти на два месяца. Они выдерживали ожесточенные бои и испытывали недостаток в продовольствии и боеприпасах. В крепости Гуниб, например, бойцам пришлось есть конину. На почве недоедания, перешедшего вскоре в голод, развились различные эпидемические заболевания. Особенно свирепствовал сыпной и брюшной тиф. Крепость Хунзах находилась в более благоприятных условиях.

В своем донесении военком батальонского отряда писал: «Оказавшись в крепости Хунзах без продовольствия, мы принуждены были соблюдать величайшую экономию в патронах и вести активную оборону крепости.

В результате наших действий неприятель был разбит. Нам удалось взять орудие, захваченное бацдами в Аракнах, и удержать за собою Хунзахское плато.

Во время осады крепости красноармейцы получали

полфунта хлеба и столько же мяса, благодаря чему удалось сохранить всех лошадей бригады. Продовольствие мы добывали в окрестных аулах. Сочувствовавшие нам селения Хунзах и Хариколо оказали большую поддержку.

Из местных сил большую выдержку и храбрость в деле обороны крепости выказали партизанские отряды товарищей Атаева и Шахмала Салихова. Отряд Атаева отличался величайшей устойчивостью и подвижностью в делах по сохранению за нами Хунзахского плато и в операциях по соединению с двигающимися на освобождение крепостей частями со стороны Шуры. Отряд раненного еще в октябре Шахмала Салихова, помимо сохранения за нами Ахвахского участка, занял единственную проезжую дорогу из Андийского округа в Анцухо-Капучинский участок (и далее в Грузию), не пропуская оттуда ни одного бандита; два раза отразил наступление внука Шамшы Саид-бека на Ахвахский участок с большими для неприятеля потерями. Согласно вашему приказу Салихов перешел в наступление на Годатлинский мост и у селения Закаты и Хоорского моста разбил неприятеля, целиком захватив в плен кавказский отряд в количестве пятидесяти человек».

Подобное положение продолжалось до появления отрядов 12-й дивизии, сразу определившей дальнейшую участь борьбы. В отношении упорствующих повстанцев были применены самые суровые меры. Это обстоятельство послужило новым фактором для усиления контрреволюционной агитации агентов Гоцинского. Вражеская провокация способствовала дальнейшему обострению положений.

Гражданская война не ограничилась освобождением крепостей Гуниб и Хунзах. Потребовалось огромное напряжение сил регулярных частей и партизанских отрядов для окончательной ликвидации авантюры, возглавляемой Гоцинским.

Большая заслуга в борьбе с контрреволюцией принадлежит члену Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе. Его указания, основанные на хорошем знании обычаев и быта населения горного Дагестана, в значительной степени облегчили нашу борьбу не только во время освобождения Гуниба и Хунзаха, но и во всех последующих операциях против отрядов Гоцинского и Алиханова вплоть до окончательного освобождения молодой республики от власти контрреволюции.

КРАСНЫЕ КАМЫШНИЦЫ¹

Одни за другими организовывались партизанские отряды по реке Куме, начиная с таких малодоступных мест, как острова в плавнях кумского понизовья и бескрайние заросли камышей под Святым Крестом, и кончая воронцово-александровскими и георгиевскими лесами.

Вначале их деятельность ограничивалась отдельными налетами на мелкие белогвардейские гарнизоны. Это были вылазки с целью раздобыть оружие, обмундирование и продовольствие. В ту пору партизаны держались тактики пассивной обороны, пользуясь природной защитой, щедро предоставленной им кумскими плавнями, камышами и лесами.

В апреле 1919 года красные партизаны, находившиеся на островах между селами Урожайным и Величаевкой, начали активные действия. Разбив белогвардейцев, отряд Моисеенко занял эти села, но с прибытием вражеских подкреплений был вынужден скрыться в труднодоступных камышах. Туда же подошла и группа партизан во главе с Гулаем.

Командование отряда решило связаться с 11-й армией, находившейся в Астрахани, с тем чтобы она взяла под свое руководство партизанское движение.

В июле 1919 года, когда белые полчища, захватив Царицын, подкатывались к Воронежу, положение армии было чрезвычайно тяжелым. Белые наступали с Каспия. Кубанский кавалерийский корпус Улагая, перебравшись через Волгу, грозил отрезать ее части от железнодорож-

¹ Впервые опубликовано в сборнике «20 лет освобождения Ставрополя от белых». Орджоникидзевское краевое издательство. Пятигорск, 1940, стр. 42—49. Печатается в сокращенном виде.

ной линии Астрахань — Саратов. Именно в этот напряженный момент к нам и прибыла делегация от второго Величаевско-Урожайненского отряда. Посланцы партизан попросили командование включить отряд в план оперативных действий 11-й армии, прислать оружие, патроны, военных работников для руководства движением сопротивления в деникинском тылу.

Реввоенсовет, возглавляемый Сергеем Мироновичем Кировым, горячо откликнулся на просьбу делегации и тут же принял соответствующее решение. В качестве уполномоченных были назначены товарищ Загинайко и я.

— Перед вами стоят чрезвычайно ответственные задачи, — напутствуя нас, сказал Сергей Миронович. — Вы должны помочь нашим товарищам развить в тылу врага партизанское движение, развернуть боевые операции так, чтобы деникинцы как можно больше своих сил снимали с фронта.

Товарищ Киров очень подробно проинструктировал нас, а затем вручил необходимые документы. У меня до сих пор сохранилось удостоверение:

«Предъявитель сего тов. Лыткин командирится на Северный Кавказ с целью организации отрядов для борьбы с белогвардейцами.

Всем, кто готов вести вооруженную борьбу с врагами народа — белогвардейцами, деникинцами, предлагается оказывать тов. Лыткину всяческое содействие в исполнении им возложенных на него обязанностей».

Помимо этого, я получил паспорт на имя костромского мецданина Петра Федоровича Казанского и удостоверение недавно взятого нами в плен подпоручика Монастырского вместе с его мундиром.

Было решено отправиться на верблюдах. Автомобиль для этой цели не годился: нам предстояло перейти линию фронта и далее пробираться по труднопроходимым пескам.

Засыпав оружие и патроны рыбой, мы отправились в путь под видом астраханских рыбаков, обычно ездивших менять свой товар на муку у ставропольских крестьян. Однако первая попытка перебраться через фронт не удалась: нас заметил противник и мы вынуждены были возвратиться в ближайший штаб одной из частей Красной Армии, дислоцировавшейся в районе Михайловка, Баслы, Николаевская.

Член Реввоенсовета фронта Валериан Владимирович Куйбышев предложил нам обождать дня два, пока начнутся бои. Так мы и сделали. Когда основные силы белых были вовлечены в боевые действия, мы взяли вправо километров на двадцать — тридцать и переправились.

На пятые сутки труднейшего путешествия по пескам добрались наконец в расположение 2-го Величаевско-Урожайненского отряда. Камышинцы были чрезвычайно рады нашему прибытию. У них появилась твердая уверенность в том, что теперь они имеют связь с Красной Армией и будут вести борьбу с белогвардейцами не изолированно, а общим фронтом.

Став во главе партизан, мы реорганизовали отряд и, выполняя указания С. М. Кирова, успешно провели ряд боевых операций. В частности, был разгромлен Урожайненский гарнизон белогвардейцев в составе двух кавалерийских полков и офицерского отряда.

Вскоре к нам стали стекаться новые группы партизан, в том числе и перебежчики из армии противника. Камышинцы уже насчитывали до полутора тысяч бойцов. Во главе вновь созданного кавалерийского полка стали Гулай и военком Моисеенко. Командиром пехотного полка назначили товарища Шило. В соответствии с директивой С. М. Кирова общее командование отрядом возложили на меня, а на Загнайко — политическое руководство.

Одно из первых боевых столкновений отряда с противником завязалось так. Белое командование выслало офицерский отряд, чтобы преградить нам путь на Астрахань. Мы устроили засаду по обеим сторонам реки и разбили неприятеля наголову. При этом захватили в плен двух офицеров и трофеи: один пулемет, несколько винтовок, патроны. Разгром офицерского отряда значительно поднял боевой дух партизан, привлек к нам симпатии крестьян и способствовал переходу белогвардейцев от нападения к обороне.

В начале августа 1919 года, усилив свой гарнизон в селе Урожайном до двух кавалерийских полков, противник снова готовился перейти в наступление. Узнав, мы решили напасть первыми, чтобы пополнить запасы патронов и продовольствия. Наступление начали вести тремя группами ночью. Один взвод я направил навстречу сторожевой белогвардейской охране, расположенной неподалеку от островов камышинцев. Основные же силы парти-

зан переправились через Куму на лодках, зашли в тыл белым и ударили по их гарнизону. В это время конный полк под командой Гулая, ворвавшись с фланга в середину села Урожайного, начал громить врага.

Среди белых поднялась паника. Беспорядочно отстреливаясь, они пытались отступить, но было поздно. Мы разгромили их гарнизон и захватили 30 тысяч патронов, всех обозных и около 250 верховых лошадей.

Разгром Урожайненского гарнизона белогвардейцев сыграл решающую роль в укреплении и развитии краснопартизанского движения в тылу Деникина.

Понимая, что движение сопротивления наносит им большой урон, белые власти применяли жестокие меры против крестьян, которые сочувствовали партизанам. Так, губернатор Ставропольской губернии телеграммой от 13 августа 1919 года дал распоряжение всем начальникам уездов составлять списки семей партизан, подлежащих выселению за пределы губернии.

Этот приказ вызвал среди населения еще больший прилив ненависти к белобандитам, вместе с тем возросло уважение к красным партизанам, которые вели героическую борьбу в интересах трудящихся.

Настал наконец момент, когда мы, выполняя боевое задание Сергея Мироновича Кирова, начали готовиться к наступлению в глубь деникинского тыла. Связавшись с одним из руководителей группы прикумских партизан товарищем Шило, мы договорились о совместных действиях против белых.

В первой половине сентября камышинцы переправились с острова на берег и развернули наступление на Величаевский гарнизон. Кавалерийский полк Гулая ударил по нему с тыла. Второй полк начал наступать на рассвете.

Пластунские батальоны 1-го гусарского полка и другие белогвардейские части, засевшие с пулеметами в канавах или укрывшиеся за стенами недостроенных мазанок, осыпали нас пулеметным и ружейным огнем. Завязался жестокий бой. В этой схватке смертью храбрых пал Гулай. Однако победа осталась за нами. Мы взяли в плен до четырехсот человек, в том числе пять офицеров во главе с командиром полка.

На второй день мы предприняли новое наступление. Получив сведения с разгрома своих сообщников в Величаевке, Урожайненский гарнизон в составе двух полков

тоже оставил село. Штаб дивизии белых, находившийся в Святом Кресте, вынужден был передислоцироваться в район Владимировка, Покойное. Таким образом, в результате боев партизаны освободили от белогвардейцев территорию вокруг островов в радиусе до семидесяти километров.

Однако спустя некоторое время белые снова начали концентрировать свои силы против камышинцев. В связи с этим на совещании командиров и политсостава мы решили немедленно вывезти из Урожайного на острова всю муку и фураж и усиленно готовиться к борьбе против денкинцев. Вместе с тем направили товарища Скрыбина к С. М. Кирову с просьбой о присылке пополнения командно-политических кадров взамен выбывших из строя во время боев. Мы просили также снабдить нас обмундированием и медикаментами.

Среди раненых, которые лежали со мной в землянке, двоим угрожала смерть. Загинайко послал эскадрон кавалерии в аул Ачикулак, чтобы разгромить гарнизон и захватить местного врача Михайлова. И эскадрон выполнил это задание. Жизнь товарищей была спасена.

Белогвардейцы считали, что партизаны располагают значительными силами. Так, газета «Прикумский край» писала, что у нас было от трех до пяти тысяч человек. На самом деле наш отряд состоял из двух полков, кавалерийского и пехотного, общей численностью около полутора тысяч человек.

Вскоре снова начались боевые схватки. Белые выбили наш полк из Урожайного и выставили в районе аула Азексует два кавалерийских полка. Разведав, что наша кавалерия болотными тропами может зайти в тыл противнику, обстреливавшему из района аула Азексует наши острова, Загинайко приказал готовиться к наступлению. Наш план удался. После разгрома белогвардейцев активные действия на некоторое время приостановились.

Камышинцы испытывали затруднение с продовольствием: не хватало мясных продуктов и соли. Поэтому мы приняли решение сделать конный рейд по крупным хуторам и помещичьим экономиям. Белые, видимо, получили сведения об уходе наших конников и, сосредоточив против нас кавалерийскую дивизию, окружили партизанские острова. Доступ к ним извне был отрезан. Завязался жестокий бой. Белобандиты открыли ураганный орудийный,

пулеметный и ружейный огонь. После двух дней неравной борьбы нам пришлось отступить.

Спустя некоторое время до нас добрались несколько раненых партизан из кавалерийской группы, отправившейся в рейд. Они принесли тяжелую весть: Загинайко убит, кавалерийский полк отступил. Я собрал остатки отряда, вывел людей из камышей и двинулся с ними по направлению к Астрахани.

После нескольких дней тяжелых скитаний мы догнали наш кавалерийский полк. Нам сообщили, что 11-я армия выслала на помощь камышинцам эскадрон, пятьдесят подвод с обмундированием, патронами и пулеметами и что нам везут пять миллионов рублей. Ночью мы соединились с экспедицией, посланной Реввоенсоветом армии, получили обмундирование и деньги. К нам прибыли десять человек командного и политического состава. Обсудив положение, партизаны снова решили пробраться в камыши, на острова, и оттуда возобновить боевые действия.

Мне было приказано отправиться в Астрахань. Через пять дней я прибыл в штаб 11-й армии и доложил товарищу Кирову о сложившейся обстановке. Реввоенсовет послал экспедиционный корпус для наступления на Северный Кавказ. Часть сил направилась на Величаевку — в Святой Крест, остальные полки — через Черный Рынок на Кизляр.

Дней через десять, когда я вновь прибыл в район действий экспедиционного корпуса, Величаевка, Урожайное и Левокумское уже были заняты нашими войсками. Там же, на основании приказа командования, я приступил к формированию полка, который был назван 1-м кавказским камышинским полком имени камышинских партизан.

Крестьянское население Свято-Крестовского уезда, испытавшее на себе белогвардейский террор, было чрезвычайно радо приходу Красной Армии. Началось массовое вступление бедняков и середняков в ряды защитников дела революции.

...Партизанское движение выросло в мощную угрозу для белой армии. Славные боевые подвиги камышинских отрядов подготовили и облегчили занятие Ставрополя частями Красной Армии и восстановление власти Советов на Северном Кавказе.

ЧЕРНОМОРСКАЯ ЭПОПЕЯ

Это произошло в ночь на 25 февраля 1920 года. Тишину приморского города Туапсе внезапно вспугнули стрекотание пулеметных очередей и треск ружейных выстрелов. Батальон крестьянского ополчения во главе с коммунистом Иваном Сафоновым ворвался в город с северной стороны и при поддержке других подразделений, вступивших в Туапсе с юга, разоружил местный гарнизон — офицерский полк и до пяти тысяч солдат денikinской армии.

На почте мы нашли телеграмму из Новороссийска на имя начальника обороны. В ней говорилось: «Держитесь, вам послано подкрепление морем!» Ночной переполюх помешал доставить телеграмму адресату.

— Надо немедленно идти в порт, — решил Сафонов. — С минуты на минуту туда начнут прибывать суда противника. Ни в коем случае нельзя допускать их к берегу.

И действительно, с рассветом в море показались корабли. На одной из возвышенностей располагалась береговая батарея, обслуживаемая прислугой белых. Сафонов приказал ей открыть огонь по десанту. Белые начали стрелять по своим. Корабли повернули и скрылись за горизонтом.

Прошло двадцать дней. Срок очень небольшой, но знаменательный. Знаменательный тем, что за это время на базе небольших отрядов крестьянского ополчения в Туапсе была создана Красная армия Черноморья, насчитывавшая до двенадцати тысяч штыков, более тридцати орудий и ста пулеметов.

Интересна предыстория этой армии. Уже к осени 1919 года на территории Черноморья действовало значительное количество разрозненных партизанских групп.

Появились они, как известно, в результате жесточайшего террора белогвардейщины, восторжествовавшей на Северном Кавказе после оставления его осенью 1918 года Северо-Кавказской Красной армией.

Враги Советской власти люто расправлялись с теми, кто был предан революции, шел за большевиками по светлomu пути, указанному Лениным. Палачи без суда и следствия расстреливали, вешали, казнили людей. Газета «Правда» от 15 октября 1918 года писала, что в Новороссийске находилось около восьми тысяч раненых красноармейцев. Белогвардейцы, ворвавшиеся в город, начали массовые репрессии. Чтобы «не нервировать» население выстрелами, они стали уничтожать раненых шомполами, прикладами и штыками, сваливали их в товарные вагоны, вывозили за город и зарывали.

Такие явления наблюдались повсюду, где властвовали силы контрреволюции. Генерал Покровский, например, овладев в сентябре 1918 года городом Майкопом, за два дня порубил и повесил около четырех тысяч ни в чем не повинных людей, среди которых было немало стариков, женщин и подростков. Кровавый генерал издал приказ: «Я твердо решил покончить с этим злом — «зеленой» армией. Я требую, чтобы «зеленой» армии на Кубани не было. Села и хутора, изобилующие большим числом дезертиров и «зеленоармейцев», будут уничтожены до основания».

Однако, несмотря на дикий разгул белой реакции, партизанское движение росло и крепло. Партизаны причиняли довольно значительные неприятности тылу денikinской армии. Так, весной 1919 года в селении Пластунки, Сочинского округа, партизаны разбили карательный отряд, состоявший из офицерской роты, батальона пехоты при двух орудиях и пулеметах. В этом бою был убит и командир карателей — полковник Чайковский.

Патриоты Волковского отряда Сочинского округа узнали, что карательный отряд будет проходить по мосту у деревни Волковки, и заранее заняли оборону. Как только деникинцы взобрались на мост, партизаны открыли по ним ружейный огонь и с криками «ура» ринулись в рукопашную. Каратели в панике бежали, потеряв немало убитых и раненых, пулемет «Максим» и много винтовок.

В марте 1919 года отважные партизаны совершили дерзкий налет на станцию Крымская. Они взорвали пути,

пустили под откос бронепоезд, разбили офицерский эшелон. Железнодорожное движение на некоторое время было прекращено.

В Новороссийском порту, во время разгрузки с английского парохода снарядов, патриоты взорвали склад с боеприпасами. Пожар перебросился на судно, где также произошел взрыв. Оно было выведено в море и потоплено.

В июле 1919 года по инициативе Новороссийского комитета РКП(б) была сделана попытка овладеть городом. Недостаточно тщательная подготовка не дала возможности успешно завершить операцию. Тем не менее действия противоденикинских сил внесли сильное смутнение в лагерь врага.

Ворьба партизан, поддерживаемая населением Сочинского округа, вызвала крайнее беспокойство начальника экспедиционного отряда полковника Мышляевского. 16 декабря 1919 года он вынужден был срочно просить подкрепления артиллерией.

Всенародное сопротивление в тылу врага привлекало к себе внимание не только сторонников Советской власти, но и ее врагов, пытавшихся использовать силы трудящихся в своих интересах. Это, в частности, относится к реакционным группировкам Грузии.

В ту пору Тифлис был переполнен всякого рода сбродом, бежавшим от пролетарского правосудия: правыми и левыми эсерами, меньшевиками всех мастей, генералами, фабрикантами и крупными торговцами. Все они мечтали создать нечто вроде комитета «Спасения России».

Группе правых эсеров и меньшевиков во главе с бывшим председателем Уфимской директории сподвижником Керепского Самариным-Филипповским удалось войти в доверие к грузинскому меньшевистскому правительству, добиться разрешения на формирование воинских частей в районе Гагр, получить вооружение и боеприпасы.

Эсеры созвали съезд крестьян Сочинского и частично Туапсинского районов, на котором и был избран Комитет освобождения Черноморья (КОЧ). Цель этого комитета, на первый взгляд, выражала интересы народа — изгнание денкинцев и создание демократической республики. На самом деле буржуазные прихвостни стремились использовать освободительное движение в своих корыстных целях.

В период этих событий подпольный Кавказский коми-

тет РКП(б) решил послать в Черноморье группу работников, состоявшую из бывших командиров Красной Армии, которые оказались на территории Грузии после интернирования их в конце 1918 года. Среди этих товарищей был и я. Наша задача состояла в том, чтобы, не противодействуя открыто на первых порах эсерам и меньшевикам, незаметно взять руководство повстанцами в свои руки и добиться соединения с Красной Армией.

Из Тифлиса выехали мы, посланцы подпольного Кавказского комитета РКП(б), не все вместе, и некоторые не знали друг друга ни по фамилиям, ни в лицо. Многих товарищей не знал и я.

В Поти мне пришлось сесть на небольшой пароход «Чорох», отходивший из порта почти последним. Моросил дождь, и я спустился в трюм. Вокруг бочки, на которой стоял фонарь «летучая мышь», сидели какие-то молодые люди. Говорили они между собой как-то странно.

«Что за люди? — подумал я. — Куда и зачем они едут? Возможно, с таким же заданием, как и я? А может быть, это белое офицерство пробирается из Грузии на территорию Добровольческой армии?»

На всякий случай решил сесть в сторонке и притвориться спящим, но усталость была настолько сильной, что я в самом деле уснул. Проснулся утром, когда «Чорох» причалил к сухумской пристани. Поднимаясь на палубу, я увидел одного из руководителей профсоюзной организации грузчиков Сухуми — большевика-подпольщика. Поздоровались. Улыбнувшись, мой знакомый сказал:

— Вчера вечером ты здорово испортил нашим ребятам настроение.

— Каким ребятам? — недоуменно спросил я.

— Тем, что едут с тобой.

— Разве это наши ребята? — подчеркнул я слово «наши».

— Конечно. Казанский — коммунист. Ну, а тот, что с усиками, — Фавицкий. Правда, он беспартийный, но абсолютно свой. Понимаешь? Аб-со-лют-но.

— Мне они не понравились. Спрашивали, куда я еду. Какое их дело?

Мой приятель снова рассмеялся:

— И ты вызвал у них подозрение. Они только что спрашивали меня: «Как быть вон с тем «слухачом», которого наверняка посадили к нам?»

Озабоченности как не бывало.

— Черт побери! — произнес я, поняв наконец, что произошло.

— Кстати, ты очень многим рисковал. Томашевский — это высокий, плечистый парень — говорил, что хотел ночью выбросить тебя за борт. К счастью, ты не выходил на палубу.

— Неплохое начало...

Я познакомился со своими спутниками, и вскоре они привели с собой другого моего знакомого — Игоря Саблина. Игорь прибыл ко мне в Сухуми из Крыма с явкой от начальника политотдела 14-й армии. За ним шла слава на все готового революционера, хотя в самом облике его не было ничего героического. И. В. Саблин стал активным борцом за Советскую власть с первых дней Октября. Я был очень рад, что встретил его.

С помощью союза грузчиков мы заарендовали баржу, разместили на ней человек до ста пятидесяти бывших северо-кавказских красноармейцев, прибывших из разных мест Грузии в Сухуми, а теперь стремившихся принять участие в борьбе с денikinцами. Баржу пришвартовали к «Чороху», и поздно вечером пароход отошел в Гагры.

Утром мы прибыли в Гагры и разыскали штаб Комитета освобождения Черноморья. Находился он во дворце принца Ольденбургского. Комитетчики очень нуждались в командных кадрах, и мы сразу же получили назначение. Томашевский, считавшийся левым эсером и получивший в период империалистической войны офицерское звание есаула, был назначен начальником Главного штаба крестьянского ополчения. Е. С. Каванский и Скобелев утверждены командирами дружин, В. В. Фавицкий — начальником полевого штаба, я — командиром десантной группы. Командующим крестьянским ополчением был эсер полковник Воронович.

Мы не имели людей, кроме тех, что прибыли с нами из Сухуми, поэтому сами должны были укомплектовать подразделения из стекавшихся в нейтральную зону (между Гаграми и Адлером) партизан, дезертиров из денikinских частей, стоявших на границе по правому берегу реки Псоу. Работали мы энергично, не жалея сил, так как обстоятельства для подпольщиков сложились удачно. За восемь — десять дней укомплектовали три

дружины по сто двадцать штыков, два партизанских отряда и десантную группу. Всего набралось около пяти-шестидесяти человек и шесть пулеметов.

26 января 1920 года был издан оперативный приказ Главного штаба крестьянского ополчения, в котором отмечалось, что противник располагает частями 52-й отдельной бригады в составе шести батальонов, сотни казаков при четырех орудиях и двадцати пулеметах. Крестьянскому ополчению ставилась задача: на рассвете 28 января атаковать врага, сбить его части с позиций, занять переправы через реку Мзымту.

Приказ был выполнен блестяще. Партизаны налетели на предместное укрепление противника с тыла. Их поддержала 3-я дружина ополчения. Части левого фланга белых были разгромлены и обращены в бегство по всему фронту. Они потеряли всю артиллерию, шестнадцать пулеметов и около восьмисот человек пленными.

Эти события у Адлера произошли как раз в то время, когда дивизии Первой Конной армии С. М. Буденного форсировали реку Маныч. Растерявшиеся военачальники белых донесли в ставку Деникина, что грузинские части перешли в наступление. В связи с этим Деникин приказал прервать всякие сношения с Грузией и незамедлительно открыть военные действия.

Мы тогда еще не знали, что значительные отряды партизан, действовавшие в районе Новороссийска, 21 января внезапным налетом овладели Геленджиком и, захватив трофеи, скрылись. Несколько дней раньше в районе Кабардинки один из отрядов этой армии напал на охрану, сопровождавшую из Геленджика в Новороссийск семьсот мобилизованных жителей Геленджикского района. Конвой разбежался. Большая часть мобилизованных перешла к партизанам.

Преследуя отступающего в беспорядке противника, части крестьянского ополчения, пополненные местными партизанами и пленными денikinскими солдатами, 2 февраля овладели Сочи. Я был назначен военным комендантом города. К 12 февраля наши войска дошли до реки Шахе и закрепились на ее левом берегу, у села Головинка.

Успехи крестьянского ополчения были огромны. Это укрепляло боевой дух участников освободительного движения, укрепляло авторитет подпольщиков, находившихся

ся по рекомендации партии на руководящих постах в ополчении.

Газета «Известия ВЦИК» от 3 марта 1920 года опубликовала полученную окольным путем сводку Главного штаба крестьянского ополчения. В ней говорилось, что с 28 января по 13 февраля нами было захвачено у деникинцев восемь орудий, тридцать три пулемета, около двух тысяч винтовок, более миллиона патронов, две тысячи двести пленных, в том числе сто офицеров, большое количество обмундирования и обозы двух полков и армянского батальона. Потери в крестьянском ополчении невелики — пятнадцать убитых и тридцать пять раненых.

Вскоре на одном из заседаний Комитета освобождения Черноморья командующий Воронович доложил, что дисциплина в армии падает, в частях ведется большевистская агитация, а некоторые командиры начали проявлять анархистские наклонности. Это, конечно, была работа подпольщиков, наша работа. Воронович внес предложение назначить в армии комиссара, вменив ему в обязанность проведение мероприятий воспитательного порядка. На эту должность назначили меня. Таким образом, мне пришлось включиться не только в кипучую боевую деятельность, но и проявлять себя на «дипломатическом» поприще.

Несколькими днями раньше Комитет учредил революционно-следственную комиссию, председателем которой был назначен И. В. Саблин. Позиции посланцев Кавказского подпольного комитета РКП(б) становились все прочнее.

Представители английского командования генералы Кив и Коттон неоднократно приезжали в Комитет освобождения Черноморья и вели переговоры о необходимости примирения с Деникиным. Однако никаких результатов они не добились. А тем временем армия крестьянского ополчения постепенно выходила из подчинения КОЧ. Тогда английское командование решило обратиться непосредственно к руководству фронта. 22 февраля к одному из наших боевых участков подошел парламентер генерала Коттона с белым флагом и передал следующий документ:

«Ввиду того, что на Юге России образовалось республиканское правительство, объединяющее собой Дон,

Кубань и Терек, республиканскому Комитету освобождения представляется право уладить все вопросы дипломатическим путем. Предлагаю начальнику главного отряда войск Комитета освобождения не обстреливать портов Черноморского побережья, в противном случае английское правительство будет рассматривать это как акт выступления против Англии».

Это было очень серьезное требование. Выполнить его — значит предать интересы трудящихся, интересы Советской власти. Взвесив обстоятельства, я, как политический комиссар крестьянского ополчения, ответил Коттону письменно:

«Генералу известно, что у армии есть свое правительство, приказание и просьбы коего армия исполняет. Это правительство находится в городе Сочи, куда и благоволите обратиться. Что же касается портов, то Англия на них никакого права не имеет, а раз там находятся «добровольцы», мы будем выгонять их оттуда силой оружия».

Руководители КОЧ были заняты в это время съездом, проходившим в Сочи. Воспользовавшись этим, мы решили срочно овладеть городом Туапсе, чтобы не дать возможности интервентам подтянуть из Новороссийска военно-морские силы.

По сведениям нашей разведки, противник располагал двумя пехотными и офицерским полками, значительным количеством орудий и пулеметов. Мы имели две тысячи пятьсот штыков, орудия и пулеметы. Хотя, как айдим, белогвардейцы обладали преимуществом в живой силе, общая обстановка складывалась в нашу пользу. Важное значение здесь имели предыдущие победы ополчения и тот факт, что многие крестьяне воевали на своей земле, изгоняя из ее пределов захватчиков.

Мы понимали, что вести открытую агитацию среди бойцов за быстрое восстановление Советской власти было нельзя: Грузинское правительство в любой момент могло пустить в дело регулярные части своей армии, стоявшие на границе Сочинского округа, и создать в нашем тылу новый фронт. Следовательно, нужно было продолжать выполнение директивы Кавказского комитета партии — всеми средствами способствовать борьбе против Добровольческой армии, добиваться изгнания ее с территории Черноморья, овладеть портами Туапсе и

Новороссийск. Такой лозунг удовлетворял даже тех, кто охотно шел драться против деникинцев и вместе с тем оглядывался на КОЧ.

Наша задача облегчалась тем, что в рядах крестьянского ополчения находилось немало коммунистов. Эти товарищи в 1918 году были бойцами Северо-Кавказской армии. Попав по тем или иным причинам в Грузию, они прошли суровую школу борьбы, хорошо знали цели и задачи, поставленные ЦК РКП(б) по борьбе народных масс в тылу врага.

Итак, командование фронта, вопреки желанием Комитета освобождения Черноморья, решило занять Туапсе. С этой целью мы послали горами, в глубокий обход, батальон под командой коммуниста Сафонова. В нем насчитывалось шестьсот пштыков, однако на пути следования к нему присоединился ряд партизанских отрядов Туапсинского района. Значительно пополнившийся батальон вышел на железную дорогу Армавир—Туапсе у станции Георгиевская и в ночь на 25 февраля с севера внезапно ворвался в Туапсе. Одновременно с фронта по противнику ударили два других батальона.

Белые сопротивлялись весьма упорно. Достаточно сказать, что на двухкилометровом участке между городом и станцией Сортировочная они сосредоточили огонь нескольких десятков пулеметов. Здесь смертью храбрых пали командир батальона имени Карла Маркса товарищ Михлин и значительное количество его бойцов.

И все же ополченцы одержали победу. Особенно сильным был удар с тыла. В результате этого боя мы захватили огромные трофеи: взяли в плен до пяти тысяч рядовых и семьсот офицеров, пятнадцать орудий, до ста пулеметов, много тысяч винтовок, до полутора миллионов патронов, вагоны со снарядами, значительное количество обмундирования, обуви, продовольствия, два госпиталя, много подвижного состава, автомобилей, в казначействе — тридцать три миллиона денег, в порту — пароходы, шаланды, катера, баржи, шхуны, запасы бензина, керосина и масел...

Меня назначили военным комендантом Туапсе. Все гражданские и военные власти города подчинялись мне. Вышедшие из подполья партийные и профсоюзные работники активно включились в наведение порядка. Военские части пополнялись за счет пленных. Целую неде-

лю мы считали трофеем, состоявшие преимущественно из английского вооружения, снаряжения и обмундирования.

Англия, как известно, вовсе не собиралась снабжать большевиков оружием и теперь опасалась за свои новороссийские склады. Через несколько дней в Туапсе прибыл английский крейсер. На нем приехали представитель британского правительства при Добровольческой армии генерал Киз и делегация Дона, Кубани и Терека, возглавляемая товарищем председателя Верховного круга Дона и министром торговли контрреволюционного южнорусского правительства Леонтовичем.

Едва сойдя на берег, генерал Киз поспешил взять повелительный тон:

— Я представитель английского командования при Добровольческой армии...

— Что вам угодно? — спросил его по-английски В. В. Фавицкий.

Генерал даже вздрогнул, услышав английскую фразу из уст командира повстанцев. Кизу и в голову не приходило, что перед ним стоит бывший офицер, получивший звание штабс-капитана в период империалистической войны.

— Прошу отдать приказание о прекращении наступления против Добровольческой армии. В противном случае наше правительство будет рассматривать дальнейшее движение войск Комитета освобождения как враждебный акт против Англии.

— Мы воюем не с Англией, а с Добровольческой армией Деникина, — возразил Фавицкий.

— Я только что был в Сочи, и руководители комитета приказывают прекратить наступление.

Действительно, Киз в этот день был в Сочи и вел переговоры с председателем КОЧ Самариным-Филипповским. Об этих переговорах несколькими днями позже было сообщено в сухумской газете «Наше слово».

Мы переглянулись.

— В военной практике я впервые слышу, — спокойно сказал Фавицкий, — чтобы приказание вышестоящей военной инстанции передавались подчиненным через постороннего человека.

— Комитет, очевидно, не в курсе последних обстоятельств, сложившихся на фронте, — добавил я.

Генерал смотрел на нас, как на марсиан. Очевидно,

ему говорили о руководителях повстанцев такое, что отнюдь не совпадало с нашей изысканностью и дипломатической обходительностью.

— У меня на борту имеется несколько гражданских лиц, — сказал наконец Киз, понимая, что переговоры идут впустую. — По английским законам гражданские лица не могут на ночь оставаться на военном судне. Я прошу разрешить спустить их на берег.

Эти «гражданские лица» были, несомненно, разведчики, которых он хотел подкинуть нам столь грубым способом. Они стояли в стороне и прислушивались к нашему разговору.

— Что делать, генерал? — возразил Фавяцкий. — По нашим военным законам гражданские лица из вражеского лагеря ни в коем случае не могут быть допущены в район прифронтной полосы.

Киз пожал плечами:

— Ваши руководители в Сочи держатся другой точки зрения...

Мы лишь догадывались о скрытом смысле этой фразы. Подробности выяснились позже.

Дело в том, что Воронович, выехав самовольно в Гагры для свидания с грузинским министром внутренних дел Нсем Рамишвили, встретился там с Кизом. Генерал предложил Вороновичу выехать с ним в ставку Деникина, обещал свое посредничество в переговорах. Воронович дал согласие, но просил заехать за ним в Сочи. Однако в силу якобы неблагоприятной погоды крейсер не остановился в Сочи и проследовал в Новороссийск...

Генерал преднамеренно подчеркнул, что Новороссийск укреплен очень хорошо и взять его труднее, чем Туапсе. В ответ на это мы попросили Киза передать Деникину, чтобы он уходил подобра-подзору из Новороссийска. Генерал сделал гримасу и сказал сквозь зубы:

— Смотрите, как бы генерал Деникин не встретил вас так же нелюбезно, как вы встретили в Туапсе наш крейсер.

Киз намекал на тот крейсер, который 24 февраля сопровождал корабли с подкреплением, был обстрелян орудиями береговой обороны и получил несколько пробоин.

Больше нам не о чем было разговаривать, и делегация покинула берег Туапсе. Это был последний визит англичан к черноморским повстанцам.

Через два дня из-под Новороссийска к нам прибыли члены Реввоенсовета партизанской армии Цимбалист и Фадеев. Армия эта возникла в конце осени 1919 года из разрозненных партизанских отрядов, действовавших в районе Новороссийск, Геленджик. Она была создана по инициативе Донбюро и Ростово-Нахичеванского комитета РКП (б). Командовал ею Моренец.

Прибывшие товарищи предложили нам, руководителям армии крестьянского ополчения, слиться с армией партизан и в ближайшее время ликвидировать Комитет освобождения Черноморья.

Вслед за тем в Туапсе прибыли: из Тифлиса — представитель политотдела 8-й армии Л. В. Ивницкий, из Сочи — уполномоченный Реввоенсовета Республики П. П. Соркин. Оба они в 1918 году были руководящими партийными и советскими работниками на Кубани. Ивницкий в качестве комиссара Таманской армии вместе с войсками прошел тяжелый путь от Ставрополя через астраханские пески до Астрахани.

7 марта 1920 года мы собрались на чрезвычайное совещание ответственных партийных работников Черноморской губернии и решили взять власть над армией и организовать Реввоенсовет в составе Ивницкого, Соркина, Шевцова и Цимбалиста. Командармом стал Е. С. Казанский, штабс-капитан старой армии. В 1918 году его приняли в партию и назначили начальником школы красных командиров.

Перед нами встал вопрос о том, как поступить с Комитетом освобождения Черноморья. Казалось бы, проще всего ликвидировать его и восстановить Советскую власть. Но это могло вызвать вмешательство грузинских войск и недовольство части крестьянства Сочинского округа, которое хотя и охотно дралось против деникинской реакции, но все-таки оглядывалось на КОЧ, обещавший создать демократическую республику.

Учтя эти обстоятельства, Реввоенсовет Красной армии Черноморья вызвал из Сочи основных руководителей КОЧ и предложил им принять следующие условия:

1. Считать территорию Черноморской губернии неотъемлемой частью Советской республики.
2. Признать власть Советов.
3. Признать Совет народных комиссаров единым правительством России.

4. Согласиться на то, чтобы во главе действующей армии стал Реввоенсовет, состоящий исключительно из коммунистов.

5. Подчинить территорию по Лазаревку включительно по Реввоенсовету.

6. Признать целесообразным избрать Советы на местах на основе Конституции РСФСР и не позднее 15 апреля 1920 года созвать губернский съезд Советов.

Подписывая этот документ, уничтожающий все надежды Комитета освобождения Черноморья, Самарин-Филипповский потеребил бородку и пробормотал:

— Нельзя же нас оставлять совсем без оружия...

— За этим дело не стапет, — заверил его Ивницкий. — Мы дадим вам несколько винтовок и даже пулемет, да и деньжонок подкинем.

Каждое слово Ивницкого и Соркина звучало с такой уверенностью и властной силой, что Самарин-Филипповский терялся: он никогда не видел подобного напора и убежденности. Председатель Реввоенсовета армии П. П. Соркин, в прошлом сельский учитель, несмотря на присутствующий ему юмор, умел в нужный момент припимать суровый облик.

На этом закончилось наше последнее совместное совещание. Мы знали, что представители комитета, взяв обязательство не вмешиваться в дела армии и не проводить враждебной агитации, все же втихомолку вели подпольную работу, но безуспешно.

11 марта 1920 года состоялся съезд представителей всех наших военных частей. Съезд утвердил решение о Красной армии Черноморья, о создании Реввоенсовета. В его резолюции выражалась уверенность в том, что «Реввоенсовет установит в рядах войск железную дисциплину, не допустит там провокаторов и грабителей, наладит хозяйственный аппарат и приведет борьбу с контрреволюцией к желанному победоносному концу и соединению Красной армии Черноморья с Красной Армией РСФСР».

В этот же день Реввоенсовет издал приказ о должностных назначениях. Начальником штаба армии стал В. В. Фавицкий, начальником особого отдела — И. В. Саблин. Руководство политотделом было возложено на меня и Цимбалюста. Л. В. Ивницкий принялся за

создание хозяйственного аппарата армии и строительство Советской власти в Туапсе.

В каждой военной части помимо командира был и политкомиссар. Без его подписи не отдавалось ни одного распоряжения. Была издана инструкция, в которой определялись задачи и обязанности политкомиссаров.

Надо сказать, что комиссары проводили огромную работу. И не только политико-воспитательную, но и организационную. Они были представителями партии Ленина в армии, полпредами революции и Советской власти. Особым авторитетом пользовались у нас Петр Соркин и Лука Ивницкий. Они поставили перед нами задачи сегодняшнего дня и ознакомили с завтрашними перспективами, сделали все, чего мы не успели сделать в спешке непрерывных наступательных боев. С приездом Ивницкого и Соркина многое изменилось, и каждый из нас по-новому осознавал теперь пройденный путь, яснее представлял задачи, стоящие перед нами.

Неоценимую помощь во всей практической работе по ликвидации элементов партизанщины и созданию кадровой армии с железной военной дисциплиной и образцовым порядком оказывали нам указания Владимира Ильича Ленина — стратега революции, организатора Красной Армии, вдохновителя всенародной борьбы с внутренними и внешними вражескими силами. Это было очень нелегко — создавать боееспособную армию из разрозненных партизанских отрядов и пленных, но партия учила нас преодолевать трудности, решать эти вопросы в ходе боевых операций.

Политические работники и коммунисты рассказывали бойцам о содержании Программы партии, о законах классовой борьбы, о сущности Советской власти, о положении в тылу и на фронтах страны.

У нас издавалась газета «Фронтвик», редактором которой был член бюро Туапсинского окружкома РКП(б) М. Пратусевич, тогда совсем еще молодой человек, ему едва ли было двадцать четыре года. Газетный опыт Пратусевича исчерпывался редактированием трех номеров ежемесячного студенческого журнала «Звено», закрытого царской цензурой.

Материалы фронтовой газеты волновали бойцов непосредственностью, конкретной постановкой практических задач. Некоторые статьи по форме не отличались от

приказов. Больше того, в одном из номеров «Фронтвика» вместо передовой был опубликован «Приказ № 20 по Туапсе-Прасковьевскому боеучастку, 1 апреля 1920 года:

«Товарищи бойцы 3-го и 4-го батальонов, настал радостный момент соединения северной Красной Армии с нами, с восставшей армией крестьян и рабочих Черноморского побережья.

Этот момент говорит о нашей победе над реакцией генералов и помещиков, свивших свое гнездо на Северном Кавказе. Этот момент говорит, что наступает час, когда вся Россия объединится под единой властью Советов.

Грозный час миновал для нас. Мы, вынесшие на своих плечах всю тяжесть реакции, одержали двойную победу: отняли у наших врагов оружие, вооружили наши села и изгнали засильщиков и грабителей из городов побережья.

Только сильные духом, крепкие волей могли совершить те подвиги, которыми полна наша борьба от начала до конца. История мирового освобождения пролетариата не забудет этих подвигов.

Дорогие товарищи! Наша сила вливается в великую силу пролетариата России. Вступим же такими же сильными и грозными в ряды северных товарищей.

Комбоеучастка Павленко
Политком Назаров».

Решением Реввоенсовета мы отменили выборность командиров во всех частях и подразделениях, а всему командному и политическому составу вменили в повседневную обязанность проводить решительную борьбу за установление твердой воинской дисциплины.

Красная армия Черноморья день ото дня становилась все более стойкой, боеспособной и наносила удары по врагу, оказывая огромную помощь Красной Армии в разгроме денкинских войск.

15 марта 1920 года после упорного шестичасового боя мы овладели городом Геленджик. Превосходство в живой силе и технике не помогло врагу. Наши бойцы, движимые благородной освободительной целью, дрались самоотверженно, проявляя чудеса героизма.

После замечательной геленджикской победы Примор-

ский отряд под командой Моренца преследовал противника до Новороссийска и, достигнув района цементных заводов, закрепил свои позиции.

Как известно, денкинские генералы бросали на подавление освободительного движения целые полки. Кое-где им это удавалось, но едва они собирались торжествовать победу, как снова поднималась тревога: красные идут в атаку! Это и понятно: Деникин пытался сражаться с целым народом, возглавляемым Коммунистической партией, которая умела видеть то, чего не могли видеть царские генералы, и хорошо знала, за что борется.

17 марта после короткого боя части 9-й армии овладели Екатеринодаром. Главные силы противника отошли за Кубань и взяли направление на Новороссийск. На правом фланге Донской армии, в районе Усть-Лабинской, располагались разрозненные части Кубанской армии, не имевшие связи ни с Донской армией, ни со своим главным командованием.

Контратаки, предпринятые Донской армией, оказались неудачными. Начался общий отход ее частей и корпуса Добровольческой армии на Новороссийск. Войска Шкуро и Кубанской армии отступали на Белореченскую, Майкоп, Туапсе.

19 марта части Первой Конной армии переправились через Кубань у станицы Усть-Лабинской. Именно перед этим событием Реввоенсовет создал два фронта: Приморский, командующим которым был назначен Моренец, и Северный под командой Черникова.

К сожалению, мы не имели представления о событиях, происходивших на фронтах Кубани. Все наши устремления были направлены на то, чтобы занять Новороссийск и отрезать пути отступления денкинской армии к Новороссийску. Едва ли кто-нибудь из нас отдавал себе отчет в том, что через несколько дней армии Кавказского фронта подойдут с севера, возьмут Новороссийск и тогда порт Туапсе получит для белых особое важное значение.

Мы были увлечены только одним — как можно быстрее наступать, не давая противнику опомниться, поэтому не предполагали, что в направлении Майкоп, Туапсе встретимся со столь значительными силами белых, отступавшими под натиском Первой Конной армии.

Сейчас, более сорока пяти лет после мимувших событий, ясно, что Реввоенсовет Красной армии Черно-

морья допустил ошибку, послав на Кубань три батальона и оставив незащищенным естественный рубеж на Гойтхском перевале. Можно было бы отправить на Кубань с чисто пропагандистской целью один батальон, закрепить оборону на перевале, обеспечив их имеющимися в Туапсе боевыми средствами.

Командарм Казанский и начальник штаба Фавицкий именно такие соображения и высказывали, но большинство членов Реввоенсовета считало, что трем батальонам быстрее удастся объединить колеблющиеся элементы кубанского казачества, разложить тыл противника и тем самым оказать Красной Армии максимум помощи в разгроме врага.

Вместе с отрядом Реввоенсовет армии послал на Кубань и меня. 18 марта без особого сопротивления белых мы заняли Хадыженскую. Оттуда два батальона под командой Черникова двинулись вдоль железной дороги к Белореченской, один батальон ушел по шоссе к Апшеронской, а я с небольшим кавалерийским отрядом направился на нефтяные промыслы. Моя задача состояла в том, чтобы информировать рабочих о происходящих событиях и попросить их во что бы то ни стало сохранить нефтяные промыслы.

Рабочие исключительно тепло встретили представителей повстанцев и приняли самое живейшее участие в оказании помощи Красной армии Черноморья в борьбе с денкининщиной. Выполнив свою задачу, я отправился с товарищами в Апшеронскую. Прибыв туда 20 марта, мы неожиданно для себя оказались в центре исключительных событий.

Мне сообщили, что атаман майкопского отдела генерал Данилов по поручению командования казачьей армии и Кубанской краевой рады уже дважды звонил по телефону в Апшеронскую и просил к телефону кого-либо из старших военачальников партизан. Я никак не мог понять, что заставило генерала проявить такую заинтересованность к повстанцам, и решил вызвать к телефону Майкоп. К аппарату подошел адъютант атамана, а затем и сам Данилов. Назвав себя, я спросил, что угодно генералу.

— Вы тот самый Шевцов, который был в Туапсе и издавал приказы?

— Тот самый, — подтвердил я.

— Мы хотели бы встретиться с вами и переговорить по ряду вопросов, — сказал атаман.

— Вы — генерал, а я — красный командир. О чем же нам говорить? Очевидно, кто-нибудь из нас должен уступить дорогу, — ответил я.

— Помните, это не только мое желание, но и желание Кубанской рады. Я предложил бы место нашей встречи — станцию Суходольскую. Это в сорока верстах по шоссе от Майкопа. Мы вышлем за вас заложников. Согласны?

Я сказал, что не возражаю выехать даже в Майкоп, но в переговорах должны обязательно участвовать представители рабочих. Данилову ничего не оставалось делать, как согласиться.

20 марта на станцию Суходольская прибыли два члена Кубанской рады. Они сели в мою тачанку и уехали в Апшеронскую в качестве заложников, а я с политработником Подгорецким в экипаже белых отправился под конвоем в Майкоп.

Город был забит войсками Кубанской казачьей армии, отступающей под натиском конармейцев С. М. Буденного. Здесь же находилось большинство членов Кубанской рады. Они знали, что еще в 20-х числах февраля КОЧ обратился к ним с предложением вступить в переговоры об объединении Черноморья, Кубани и Дона в демократическую федерацию при условии полного разрыва Кубанской рады с Деникиным. Но им не было известно, что с 11 марта существует Красная армия Черноморья во главе с Реввоенсоветом, что мы поставили перед собой задачу способствовать уничтожению Добровольческой армии и соединиться с Красной Армией РСФСР.

Командование Кубанской армии и члены рады полагали, что им легко будет договориться с представителями эсеровского Комитета освобождения Черноморья в лице руководителей повстанцев о беспрепятственном отступлении к Туапсе. Оттуда они мечтали или эвакуироваться в Крым, или договориться с грузинскими меньшевиками об интернировании в Грузию. Однако им пришлось разочароваться. Я рассказал им о фактах реальной обстановки и предложил сложить оружие.

Белые согласились. Они решили сдать Майкоп представителям Красной армии Черноморья и отступить к Туапсе. Часа в 4 утра через адъютанта атамана я полу-

чил следующий документ: «Ввиду того, что вы гарантируете жизнь семьям офицеров и всем гражданам, мы оставляем город без боя, а посему прошу принять меры к водворению порядка и принять город. Генерал Данилов».

Это была бескровная, по большому счету, победа. Мы немедленно освободили из майкопской тюрьмы около двухсот политзаключенных, из которых создали комендаптскую команду и организовали ревком. Его председателем был назначен В. И. Ефимов, членами — С. В. Расторгуев, Г. Серебряков и А. Юров.

В тот же день в районе станицы Григорьевской командиру батальона Лазебному сдалась часть донского корпуса в составе тысяча пятьсот сабель при пятнадцати орудиях и тридцати шести пулеметах.

Утро застало меня за письменным столом генерала Данилова. Сам атаман, его адъютант и члены рады бесследно исчезли. Поскольку город оказался в наших руках, надо было наводить порядок. Я начал писать приказ повстанцам станицы Тульской о том, чтобы они срочно прибыли в Майкоп. Вдруг открылась дверь кабинета и на пороге показались два белогвардейских офицера.

— Нам сообщили, что здесь комиссар, — сказал один из них.

— В чем дело?

— Я командир пластунского батальона. Хочу остаться в городе.

— Хорошее начало. Приводите своих людей сюда, — приказал я, не веря, что это будет выполнено.

— Господа офицеры, — вмешался А. Р. Подгорецкий. — Снимите погоны, чтобы не было недоразумения, поскольку в город вступают наши части.

Те молча сорвали погоны и бросили их в сторону. Через полчаса перед балконом здания выстроились пластуны. Я обратился к ним с краткой речью, и казаки начали складывать оружие на тротуар.

Мне удалось связаться с Хадзыженской и передать, что белые сдали Майкоп и многотысячной колонной отступили по шоссе и железной дороге на Туапсе. Узнав об этом, командарм Казанский приказал завалить три тоннеля, разобрать железнодорожные пути, взорвать мосты на шоссе. От Черникова, находившегося с двумя батальонами под Белореченской, он потребовал срочно по-

грузить в эшелон бойцов, отступить к Гойтхскому перевалу и занять оборону.

У Хадзыженской белые обстреляли эшелон Черникова. В результате крушения началась паника. Однако командиру удалось собрать около шестисот бойцов и уйти к Гойтхскому перевалу. Туда же из Туапсе был выслан наспех сформированный отряд коммунистов и рабочих. Однако сдержать натиск многотысячной армии белых не удалось, и командование Красной армии Черноморья вынуждено было отдать приказ отступить к Небугу и эвакуировать Туапсе.

27 марта 1920 года в Новороссийск, последний оплот деникинщины, с севера вошли части 8-й и 9-й армий, а с юго-запада — части кашей армии.

Мы с честью выполнили задание партии по организации партизанской войны в тылу Деникина, и 31 марта 1920 года по указанию командования Кавказского фронта Красная армия Черноморья была расформирована. Ее части влились в состав 22, 50 и 34-й дивизий 9-й армии, которой командовал И. П. Уборевич.

За боевые заслуги перед Родиной многие наши бойцы и командиры были награждены. В числе других орденом Красного Знамени получили Казанский, Моренец, пулеметчик Дмитриев и я.

В 1935 году бывший секретарь Кавказского краевого комитета партии Амаяк Маркарович Назаретян писал: «Необходимо отметить, что намеченный Закавказьем план, правильное проведение его линии посланной группой товарищей целиком оправданы результатами черноморской эпопеи».

ИЗ ПОДПОЛья — В БОЙ

— Ну вот, наконец вы дождались! — такой фразой встретил меня председатель подпольного Сухумского окружкома партии Севериан Кухалейшвили, которого мы по-дружески звали просто Севой. — Есть указание крайкома направлять надежных товарищей в партизанские отряды Сочинского округа. На днях туда поедет из Тифлиса целая группа. Мы включаем и вас в нее.

Кухалейшвили, невысокий коренастый человек с проседью, был значительно старше многих из нас. Полгода назад, просмотрев мое командировочное удостоверение из ЦК партии Украины и явку от политотдела 14-й армии, он направил меня с конспиративными партийными поручениями в Тифлис и Баку. Потом я выполнял другие работы, ездил в Гагры — в расположение пограничных с деникинцами частей грузинской армии для организации там военно-технической комиссии по подготовке вооруженного восстания против меньшевистского правительства Грузии. После волны арестов, прокатившейся по Абхазии в связи с неудачным выступлением в Сухуми 12 октября 1919 года солдат 2-го полка грузинской армии, мы скрывались вместе с Кухалейшвили и несколькими партийными активистами под старым дубом, возвышавшимся среди густого орешника на горе Чернявского, пока осенние дожди не заставили нас искать другого пристанища.

В последнее время я прямо-таки падал ему своими пастойчивыми просьбами направить меня к партизанам, развернувшим борьбу против белых от Гагр до самого Новороссийска.

И вдруг: «наконец вы дождались!».

Мы долго и обстоятельно говорили о положении в

Причерноморье, о задачах подпольщиков, о перспективах нашей работы. Они были заманчивы, эти перспективы!

— Значит, согласен? — закончив беседу, еще раз спросил Севериан Кухалейшвили и, не ожидая ответа, потому что не сомневался в нем, добавил: — Вот и чудесно! Желаю всего доброго.

Через несколько дней из Поти прибыл буксирный пароход «Чорох» — единственное судно, курсировавшее в то время по портам Грузии. В группе, о которой мне говорил Кухалейшвили, был мой товарищ по сухумскому подполью коммунист Иван Борисович Шевцов. Это к нему была у меня личная явка от начальника политотдела 14-й армии В. Н. Толмачева, и некоторое время я жил у него в Сухуми. С Шевцовым ехали в партизанский край бывшие командиры армии и советские работники. Все они имели конспиративные задания крайкома партии, о которых эсеро-меньшевистский Комитет освобождения Черноморья (КОЧ), конечно, не подозревал.

Армия формировалась в нейтральной зоне, под Гаграми, из местных партизан, бывших красноармейцев 11-й армии и дезертиров из деникинских частей. Называлась она крестьянским ополчением Черноморья.

В Гаграх мне, как и другим, предстояла беседа с председателем КОЧ Самариным-Филипповским, и я, понятию, волновался, опасаясь, что не сумею скрыть ни своего активного участия в Октябрьской революции, ни обстоятельств появления на Кавказе. На борту «Чороха» мы сообща наметили, как следует мне держаться.

...В кабинет Самарина-Филипповского мы вошли с М. Д. Томашевским, который представил меня председателю КОЧ. Здесь же находился и командующий крестьянским ополчением Воронович. В результате беседы я был принят в ряды ополчения, как революционно настроенный студент, политически еще не окончательно определившийся, но стремившийся отдать свои силы на борьбу против контрреволюции. В общем, комедия была разыграна отлично.

Незаконное совещание, которое мы, подпольщики, провели за несколько дней до начала военных действий, имело особое значение. На нем была подтверждена необходимость сохранения секретности существования нашей

группы. Непосредственный контроль за распоряжениями КОЧ и конкретное руководство действиями подпольщиков были поручены Томашевскому, Шевцову и мне. Без санкции конспиративной тройки никто из товарищей не имел права проводить в жизнь указания КОЧ. Больше того, нам самим предстояло действовать вразрез с политикой КОЧ. Чтобы избежать ошибок и разнобоя в работе, тройка и обязана была в последующем определять кто, когда, где и что должен делать.

Мы знали, что в предстоявшей сложной борьбе мы не будем одиноки. Уже в нейтральной зоне нам встретились В. Топкин, М. Воронков, И. Стасик и другие коммунисты, направленные партизанскими отрядами из-под Новороссийска. Да и не мудрено. Партизанское движение на Черноморском побережье Кавказа, то затухая, то разгораясь, не давало покоя белой армии. И денкинское командование не ошибалось, когда в каждом успехе повстанцев видело результат партийного руководства. Доббюро ЦК партии, комитеты Ростов-Нахичеванский, Новороссийский, Екатеринодарский, краевой Тифлиссский — все они в разные периоды руководили через своих посланцев организацией и боевой деятельностью партизанских отрядов и соединений.

Штаб крестьянского ополчения разработал план общего наступления на денкинские части. Оно должно было начаться в ночь на 28 января 1920 года. В села Сочинского округа горными тропами заранее ушли связные, чтобы местные партизанские группы и отряды своевременно поддержали нас своими набегами.

По этому плану дружины и партизанский отряд крестьянского ополчения (всего около пятисот человек) должны были одновременно нанести по белым три удара — с тыла, с фланга и фронтальный. Для разрушения коммуникаций по побережью и наведения паники в тылу противника предполагалось высадить небольшой десант с моря между Адлером и Сочи.

Мне предоставили право самому выбирать, где участвовать в наступлении. Воронович думал, что я выберу фронтальный участок, где легче было ориентироваться, но я пошел в десант. Командиром десантной группы был назначен И. Б. Шевцов, а я его заместителем.

Мы сообща принялись укомплектовывать свой отряд. Первым вызвался ехать с нами бывший красноармеец

41-й армии пулеметчик Гриша Дмитриев. Подвижный и на редкость толковый, он сразу стал нашим ближайшим помощником. За ним потянулись его товарищи Павел Марков, Сергей Пономарев, Владимир Тютюпин, Субботин. Многих участников десанта, как это ни покажется странным, мы нашли на базаре. Там толпилось немало охотников найти путь к партизанам. Кроме бывших красноармейцев с нами собрались ехать несколько местных жителей (грузин), хорошо знавших здешние края. Одного из них, Михо Ломджария, я знал еще в школьные годы, когда путешествовал по побережью. Добродушный и общительный, он имел широкие знакомства, которые могли нам пригодиться.

В соответствии с общей задачей — навести папику в тылу у белых и помешать им увезти технику и обозы — мы должны были взорвать или сжечь два-три моста, разрушить в нескольких местах шоссе на крутых поворотах и порвать связь. Для этой операции нужна была взрывчатка. Вооружить наш отряд было поручено мне.

И вот я сижу в блестящем пароконном фэртоне рядом с юным, подтянутым, франтоватым грузинским офицером. Со сдержанным любопытством и явной благожелательностью смотрит он на меня, оборванного, грязного, по радостного сверстника, идущего завтра в бой... Мы едем за город. Невдалеке от Гагр, в горах, в землянке, под охраной часовых находился склад взрывчатых веществ.

— А вы знаете, как со всем этим обращаться? — осведомился мой спутник, готовый помочь мне, если надо.

Я не преминул воспользоваться его практическими советами, понимая, что мой опыт перотехника может оказаться недостаточным.

В Гагры, в «Новую гостиницу» (теперь «Гагрипши»), мы возвращались с полуторпудовым ящиком динамита, бироксилиновыми пашками, детонаторами, бикфордовым шнуром и другими припасами.

Кроме взрывчатки нам выдали винтовки и ручной пулемет «люкс». Своих плавучих средств КОЧ еще не имел, и для десантной операции пришлось зафрахтовать достаточно вместительный, с палубой, частный моторный катер «Колхида». По вине портового надзора, долго требовавшего официального оформления документов на отход, наше судно снялось с якоря часа на три позже назначенного срока, вечером 28 января.

Десантники расположились вздремнуть на лавках в крытой части «Колхиды», а Шевцов, Дмитриев со своим «лысойсом», я с широтехническим сваряжением и кое-кто из красноармейцев остались на палубе. Примерно на траверзе Адлера, около полупочи, впереди нас показались какие-то огни, которые то отходили в открытое море, то снова приближались к берегу. Иногда они ненадолго гасли.

— Очевидно, сторожевое судно, — сказал шкипер.

Одержать верх в открытом морском бою мы не могли. Однако на случай попытки противника задержать нас надо было что-нибудь придумать. Я отозвал Гришу Дмитриева в сторонку, и пока Шевцов выяснял со шкипером возможность обхода сторожевого судна, сообщил ему возникший у меня план. Мы условились прикрепить ящик с динамитом и связку детонаторов к бушприту, оттащить пулемет на корму, и в случае угрожающего приближения белогвардейского судна я должен был отстранить рулевого и повести «Колхиду» на таран, а Гриша — дать пулеметную очередь по ящику в момент столкновения с противником.

— Игорь, — позвал меня Шевцов, — у берега трудно проскочить, а если отклониться в море, придется высаживаться днем. Остается один выход — причалить в нейтральной зоне.

На том и решили. Дмитриев деловито установил пулемет на новом месте, чтобы быть готовым к любой неожиданности.

Горная река Псоу делила побережье на два лагеря: на юг простиралась Грузия с ближайшим селением Пиленково (теперь Леселидзе), на север — территория, занятая деникинцами и начинавшаяся селением Веселое. Деревянный мост соединял эти стороны.

Вплотную к берегу пристать оказалось невозможным, и мы добирались чуть ли не по пояс в воде. Высадившись на юг от моста, соединились с партизанским отрядом, который в предутренние часы должен был начать наступление на Веселое.

Местные крестьяне рассказали, что недалеко от селения у белых есть батарея из четырех орудий, пристрелянных по нейтральной зоне. Выше по реке в густых зарослях затаились три наших пикета: один из них имеет пулемет, другие — по три-четыре винтовки.

Меня направили проверить посты перед боем. Люди не спали, внимательно следили за противоположным берегом реки.

В одном секрете я увидел солдата деникинской заставы. По его словам, на этом участке реки у белых тоже находилось три секретных караула — по полвзвода и по взводу, и все с пулеметами. Перебежчик указал их расположение, заявил о готовности всей его заставы перейти на нашу сторону с оружием в руках. Доверяться на слово в этих условиях я, разумеется, не мог и приказал ему вернуться на пост и готовиться к переходу.

К утру не только эта застава, но и многие другие подразделения с радостью влились в наши ряды. Это были бывшие красноармейцы, попавшие в плен, или насильно мобилизованные иногородние из Кубанской области, крестьяне из Ставропольщины. Деникинское командование боялось перебросить столь неблагонадежное войско на фронт, против регулярных частей Красной Армии, и держало его в далеких тыловых полках, на «безопасной» границе с Грузией, спокойствие которой гарантировалось флагом английского короля. Однако ни «безопасных», ни «спокойных» границ у белых не оказалось, не помогли им и английские «гарантии»...

Я торопился сообщить штабу нашего отряда обстановку на передовой линии. После моего возвращения мы должны были немедленно выступить. Но на пути в отряд я внезапно ослеп. Сказались, по-видимому, и недоедание в предыдущие месяцы, и нервное напряжение в последние дни. Еле-еле различал я серую полосу шоссе и очень боялся пройти мимо затемненной дачи, в которой располагался наш штаб, или того хуже — потерять направление и забрести в расположение белых. К счастью, слепота скоро прошла.

Я доложил Шевцову обстановку, и мы стали готовиться к бою. Небольшая лесная сторожка — наш командный пункт — еле вмещала несколько человек. Шевцов вызывал наиболее опытных бойцов, давал последние указания, принимал донесения передовых постов. К ним уже присоединились первые перебежчики из деникинской заставы. Мы залегли в мокрый снег и грязь. Дмитриев дал несколько очередей по кустам на противоположном берегу, но ответа не было. Вскоре донеслось далекое таранье колес и какой-то шум.

— Артиллерию подвозят, — предположил кто-то в цепи.

Разведка, ходившая вверх по реке посмотреть, не форсировал ли ее противник на нашем фланге, донесла, что там все в порядке. И командир приказал атаковать заставу. Мы подкралась к мосту и бросились вперед со штыками наперевес. Мост этот, деревянный, метров шесть шириной и около пятидесяти длиной, был переплетен понизу еле различимой в темноте колючей проволокой. Мы бежали, спотыкались, вскакивали и снова бежали вперед с мучительным ожиданием встречного пулеметного огня. Но правый берег встретил нас тишиной.

Сторожевое охранение моста бежало, яе приняв боя. Напуганный одновременным ударом по фронту, с фланга и тыла, противник решил, что наступает регулярная армия Грузинской республики, и почел за лучшее отступить.

Местное население, натерпевшееся всяких бед от деникинцев, встретило нас радушно. Заявив селение Веселое, мы с Шевцовым разместили бойцов, затем и сами нашли пристанище в семье крестьянина Блока, известного своей помощью партизанам.

Наутро отряд пошел дальше, на Адлер. Мне же поручили собрать разрозненных пленных и перебежчиков. Бывшие деникинские солдаты заявляли, что переходят на нашу сторону, и наотрез отказывались сдавать оружие, требуя зачисления в отряды ополчения. Никто не мог поверить в их искренность, тем более что это были мелкие группы, почему-то задержавшиеся и отставшие от подразделений, организовано перешедших в наши ряды. Я собрал их, и мы тронулись в путь. Штаб ополчения догнали в районе Адлера. Здесь после успешных фланговых ударов и обходных движений собрались Томашевский, Фаицкий, Казанский и другие наши командиры.

Решался вопрос о взятии Сочи. И снова, не дав отдохнуть ни себе, ни противнику, отряды спешили в обход, устраивали демонстрации на второстепенных участках, стремительными фланговыми ударами сбивали врага с позиций и принуждали его во избежание полного окружения отводить свои части с фронта. Местные партизаны сеяли панику в рядах белых, нападая на их тыловые гарнизоны.

Утром 2 февраля мы вошли в Сочи. За несколько дней

силы наши по крайней мере утроились, оружием обеспечились за счет деникинских складов.

Среди обывателей заметно выделялись «господа», бежавшие с севера, и офицеры, не успевшие или не пожелавшие уйти от нас. Многие из них спрашивали, где будет находиться комендатура, чтобы зарегистрироваться. Они, видимо, думали, что их регистрируют и отпускают по домам.

Мы знали, что классовый состав и настроения сочинского офицерства были не одинаковыми. Чтобы разобраться в этом, изолировать явных врагов Советской власти от колеблющихся и лояльных офицеров, создали революционно-следственную комиссию. Ее председателем утвердили меня.

К работе в ревследкоме в качестве моего заместителя был привлечен бывший комиссар второй партизанской группы Геленджикского района В. А. Топкин, член партии с 1915 года. Ближайшими моими помощниками стали коммунисты и сочувствующие: сын старейшего сочинского большевика Александр Яичников, Сергей Ерофеев, Степан Выхристюк, Михаил Трусов, Григорий Дмитриев, В. Сальников, Д. Месиянкин, донецкий шахтер Мясников, Покровский и другие. В моем постоянном распоряжении находился взвод комендантской роты, состоявший преимущественно из местных партизан под командой охотника из селения Воронцовка Николая Барибана.

Таким образом, у нас появилась возможность создать действительно боевой орган борьбы против контрреволюции в глубоком деникинском тылу, на территории, формально возглавлявшейся соглашательским КОЧ, — органом, деятельность которого была одним из первых реальных шагов по конкретному выполнению заданий Кавказского краевого комитета партии.

По плану руководства КОЧ задачи ревследкома ограничивались официальным разбором дел пленных офицеров, выявлением участников карательных экспедиций и сотрудников контрразведки, рассмотрением различных жалоб населения и т. п. Однако нельзя было согласиться на роль беспристрастных исследователей — у нас были иные задачи.

Каждый наш шаг, каждое решение проходили на глазах у партизан. Это обязывало нас, несмотря на законспирированность, проявлять решительность в борьбе про-

тив контрреволюции, действовать так, чтобы именно в нас, а не в Комитете освобождения Черноморья видели они людей, отвечающих их чаяниям и стремлениям. В то же время приходилось считаться с общими установками КОЧ, который весьма терпимо относился к буржуазии и всячески старался показать, что с большевистскими методами у него нет ничего общего. Крайние меры против карателей и их пособников нам приходилось принимать чрезвычайно редко и негласно.

Пленных и задержанных офицеров сначала отправляли в сочинскую тюрьму. В первый день их было человек двадцать, но затем почти ежедневно камеры пополнялись новыми денкинциами. То приводили офицеров, захваченных в очередном бою, то врагов, опознанных партизанами. Неопределимую помощь ревследкому оказали хорошо знавшие местные условия и людей руководители партизан А. Потариш, В. Балонкин, Н. Барибан, Горелов и другие. С их помощью ревследком знал, на какие районы и на какую часть населения следует обратить особое внимание.

Мы всячески разъяснили своим бойцам необходимость гуманного обращения с пленными. В действующей армии служило много не добровольцев, а мобилизованных офицеров. Можно было уменьшить их сопротивляемость, если тем или иным путем вселить в них уверенность в личной неприкосновенности. Как вскоре стало известно, командование регулярной Красной Армии широко практиковало распространение в белых войсках листовок с призывом к офицерам сдаваться и с обещанием сохранить им жизнь.

Чтобы не ошибиться в решении судеб заключенных офицеров, всем им предложили написать объяснительные записки, заявления, просьбы и т. п. За содержанием офицеров под стражей наблюдали не только мы. В Сочи существовало отделение Общества Красного Креста. С нашим приходом его представители взяли на себя бытовую заботу о пленных.

Меньшевистское правительство Грузии и командование ее армии пристально наблюдали за развитием военных событий и ходом осуществления мечты о создании буферной республики. Они засылали в район восстания немало своих людей для подробного осведомления о жизни в освобожденной области и укрепления своих политических и деловых позиций. Однако кроме официальных представителей в Сочи стали появляться тайные соглядата-

таи, уголовники, спекулянты. КОЧ, чувствуя себя во многом связанным с Тифлисом, предпочитал на всякий случай ко всем относиться дружелюбно. Естественно, мы таких чувств к этим приезжим не питали, и когда кого-нибудь из них уличали в неблагоприятных делах, ему приходилось шагать под конвоем в тюрьму через весь город. Затем, ставя КОЧ перед совершившимся фактом, мы высылали такого «гостя» обратно. Дискредитируя таким образом представителей меньшевистских властей Грузии, мы укрепляли свой авторитет в глазах партизан, населения и руководства Комитета освобождения Черноморья.

В Сочи было немало распропагандированных врагом армян, которые предубежденно относились к нам. Мы нередко получали сигналы о несданном ими оружии, о тайных складах дефицитных товаров, о помощи белогвардейцам... Но произвести в этих домах обыск, а тем более арестовать кого-нибудь удавалось обычно с большим трудом.

Женщины армянских семей применяли против оперативной группы ревследкома очень своеобразный способ защиты: своих мужчин запирали в дом, а сами обступали нас шумной толпой и поднимали крик, чтобы привлечь внимание соседей, улицы, создать впечатление насилия. Стоило сделать движение к двери, как они хватили нас за руки и буквально висли на плечах. Только исключительная выдержка и такт наших товарищей приводили в конце концов к завершению операции.

КОЧ боялся, что наша решительность может породить нежелательные слухи, так что мы не предупреждали его о своих действиях, а предъявляли на следующий день вещественные доказательства.

Перед совершившимся фактом комитетчики оказались и в другом случае. КОЧ располагался в гостинице «Ривьера», многие номера которой продолжали занимать бежавшие от Советской власти богачи и офицерские семьи. От этого «высшего общества», представлявшего собой контрреволюционное гнездо, в любой момент можно было ожидать какого-либо выпада. И не удивительно, что именно они в открытую пытались установить связь с представителями английского и французского командования, приезжавшими в Сочи для разведки и переговоров с КОЧ.

Я поручил некоторым местным товарищам сделать разведку, и вскоре передо мной лежал список жильцов

«Ривьеры» с краткими сведениями о них. Посоветовавшись с Томашевским и Шевцовым, мы с Топкиным решили провести поголовный обыск и, не предупредив КОЧ, ввели свой отряд в помещение гостиницы. Возмущению «господ» не было предела. Побежали жаловаться Самарину-Филипповскому. Однако наши сотрудники все же успели произвести обыск.

В одном номере, к великому конфузу всей «добропорядочной» семьи, извлекли из самовара браунинг, в другом — местом хранения револьвера оказался футляр фотоаппарата. Различные «секреты» скрывались за портьерами, под коврами, в комодах с бельем, в обуви.

Среди гостиничного населения нашлись люди, боявшиеся, что обнаружатся их прошлое звание, служебное положение и т. п. Пожилые «господа» с корректной внешностью и холерными лицами вели себя, как прощтрафившиеся школяры, когда мы выкладывали на стол найденные подлинные их документы.

А начальник разведки Донской казачьей дивизии сотник Греков, находившийся в отпуске по болезни, не скрывал ни своей вражды, ни своего чина, ни места службы. Регистрироваться в комендатуре он не считал необходимым, потому что не являлся, по его словам, боеспособным (язва желудка приковала его к постели), а револьвер не сдал, чтобы не обращать на себя внимания. Все откровенно и ясно! Но разведчик есть разведчик... И до закрепления наших побед он сменил гостиничную кровать на койку в тюремной больнице. Изъятые документы и оружие напугали КОЧ и заставили его с большей осмотрительностью относиться к своим соседям по «Ривьере».

В своих воспоминаниях И. Б. Шевцов упоминает о визитах в КОЧ представителей английского командования при штабе Деникина. Поэтому я хотел бы добавить лишь некоторые детали.

Мы знали, что в новороссийской тюрьме томится немало политических заключенных, предвидели скорое бегство белых и опасались, как бы деникинцы не учинили напоследок зверской расправы. Но и у нас к этому времени сочинская тюрьма уже не вмещала всех арестованных. Пришлось оборудовать на пустовавшей даче некоего Солдатенко лагерь для военнопленных офицеров.

Посоветовавшись с членами нашей группы о возможности обмена военнопленными, я и В. Топкин направились

в «Ривьеру», куда прибыл для переговоров с КОЧ генерал Коттон. Уверенные в успехе, мы горячо обсуждали по дороге техническую сторону группового обмена. Больше всего нас тревожила возможность тайного уничтожения белогвардейской контрразведкой наиболее активных деятелей партийного подполья и партизанского движения.

Коттон, раздосадованный известием о взятии нашими войсками Туапсе, находился в крайне взвинченном состоянии и собирался отбыть в Новороссийск. Выслушав нас стоя, генерал надменно ответил, что наше предложение не может быть осуществлено.

— Почему?

— Никаких объяснений, — бросил он переводчику.

Видимо, в Новороссийске этот вопрос уже обсуждался и получил отрицательное решение. То ли широко известные деникинцам приказы командования Красной Армии, гарантировавшие неприкосновенность пленных, снимали тревогу за жизнь содержащихся у нас офицеров, то ли генерал Киз, рассказывая в ставке Деникина о своей поездке к партизанам, дал такую уничтожающую характеристику пленным белогвардейцам, что получать таких «воjak» в обмен на активных и мужественных бойцов за Советскую власть было, разумеется, им невыгодно. А может быть, уже заранее было ясно, что и без этого «пополнения» в Новороссийске не хватит транспортов для эвакуации остатков разгромленных полков.

Мы дали понять Коттону, что судьба пленных офицеров непосредственно зависит от судьбы политических заключенных в Новороссийске. Генерал неопределенно пожал плечами. На этом наш разговор окончился.

...Взятие Туапсе означало выход наших войск на большую арену. Разбит и пленен Черноморский стрелковый полк со всеми складами, обозами, прекрасной артиллерией, открыта дорога на Кубань и в сторону Новороссийска, нет больше барьера, отделявшего нас от партизанской армии, которой командовал товарищ Моренец в районе Джубга, Геледзжик.

Одержанная победа давала нам новые возможности для скорейшего выполнения задания партии. Туапсе представлял собой значительно большую пролетарскую базу, чем Сочи. Связавшись с партизанской армией, во главе которой открыто стояли коммунисты, командированные

партийными организациями Ростова, Новороссийска и Екатеринодара, мы в ближайшее время могли добиться советизации всех вооруженных сил Черноморья. Кроме того, выход на новые рубежи еще больше отдалял КОЧ от фронтовых частей.

Авторитет же этого сочинского «правительства» и без того падал с каждым днем. Наши войска взяли Туапсе без ведома Комитета освобождения Черноморья, и победа эта еще раз подчеркивала эфемерность его существования. Большая часть нашей действующей армии состояла после занятия Сочи из перебежчиков и пленных, которым совершенно чуждой была идея создания «независимой» Кубано-Черноморской республики. Дело дошло до того, что назначения, не получавшие нашего негласного одобрения, оставались на бумаге. Так, пришлось вернуться в Сочи члену КОЧ Григорию Учадзе, которого там назначили командующим фронтом туапсинского направления: на фронте никто к нему ни с какими докладами не приходил, ни с какими вопросами не обращался, распоряжения его во внимание не принимались, все шло своим чередом, как будто его вообще не существовало.

Наличие коммунистов в армии крестьянского ополчения и усиление в ней советских настроений не было секретом для КОЧ. Он сознавал грозившую ему опасность, но сделать уже ничего не мог. То, что еще недавно представлялось комитету легко осуществимым — использование антиденикинских устремлений Кубани для договоренности о создании «независимой» Кубано-Черноморской республики, обернулось миражом: антиденикинские настроения казачьих областей не достигли того предела, который был необходим для взрыва, а антисоциалистические тенденции буржуазной рады помешали ей договориться даже с такой псевдосоциалистической организацией, как эсеро-меньшевистский КОЧ.

Мы все сознавали, что вступаем в критический этап борьбы за выполнение задания партии, и с жаром обсуждали новые, более сложные и ответственные задачи, которые вставали перед революционно-следственной комиссией.

Из Туапсе меня торопили: приезжай скорей, тут непочатый край работы. Чтобы не оголять сочинскую комиссию, пришлось оставить здесь местных товарищей: С. Выхристюка, М. Трусова, А. Яичникова и некоторых

других. В Туапсе вместе со мной уехали Тошкин, Дмитриев, Покровский, Мясников и еще несколько человек.

Прибыв на место, мы обсудили в нашей группе новые задачи, стоявшие перед ревследкомом, и новые условия работы. Над нами не довлела теперь опека комитета, и мы могли действовать открыто, руководствуясь партийными указаниями, революционной целесообразностью и деловой необходимостью. Приближалось время разрыва с КОЧ и объединения всех повстанческих сил под большевистским руководством. КОЧ предпримет, конечно, защитные меры для спасения своего авторитета и положения. Поэтому надо было обдумать, как упредить действия комитетчиков. Кроме того, повседневная работа ревследкома становилась несравненно масштабней: под стражей у нас находились полтысячи офицеров и немало гражданских лиц; освобождена уже территория почти всего побережья; армия крестьянского ополчения достигла шести тысяч человек и далеко еще не полностью освоена; наспех сформированная милиция не могла справиться с наведением порядка в городе. Вот почему надо было повсюду поспеть, все знать, быть ко всему готовыми.

Партийная организация, вышедшая из подполья, провела конференцию членов партии и сочувствующих. Руководитель ее, кадровый рабочий Иван Бугай (Кондачков), отлично знал обстановку в Туапсе. Члены партийного комитета Михаил Воронков и Марк Пратусевич находились в отрядах повстанцев, и мы в своей работе постоянно опирались на их практические советы. Помогали нам деловыми указаниями председатель профсоюза металлистов Васильев и его товарищи.

Туапсинская тюрьма была забита к нашему приезду пленными офицерами и арестованными гражданами. Разобраться с ними и разгрузить тюрьму стало одним из первоочередных дел. Мы учитывали и близость фронта, и то, что каждый день может дать новый контингент пленных, которых некуда будет разместить. Решили рассортировать всех на три категории. В первую вошли контрразведчики и участники карательных экспедиций; их судьба была определена и поэтому требовала особой тщательности при разборе дела. Во вторую — офицеры, против которых не было дополнительных обвинений; этих предполагалось перевести в сочинский лагерь военнопленных. И третью,

наиболее безопасную категорию, ждал переезд в Сочи и освобождение в тылу.

Народная ненависть к деникинскому разгулу вызвала широкий поток заявлений и свидетельских показаний против наиболее активных белогвардейцев. Мы столкнулись здесь со злобным, жестоким и распущенным офицерством, не похожим на тех тыловигов, которые сами шли в Сочи регистрироваться в нашу комендатуру.

Существенную помощь следствию при распределении на категории оказал один из пленных, по национальности грузин, служивший в белых частях по мобилизации. За него поручился Мико Ломджария, тот самый, что участвовал с нами в десантной группе в начале военных действий, а затем сотрудничал в ревследкоме. Я вызвал этого офицера к себе, и он не без колебаний согласился дать исчерпывающие характеристики пленным, которых я буду допрашивать при нем.

Примерно через неделю эта работа была закончена. Шестнадцать контрразведчиков и карателей поплатились жизнью за свои зверства. В отношении некоторых лиц, отнесенных предварительно к первой категории, не хватало материала для окончательного решения, и их оставили ждать своей участи под стражей в Туапсе. Большую группу готовили для этапа в Сочи.

Много хлопот было и с арестованными «гражданскими». Почти все они оказались пассажирами поездов, которые в день взятия Туапсе шли из Армавира. Их задержал батальон Сафонова на станции Георгиевская. Некоторые — жители Кубани и Черноморского побережья — ехали по своим семейным делам, другие — дальние путники, — естественно, вызывали подозрение.

В эти же дни произошел трагический случай, напомнивший нам, с какой тщательностью и осмотрительностью надо подбирать кадры.

Ко мне подошел один из официальных представителей грузинской армии, которого я знал еще в Сочи, и по секрету сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, в Туапсе существует подпольное отделение так называемого «алексеевского комитета». В задачи белогвардейской организации «имени генерала Алексеева» входило снабжение добровольцев документами, денежными средствами, шпионскими сведениями и т. п. Двое из этого «комитета» скрывались под видом торговцев рыбой, третий сапожни-

чал, четвертый портняжил. Подозрение в помощи «комитету» падало и на известного в городе врача Баллонова.

Четыре члена ревследкома и комендант комиссии Веретенников, заводской парень, только что принятый к нам на работу, были направлены ответственными на обыск. У подозреваемых лиц нашли письма, адресованные деникинцам, и офицерские вещи. Пришлось арестовать этих людей и повести следствие.

Вечернее заседание комиссии прервал телефонный звонок начальника милиции:

— Вам известно что-нибудь о грабеже в доме доктора Баллонова?

Оказывается, сын доктора, гимназист, пришел в милицию с заявлением о похищении во время обыска денег и драгоценностей из хранившейся на чердаке корзины. Решение было суровым: участников обыска, уличенных в мародерстве, — расстрелять...

Эта крайняя мера была обнародована и подействовала на легких любителей паживы: ревследком расстреливает даже своих, если они того заслуживают.

К нам пытались проникнуть не только уголовные элементы. Как-то в ревследком пришел человек лет двадцати пяти, оборванный, с отечным лицом, и предъявил справку, выданную еще при белых начальником туапсинской тюрьмы. В ней значилось, что корнет Александр Шевченко в течение года содержался под стражей по подозрению в большевизме. Он пришел предложить свои услуги по розыску укрывающихся белогвардейцев.

К счастью, этого типа опознали железнодорожники и портовики, помогавшие нам в текущей работе. Оказалось, что «корнет» называл себя то поручиком, то мичманом, служил при деникинцах, известен как завязанный хулиган. Очевидно, он так компрометировал власть, что даже выдавшие виды беляки посадили его, резонно решив, что его служба у них ничего, кроме вреда, не принесет. Пришлось и нам применить к нему ту же «меру пресечения».

Одним из самых «интересных» и перспективных с точки зрения следствия арестованных был штаб-ротмистр Арнольд, успевший улизнуть от нас из Сочи, но пойманный в Туапсе. Его подпись: «Нач. контрразведывательного отделения при штабе Черноморского Военного Губернатора, г. Сочи» — скрепляла немало документов об аресте

стованных, содержащихся в период денкинцины в сочинской окружной тюрьме. Арнольд многое знал...

Среднего роста, упитанный и нарядный брюнет с выразительными темными глазами, он во время допроса с вежливой улыбкой смотрел мне прямо в глаза. «Понимает, негодяй, что пужен нам живой», — думал я, рассматривая этого матерого врага. А он спокойно, точно речь шла о чем-то несущественном и само собой разумеющемся, говорил, что охотно даст все необходимые нам сведения, только затрудняется сделать это сейчас по памяти, боится напутать, ввести нас в заблуждение, так как сам непосредственного отношения к агентурной сети не имел, а помощник, ведавший ею, скрылся.

Следствие было долгим и трудным. Оно вело к сочинской контрразведке врага. Туда вместе с подследственным пришлось выехать Мпхо Ломджария. Дело еще не закончилось, когда лавина кубанских полков, отступавших под натиском регулярных частей Красной Армии, прорвала на Гойтхском перевале наш фронт и временно заняла Туапсе и Сочи. Арнольду и некоторым другим арестованным, ждавшим своей участи, посчастливилось избежать заслуженной кары...

9 марта мы выстроили человек сто пленных офицеров, чтобы этапировать их в Сочи. Вместе с конвойными колонну решил сопровождать и я. Мы тронулись в путь и вскоре заметили, как, оставляя за собой черную полосу дыма, в порт стремительно приближался белогвардейский миноносец.

— «Поспешный», — определил один из наших знатоков флота. — Сейчас откроет огонь.

Миноносец и в самом деле начал стрельбу. Я кинулся к береговой батарее, которая не сразу ответила «Поспешному». Но вот подбежали артиллеристы, и завязалась дуэль.

Одним из первых снарядов противника разнесло в щепы какой-то сарай, стоявший у нас на виду. Беда угрожала вагопам с боеприпасами, что стояли на запасном железнодорожном пути. К счастью, снаряды, разорвавшиеся на Сортировочной, упали в стороне.

Наконец, огонь нашей батареи отогнал миноносец в открытое море. Три туапсинца и два солдата серьезно пострадали, один человек был убит. Мы ожидали повторения бомбардировки, но «Поспешный» больше не появлялся.

На следующее утро пленных погрузили в вагоны. Кроме офицеров, направляемых в сочинский лагерь военнопленных, в поезде находился и хорошо известный партизанам полковник Петров. Это под его началом за полгода до восстания свирепствовала карательная экспедиция в горном селении Третья Рота. Один из партизан того района, участвовавший в освобождении Туапсе, Сергей Волковинский, узнал Петрова и сообщил о нем командиру Волковского партизанского отряда В. Балонкину. На станции Лазаревская полковника передали из нашего состава конвою местного партизанского отряда, который доставил карателя на место его кровавых преступлений. Там он и был казнен.

К вечеру наш этап прибыл в Сочи, и мы сдали офицеров в лагерь военнопленных. Покончив с делами, я зашел в «Ривьеру», чтобы спросить Самарина-Филипповского о его дальнейших действиях. Он был очень растерян и ничего определенного не сказал. А растеряться было отчего.

На днях кружным путем, через Сочи в Туапсе, проехали товарищи, специально командированные в район восстания из регулярной Красной Армии — Л. Ивницкий и П. Соркин. КОЧ знает об этом. Местная группа коммунистов успела наладить постоянную связь с сухумской организацией. КОЧ видит это. В открытую проводятся партийные собрания, и КОЧ не может воспрепятствовать этому. Командующим армией крестьянского ополчения назначен коммунист Е. С. Казанский, и КОЧ не возражает, так как не в состоянии справиться с армией без нашего руководящего участия. Теперь невозможны такие провокационные вопросы, которые месяц назад задавал мне щеголеватый юрист Тэр-Григорян, член КОЧ:

— Вы знаете, что в Сочи есть большевики? А скажите, что вы думаете предпринять, если коммунисты поведут свою агитацию?

Тогда я принужден был ограничиться ответом, что ревследком создан для борьбы против денкинцев и в межпартийные споры вмешиваться не может. А теперь мне и отвечать ничего не приходилось, потому что всем стало известно, что мой заместитель В. А. Толкин — старый большевик, что в Туапсе нашу работу во многом направляет партийная организация.

Местные большевики А. Яичников, С. Ерофеев, М. Трусов и другие с первых дней ревследкома работают в этой

организации и практически решают многие дела совершенно самостоятельно. Н. Барибан по-прежнему командует комендантским взводом.

Один из активнейших наших друзей, подвижный и находчивый С. Выхристюк, особенно обрадовался нашей встрече. В последнее время он возглавлял небольшую группу смельчаков, оперировавших на море. Они выходили на моторной лодке, контролируя проходившие вдоль берега суда.

Через несколько дней этой группе предстояло отплыть в Потю для захвата денкипского парохода «Казак». Выхристюку с товарищами необходимо было личное оружие, которого у них не хватало, и я охотно помог им. Мы дружески обнялись на прощание. Он обещал привести «Казака» в Туапсе под защиту наших батарей. Но события разметали нас в разные стороны, и история этой операции стала известна мне много позже.

До конца месяца не было подходящих условий для захвата парохода, и только в ночь на 28 марта группа в восемь человек явилась на борт «Казака» и потребовала немедленно сняться с якоря и идти в Туапсе. Команда подчинилась, однако при выходе из ворот бухты пароход попал на мель. Вмешались грузинские власти, появился английский миноносец «Карадок», и в конце концов пароход захватило меньшевистское командование. Старый экипаж списали на берег, а наши товарищи едва ушли...

На следующий день после передачи военнопленных в Туапсе собрался съезд фронтовиков. Он одобрил решение партийного совещания повстанцев о переформировании крестьянского ополчения и партизан в единую повстанческую Красную армию Черноморья по образцу регулярной армии, во главе с Реввоенсоветом.

Меня вызвали к прямому проводу и подробно информировали.

— Поздравляю вас, — передавал Топкин, — вместо ревследкома теперь будет особый отдел армии.

Значит, мы правильно работали, раз все оставлены на своих местах. Права дают большие, но и ответственности прибавляется.

Я заторопился в Туапсе. В особый отдел командировали еще двух заместителей: совсем молодого и безудержно горячего парня Иоффе («гроза спекулянтов», как мы его называли) и более опытного, кстати сказать, не забыв-

шего кандалов царской тюрьмы, Леона Брейтбарта, известного под именем Курбан-оглы. Оба они до этого находились в партизанской армии. Иоффе был особистом, а Курбан-оглы — председателем ревтрибунала.

Через несколько дней после съезда фронтовиков в Туапсе состоялся откровенный разговор руководителей Красной армии Черноморья с приехавшими на эту встречу членами КОЧ. Притязаниям эсеров-меньшевистской компании хотя бы формально руководить событиями положили конец, а идею создания Кубано-Черноморской республики попросту высмеяли.

До сих пор пропагандистская деятельность КОЧ носила главным образом теоретический характер, далекий от политических задач текущего дня. «Бить Деникина!» — было понятно всем, а что будет потом — об этом думали немногие. Теперь же, видя, что почва уходит у них из-под ног, эсеры и меньшевики стали делать судорожные попытки внести разлад в ряды повстанческой армии и начали засылать в батальоны своих эмиссаров с литературой, восхвалявшей «демократические» планы КОЧ. Не теряя надежды договориться с Кубанской радой, они особое внимание уделяли нашему Северному фронту, где сражалось немало местных партизан.

Топкин и Курбан-оглы энергично занялись этим делом, и вскоре передо мной сидели несколько человек таких «представителей» КОЧ. Зажиточные крестьяне приморских сел — знакомые по Сочинскому съезду — делали вид, что не понимают причины ареста.

Открытую войну против КОЧ Реввоенсовет нашей армии вполне резонно считал преждевременной, а репрессии могли вызвать ответную реакцию и ударить по не окрепшей еще сочинской большевистской организации. Плата слишком дорогая, тем более что у нас была полная возможность оградить армию от нежелательных гостей: институт политкомов и уполномоченных особого отдела был тому порукой. Всех этих задержанных попросту выслали из Туапсе, и они вернулись в Сочи...

Пока мои товарищи выясняли все обстоятельства, связанные с привозом враждебной нам литературы, и очищали Туапсе от остатков денкипцев, я проехал по приморскому шоссе в сторону Геленджика. Повстанцы этого района с самого начала гражданской войны действовали под руководством коммунистов. Когда я рассказывал комфронта

Моренцу и политкому Бакулину о группе, задержанной на Северном фронте, они, дополнительно к нашим мерам, поставили заставу со стороны Туапсе, чтобы ни один посторонний человек к ним не проник.

Однако КОЧ не отказался от борьбы. На совещании с руководителями Красной армии Черноморья он принужден был согласиться на организацию местных Советов, на созыв губернского съезда Советов и избрание на нем губисполкома, которому предстояло «вручить всю полноту власти». Пытаясь спасти свое положение, КОЧ попробовал надеть на себя личину сторонника Советской власти, активно участвовать в организации съезда, обмануть этим трудящихся побережья, привлечь их симпатии на свою сторону и в то же время максимально использовать свое влияние на зажиточную часть черноморского крестьянства. Расчет был столь же прост, сколь и наивен: завоевать большинство на съезде и остаться у власти.

Одной из попыток, предпринятых в этом направлении, была рассылка по районам телеграммы за подписью члена КОЧ Драчевского. В ней сообщалось, что губернский съезд Советов назначается «согласно постановлению членов КОЧ».

Этот маневр КОЧ был, конечно, сразу же понят и разоблачен нашим политотделом. В ответ было послано указание: «Ничьи распоряжения о съезде Советов Черноморской губернии не действительны, кроме распоряжений Реввоенсовета или политотдела при Реввоенсовете». Кстати, это произошло буквально накануне соединения повстанцев с частями регулярной Красной Армии. Поэтому телеграмма Реввоенсовета и начиналась радостными словами: «Бьет долгожданный час, наши войска в десяти верстах от победоносной Красной Армии Советской России».

И действительно, уже на следующий день, 22 марта, отряд И. Б. Шенцова соединился в Майкопе с Первой Конной армией. А на следующий день части нашего Приморского фронта связались у станции Афицкая с первой бригадой 22-й дивизии 9-й армии. Затем части 50-й дивизии вышли через перевал к Джубге.

Этому предшествовало значительное продвижение наших войск в глубь Кубани и вдоль побережья. После основательной подготовки в упорном бою 15 марта был освобожден Геленджик, в районе Кабардинки захвачены бро-

невики и орудия; под удар поставлен этот последний (перед Новороссийском) опорный пункт деникинцев.

...Я ехал на перекладных вместе со своим старым боевым товарищем по московской Красной гвардии И. И. Базыльчуком. До революции он учился в туапсинском Барваринском сельскохозяйственном училище, участвовал в нелегальной деятельности местной партийной организации, хорошо знал побережье и здешних людей. Во время деникинщины был начальником небольшого партизанского отряда в районе Пшада, Береговая. Мы встретились с ним в первые же дни освобождения Туапсе и снова стали неразлучны.

На подъезде к Геленджику — это было 19 марта — уже слышались далекие звуки боя. К вечеру они стали приближаться к городу, и ночью на Геленджик напали белые. Бой шел с переменным успехом, и временами положение становилось угрожающим.

Штаб фронта помещался в двухэтажном каменном доме. Широкое обветренное лицо Моренца с крупными, грубоватыми чертами застыло в крайнем напряжении. Он торпеливо выслушивал мнение товарищей, собравшихся на совещание, потом, помедлив, не спеша отдавал приказания. По тому, как на него смотрели командиры, по тому, как они охотно и деловито отправлялись исполнять его приказы, было видно — верят в него безоголдно.

Он вводил в бой новые части скупой, явно экономя силы и придерживая резервы. Точных данных о противнике не было, и в ту ночь все одобряли такую тактику, рассчитывая, что в случае крайней нужды к нам всегда смогут прийти на выручку свежие силы.

Часам к трем утра в штаб ворвался взлохмаченный молодой боец. Все повернулись к дверям. Еле отдышавшись, он прокричал:

— Товарищ Илья! Прорвали... отступаем...

Очевидно, Моренец знал этого бойца и то, из какой он части, и в каком направлении эта часть может отступать... Он обвел взглядом присутствующих и остановился на одном. Сказал негромко, с оттенком досады (вот, мол, из-за чьего-то недосмотра приходится отрывать человека от обсуждения более важных дел):

— Пашет, иди, восстанови положение.

Из-за стола устало поднялся невысокий военный и тяжело шагнул к двери.

Совещание продолжалось. Прошло больше часа. Стрельба по-прежнему то приближалась, то удалялась, и наконец затихла.

Вернулся Паплет. Несколько пуговиц на шинели не хватало, рукав разорван, полы в грязи.

— Положение восстановлено, — произнес он и сел на свое место у стола.

Моренец внимательно поглядел ему в глаза и кивнул.

Днем наступление деникинцев возобновилось. Закончив дела во фронтовом пункте особого отдела, я заглянул в штаб. Во дворе стояло несколько подвод, и штабные канцеляристы поспешно укладывали на них пишущие машинки, папки, связки документов. Моренца не было.

— Что такое?

— Эвакуируемся... — нехотя ответил мне штабной писарь, с опаской поглядывая в сторону разгоревшейся перестрелки, в которую гулко вкрапливались артиллерийские разрывы.

Через несколько минут все штабисты сидели на своих местах, и от этой самочинной эвакуации не осталось и воспоминания. К вечеру противник был окончательно отбит и снова занял оборону под Кабардинкой.

Деникинцы не ограничивались попытками сдержать наше наступление, преграждая нам путь стрелковыми частями. Их поддерживала с моря артиллерия того же миноносца «Поспешный», который обстреливал Туапсе.

В Геленджике у нас не было калибров больших, чем полевая трехдюймовка, и «Поспешный», бросив якорь в середине геленджикской бухты, безнаказанно посылал снаряды на наши головы. Повятно, что подобный обстрел не мог причинить ущерба воинским подразделениям и велся в расчете вызвать панику. Был обстрелян, в частности, штаб, над домом которого развевался красный флаг. Как раз в это время Моренец принимал донесения командиров частей. Кто-то заводился, бросился к окнам.

— Спокойно! — остановил их Моренец. — Стреляют по штабу, значит, разнесут соседние дома. Прошу по местам. Заседание продолжается.

И действительно, ни один снаряд в штаб не попал.

Наладив пункты особого отдела, мы вернулись в Туапсе. Здесь подходило к концу следствие по последней группе пленных и задержанных офицеров. С Северного фронта поступали обнадеживающие сообщения о новых успехах,

о развитии повстанческого движения в стапцах Кубани, о стремительном продвижении регулярной Красной Армии.

И вдруг... катастрофа. Под стапцей Хадзыженская потерпел крушение обстрелянный белыми наш эшелон. Многотысячная Кубанская армия, отступая под натиском Первой Конной, устремилась на Гойтхский перевал, чтобы выйти к морю. Наши силы явно не могло хватить на то, чтобы сдержать такую лавину. Реввоенсовет принял решение оставить Туапсе и отвести все части в район Небуга.

В ночь на 24 марта город эвакуировался. Реввоенсовет, штаб армии, политотдел и особый отдел переехали на катере в Джубгу. Батальоны и вновь сформированный отряд коммунистов пошли строем по шоссе. Мне пришлось проститься со своим боевым другом Гришей Дмитриевым, снова вернувшимся к пулемету. Вскоре Гриня перешел в части 9-й армии и сражался в 50-й и 34-й дивизиях вплоть до полного разгрома белых на Кубани. 3 сентября 1920 года в бою против белых банд генерала Фостикова он был ранен в живот, но не оставил пулемета и вел огонь по противнику до подхода нашего подкрепления. Его мужество и отвага были отмечены орденом Красного Знамени.

Через несколько дней в Геленджике мне довелось последний раз видеть активных белогвардейцев и решать их судьбу.

Накануне освобождения Новороссийска поздно вечером меня вызвали в штаб фронта.

— Поедем в Кабардинку забирать донцов, — предложил мне Моренец.

Оказывается, у него были сведения о том, что остатки Донского корпуса сгруппировались в Кабардинке и, потеряв надежду на эвакуацию морем, намерены идти по шоссе в сторону Грузии.

Моренец, Бакулин и я подъехали к сторожевому посту донцов как парламентарии и были проведены в дом, занятый командованием этой части.

Офицеры лежали на полу и на лавках, одетые, с поднятыми воротниками шинелей. Моренец с первых же слов рассеял их надежды уйти по побережью с оружием в руках.

— Вот что, — сказал он, — к шести часам утра все оружие вашей части будет сложено вон в той балке у въезда в Кабардинку. Иначе в плен брать не будем!

— То есть как это не будете?! Вы что, не подчиняе-

тесь своему же командованию? — И донец положил перед нами листовку Кавфронта, в которой говорилось о неприкосновенности пленных.

— Вот именно, что подчиняемся, — парировал Моренец. — Если вы разоружитесь и сдадитесь, то гарантируем вам полную неприкосновенность. А в бою никто нас не заставляет падать противника. Подумайте!

И мы отправились в обратный путь. Весть о нашем ультиматуме мгновенно облетела всех донцов, и уже на полдороге к Геленджикю нас обогнала сдававшаяся донская конница.

Новороссийск был взят 27 марта ударами с нескольких направлений. В его освобождение внесли свою лепту и части повстанческой Красной армии Черноморья.

Моренец, Бакулин и я спешили в город. По шоссе длинным потоком продолжали идти конные части. Из ущелий выезжала группа обезоруженных кавалеристов противника. Опущенные головы, боязливые взгляды исподлобья. Разбитые орудия, опрокинутые зарядные ящики, обозные повозки, трупы людей и лошадей — все затянула жидкая грязь, доходившая нашим коням до колен.

По-над берегом медленно, точно крадучись, проходил английский миноисец. В бинокль хорошо были видны офицеры, разглядывавшие берег...

Мы ехали, тесно зажатые со всех сторон, и вглядывались в радостные лица красноармейцев. Показалась Цемесская бухта. Нежданно дыма и изредка огрызаясь огнем бортовых орудий, с Новороссийского рейда выползали в открытое море незадачливые защитники русской белогвардейщины — военные суда Великобритании.

Это был конец деникинщины.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	5
В. Т. Сухоруков. Во имя революции	22
В. А. Сергеев. В богатырском строю	79
Я. Т. Черевиченко. Схватка у Маньча	108
М. С. Кузнецов. Шла дивизия вперед	114
Г. П. Ломакин. Незабываемые годы	130
И. А. Чуев. За родную власть	140
С. Н. Красильников. От Воронежа до Новороссийска	162
И. Н. Шевченко. Рожденные в пламени	182
В. М. Примаков. Рейды червонных казаков	209
Е. И. Поздняков. Когда бушевали вихри	224
И. С. Стройло. Могучий таран	244
И. Г. Зиберов. Разведчики Первой Конной	261
А. В. Голубев. В Кавказской кавалерийской	281
Б. Н. Кудрин. Авиастряд особого назначения	308
И. Лантух. Повстанцы Левобережной Украины	341
Н. Самурский. Дагестан в огне	349
Ф. Ф. Лыткин. Красные камышинцы	356
И. Б. Шевцов. Черноморская эпопея	362
И. В. Саблин. Из подполья — в бой	382

ПРОТИВ ДЕНИКИНА

Сборник

Редактор *Н. М. Борискин*
 Лит. редактор *Э. П. Зорин*
 Худ. редактор *А. М. Голжова*
 Художник *В. В. Васильев*
 Технический редактор *М. Н. Каленова*
 Корректоры *Л. А. Болдина, Г. В. Саввина*

Г-50336. Сдано в набор 29.2. 68 г. Подписано к печати 25.3.68 г.
 Формат 84 × 108^{1/2} мм. Печ. л. 12^{3/4}. Усл. печ. л. 21,42 + 3 наклейки, печ. л. 2^{1/2}.
 Усл. печ. л. 0,615. Уч.-изд. л. 21,971

Изд. № 3/7623

Бумага типографская № 2
 Цена 84 коп.

Зак. 136

Ордена Трудового Красного Знамени
 Военное издательство Министерства обороны СССР, Москва, К-160
 Г-я типография Воениздата
 Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

П83 Против Деникина. Воспоминания. (Сборник.
Сост. и научный ред. А. П. Алексашенко). М.,
Воениздат, 1969.

408 с. с илл. (Военные мемуары) 50 000 экз. 84 к.

В этот сборник вошли воспоминания видных организаторов и непосредственных участников героической борьбы с контрреволюционными войсками генерала Деникина, пытавшегося с помощью международной реакции огнем и мечом сокрушить молодую Республику Советов. В книге имеется много новых интересных данных о боевой деятельности Южного и Юго-Восточного фронтов, о сложной работе партийного подполья и широком партизанском движении в белогвардейском тылу.

1-12-2-7

73-68

9(с)22

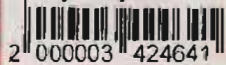
Цена 54 коп.

ПРОТИВ ДЕНИКИНА

ПРОТИВ
ДЕНИКИНА

1.20

Proktiv Denikina

2 000003 424641